
ФРОНТ
БЕЗ ЛИНИИ
ФРОНТА

Из постановления Государственного Комитета Обороны

В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Ввести с 20 октября 1941 г. в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.

2. Воспретить всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспортов, с 12 часов ночи до 5 часов утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска от коменданта г. Москвы, причем в случае об'явления воздушной тревоги передвижение населения и транспортов должно происходить согласно правил, утвержденных московской противовоздушной обороной и опубликованных в печати.

3. Охрану строжайшего порядка в городе и в пригородных районах возложить на коменданта города Москвы генерал-майора т. СИНИЛОВА, для чего в распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, милицию и добровольческие рабочие отряды.

4. Нарушителей порядка немедля привлекать к ответственности с передачей суду Военного Трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Государственный Комитет Обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие.

Москва, Кремль. 19 октября 1941 г.

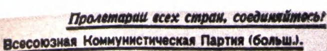
УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения.

Установить, что за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, виновные караются по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль, 6 июля 1941 года.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 192 (8600) | Воскресенье, 13 июля 1941 г. | ЦЕНА 15 КОП.

УНИЧТОЖАТЬ ШПИОНОВ И ДИВЕРСАНТОВ!

Советский народ, поднявшийся на борьбу с фашистскими захватчиками, сплочен, как никогда. Пламенный патриотизм и высокая героика советских людей находят свое яркое выражение не только в боевых подвигах на фронте, но и в тех ...

... ния войны, которыми пользуются фашистские гады.

Все это налагает на советских людей чрезвычайно серьезные обязательства. Жизнь показала, что врагу нелегко обмануть советского патриота. В сообщениях ...

Рекомендация.

Я член ВКП(б) с 1920 года п/б № 2081600, Медведев Дмитрий Николаевич знаю тов. Гнидюка Николая Акимовича с июня м-ца 1942 года по настоящее время.

Тов. Гнидюк в июне м-це 1942 года добровольно пошел во вражеский тыл где, как разведчиком оперативной группы НКГБ СССР проводил большую работу по выполнению особых заданий в глубоком тылу врага и проявил при этом презрение к смерти и бесстрашие.

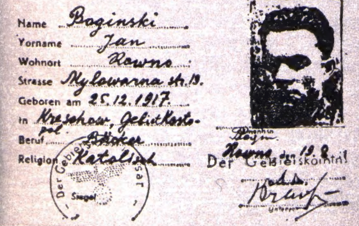
За образцовое выполнение боевых заданий в глубоком вражеском тылу тов. Гнидюк Н. А. награжден орденом Красной Звезды, медалью „Партизану Отечественной войны" 1-й степени и представлен к награждению орденом Отечественной войны 2-й степени.

Рекомендую принять тов. Гнидюка Н. в действительные члены ВКП(б) и не сомневаюсь в том, что высокое звание члена великой партии Ленина он с честью оправдает как на работе и в бою.

Член ВКП(б) с 1920 года п/б № 2081600

11/V-1944 г.

г. Москва

VORLÄUFIGER AUSWEIS

Name Boginski

Vorname Jan

Wohnort Kowno

Strasse Mylowarna str. 13

Geboren am 25.12.1917

in Krzeshow, Gebiet Kostopol

Beruf Bäcker

Religion Katolisch

Siegel

Kowno den 19.8.

Der Gebietskommissar

ФРОНТ БЕЗ ЛИНИИ ФРОНТА

АВТОРЫ:

С. БЕЛЬЧЕНКО
М. ОРЛОВ
В. ДРОЗДОВ
А. ЕВСЕЕВ
А. КУВАРЗИН
А. БЕРЕЖНЫХ
В. ЗАСУХИН
В. АЛЕНЦЕВ
А. ВОРОНИН
Н. МИХАЙЛАШЕВ
К. ФИРСАНОВ
Н. ГНИДЮК
С. АНАНЬИН
С. СТРЕЛЬЦОВ
В. ЩИПКОВ
А. ЛУКИН
Д. СМИРНОВ
А. БЕЛЯЕВ
Б. СЫРОМЯТНИКОВ
В. УГРИНОВИЧ
Н. СОКОЛЕНКО
П. ЛАСТОЧКИН
И. КЛИМЕНКО

Составитель
И. ПОЛИКАРЕНКО

Московский рабочий · 1975

9(С)27
Ф 91

Ф 91 **Фронт без линии фронта.** Изд. 2-е М., «Моск. рабочий», 1975.

464 с. и 2 л. ил.

На разных участках невидимых фронтов Великой Отечественной войны сражались герои этой книги. Они боролись с подрывной деятельностью гитлеровской разведки на фронте, обезвреживали вражеских шпионов и диверсантов в тылу, раскрывали коварные замыслы врага.

О самоотверженном труде советских чекистов, их борьбе с вражеской агентурой на фронте и в тылу рассказывают в своих воспоминаниях работники органов государственной безопасности. Многие из них сами участвовали в описываемых событиях.

Ф $\frac{10604\text{-}232}{М172(03)\text{-}75}$ 36-75 9(С)27

ПРЕДИСЛОВИЕ

22 июня 1941 года гигантская военная машина фашистской Германии была вероломно двинута на нашу страну.

Готовясь к войне против СССР, заправилы фашистской Германии привели в действие весь сложный разведывательный и карательный механизм: службу безопасности (СД), государственную тайную полицию (гестапо), военную разведку (абвер), разведку министерства иностранных дел и др. Все силы и средства разведки гитлеровцы направили на сбор информации о военных возможностях Советского Союза, численности, боеспособности и дислокации вооруженных сил, на создание «пятой колонны», обеспечение внезапности нападения на СССР путем дезинформации и маскировки военных приготовлений.

Главная роль в проведении разведывательно-подрывной деятельности отводилась абверу. На советско-германском фронте по линии абвера была создана широкая сеть новых разведывательных органов: главный штаб «Валли» с подчиненными ему многочисленными разведывательными, диверсионно-террористическими и контрразведывательными абверкомандами; специальный штаб «Россия» для координации деятельности различных ведомств по экономическому шпионажу; разведывательно-диверсионные школы; специальные лагеря, в которых подбиралась и вербовалась агентура. Особую опасность представляли войсковые части абвера — дивизия «Бранденбург-800», полк «Курфюрст», батальоны «Бергман» и «Нахтигаль», солдаты которых были переодеты в форму советских военнослужащих, сотрудников органов государственной безопасности и милиции. Отрядам и группам этих частей ставилась задача проникать в ближайшие тылы действующей Советской Армии, захватывать переправы и важные военные объекты, взрывать коммуникации, сеять панику.

С началом войны фашистская разведка активизировала заброску агентов в войска Советской Армии и в ее тыл. В 1941 году число агентов, заброшенных немецко-фашистской разведкой, возросло по сравнению с 1939 годом в 14 раз.

Надо сказать, что в 1941 году агенты врага сумели добыть некоторые сведения о советских войсках на фронте и о их ближайшем тыле и осуществить ряд диверсионных акций. Так, например, за 14 дней августа 1941 года на Кировской и Октябрьской железных дорогах ими было совершено семь диверсионных актов. Диверсанты

неоднократно нарушали связь между войсковыми штабами Советской Армии.

Однако авантюризм руководства фашистской Германии сказался и на деятельности ее разведки. Ей не удалось выполнить поставленных задач. Гитлеровцы не учли и не могли учесть ни огромных социальных преобразований, происшедших в нашей стране, ни прочности тыла и морально-политического единства советского народа, ни силы и возможностей советских органов государственной безопасности, руководимых Коммунистической партией и закаленных в борьбе с врагами Советского государства.

С началом войны Коммунистическая партия и Советское правительство приняли ряд эффективных мер по перестройке органов государственной безопасности применительно к условиям военного времени.

Советские органы разведки и контрразведки, перестраивая работу на военный лад, сосредоточили свою деятельность в основном на трех направлениях: на борьбе с подрывной деятельностью немецко-фашистской разведки на фронте, на выявлении и ликвидации вражеских шпионов и диверсантов в тыловых районах Советского Союза, на проведении разведывательно-подрывной деятельности в тылу врага.

Розыск вражеских лазутчиков и их обезвреживание явились одной из основных задач военной контрразведки и территориальных органов государственной безопасности. В этих целях использовались такие меры, как организация системы заградительной службы на линии фронта и в прифронтовой полосе, создание оперативных поисковых и розыскных групп, привлечение к работе по выявлению агентов противника военнослужащих и гражданского населения и ряд других мероприятий. Выявлению вражеских агентов способствовали тщательная проверка документов и выяснение обстоятельств нахождения советских граждан в окружении или в плену, использование показаний разоблаченных или явившихся с повинной агентов, прочесывание мест, в которые могла быть произведена заброска парашютистов. Как правило, агентов противника разоблачали до того, как они приступали к выполнению полученного задания.

Для борьбы с вражескими парашютистами были организованы истребительные батальоны, действовавшие под оперативным руководством органов государственной безопасности. Истребительные батальоны и войска НКВД задержали или уничтожили тысячи вражеских парашютистов, шпионов и диверсантов.

Органы военной контрразведки провели большую работу по дезинформации противника, введению его в заблуждение относительно военных планов советского командования. Это вносило дезорганизацию в действия противника, заставляло фашистское командование тратить впустую много энергии и средств.

Советские чекисты участвовали непосредственно в боевых действиях. Неувядаемой славой покрыли себя герои-пограничники, принявшие первые удары врага. Воины-чекисты принимали непосредственное участие в обороне городов-героев Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Киева, Одессы и Севастополя. На подступах к Москве вели бой с рвавшимся к столице противником чекисты дивизии войск НКВД имени Ф. Э. Дзержинского. Навсегда останется в памяти народа героизм 22 чекистов-лыжников из Отдельной мотострелковой брига-

ды особого назначения НКВД СССР, проявленный в бою за деревню Хлуднево.

В боях за Севастополь мужественно сражался сводный полк НКВД. В июле 1942 года при обеспечении эвакуации Севастополя почти весь личный состав полка погиб. Героические дела павших чекистов увековечены в мраморе. На стене старой крепости в районе Балаклавы мемориальная доска: «Здесь насмерть сражался пограничный полк войск НКВД против фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов».

К концу 1941 года стало очевидным, что немецко-фашистский план блицкрига с треском провалился. Советская Армия наращивала свои силы. Промышленность и сельское хозяйство, перестроившиеся на военный лад, стали все полнее обеспечивать потребность действующей армии. В тылу врага ширилось партизанское движение.

Ввиду складывающейся перспективы затяжной войны немецко-фашистская разведка задалась целью разведать глубокий тыл нашей страны, расширить районы диверсионной, террористической и иной подрывной деятельности. В связи с этим количество шпионов и диверсантов, заброшенных на советскую территорию в 1942 году, увеличилось по сравнению с 1941 годом более чем в два раза. Еще более усилилась деятельность немецко-фашистской разведки в 1943 году. Количество заброшенных вражеских агентов увеличилось по сравнению с 1942 годом почти в полтора раза. Всего в 1943 году на советско-германском фронте действовало более 130 разведывательных органов противника и более 60 специальных школ по подготовке агентуры.

Органы государственной безопасности усилили свою работу по обеспечению безопасности оборонных, промышленных объектов, железнодорожного и водного транспорта, по розыску и обезвреживанию агентов противника. Только на транспорте было задержано 256 агентов-парашютистов, ликвидировано 266 шпионско-диверсионных резидентур противника. Большую помощь чекистам оказывали органы милиции, истребительные батальоны, а также партийный актив, советские граждане.

Как и в прифронтовой полосе, органы государственной безопасности в советском тылу широко применяли методы введения противника в заблуждение. С помощью дезинформационных мероприятий чекисты скрывали от противника подготовку крупных войсковых операций, переброску войск, подвоз техники, перехватывали каналы связи противника с его агентурой, заманивали ее в ловушки.

Со второй половины 1943 года, когда стало ясно, что фашистская Германия проиграла войну, разведывательные и контрразведывательные органы противника начали готовиться к ведению подпольной борьбы. На занятой гитлеровцами советской территории и на территории самой Германии стали формироваться подпольные силы для ведения подрывной деятельности, закладываться тайники с оружием, средствами связи и продовольствием. Фашисты готовились развернуть здесь при вступлении советских войск диверсионную и террористическую войну в широких масштабах. В результате этого на территории, освобождаемой Советской Армией, особенно в областях Западной Украины и в Прибалтийских республиках, оказалось большое количество вражеских агентов, различных подпольных организаций, а также предателей и изменников Родины.

Окопавшиеся враги пытались дезорганизовать советский тыл, по-

мешать восстановлению Советской власти в освобождаемых районах. Свою ненависть они направляли на представителей нашей армии, партийный и советский актив, рядовых колхозников и рабочих.

Однако ставка главарей гитлеровского рейха на подпольные действия оказалась несостоятельной.

В борьбе с агентурой немецко-фашистской разведки, буржуазными националистами, предателями и изменниками Родины неоценимую помощь органам государственной безопасности оказывали советские люди, проживавшие на временно оккупированной врагом территории. Коммунисты и комсомольцы, находившиеся в подполье, партизаны, советские патриоты зорко следили за врагом, брали на учет всех, кто занимался карательной деятельностью, прислужничал оккупантам. Используя информацию, полученную от советских людей, органы государственной безопасности быстро находили и обезвреживали вражеских агентов, как бы искусно они ни маскировались.

Были сорваны и планы проведения в крупных масштабах подпольной борьбы против советских войск на территории Германии.

Свою скромную лепту в победу советского народа над фашистскими захватчиками внесли чекисты, действовавшие в тылу врага.

С началом войны органы советской разведки развернули работу по сбору информации о противнике (его планах, силах и средствах); по осуществлению диверсионных актов с целью вывода из строя военных объектов, техники и живой силы противника; по сбору информации о разведывательных органах и школах фашистской Германии, их агентуре; по разложению различного рода войсковых формирований, созданных из военнопленных и принудительно мобилизованных граждан оккупированных районов.

Органы государственной безопасности проделали титаническую работу по завоеванию и закреплению разведывательных позиций в тылу врага. За линией фронта действовали тысячи чекистов. От них регулярно поступала ценнейшая разведывательная информация военного и политического характера. Так, сведения, полученные от советских разведчиков летом 1943 года, помогли командованию Советской Армии своевременно узнать о планах наступления гитлеровцев на Орловско-Курской дуге и подготовить контрнаступление.

Большое значение для борьбы с немецко-фашистской агентурой имело проникновение советских разведчиков в разведывательные и контрразведывательные органы и школы врага. Только на территории Белоруссии чекисты выявили 22 разведывательно-диверсионные школы абвера, 36 резидентур и несколько тысяч агентов. Благодаря этому деятельность отдельных разведывательных школ противника была настолько парализована, что их пришлось закрыть.

Большую роль в разведывательной и диверсионной деятельности в тылу врага сыграли оперативные группы органов государственной безопасности, которые создавались под непосредственным руководством партийных и комсомольских органов. Через своих разведчиков, внедрившихся в разведывательные центры и школы противника, оперативные группы собирали сведения о фашистской разведке, агентуре, методах их подрывной деятельности. В течение 1943 года оперативные группы передали органам военной контрразведки сведения более чем о 1260 агентах, переброшенных противником в соединения действующей Советской Армии для проведения разведывательной и подрывной деятельности.

Оперативные группы действовали в тесном контакте с военным командованием. Они осуществляли диверсии на путях сообщения противника: пускали под откос поезда с войсками, горючим и боеприпасами; дезорганизовали работу тыла противника, что содействовало боевым действиям советских войск. Например, в первых числах мая 1942 года группа подрывников из оперативного отряда «Неуловимые» уничтожила крупную нефтебазу противника, снабжавшую горючим немецко-фашистские войска на Калининском фронте. В результате этой смелой операции снабжение горючим вражеских войск на Калининском фронте было нарушено.

Оперативные группы в тылу врага проводили значительную работу по ограждению партизанских формирований от проникновения вражеских агентов, по разложению антисоветских воинских формирований, вели борьбу с подрывной деятельностью организаций буржуазных националистов.

Выполняя директивы партии и правительства, чекисты оказывали всемерную помощь республиканским, областным и районным комитетам партии в организации боевой деятельности партизанских отрядов и соединений на временно оккупированной территории страны. Так, с помощью действовавшей на территории Белоруссии оперативной группы «Местные» под командованием С. А. Ваупшасова было организовано 10 партизанских отрядов, которые затем выросли в партизанские бригады. За время боевой деятельности этого партизанского соединения в семи районах Белоруссии была восстановлена Советская власть. Партизаны пустили под откос 186 эшелонов с живой силой и техникой врага, уничтожили 32 цистерны с горючим, 11 автомашин, 69 танков, 28 орудий, 6 бронемашин. Они разгромили 16 полицейских участков, 31 волостную и одну городскую управу.

Оперативные группы органов государственной безопасности проводили большую работу и в оккупированных немецко-фашистскими войсками странах — Польше, Чехословакии, Австрии, а также на территории самой Германии.

На территории Чехословакии действовало около 30 оперативно-чекистских групп, которые взрывали коммуникации, средства связи и военные объекты гитлеровцев, освободили из плена много советских людей, а в 1944—1945 годах поддержали Словацкое и Пражское народные восстания.

Действуя в тылу врага, чекисты показывали пример стойкости, мужества и отваги. Против партизанского отряда под командованием капитана государственной безопасности В. А. Молодцова, обосновавшегося в катакомбах оккупированной Одессы, гитлеровцы бросили большие силы, применяли газы, отравляли воду в колодцах, замуровывали выходы из катакомб. Несмотря на невероятные трудности, отряд в течение семи месяцев 1941—1942 годов вел активные боевые действия против врага. Он собирал и передавал в Москву ценную разведывательную информацию, отвлекал на себя значительные силы противника, нанося ему большой урон.

За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм Молодцову Владимиру Александровичу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Легендарные подвиги на фронте тайной войны совершил Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов. Выполняя задания

Родины в составе оперативной группы «Победители», которой командовал Д. Н. Медведев, Н. И. Кузнецов достиг исключительных результатов Он уничтожил главного фашистского судью на Украине Функа, заместителя гаулейтера Украины генерала Кнута, вице-губернатора Галиции Бауэра, видного нацистского чиновника Шнайдера, совершил покушение на Даргеля — заместителя имперского комиссара Украины Коха по политическим делам. С помощью партизан Н. И. Кузнецов похитил командующего фашистскими особыми войсками на Украине генерала Ильгена Разведывательные сведения, добытые Кузнецовым, получили высокую оценку советского Верховного командования. Героическая жизнь Н. И. Кузнецова трагически оборвалась весной 1944 года.

Беспредельную преданность советской Родине, самоотверженность и высокие моральные качества проявили в тылу врага чекисты Герои Советского Союза Д. Н. Медведев, С. А. Ваупшасов, К. П. Орловский, Е. И Мирковский, Ф. Ф. Озмитель, Б. Л. Галушкин, А. И. Рабцевич, В. А. Лягин и многие другие.

Великая Отечественная война явилась суровым испытанием для советских органов государственной безопасности. Они выдержали это испытание.

Сила советских органов государственной безопасности заключалась в том, что их деятельностью руководил Центральный Комитет Коммунистической партии, в неразрывной связи с народом. «Не найдя никакой опоры внутри СССР,— писала «Правда» 20 декабря 1947 года,— столкнувшись с единым, сплоченным советским народом и высоким мастерством советских разведчиков, фашистская агентура оказалась бессильной осуществить планы своих хозяев».

В годы войны особенно ярко проявились мужество и бесстрашие советских чекистов, их беззаветная преданность делу Коммунистической партии и всего советского народа. Многие из чекистов пали смертью храбрых на открытых и тайных фронтах Великой Отечественной войны. Память о них сохранится в веках.

М. КАРПУШИН,
доктор юридических наук, профессор.

НА БЕЛОСТОКСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

С. БЕЛЬЧЕНКО

Захватив в 1939 году польские земли, гитлеровские войска вышли на границу с Советским Союзом. Было совершенно очевидно, что гитлеровская Германия готовит плацдарм для нападения на Страну Советов. Оставалось неизвестным одно — когда она решится осуществить этот разбойничий замысел. Фашисты не собирались откладывать надолго свои агрессивные планы. Об этом можно было судить хотя бы по тому, что фашистские разведывательные органы самым активным образом и в широких масштабах проводили агентурную и войсковую наземную и воздушную разведку в нашей пограничной полосе и в глубинных районах.

В этих чрезвычайно сложных условиях наши пограничные войска и приграничные территориальные органы государственной безопасности приступили к охране государственной границы, образовавшейся в результате включения в состав СССР воссоединившихся с советскими республиками Западной Белоруссии и Западной Украины. От пограничников и чекистов требовалось в самое короткое время проделать огромную работу, чтобы выполнить наказ партии и правительства — надежно закрыть границу от любых происков врага.

Решением партийных органов я был назначен заместителем начальника, потом начальником созданного Белостокского областного управления НКВД БССР. Основное внимание уделялось прежде всего положению дел на границе. Областной комитет партии во главе с первым секретарем С. С. Игаевым (в последующем первыми секретарями были Н. В. Киселев и В. Г. Кудряев) контролировал и направлял деятельность органов и войск НКВД по обеспечению государственной безопасности на

территории Белостокской области, столь важной в стратегическом отношении.

Понимая всю сложность складывающейся военно-политической обстановки, партия и правительство принимали необходимые меры, чтобы в максимально сжатые сроки укрепить охрану и оборону наших западных рубежей. Успех дела во многом решался правильным подбором и умелой расстановкой кадров.

Пограничные заставы, комендатуры и отряды укомплектовывались опытными красноармейцами, хорошо подготовленными командирами, политическими и оперативными работниками.

Начальником пограничных войск Белорусского округа был генерал-лейтенант Иван Александрович Богданов. Сын бедняка Тамбовской губернии, в начале восемнадцатого года он добровольно вступил в отряд губчека города Тамбова, в том же году стал членом большевистской партии. Иван Александрович прошел путь от рядового красноармейца до генерал-лейтенанта, стал высококультурным, образованным военным специалистом. Самым памятным в своей жизни И. А. Богданов считал апрельский день 1917 года в Петрограде, когда ему довелось видеть и слышать В. И. Ленина, выступавшего с балкона бывшего особняка Кшесинской.

До назначения на должность начальника пограничных войск округа И. А. Богданов работал начальником штаба Высшей пограничной школы ОГПУ, затем находился на руководящей работе в Главном управлении пограничных войск.

В период Великой Отечественной войны генерал Богданов был заместителем командующего Резервным фронтом, потом заместителем командующего 39-й армией. В боях с гитлеровскими захватчиками 22 июля 1942 года И. А. Богданов пал смертью храбрых; похоронен он на центральной площади в Калинине.

Первым заместителем начальника войск был комбриг, позднее генерал-майор Курлыкин, начальником Политотдела округа — бригадный комиссар Верещагин, начальником штаба — полковник Сухарев, начальником разведотдела — полковник Троицкий. Все они были патриотами пограничной службы, великолепно знали свое дело.

Пограничными отрядами, дислоцированными на гра-

нице белостокского выступа, командовали также весьма квалифицированные, опытные командиры.

С выходом на охрану новой границы возникли большие трудности. Надо было незамедлительно создать хотя бы элементарные условия для размещения личного состава. Только большой опыт командиров и политработников, умение быстро ориентироваться в обстановке помогли подобрать помещения для застав, комендатур, отрядов и соответствующих служб. Граница изучалась одновременно с несением службы. Быстрыми темпами оборудовались дозорные тропы, наводились мосты и мостики, создавались простейшие средства сигнализации, строились наблюдательные вышки и т. д.

Весь личный состав, не жалея сил, не считаясь со временем, занимался оборудованием границы и пограничной полосы. Пример показывали коммунисты и комсомольцы. Они были душой любого дела.

Почти каждый день то на одном, то на другом участке границы возникали сложные ситуации, требовавшие оперативных решений.

Фашистская разведка день ото дня действовала все энергичнее и наглее. Мы понимали, что от того, насколько быстро нам удастся организовать разведывательную и контрразведывательную работу, зависит, удастся ли нам вовремя разгадать замыслы противника и нанести удар по его агентуре. Положение осложнялось еще и тем, что в течение 1939—1940 годов через границу по различного рода пропускам и разрешениям передвигалось очень много людей.

Возрастало количество случаев нелегального перехода границы. Спасаясь от фашистских репрессий, на нашу сторону переходили некоторые жители оккупированных стран (поляки, французы, голландцы, бельгийцы, норвежцы и другие). Нелегальные переходы вызывались и тем, что новая граница нарушила родственные и иные связи между людьми. Возникало серьезное опасение: массовый поток населения через границу мог быть использован гитлеровской разведкой для ведения широкой разведывательной и подрывной деятельности против нашей страны.

Напряженной была атмосфера в пограничных и прилегающих к ним районах западных областей. В то время как рабочие, бедняки и большая часть среднего кресть-

янства всеми силами помогали становлению и упрочению Советской власти, эксплуататорские классы пытались вернуть старые порядки; враждебную позицию к нам занимало и католическое духовенство. В этой обстановке большое значение имела политическая работа среди населения, а также осуществление мер по улучшению материально-бытовых условий жизни бедняцко-середняцкой массы.

Местные органы власти постепенно приобретали широкую поддержку в народе. Наиболее сознательная и передовая часть рабочих и бедняков вступала в партию и комсомол. Ширилась сеть партийных и комсомольских организаций в городах и деревнях.

Освобожденные из панских тюрем коммунисты и комсомольцы активно включались в работу по укреплению органов Советской власти, в борьбу с классовым врагом.

Усилиями оперативного состава территориальных органов и пограничников в сравнительно короткий срок удалось организовать разведывательную службу. Мне и другим работникам областного управления часто приходилось бывать на границе и совместно с пограничниками проводить сложные чекистско-войсковые мероприятия по укреплению охраны границы. Следует сказать, что патриотически настроенная часть местного населения, замечая враждебную деятельность некоторых элементов, сигнализировала нам об этом. Люди приходили на заставы, в комендатуры, отряды, городские и районные аппараты НКВД — НКГБ и сообщали о появлении в их селах и хуторах подозрительных лиц. Когда же были созданы группы и бригады содействия из местных жителей, то нередко они сами задерживали подозрительных лиц и передавали их пограничникам.

Улучшение разведывательной и контрразведывательной работы, проводимой чекистскими органами и пограничниками, не замедлило сказаться на общем положении дел. Удалось ликвидировать многие пункты переправы агентов противника, увеличилось количество задержаний нарушителей. Только с октября 1940 года по апрель 1941 года на участках трех пограничных отрядов Белостокского направления было задержано около 1200 человек. Причем в 62 случаях при столкновении с нарушителями пограничным нарядам пришлось применить оружие.

Среди задержанных нарушителей все чаще и чаще попадались немецкие агенты. Данные следствия говорили о том, что гитлеровские разведывательные органы проявляют повышенный интерес к местам дислокации наших воинских частей, их вооружению, местонахождению складов и баз, строительству аэродромов и посадочных площадок, наличию у нас самолетов, танков, артиллерии, а также оборонительных сооружений. Фашистская агентура прощупывала, так сказать, и политико-моральное состояние наших бойцов и командиров, настроение различных слоев населения, их отношение к органам Советской власти и армии.

Наиболее квалифицированной агентуре давалось задание проникать на службу в органы государственной безопасности, в погранвойска, в милицию, в подразделения и части Советской Армии.

Собирая разведывательные данные, вражеская агентура стремилась установить связь с антисоветски настроенными лицами, чтобы склонить их к активному сотрудничеству.

Один из разоблаченных нами агентов показал, что он шел на связь с руководителем подпольной организации в Гродно. Этот факт и другие данные свидетельствовали о том, что гитлеровская разведка имела прямую связь с антисоветским подпольем и всячески активизировала его деятельность.

От пограничных войск и органов НКВД требовалось огромное напряжение сил, большое мастерство, чтобы пресекать деятельность вражеской агентуры, разгадывать ее замыслы.

Как враг ни скрывал своих намерений, советские люди сознавали, что опасность нападения на нашу страну возрастает. Население западных областей лучше, чем кто-либо, чувствовало эту угрозу. Тревожась за судьбу Родины, советские люди старались всячески содействовать органам безопасности.

Зимой 1940 года я приехал в Гродно, чтобы помочь начальнику городского отдела НКВД Одинцову разобраться в обстановке. Речь шла о том, что поступил сигнал о существовании в городе глубоко законспирированной подпольной организации, имеющей типографию и в большом количестве оружие. Как раз в это время в Гродно и других населенных пунктах появлялись лис-

товки антисоветского содержания. Одинцов показал мне записку, в которой автор, не называя фамилии, просил в условленном месте организовать ему встречу с начальником областного управления НКВД.

К записке был приложен билет на последний сеанс в один из кинотеатров, уточнялось, что автор ее будет сидеть справа от меня и на мой вопрос: «Интересная картина?» — ответит: «Говорят, интересная». Через полчаса он поднимется и пойдет к выходу, а мне следует, не теряя его из виду, выйти из кинотеатра и идти за ним до угла переулка (указано название), там, минуя его, сесть в свою машину, а он через несколько минут тоже сядет в эту машину.

Приняв необходимые меры, чтобы избежать неприятностей, если все это окажется ловушкой или провокацией, мы выполнили план действий автора записки с той лишь разницей, что в машине поджидать неизвестного остались мы с Одинцовым, а в кинотеатр в сопровождении двух разведчиков пошел один из наших оперативных работников.

Через сорок минут в нашей машине сидел мужчина лет сорока пяти, интеллигентного вида, хорошо говоривший по-русски, но с польским акцентом. Он сказал, что хочет знать, с кем будет разговаривать, и попросил подтвердить документом. О себе сообщил, что в Гродно он проездом, за принадлежность к Коммунистической партии Польши долго сидел в тюрьме, освобожден Красной Армией, а фамилия его Седловский. Потом добавил: «Я могу назвать себя любой фамилией, тем более что никаких документов у меня нет и к вопросу, по которому я к вам пришел, это не имеет прямого отношения. Мои политические убеждения заставили меня искать связи с вами, чтобы рассказать о том, что, быть может, не совсем ясно вам в данный момент». Далее он подробно рассказал о тех силах, которые не могут примириться с новыми порядками и, смыкаясь с гитлеровцами, ведут подрывную работу против Советской власти.

«Я, к сожалению, не могу назвать вам конкретных лиц, которыми следовало бы заняться,— продолжал незнакомец,— но девушка по имени Марыся, проживающая по адресу (назвал точный адрес ее), ведет подозрительный образ жизни, часто на несколько дней отлучается из дому. Советую присмотреться к ней. Если у вас

возникнет необходимость снова встретиться со мной, то я буду во Львове» (указал адрес).

Поблагодарив собеседника, мы уехали.

Через некоторое время были получены данные, характеризующие Марысю. Она оказалась молодой, очень красивой девушкой, недавно приехавшей в Гродно якобы из Варшавы. Стало известно, что она часто ездит по железной дороге из Гродно во Львов, в пути на некоторых станциях встречается с какими-то молодыми людьми, ведет с ними накоротке разговоры, что-то получает от них и что-то передает им. Иногда она отклоняется от железнодорожного пути и тогда пользуется попутными подводами, а то и как будто специально поджидающими ее повозками.

Молодые люди, встречавшиеся с Марысей, как оказалось, тоже часто отлучались из дому и в свою очередь встречались с другими людьми. Таким образом, вырисовывалась цепочка какой-то организованной связи.

Время не терпело. Марысю задержали.

На первом допросе она категорически отрицала все. Потом заявила, что ее поездки и связи носят чисто личный, интимный характер. Мы узнали, что она из семьи среднего достатка, родители ее педагоги и никогда ни к каким партиям не примыкали. Значит, семья не могла толкнуть Марысю на путь борьбы с нами. Здесь сказывалось чье-то враждебное влияние.

В последующих беседах я почувствовал зыбкость ее убеждений. Правда, свои националистические антисоветские взгляды на будущее Польши она не скрывала и даже пыталась убедить меня в своей правоте. На неопровержимых и доходчивых фактах я объяснил ей, что буржуазно-националистическое подполье — это агентура гитлеровцев и что будущее польского народа, свобода и независимость его страны зависят от того, как скоро пойдет он по пути социалистического развития. Я дал почитать ей некоторые статьи В. И. Ленина.

После нескольких бесед (а не допросов) у девушки появился интерес к ряду проблем, и я предоставил ей возможность самой находить на них ответы. Постепенно она начала проникаться сознанием ошибочности и пагубности своих взглядов.

В один из дней она попросила, чтобы ее вызвали на допрос.

— Я хочу просить вас,— сказала она,— чтобы вы дали слово, что не тронете тех, кто так же, как и я, заблуждается; их немало, мне очень жаль их, тем более что во многом виновата я. Сама я готова нести полную ответственность за содеянное по всей строгости советских законов.

Я обещал тщательнейшим образом разобраться с каждым человеком в отдельности.

Марыся рассказала о широкой сети глубоко законспирированной подпольной антисоветской организации. Организация приобретает оружие, боеприпасы и хранит все это в надежных местах, о которых знают очень немногие, наиболее надежные люди. Гродненская организация связана с организациями других городов, в том числе и Львова. Во главе каждой из них стоит комендант. Руководящие указания идут из варшавского центра, направляемого, очевидно, гитлеровским командованием в Польше.

Опасность существования подпольной организации стала вполне очевидной. Необходимо было проникнуть в самое ядро организации, выявить основных ее руководителей, места их пребывания, явки, пароли и т. д. Только доверенное лицо организации могло помочь нам собрать эти сведения. Марыся дала согласие попытаться сделать это. Мы шли на риск. А вдруг все ее поведение лишь игра, вызванная стремлением любой ценой освободиться и спасти организацию от провала? Это могло случиться, но все же мы решили действовать, как задумали.

Мы предоставили Марысе возможность искупить свою вину. Через некоторое время мы стали убеждаться, что не ошиблись, поверив девушке. Благодаря ее умелой и самоотверженной работе нам удалось найти хороших помощников и, действуя через них, собрать достаточно материалов, изобличавших руководителей организации и ее актив в подрывной антисоветской деятельности и в связях с гитлеровской разведкой. Оперативными органами совместно с пограничными и внутренними войсками была проведена чекистско-войсковая операция. Среди арестованных оказались некоторые руководители и актив буржуазно-националистического подполья во главе с крупным эмиссаром «Стефаном», находившимся, как показало следствие, одновременно на службе двух

разведок — немецкой и английской. При обысках в наши руки попало много документов и немало иностранной валюты.

Войсковыми силами удалось нанести удар по местам базирования банд. Бандиты были вооружены пистолетами, винтовками, автоматами, гранатами, ручными и даже станковыми пулеметами и минометами. Характерно, что многие образцы захваченного нами оружия оказались немецкого происхождения. Это лишний раз доказывало, что фашистские органы разведки помогают антисоветскому подполью на нашей территории. В этой операции удалось выявить целую систему схронов — мест укрытия бандитов и их руководителей.

Со временем мы стали получать все новые и новые данные о том, что уцелевшие организации буржуазно-националистического подполья взяли направление на сбор разведывательных данных.

Мы уже располагали данными о том, что в числе руководителей варшавского и других центров находятся опытные резиденты гитлеровской разведки, направляющие деятельность антисоветского подполья.

Наконец нами была найдена возможность проникнуть в руководящие центры подполья. Результаты этого не замедлили сказаться.

В августе 1940 года пришло сообщение, что на участке Августовского пограничного отряда в последней декаде месяца должен быть переброшен на нашу территорию человек с очень важной миссией.

Пограничники организовали усиленную охрану границы на направлениях вероятного движения нарушителя. В темную, ненастную ночь нарушитель был задержан и под усиленным конвоем доставлен в Августовский райотдел НКВД. Задержанного тщательно обыскали. Кроме сахарина, у него ничего не оказалось. Но внешние данные человека совпадали с сообщенными заранее приметами нарушителя. Переход границы задержанный объяснял желанием обменять сахарин на жиры, поскольку немецкие оккупанты забирают у польского населения продукты и люди голодают. Это звучало правдиво. Произвели повторный тщательнейший обыск, и тогда удалось обнаружить в воротнике рубашки маленький клочок папиросной бумаги с непонятным текстом. Задержанный начал давать сбивчивые и противоречивые пока-

зания, утверждая, что рубашку он купил три дня назад на рынке у одного человека и об обнаруженной записке никакого понятия не имеет.

Наконец, чувствуя, что все больше и больше запутывается, он сказал: «Хорошо, я сообщу вам правду, только пообещайте, что меня не расстреляют». Пришлось разъяснить ему, что наши судебные органы принимают во внимание факт чистосердечного и полного признания вины. Жалуясь на свою судьбу, нарушитель сказал, что не хочет больше жить этой «собачьей жизнью в вечном страхе». И затем дал очень важные для нас показания. В частности, подтвердились наши сведения о том, что гитлеровская разведка использует против нас изменников Родины, которые в свою очередь вербуют на нашей территории агентов из числа уголовных преступников, морально опустившихся людей.

Обнаруженная шифрованная записка адресовалась находившемуся в подполье главарю антисоветской организации в Белостоке. Адресату предлагалось оказать всемерное содействие курьеру в выполнении задания. Хозяева за границей были недовольны ходом антисоветской подрывной работы и, чтобы активизировать ее, направили своего уполномоченного.

Полученные сведения навели на мысль завлечь на нашу территорию деятелей руководящего центра, организовать в подходящем месте совещание с участием всех активистов подполья и задержать их.

Начало операции было многообещающим, но потом получилась заминка. У руководителей вражеской разведки появились, очевидно, какие-то сомнения или подозрения. Они решили послать нового связного. Переход его на нашу территорию, встреча с первым уполномоченным проходили под нашим наблюдением. Новый связной, убедившись, что все в порядке, убыл за кордон. А спустя две недели через специально подготовленную якобы подпольем переправу связной вывел на нашу территорию крупного эмиссара, прибывшего для оказания помощи антисоветскому подполью.

Вскоре на одном из глухих хуторов собралось запланированное нами совещание комендантов уездных антисоветских организаций и руководителей буржуазно-националистического подполья.

Операция по захвату участников совещания развер-

тывалась по заранее намеченному плану. К началу совещания, то есть к 12 часам ночи, мы уже выяснили, кто прибыл на хутор и откуда. Ночь стояла темная, безлунная. Пользуясь этим, наши люди незаметно подтянулись к хутору и окружили его. Было известно, что совещание охраняется и у каждого из его участников есть пистолет и гранаты. Операцию решили начать в 0.30. Каждая группа по сигналу старшего должна броситься к хутору и четко выполнить свою задачу. Успех гарантировался внезапностью и организованностью действий.

Неожиданно подул сильный ветер. Облака поредели, и появилась луна, осветив всю округу. Это озадачило нас. При луне, конечно, не удастся напасть внезапно. Времени оставалось все меньше, минуты летели. Неужели операция сорвется?

Все находились в большом напряжении. Поглядывали то на часы, то на небо — уж эта луна!..

И вдруг — сильный порыв ветра, и луна скрылась за большим облаком. Наступившая внезапно темнота, как по команде, в один миг подняла всех на ноги. Мы бросились к хутору. Охрана (12 человек) без единого выстрела была схвачена и обезоружена. Потом наступила очередь и самих участников совещания. Операция прошла успешно.

Так была обезглавлена антисоветская буржуазно-националистическая организация на территории Белостокской области и прилегающих к ней районов.

С первых месяцев 1941 года стало отмечаться резкое увеличение количества забрасываемой к нам агентуры. Гитлеровское командование активизировало воздушную разведку.

Из-за рубежа все чаще поступали сведения, свидетельствовавшие об усиленной подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз. Это подтверждалось и войсковой разведкой пограничных частей.

Получаемые данные тут же передавались в НКВД БССР, а по линии пограничных войск — в Главное управление.

В течение весны 1941 года гитлеровское командование сосредоточило на границе с нами в районе белостокского выступа большое количество войск.

Имелись данные, что то же происходит и на других участках нашей западной границы и что основные груп-

пировки немецких войск создаются в Восточной Пруссии, восточнее Варшавы и в районах Холма, Грубешува и Томашува. Наблюдалось строительство траншей, ходов сообщения, блиндажей и других военно-инженерных сооружений, а с середины мая до 18 июня фиксировалась работа многочисленных рекогносцировочных групп во главе с генералами и офицерами немецко-фашистской армии. Гитлеровцы усилили наблюдение за нашей территорией, вели фотографирование местности, топографическую съемку, измерительные работы на пограничных реках и т. п. В первой половине июня пограничники наблюдали подвоз тяжелых орудий и установку их на огневых позициях. По ночам до нас доносился шум усиленного передвижения немецких войск на границе. Немцы усилили охрану границы полевыми войсками.

Сведения поступали все тревожнее. В ночь на 17 июня мне позвонил генерал-лейтенант Богданов и сообщил, что в районе Ломжи пограничники задержали восемь вооруженных диверсантов. Я попросил доставить всю эту группу в Белосток. Диверсанты были одеты в форму чекистов, командиров и политработников Советской Армии, имели хорошо оформленные фиктивные документы. На допросах они показали, что им дано задание скрытно выйти в район города Барановичи и, как только начнется война, приступить к активным действиям: портить телефонную связь; ракетами и другими способами указывать немецким самолетам районы сосредоточения наших войск, военной техники, а также аэродромы; сеять панику среди советских людей, убивать чекистов, работников милиции, командиров и политработников Советской Армии, распространять ложные, клеветнические слухи и т. д.

Задержанные подтвердили, что к нападению на Советский Союз у фашистов все готово: войска находятся на исходных рубежах и ждут только сигнала, танки — в укрытиях, артиллерия — на огневых позициях, горючее и боеприпасы в большом количестве спрятаны в лесах.

21 июня с сопредельной стороны удалось прорваться одному из наших товарищей. Он сообщил, что гитлеровские войска получили приказ начать наступление на рассвете 22 июня. А в 1.30 ночи 22 июня из-за кордона прибыл второй наш человек и подтвердил содержание приказа.

Разведка пограничных войск и территориальных органов НКГБ Белостокского направления в основном своевременно информировала о сосредоточении и развертывании немецко-фашистских войск вблизи границы. Однако в то время нам порой казалось, что к нашим сообщениям в верхах не всегда прислушивались. Работа по укреплению обороноспособности западных рубежей велась большая, но все-таки с некоторым отставанием от требований времени, без учета быстро обострявшейся обстановки.

...21 июня в 24.00 я закончил разговор по телефону с начальниками пограничных райаппаратов НКГБ, с ответственным дежурным по управлению пограничных войск округа и с начальником Особого отдела 10-й армии. Все были одного мнения — на границе очень неспокойно. Против участка 2-й комендатуры Шепетовского пограничного отряда вечером 21 июня в кустах и посевах ржи в шестистах метрах от линии границы отмечалось сосредоточение пехоты, артиллерии и танков противника. О выдвижении гитлеровских войск к границе сообщалось и из других отрядов.

Всех нас интересовали меры, предпринимаемые командованием соединений Советской Армии. У меня была прямая связь с командующим 10-й армией генералом Голубевым. На мой вопрос: «Какие вы принимаете меры?» — генерал Голубев ответил, что командованию округа доложено об обстановке, соединения армии приводятся в боевую готовность.

Около двух часов ночи меня проинформировали о том, что командующий 10-й армией получил по радио приказ, в соответствии с которым соединения занимают боевые рубежи. Генерал Голубев сказал мне, что, видимо, начинается война, и посоветовал привести все силы в мобильное состояние, сам же выехал на командный пункт армии.

Заместитель начальника пограничных войск округа комбриг Курлыкин сообщил, что на сопредельной стороне слышен шум моторов. Наши пограничные подразделения продолжают нести усиленную охрану границы, свободные от нарядов пограничники занимают оборонительные рубежи.

Подняв трубку аппарата прямой связи, чтобы поговорить с Минском и доложить об обстановке, я обнаружил,

что связь не работает. Это было в третьем часу ночи. Моя попытка связаться по этому же телефону с Брестом и Вильнюсом тоже не имела успеха. Не работала и обычная связь. Как оказалось потом, это был результат действий диверсионных групп. Однако связь с Августовом, Ломжей, Граевом и другими пограничными районами еще действовала. Пользуясь этим, я дал указание оперативному составу органов безопасности в случае войны выполнять свои задачи в тесном контакте с пограничниками и частями Советской Армии, а также с нашим управлением.

По указанию обкома партии работники всех партийных и советских органов в третьем часу ночи были вызваны в свои учреждения. В управлении мы накоротке провели совещание оперативного состава.

В 3 часа 15 минут 22 июня в небе раздался рев моторов. Над Белостоком завязался ожесточенный воздушный бой. Первые бомбы упали рядом с домами, где располагался штаб 10-й армии и УНКГБ — УНКВД. Стекла в зданиях вылетели, осколками было ранено несколько человек. Гитлеровцы бомбили вокзал и другие объекты, имевшие оборонное значение.

На границе в это время разыгрались трагические события. Первый удар артиллерия и авиация противника нанесли по пограничным заставам, штабам пограничных комендатур и отрядов, узлам связи, резервным частям и подразделениям. Особенно сильному удару подверглись линейные заставы. Большинство зданий было тут же разрушено или охвачено пламенем. Там, где оборонительные сооружения находились в непосредственной близости от застав, пограничники понесли большие потери. Все узлы и линии проводной связи сразу вышли из строя, заставы лишились возможности связаться с командованием. Многие семьи пограничников, находившиеся на заставах, разделили участь воинов.

Из допросов пленных гитлеровских офицеров, участвовавших в боях на границе, и из трофейных документов выяснилась тактика противника в этих первых боях. С началом артиллерийской подготовки нашу границу перешли специальные ударные отряды и разведывательные подразделения, усиленные танками, артиллерией и саперами. Перед ними стояла задача — уничтожить советские пограничные заставы. Вслед за ударными отря-

дами шли танковые и моторизованные части войск первого эшелона.

Гитлеровское командование рассчитывало одним ударом смять наши пограничные заставы. Однако гитлеровцы встретили упорнейшее сопротивление. Все заставы Белостокского направления, как об этом свидетельствуют архивные материалы и рассказы участников боев, к моменту нападения противника заняли свои оборонительные сооружения и в бой вступили организованно. Пограничники ряда застав не только оборонялись, но и переходили в контратаки, наносили противнику чувствительные удары. Ни одна застава не оставила своих позиций без приказа. На ряде участков первые атаки фашистов захлебнулись.

Так, например, 7-я пограничная застава Августовского отряда, заняв оборонительные сооружения, встретила противника организованным огнем. Понеся большие потери, фашисты вынуждены были отойти. Бесстрашно встретили врага пограничники, не дрогнули: открыли огонь из винтовок, пулеметов, пустили в ход гранаты. Комсомолец рядовой Сидоров с 8-й заставы связкой гранат подорвал вражеский танк.

Мужественно сражались пограничники Ломжинского пограничного отряда. 2-я пограничная застава в течение одиннадцати часов отбивала атаки вражеского пехотного батальона. В ходе боя батальон потерял треть своего личного состава.

17-я пограничная застава этого отряда сначала отбила атаку немцев, а затем сама перешла в контратаку и отбросила врага за линию государственной границы.

Пограничники стояли насмерть. Полностью или почти полностью погиб личный состав застав 1-й и 2-й комендатур Августовского пограничного отряда, 1-й, 2-й и 3-й комендатур Шепетовского пограничного отряда, на участках которых наносили главный удар 8-й, 20-й и 42-й армейские корпуса 9-й полевой немецко-фашистской армии.

Ударные отряды противника намного превосходили наши силы по численности, в технике; пограничные заставы не имели ни артиллерии, ни противотанковых средств.

За то время, пока пограничные заставы дрались с превосходящими силами противника, части прикрытия

Советской Армии сумели выйти на оборонительные рубежи и на ряде направлений контратаками и контрударами сдерживали рвавшегося вперед врага.

Но, как и на других участках фронта, на Белостокском направлении обстановка для наших войск складывалась очень неудачно. Части 10-й армии вынуждены были отступать.

Около шести часов утра собралось бюро Белостокского обкома партии, на котором наряду с решением других неотложных вопросов было принято постановление о создании чрезвычайной комиссии для немедленной эвакуации семей военнослужащих, гражданского населения, а также ценного имущества и секретных документов. Во главе комиссии был поставлен начальник управления НКВД Константин Александрович Фукин. Назначая Фукина на этот ответственный участок в столь тяжелое время, бюро обкома партии исходило из того, что он старый коммунист и чекист, активный участник гражданской войны, борьбы с басмачеством в Средней Азии, хороший организатор. Надо сказать, что Константин Александрович оправдал доверие обкома. На этом же заседании бюро обкома предложило управлениям НКГБ и НКВД создать боевые чекистские группы для взрыва и уничтожения оборонных объектов, военных баз и складов в момент вступления врага в город. Это указание обкома чекистами было выполнено.

Обстановка в области становилась между тем все более трагической. В районе Гродно были уже фашисты, с левого фланга Белостокской области также двигались вражеские танки. С большим трудом нам удалось связаться с командиром 10-й армии генералом Голубевым. Он ответил, что противник обходит армию с флангов и оборонять Белосток армия не в состоянии, что у них главная задача — оторваться от нападающих гитлеровских войск и закрепиться на более выгодных рубежах.

В создавшейся обстановке на органы государственной безопасности и милиции была возложена боевая задача — вооружение всех коммунистов, комсомольцев, беспартийного актива, формирование из них отрядов, установление твердого порядка в городе и охрана его, так как воинских частей в городе не было — они ушли на передовые позиции.

23 июня бюро обкома партии приняло решение об ос-

тавлении города и отступлении в город Волковыск. На шоссе Белосток — Волковыск мы увидели тяжелую картину: дорога была забита сплошным потоком отступающих наших войск и гражданского населения. Вскоре в небе раздался рев моторов, и на колонны людей обрушился смертоносный груз авиабомб.

В этой до предела накаленной обстановке образец мужества и организованности показали воины-пограничники и сотрудники НКГБ — НКВД. При отходе на Волковыск, а затем на Минск мне не раз приходилось видеть, как воины в зеленых и васильковых фуражках наводили порядок в отступавших колоннах, ликвидировали пробки на дорогах, помогали раненым, подбадривали тех, кто терял уверенность в себе. Как только появлялись вражеские самолеты, они дружно открывали огонь по ним. Запомнились мне двое пограничников с ручным пулеметом. Заметив приближение самолетов, они быстро приспосабливали свой пулемет к дереву и смело вели огонь. В один из таких моментов, буквально на моих глазах, они длинной очередью подбили немецкий самолет, и тот, рухнув на землю, взорвался. Это были пограничники Ломжинского пограничного отряда.

В июле 1941 года я был назначен заместителем начальника Особого отдела Западного фронта. Здесь мне также довелось быть свидетелем мужественных действий наших пограничников и оперативных работников НКВД.

При Особом отделе для выполнения важных заданий командования был сформирован из пограничников отдельный батальон, которым командовал Демченко — смелый и решительный командир. В штабе батальона служил лейтенант Глазов, прибывший в батальон с 3-й пограничной заставы Шепетовского отряда. Будучи заместителем начальника заставы, он с горсткой пограничников в течение нескольких часов отбивал яростные атаки гитлеровцев. Раненный в голову, Глазов не оставил поле боя. Когда же стали кончаться боеприпасы, он с группой бойцов вырвался из окружения и присоединился к нашим частям.

В другой раз, уже в составе особого батальона, выполняя задание по уничтожению гитлеровского десанта, Глазов получил ранение, но отказался лечь в госпиталь и на задания ходил с забинтованной головой. Потом он участвовал в боях с фашистскими оккупантами на раз-

ных фронтах и закончил войну в Берлине. (Сейчас Н. А. Глазов проживает в селе Новопетровка Бердянского района Запорожской области.)

Вспоминая те далекие дни, я с гордостью думаю о пограничниках и чекистах Белостокского направления, которые накануне войны провели большую работу по борьбе с агентурой противника, помогли раскрыть многие коварные планы фашистов, а когда началась война, мужественно вступили в бой с гитлеровскими войсками. Многие погибли уже в первые часы войны, отстаивая каждую пядь родной земли, другие прошли всю войну и встретили радостный день Победы. Их подвиги, их жизнь — прекрасный пример для теперешнего поколения советских чекистов.

★

ОМСБОН В ОБОРОНЕ МОСКВЫ

М. ОРЛОВ

Рождение бригады

Перед войной я работал начальником пограничного училища в городе Себеже Псковской области. В начале июня 1941 года меня вызвали в Москву. Нужно было сдавать государственные экзамены в Военной академии имени М. В. Фрунзе, где я учился на заочном отделении. Здесь и застала меня война.

Услышав сообщение по радио о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну, я тут же решил проситься на фронт. Но вышло по-иному. Меня срочно вызвали в Народный комиссариат внутренних дел.

— В соответствии с указанием Центрального Комитета партии,— сообщили там мне,— из добровольцев создаются войска Особой группы НКВД. Начальником штаба этих войск назначен комбриг П. М. Богданов. Вы будете его заместителем.

Можно ли было возражать в таком случае? Ведь войска создавались для того, чтобы воевать.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что задачи нового соединения еще окончательно не определены. Войска предполагалось использовать для действий в тылу врага и для борьбы с вражескими танками. Но ясно было одно: боевые задачи будут трудными и сложными, людей нужно будет отбирать крепких физически и морально и в кратчайшие сроки готовить их к боевым действиям.

Мы распределили между собой обязанности. Мне поручили формирование отрядов и обучение добровольцев. Живой и энергичный Иван Коваленко, лейтенант госбезопасности, стал у нас в штабе кем-то вроде начальника отдела кадров. Благодаря большой помощи работников ЦК партии и ЦК комсомола нам удалось сравни-

тельно быстро отобрать нужных людей, преимущественно добровольцев, в том числе из среды спортсменов.

Все работники штаба были загружены работой с утра до вечера. Приходилось решать тысячи вопросов: заниматься боевой подготовкой, обмундированием и оружием, медицинской службой, даже портянками и котелками. Ведь все создавалось заново и буквально на голом месте. Кому приходилось формировать воинские соединения, да еще в сжатые сроки, тот знает, насколько это трудоемкая работа. К обычным трудностям прибавлялись еще и наши специфические: особая группа войск не была предусмотрена ни мобилизационными планами, ни штатными расписаниями. А нам нужно было одеть, обуть, накормить и вооружить целое соединение добровольцев. Я с благодарностью вспоминаю тех, кто всеми силами старался помочь нам в эти дни, кто считал это своим кровным делом. Руководители Центрального, Московского спортивных обществ и стадиона «Динамо» предоставили нам свои помещения, врачей, запасы белья и обмундирования. Они передали нам винтовки с оптическими прицелами, которыми наши стрелки еще совсем недавно завоевывали мировые и всесоюзные рекорды. Большую помощь оказало нам Главное военно-инженерное управление Советской Армии (ГВИУ) и его начальник генерал-майор Л. З. Котляр, а также начальник штаба тыла Военно-Воздушных Сил генерал-майор авиации Н. А. Соколов-Соколенок и другие.

Большие трудности испытывали мы из-за недостатка оружия. Особенно плохо обстояло дело с автоматами. Во втором полку, например, имелся всего один автомат. Его вручили чемпиону страны по стрельбе младшему лейтенанту И. С. Черепанову, и он ходил по подразделениям, объясняя устройство этого автомата. Бойцы, да и то не все, могли только под бдительным оком Черепанова подержать ППД в руках.

В следующем году положение с автоматами значительно улучшилось. К тому же мы вступили в «частную сделку» с директором одного из местных предприятий. Он попросил у нас людей для пристрелки автоматов. Мы согласились, но с условием, что за каждую тысячу пристрелянных автоматов мы получаем двадцать штук. Автоматы стали поступать к нам регулярно. Помню, общее веселье вызвали ящики с новыми автоматами. На ящи-

ках было выведено черной краской: «Московская фабрика металлической игрушки».

— Поиграем теперь! — смеялись бойцы...

Между тем приемная комиссия во главе с Иваном Коваленко продолжала отбор добровольцев. Отбирали строго, и вскоре на наши головы обрушился целый поток жалоб. Правда, жалобы были подсказаны огромным подъемом патриотизма: люди отстаивали свое право сражаться за Родину в самых сложных и трудных условиях. Но мы были неумолимы и поддерживали решения комиссии.

Первыми в бригаду влились спортсмены Москвы и других городов. Этот контингент отличался ловкостью, выносливостью, физической силой и готов был отдать все свои силы, все свое умение, а если потребуется — и жизнь за родную страну, честь которой они не раз защищали на стадионах и спортивных трассах. Всего спортсменов насчитывалось в наших войсках около восьмисот человек. Среди них встречалось немало имен, составлявших гордость советского спорта: бегуны братья Георгий и Серафим Знаменские, боксеры Николай Королев и Сергей Щербаков, конькобежец Анатолий Копчинский, альпинисты Иван Макропуло и Михаил Ануфиков, лыжница Люба Кулакова, футболист Георгий Иванов, баскетболист Виктор Правдин, штангист Николай Шатов и многие другие.

Сто пятьдесят добровольцев прислал Институт физической культуры. Около тридцати человек дал Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ). Много молодежи пришло из МГУ, строительного, горного, кожевенного, станко-инструментального, медицинского, историко-архивного и из других столичных вузов.

В их числе и зеленые первокурсники, и лысеющие аспиранты. Они внесли в бригаду особую живость и неиссякаемый студенческий задор. Без них не обходилось ни одно дело, во все они вникали, всем интересовались и, признаться, порой доставляли немало хлопот.

Записалось в бригаду большое число молодых рабочих, мастеров, техников, инженеров Москвы. Немного позже по призыву ЦК ВЛКСМ к нам прибыли городские и сельские комсомольцы из четырнадцати областей РСФСР. Тут были и рязанцы, и туляки, и пензенцы, и

ярославцы, и саратовцы, и казанцы, и уральцы. У нас можно было встретить и спецкора «Правды» А. Шарова, и спортивного журналиста Е. Шистера, художников Д. Циновского и А. Ливанова, кинооператора М. Друяна и полярных радистов А. Волошина и А. Шмаринова — людей разных профессий и возрастов.

Служить в специальных войсках изъявили желание многие проживавшие в СССР политэмигранты. В бригаду добровольцами вступили австрийцы, болгары, венгры, испанцы, поляки, словаки, немцы, сербы и представители других народов. Все они уже испытали ужасы фашизма, были преисполнены ненависти к нему и желали как можно скорее вступить в бой с гитлеровцами. Был сформирован интернациональный отряд. Много внимания созданию отряда уделял видный деятель болгарского и международного рабочего движения Г. М. Димитров. Мне посчастливилось неоднократно бывать у Георгия Михайловича, получать от него советы по подготовке и использованию в боевых операциях интернационального отряда. Для оказания нам помощи в работе по формированию этого отряда была выделена известная болгарская революционерка Стелла Благоева. В октябре 1941 года по рекомендации Г. М. Димитрова на должность заместителя командира части, где находились подразделения из политэмигрантов, был назначен болгарин Иван Цолович Винаров. Еще до войны он окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и получил звание полковника Красной Армии. В бригаде особого назначения он прослужил до сентября 1944 года, до возвращения на родину. В своей книге «Бойцы тихого фронта», изданной в Болгарии в 1968 году, И. Ц. Винаров рассказал о службе в бригаде особого назначения.

В бригаду вступило добровольцами более трехсот девушек. Они занимали должности врачей, медицинских сестер, ротных фельдшеров, санинструкторов, разведчиц и радисток. Наши замечательные девушки делили с нами все трудности солдатской жизни. Они ходили в походы, форсировали водные рубежи, сражались на фронте и в глубоком тылу врага, работали в подполье, лечили раненых, осуществляли непрерывную связь по радио с командованием.

Среди командного состава Особой группы войск преобладали чекисты-пограничники. Тут были и молодые,

только что вышедшие из военных училищ, например лейтенанты Ф. Ф. Озмитель, П. П. Дмитриев, И. С. Данилко, и люди, прослужившие на границе по десять — пятнадцать лет, такие, как капитаны М. С. Прудников, Н. С. Артамонов, Е. М. Мирковский, старшие лейтенанты М. К. Бажанов, К. З. Лазнюк. Старший командный состав почти целиком состоял из преподавателей и слушателей Высшей пограничной и других чекистских школ. Опытные методисты, они призваны были обеспечить высокий уровень боевой подготовки.

Под учебный полигон Особой группы войск было отведено старое стрельбище спортивного общества «Динамо» и соседнее стрельбище Осоавиахима за Мытищами. Эти старые стрельбища были знакомы не только стрелкам. Нередко здесь организовывали свои тренировочные сборы любители других видов спорта. Вокруг открытого тира, пересеченного брустверами и рвами, стоит вековой хвойный лес, и лучшего места для тренировок не найти. Тишина. Только издали время от времени доносится шум электропоездов да хлопают одиночные выстрелы с огневого рубежа.

С приходом добровольцев стрельбища зажили новой жизнью. От деревянных бараков и домиков вдоль беговой дорожки стадиона выстроились ровные ряды квадратов белых армейских палаток. Учебные занятия не прекращались ни на минуту. Бесконечные выстрелы, пулеметные очереди, разрывы гранат, мин и команды военруков гулко отзывались в густом лесу.

Принятые в бригаду гражданские парни не сразу привыкли к первой утренней команде «подъем!». Но уже после недели работы с ними кадровые командиры-чекисты убедились, что эти ребята, не умевшие плотно обернуть портянкой ногу, с поразительной легкостью осваивают все сложности военного дела, с азартом соревнуясь, изучают винтовку, автомат, пулеметы, гранаты, топографию, в полном боевом снаряжении совершают дальние походы, ночные марши. Особенно сосредоточенными и внимательными молодые добровольцы были на занятиях по подрывному делу. Они понимали, что небольшие, похожие на куски мыла толовые шашки, в которых скрыта огромная энергия, различные системы детонаторов и взрывателей станут их главным оружием. Будущие подрывники учились производить расчеты, вя-

зать и закладывать заряды, ставить мины, фугасы и производить разминирование.

В одном из отрядов было отделение, которое называлось богатырским. В нем собрались рекордсмены спорта СССР и мира. Бойцы «богатырского отделения» легко справлялись с полной боевой выкладкой в дальних походах. Если все молодые красноармейцы бросали только одну гранату по макету танка, то легкоатлет Митропольский «баловался», как правило, связкой из пяти гранат.

Среди спортсменов была большая группа преподавателей и студентов Центрального государственного ордена Ленина института физической культуры во главе с проректором А. С. Чикиным. Командование бригады доверило им проводить с красноармейцами всю физическую подготовку. Каких только полос препятствий они не придумывали для молодых бойцов. Хуже приходилось неспортсменам. Но и они постепенно при помощи и под влиянием своих наставников делались ловкими, сильными и выносливыми. После месяца столь интенсивных занятий к нам в лагерь на соревнование приехали гражданские спортсмены Москвы. Итоги соревнования были впечатляющими. Почти все призы достались нашим добровольцам.

Высокий общеобразовательный уровень личного состава группы войск специального назначения, неукротимое желание быстрее вступить в схватку с ненавистным врагом дали нам возможность в сжатые сроки подготовиться к боевым действиям, освоить сложную минноподрывную технику и хорошо изучить оружие различных систем.

В середине июля в лагерь из Москвы приехал начальник штаба Особой группы войск П. М. Богданов. Он вызвал меня со стрельбища и сказал:

— Принимай командование, Михаил Федорович. Меня отзывают. Приказано войска сдать тебе.

Передача дел не отняла много времени. Мы доложили об исполнении приказания начальству, пожелали друг другу успехов и расстались...

В начале августа был окончательно определен основной «профиль» нашего соединения. Мы должны были заниматься подготовкой и заброской в тыл врага оперативно-чекистских групп для разведывательной, подрывной и боевой деятельности на важнейших коммуни-

кациях противника. Вскоре жизнь подсказала еще одну ответственную задачу Особой группы войск: помощь местным партийным органам в развитии партизанского движения и создании подполья, сплочении патриотических сил в тылу врага. Это, конечно, не исключало использования личного состава войск на задании другого рода, если потребуют обстоятельства. Однако вся система обучения была подчинена выполнению основной задачи. В программе боевой подготовки главное место заняли подрывное дело, действия небольшими подразделениями, разведка, ночные учения, марши, броски, преодоление водных преград, парашютная подготовка.

До октября 1941 года наше соединение существовало как войска Особой группы НКВД и делилось на две бригады. В октябре войска были сведены в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) войск НКВД в составе двух полков и штабных подразделений.

Командиром 1-го мотострелкового полка был назначен подполковник В. В. Гриднев. Это опытный командир пограничных войск. Ныне В. В. Гриднев — генерал-майор в отставке, проживает в Москве.

2-й полк возглавил майор С. В. Иванов — разносторонне подготовленный преподаватель военного училища, превосходный командир, требовательный и заботливый, хороший товарищ. Сейчас он полковник в отставке, живет в Москве.

Комиссарами полков стали С. И. Волокитин и С. Т. Стехов. Оба — чекисты. Командиром ОМСБОН назначили меня, а комиссаром — А. А. Максимова. Алексей Алексеевич по образованию был инженером. В органах госбезопасности он работал недавно. Человек большого ума и редкого обаяния, живой, энергичный, остроумный, он стал душой нашей бригады.

Специфические задачи бригады требовали иметь таких людей, которые обладали бы опытом партизанских действий. Их нам не пришлось долго искать.

Однажды ко мне в кабинет вошел высокий худощавый мужчина в гимнастерке без петлиц и отрекомендовался:

— Флегонтов. Вы обо мне, наверное, слышали? Полагаю, пригожусь вам.

Об А. К. Флегонтове я действительно слышал немало.

Он был одним из героев гражданской войны на Дальнем Востоке и в 1921—1922 годах командовал всеми партизанскими отрядами Приморья. Мы зачислили Флегонтова в наше соединение.

Несколько позже пришли еще двое. Один высокий, черноволосый, с живым, выразительным лицом, другой — сутуловатый блондин невысокого роста. У каждого — орден Красного Знамени на груди.

— Товарищ полковник! Явились в ваше распоряжение! — представились они.

Я пригласил их сесть. Познакомились. Высокого звали Николай Архипович Прокопюк, а его товарища — Станислав Алексеевич Ваупшасов. Оба участвовали в партизанском движении в годы гражданской войны, воевали в Испании. Прокопюк и Ваупшасов в один голос заявили:

— Хотим сражаться в тылу врага!

— Это хорошо. Вы пришли вовремя. Мы сейчас учимся. Нам нужны опытные преподаватели.

Старые, испытанные партизаны стали ведущими наставниками молодых бойцов и командиров ОМСБОН.

Мы шагаем по Москве

Возбуждение и суета, царившие в Москве в первые месяцы войны, сменились в сентябре будничной деловитостью. Жизнь вошла в определенную колею. На улицах стало меньше народу: часть жителей эвакуировалась, многие ушли на фронт, оставшиеся уезжали «на окопы» или с утра до вечера, без выходных работали на предприятиях. К воздушным тревогам привыкли. По вечерам женщины с детьми и старики отправлялись спать в метро. Остальные не всегда спускались в убежище, даже когда зенитки начинали грохотать совсем рядом.

На фронте продолжались ожесточенные бои. Стойкость и упорство наших войск все более и более возрастали. В Москве и ее окрестностях велась подготовка к обороне. Выезжая в полки бригады, расположенные за городом, мы с комиссаром видели тысячи людей, главным образом женщин, одетых в лыжные брюки и телогрейки, которые рыли противотанковые рвы и окопы, ставили надолбы и ежи, строили доты и дзоты. Издали

казалось, что это гигантские муравейники, в которых копошатся маленькие фигурки людей.

— Пока что под Москвой больше всего достается женщинам,— задумчиво промолвил Максимов.

В один из таких сентябрьских дней мне позвонил начальник Главного военно-инженерного управления Советской Армии генерал-майор Л. З. Котляр.

— Товарищ Орлов? — услышал я.— Голубчик (такова была манера обращения у Котляра), прошу вас приехать ко мне. Важный разговор.

В ГВИУ Котляр без предисловий приступил к делу:

— Ваше соединение,— начал генерал, обращаясь ко мне,— является сейчас самым многочисленным и самым квалифицированным. Решено использовать его для устройства минноподрывных заграждений на путях врага к Москве. Нам необходимо прикрыть важнейшие подступы к городу. Вы получите необходимое количество противотанковых и противопехотных мин и будете ждать команды.

Он повел меня к начальнику Генерального штаба Б. М. Шапошникову. Борис Михайлович внимательно выслушал объяснения Котляра и поддержал его:

— Правильно! Согласен. Прямо ставьте им задачи.

С Б. М. Шапошниковым мне пришлось встречаться потом не раз. У него мы всегда находили помощь и поддержку.

Сразу же после разговора с Котляром и указаний Шапошникова мы приступили к делу. Был сформирован сводный отряд, который в свою очередь состоял из одиннадцати отрядов заграждения (ОЗ). Эти отряды должны были минировать шоссейные и грунтовые дороги, мосты и возможные пути обхода. Сводным отрядом стал командовать бригадный инженер ОМСБОН майор М. Н. Шперов.

Михаилу Никифоровичу в тот год исполнился тридцать один год. Но он был уже опытным военным инженером. Несколько лет прослужил на Дальнем Востоке в должности начальника инженерной службы полка. В 1936 году его послали учиться в Москву, в Военно-инженерную академию имени Куйбышева. Зимой 1939 года учебу пришлось прервать: началась финская война. Шперов служил в одной из стрелковых дивизий, занимался наведением переправ, разминированием, разруше-

нием вражеских укреплений. В нашу бригаду Михаил Никифорович пришел одним из первых. Это благодаря его энергии и усилиям мы сумели в короткий срок обучить минновзрывному делу большое число людей. Теперь воинам бригады предстояло применить на практике полученные знания.

Все необходимое для заминирования мы получали непосредственно на промышленных предприятиях по разнарядке Главного военно-инженерного управления. И тут произошел со мной курьезный случай: двадцать с лишним лет служил я в армии, принимал и передавал оружие, боеприпасы, снаряжение, но и понятия не имел, как производятся расчеты с промышленностью. В один прекрасный день присылают нам в бригаду счет. Я глянул и ахнул: девять миллионов рублей! Срок оплаты — десять дней. Меня даже пот прошиб! Но все оказалось очень просто. Начальник финансового управления Советской Армии, взглянув на счет, не проявил никакого беспокойства и наложил резолюцию: «Оплатить». При этом он сказал мне:

— Направляемые промышленностью в ваш адрес счета, товарищ Орлов, будем оплачивать немедленно.

Я успокоился и подумал: какая же все-таки дорогая штука война! И позже, журя кого-нибудь за небрежное отношение к военному имуществу, вспоминал эти большие цифры.

Октябрь 1941 года начался наступлением гитлеровцев на Москву. 6 октября фашисты захватили Брянск, 9-го — Сухиничи, Юхново, Гжатск, 14-го — Калинин.

В первых числах октября из штаба Московской зоны обороны и Главного военно-инженерного управления Советской Армии нам пришел приказ приступить к работе по минированию дальних подступов к столице. Отряды заграждения выехали на выполнение задания. Минирование и закладка фугасов производились на Ленинградском, Пятницком, Волоколамском, Можайском, Наро-Фоминском, Остаповском, Подольском и Каширском шоссе, на грунтовых дорогах и других танкоопасных направлениях. К взрыву подготавливались мосты и трубы. Это был первый опыт выполнения бригадой боевого приказа.

Дожди и ранний снег превратили поля и грунтовые дороги в сплошное месиво. Устанавливать мины в таких

условиях было очень опасно. Руки бойцов коченели, глина толстым слоем прилипала к пальцам. Одно неосторожное движение — и поминай как звали. Однако энергия минеров, темпы их работы не снижались. Нашелся в саперной роте бригады изобретатель — Ивашин, инженер по образованию. Он придумал предохранитель, обеспечивающий безопасность при зарядке и установке мин. Приспособление это имело очень простое устройство, и его запустили в массовое производство.

Минные заграждения на дальних подступах в дни битвы под Москвой сыграли свою роль. Генерал-майор П. А. Белов потом рассказывал, что гитлеровцы, ведя наступление на Каширу, двинули вперед танки. Первые пять машин сразу же подорвались на наших минах, остальные повернули обратно. Возобновить атаку противник не решился.

К 16 октября положение на Западном фронте ухудшилось еще более. В сводках Совинформбюро замелькали названия населенных пунктов, которые считались уже пригородами столицы. Над Москвой нависла страшная опасность. В эти дни было принято решение эвакуировать из столицы ряд правительственных учреждений и промышленных предприятий. Эти меры, вполне естественные в создавшейся обстановке, все же вызвали излишнюю нервозность, суетливость у менее устойчивой части населения города. 15 и 16 октября на Ярославском, Казанском и Курском вокзалах стали появляться толпы эвакуировавшихся. По шоссейным дорогам, ведущим на восток, мчались переполненные машины.

Точно шакалы, почуяв наживу, стали вылезать из своих нор недобитые бывшие белогвардейцы, затаившиеся враги. Они спешили оказать услуги гестапо. В полутемных лестничных клетках на дверях и стенах чьи-то руки выводили: «Здесь живут коммунисты». Обнаглевшие фашистские лазутчики сигнализировали немецким самолетам.

В столице требовалось навести должный порядок и усилить ее оборону.

16 октября командующий Московским военным округом генерал-лейтенант П. А. Артемьев собрал командиров соединений, размещенных в Москве и Подмосковье, и приказал стянуть в Москву все части и сосредоточить их на важнейших участках города. Срок был дан четыре

часа. Прямо на заседании я приказал вызвать полки ОМСБОН в Москву, а когда уходил от начальника гарнизона, мне доложили, что «все уже движется». Только минеры отрядов заграждения остались на местах и продолжали свою работу.

К вечеру наши полки стали прибывать в город. В полном боевом снаряжении омсбоновцы двинулись по затемненным улицам города.

— Запевай! — раздалась команда, и звонкий голос запевалы нарушил тревожную тишину улицы. Роты подхватили припев:

На врага вперед лавиной
Мы по всем фронтам пойдем
И по улицам Берлина
Стяг советский пронесем.

В хоре отчетливо выделялись голоса авторов песни — Семена Гудзенко и Юрия Левитанского. Конечно, это было далеко не лучшее произведение молодых поэтов бригады. И написано оно было наспех, наверное, в поезде, пока ехали в Москву. Но в песне звучала уверенность в победе, а это было главное. С этого дня незыблемым правилом для всех наших подразделений стало ходить по улицам города только с песней, чтобы все знали, что Москва наша, что Красная Армия в городе.

1-й полк расквартировали в Доме союзов и в здании ГУМа, 2-й — в школе на Малой Бронной, в Литературном институте и в опустевшем здании Камерного театра на Тверском бульваре. Бойцы спали прямо на полу, обвешанные патронташами, сумками с гранатами и зажигательными бутылками. По сигналу тревоги они могли выступить мгновенно.

Приходилось считаться с возможностью прорыва вражеских войск в город. 21 октября войскам Московского гарнизона было приказано приступить к созданию городского оборонительного рубежа, к постройке огневых точек и баррикад на площадях и улицах внутри города. Бригаде выделили сектор, осью которого была улица Горького от Белорусского вокзала до Кремля. Передний край проходил вдоль выемки Московско-Белорусской железной дороги и соединительной ветки. На правом фланге — Бутырская застава, на левом — Ваганьковское кладбище.

Теперь, тридцать лет спустя, когда я прохожу по улице Горького, мне просто не верится, что мы готовились к смертельной схватке с врагом на этой шумной, многолюдной улице. На площади Маяковского оборудовались огневые точки с широким сектором обзора и обстрела. В угловых домах окна магазинов и квартир закладывались мешками с песком и кирпичами. Вдоль выемки железной дороги рыли окопы.

Инспектируя как-то ход работы по укреплению отведенного нам сектора города, мы обратили внимание на тележки на тросах.

— Это сюрпризы для врага,— пояснил нам заместитель Шперова капитан Гомберг (он отвечал за инженерное обеспечение обороны).— Мы их загрузим толом и спрячем в подворотне, а трос протянем на другую сторону улицы. Если прорвутся танки, тросом вытянем тележку на середину, прямо под гусеницы.

Идем дальше. На мостовой раскрыт люк. Из люка высовывается голова бойца.

— Что вы здесь делаете?

— Пробую. Отсюда по танку гранатой или бутылкой. Здорово получится.

И, помолчав, вдруг спрашивает:

— Разрешите вопрос, товарищ полковник!

— Пожалуйста.

— Это правда, что кому-то из наших огневая точка досталась в собственной квартире?

— Не знаю. Но очень может быть.

— Да...— сказал боец.— Война в прямом смысле пришла в наш дом.

19 октября 1941 года Москва была объявлена на осадном положении. В городе создали 26 районных военных комендатур, и мы выделили туда опытных офицеров-чекистов, которые занимались проверкой задержанных подозрительных лиц. Наши подразделения начали патрулирование улиц.

В это время пеленгаторные станции НКВД засекли какую-то постороннюю рацию. Пеленгование привело в поселок вблизи Коломны. Сомнений не было: сигналы в эфир передавала вражеская радиостанция. Окружив подозрительный участок (в оцепление была выделена одна рота из ОМСБОН), чекисты захватили фашистских шпионов.

В дни обороны Москвы в подразделениях ОМСБОН усилилась политработа. Стала выходить бригадная многотиражка «Победа за нами», появились плакаты «Боевая сатира». Их выпускали художники политотдела.

Политотдел бригады однажды пригласил выступить перед бойцами Героя Советского Союза чекиста-пограничника старшего политрука С. Руденко. Я пришел на одну из этих встреч. На сцену поднялся худощавый, уже немолодой человек со шпалой на зеленых петлицах и звездой на рукаве — старший политрук.

В начале войны на границе в Карелии Руденко с группой бойцов выдержал бой с вражеским подразделением. Потом он вдвоем с фельдшером прикрывал отход своей группы. Фашисты окружили его молодого товарища и потребовали сдаться. Но тот крикнул: «Чекисты не сдаются!» — и ответил гитлеровцам яростным огнем.

После гибели фельдшера Руденко продолжал отбиваться в одиночку. Он плохо помнил, что произошло дальше.

Когда пограничники подобрали потерявшего сознание политрука, на его теле было семнадцать ран. Через три-четыре месяца Руденко снова был в строю.

Рассказ Руденко о подвиге его боевого товарища глубоко запал в души наших бойцов и командиров. Предсмертные слова героя «Чекисты не сдаются!» стали крылатыми в бригаде. Их потом не раз повторяли чекисты, дравшиеся насмерть с врагом.

К концу октября обстановка под Москвой продолжала оставаться напряженной и опасной. Враг далеко продвинулся вперед. Но ему все же не удалось осуществить свои замыслы. Приближались ноябрьские праздники — XXIV годовщина Октябрьской революции. Мы получили приказ подготовить к участию в военном параде один полк. Приказ этот нас обрадовал: от него веяло уверенностью в победе, он звучал как вызов врагу. Для участия в параде был создан сводный полк под командованием майора Иванова, и началась подготовка. Накануне праздника враг усилил воздушные налеты на Москву. Однако подготовка к параду не прекращалась. Вечером 6 ноября нам, командирам воинских частей, дислоцированных в Москве, вручили пригласительные билеты на торжественное заседание, посвященное XXIV годовщине Октябрьской революции. Ввиду опасности воз-

душных налетов, оно проходило в метро, на платформе станции «Маяковская». Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина, прослушанный с глубочайшим вниманием, и торжественное заседание в целом произвели на присутствующих неизгладимое впечатление. Его мобилизующее и вдохновляющее значение трудно описать.

Рано утром 7 ноября мы получили приказ готовиться к выступлению на парад. Радости и всеобщему воодушевлению командиров и бойцов не было предела. Вместе с тем каждый участник парада чувствовал величайшую ответственность. Ведь парад будет проходить в столь суровое для Москвы и всей Родины время. Это обстоятельство еще больше усиливало строгость и подтянутость тех, кому предстояло маршировать по Красной площади.

К началу парада повалил густой снег. Все побелело: крыши домов, улицы, машины, шапки, плечи, вещмешки. Белая пелена заволокла небо.

...Мы с комиссаром бригады стояли у Мавзолея и немного волновались. Если не считать нескольких дней перед парадом, наши бойцы никогда не учились ходить широкими парадными шеренгами. Конечно, никто не взыскал бы с нас за недочеты на этом параде фронтовых частей, но не хотелось ударить в грязь лицом. И вот показались командир полка Иванов и комиссар Стехов. Они шли впереди. За ними побатальонно шагал наш сводный полк. С винтовками на плечах, с вещевыми мешками за спиной бойцы держали равнение...

Многие части, участвовавшие в параде, прямо с Красной площади уходили на фронт.

Военный парад 7 ноября 1941 года, выступление Верховного главнокомандующего с трибуны Мавзолея В. И. Ленина высоко подняли боевой дух защитников Москвы, еще теснее сплотили советский народ вокруг Коммунистической партии, укрепили уверенность в победе над врагом.

В дни праздника наши пункты сбора донесений буквально были завалены письмами. Они приходили со всех концов страны. Интересно, что многие родственники наших бойцов писали письма не только им, но и их товарищам и командирам. Вот одно из таких писем, полученное командованием 2-го мотострелкового полка:

«Дорогие нашему сердцу командир и комиссар части, в которой находится наш сын Владимир Федорович Михеев!

От всего сердца поздравляем вас и в вашем лице бойцов вверенной вам части с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции и желаем вам здоровья, сил и успехов в борьбе с врагами. В этом письме мне хочется передать нашу любовь и преданность вам, наши дорогие защитники и герои. Вы нам все одинаково дороги, так же как и наш сын Владимир, 17-летний юноша, учащийся одной из школ столицы. Горя патриотическим чувством, он добровольно пошел в ряды РККА защищать свою Родину от подлого врага. 22 июня он стал звонить по телефону друзьям-комсомольцам, после чего написал заявление в военный комиссариат с просьбой зачислить его в ряды Красной Армии. Что нам, родителям (мы оба члены партии), оставалось делать и как реагировать на этот поступок? Мы его одобрили, хотя знали, что ему будет нелегко, как и всем, вести жестокую борьбу с сильным врагом. Мы сейчас гордимся его поступком. Я сам в тылу также самоотверженно работаю и всеми силами помогаю Красной Армии громить врага. Будьте здоровы! Жму вашу руку. Искренне желаю победы нашей славной Красной Армии.

Ф. Михеев».

Дороги в Москву закрыты

В середине ноября, подтянув резервы, вражеские войска возобновили наступление. Гитлер приказал взять Москву «любой ценой». И хотя фашисты продолжали продвигаться вперед и опасность была по-прежнему велика, в городе царило совсем другое настроение, чем месяц назад. Все мы были твердо уверены, что Москву отстоим и фашистов в столицу не пустим. Одним из наиболее опасных участков стал северо-западный — прямое продолжение нашего сектора обороны в городе. Здесь вели наступление две танковые группы противника — Гота и Хепнера.

16-я армия генерала Рокоссовского и 30-я армия генерала Лелюшенко вели тяжелые оборонительные бои. Нужно было измотать и обескровить врага, заставить его свернуть с главных магистралей, запутать в лесах Подмосковья и остановить.

По распоряжению Верховного Главнокомандования Главным военно-инженерным управлением Советской Армии для прикрытия заграждениями направления Клин — Дмитров была образована оперативно-инженерная группа № 2 под командованием генерал-майора инженерных войск И. П. Галицкого и начальника штаба полковника Е. В. Леошеня (начальника кафедры Военной академии имени Фрунзе). Оперативно-инженерная группа состояла из трех отрядов, одним из них был сводный отряд ОМСБОН, которым по-прежнему командовал майор М. Н. Шперов. На оперативно-инженерную группу возлагалась задача — устройство массированных заграждений в зоне Московское море — Клин — Солнечногорск — Дмитров — Яхрома, где наступала главная вражеская группировка, с целью максимально сдержать ее наступление к каналу Волга — Москва.

Днем раньше официального принятия этого решения по распоряжению генштаба сводному отряду ОМСБОН было приказано прибыть в Ямугу (в 5 км севернее Клина) и поступить в распоряжение находившегося уже там полковника Леошеня. В состав отряда входили два мотострелковых батальона, отдельная саперная рота, отдельная рота связи и два отдельных саперных взвода. Всего около трех батальонов.

Для обеспечения работ в совхоз «Нагорный» под Ямугу было доставлено более 30 тонн взрывчатых веществ, 10 тысяч штук противотанковых мин ЯМ-5 и 5 тысяч штук противопехотных мин.

Ранним утром 16 ноября первая колонна наших машин помчалась по Ленинградскому шоссе. Холодный ноябрьский ветер гнал по обледеневшему асфальту снежные барханчики, забирался под белые полушубки, больно щипал лица. Это было боевое задание, непосредственно на линии фронта, и многие волновались, но виду, конечно, не подавали.

По прибытии на место отряд, не теряя ни минуты времени, приступил к минированию участков, указанных командованием 30-й армии. Условия работы оказались

тяжелыми. Мерзлый грунт с трудом поддавался ломам и саперным лопатам. На холоде пальцы никак не могли вставить взрыватели. Тогда мины стали снаряжать в избах, а затем их переносили на руках и вкладывали в приготовленные лунки. И это в условиях непрекращающегося артиллерийского обстрела и периодических воздушных налетов. Когда бойцы минировали шоссе у деревни Спас-Заулок, внезапно из низко нависших облаков вынырнули три «юнкерса» и стали пикировать на минеров. Однако ребята не испугались. Затрещал пулемет. Это Валерий Москаленко, студент-геолог МГУ, открыл огонь из своего «дегтярева». Его обычно добродушное курносое лицо стало напряженным, злым, руки цепко обхватили приклад. Разбежавшись в стороны, бойцы залегли и, вскинув винтовки, стали посылать пули в черное брюхо фашистских бомбардировщиков. Сбросив серию бомб, самолеты пошли на второй заход, потом на третий. Они неистово поливали бойцов свинцом, но те все же продолжали долбить землю в промежутках между заходами.

Командир 1-й роты старший лейтенант Алексей Мальцев был вместе с бойцами. Его спокойствие и мужество передавались другим. Рота работала на большом участке, и командир появлялся то в одном, то в другом взводе. Во время перебежки внезапно раздался свист, и тотчас последовал взрыв. Мальцев не успел залечь, и волна плотного воздуха с силой бросила его на землю... Старший лейтенант Алексей Мальцев первым в нашей бригаде отдал жизнь за Родину. Его заместитель А. П. Михайлов был тяжело ранен.

В эти же дни на другом участке шоссе погиб командир 2-й роты лейтенант Сергей Золин. Его роту атаковали вражеские танки и автоматчики. Золин приказал одному из бойцов выдвинуться вперед и при приближении передового танка поджечь его бутылками с зажигательной жидкостью. В это время раздалась пулеметная очередь, и лейтенант упал.

После гибели Мальцева и Золина их роты приняли старший лейтенант А. П. Шестаков и лейтенант государственной безопасности (теперь полковник в отставке) П. П. Дмитриев.

Несмотря на обстрел с земли и воздуха, закладка мин на Ленинградском шоссе продолжалась.

Под напором гитлеровских танковых соединений вслед

за частями 30-й и 16-й армий наш отряд отошел из района Завидово в сторону Клина. При отходе отряд взорвал Ленинградское шоссе на участке Завидово — Ямуга и мост через Московское море. Фашистским генералам пришлось искать обходные пути, но и там они натыкались на наши минные поля.

Отряды заграждения, передвигаясь на автомашинах с запасом противотанковых мин, имели возможность быстро маневрировать, появляться на тех участках, где создавалась наиболее острая обстановка, и своими минами встречать атакующие танки противника.

21 ноября гитлеровцы прорвались на станцию Завидово и ближайшие подступы к Клину. В район Клина прибыл командующий Московской зоной обороны генерал-лейтенант П. А. Артемьев. По согласованию с командующими 30-й и 16-й армиями он приказал оперативной инженерной группе устраивать заграждения на подступах к Клину и вдоль Ленинградского шоссе от Клина до Химок с последующим взрывом шоссе по мере выхода немцев на эту линию. Выполнение этого приказа было возложено на сводный отряд ОМСБОН. По окончании работ отрядам предстояло оставаться на месте и охранять минные поля, пока через их участки не пройдут наши отступающие части. Минеры обычно отходили последними.

Получив приказ, отряды ОМСБОН немедленно приступили к его выполнению.

Когда утром 22 ноября фашистские войска двинулись от Завидова вдоль Ленинградского шоссе на Ямугу — Клин, саперы отряда Шперова перед линией атакующих вражеских танков взорвали Ленинградское шоссе. Оно покрылось сплошными воронками и глыбами развороченного асфальтобетона. Гитлеровцы двигаться по шоссе не могли. Они вынуждены были медленно пробираться стороной, неся большие потери от наших мин и обстрела обороняющихся войск.

Подразделения ОМСБОН были разбросаны на большом расстоянии друг от друга, а имевшиеся у них батальонные рации могли держать связь только на расстоянии полукилометра, в этих условиях единственным надежным средством связи были мотоциклы. Мотоциклистам Фомину, Сафонову, Габайдулину, испанцу Хозе Гроссу пришлось действовать на широком фронте двух

армий. Они развозили приказы и донесения часто под огнем врага. Но особенно отличался связной 1-го батальона Эдуард Соломон, худощавый парень с чуть приподнятыми бровями (казалось, что Эдуард всегда чему-то удивляется). Страха, видимо, он не знал никогда. Мотоцикл в его руках выглядел то разъяренным зверем, то кроткой овечкой, но всегда был покорен своему хозяину. Как-то от сильной перегрузки лопнула ось коляски. Эдуард не бросил машину. Под огнем он отцепил коляску, переложил груз в коляску товарища и уехал невредимый. Обстановка на фронте менялась непрерывно. Однажды Соломон влетел в деревню Ямуга, где недавно были наши войска. Но Ямугу уже заняли немцы. Какое-то мгновение он смотрел своими удивленными глазами на фигуры в зеленых шинелях и, прежде чем те успели сообразить, в чем дело, швырнул гранату и, развернув машину, умчался прочь.

Не раз отряды ОМСБОН, отступая последними без прикрытия, сталкивались лицом к лицу с мощным, вооруженным до зубов противником и оказывались в исключительно тяжелом положении. Но и в этих случаях чекисты-омсбоновцы не отступали, не выполнив боевую задачу до конца.

Когда роты Шестакова и Дмитриева минировали участок Ленинградского шоссе южнее Клина и участок железной дороги Решетниково — Конаково, на рассвете их атаковали вражеские танки и автоматчики. Несмотря на сильный огонь, старший сержант Яковлев пробрался к фугасам и взорвал их. За первыми взрывами послышались еще. Это минеры Матросов, Шатов и Башкетов во главе с лейтенантами чекистами А. И. Авдеевым и Л. Д. Токаревым взрывали шоссе, преграждая путь танкам и мотопехоте врага.

В эти дни подвижные части гитлеровцев усиленно старались нащупать слабые места в нашей обороне и просочиться в тылы и на фланги советских войск. В результате некоторые подразделения и группы бойцов ОМСБОН оказывались отрезанными от своих.

Так произошло с группой бойцов из саперной роты капитана Манусова: находясь на охране минных полей во время отступления наших частей, они были обойдены войсками противника, и с ними уже трое суток не было связи.

Разыскать товарищей взялся знаменитый лыжник младший лейтенант Володя Бородин.

Перед нами появилась фигура высоченного роста. Шинель самого большого размера не достигала его колен. «Набрал чемпионов,— подумал я,— теперь хоть швальню открывай. Нестандартная публика».

— Сумеете пробраться к старому участку? — задал я вопрос младшему лейтенанту.

— Сумею, товарищ полковник.

— Нужно вывести оттуда бойцов. Будьте внимательны, не наскочите на собственные мины.

Бородин отобрал несколько человек и отправился на выполнение задания.

Через день я снова увидел великана. Он весело улыбнулся и, махнув рукой около головного убора, доложил:

— Ваше приказание выполнено, товарищ полковник!

— Всех вывели?

— Всех до одного.

В более трудном положении оказалась группа бойцов из роты старшего лейтенанта Шестакова. Они охраняли минные поля недалеко от деревни Давыдково и пропускали через проходы отходящие части 16-й и 30-й армий. Внезапно на правом фланге появились вражеские танки и автоматчики. Был получен приказ снять посты и отходить. Виктор Кувшинников просил разрешить ему остаться дежурить у прохода.

— Там еще остались наши,— обратился он к командиру отделения.— Что же им, на наших минах подрываться?

Товарищи остались поджидать Кувшинникова. Когда наконец Виктор убедился, что все наши бойцы прошли минное поле и на той стороне никого не осталось, он и поджидавшие его товарищи хотели присоединиться к своим. Но было уже поздно. Противник отрезал пути отхода. Обстрел усилился, и омсбоновцы отошли в лес. Их было десять человек: бывшие студенты Москаленко, Черний, Саховалер, Гречанник, Лепешинский, мастер 1-го часового завода Лазарь Паперник, вчерашний слесарь Кувшинников и другие. Командование принял Саховалер, высокий черноволосый юноша с двумя треугольниками на петлицах. Он считался самым опытным: воевал в лыжном комсомольском батальоне в финскую кампанию. Кроме омсбоновцев в лесу укрылось около полусотни бойцов 16-й армии, отставших от своих частей. Сахова-

лер и их принял под свое начальство, разбил на отделения, назначил командиров. Сержант повел свое маленькое войско на Давыдково, но деревня уже была охвачена огнем. Пришлось свернуть на Замятино. Вскоре и туда вступили гитлеровские танки. Бойцы своевременно покинули деревню. Когда танки врага вошли в деревню и открыли по нашим бойцам огонь, они уже были далеко и скрылись в лесу. Наутро вышли к Солнечногорску. От беженцев узнали, что в городе фашисты. Пришлось свернуть в сторону Рогачевского шоссе. Только на третьи сутки отряд вышел в расположение советских войск, и вскоре мы встретились с нашими окруженцами. Пребывание в окружении вражеских войск само по себе малозначительное событие. Но для нас оно было очень важным. В начале войны слово «окружение» часто вызывало панический страх, лишало боеспособности целые части. Как выдержат это испытание наши еще не обстрелянные бойцы — вот что волновало командование бригады. Тем более, что действие в окружении должно было стать их военной специальностью: им предстояли действия в тылу врага. Тот факт, что наши бойцы, оказавшись за линией фронта, не растерялись, проявили организованность, находчивость и смогли выбраться к своим, был хорошим признаком.

Левее Ленинградского шоссе на фронте 16-й армии действовали роты капитанов А. М. Лекомцева, Е. И. Мирковского, П. М. Куриленко из 1-го полка. Им также приходилось на широком участке задерживать продвижение противника и отходить последними. Рота Лекомцева вышла к шоссе севернее Солнечногорска, когда там уже появились немецкие танки и автоматчики. Для борьбы с танками мы имели ампулометы. Это были громоздкие приспособления. На тяжелой деревянной крестовине держалась труба для метания ампул, наполненных самовоспламеняющейся жидкостью. Таскать их было страшно неудобно, и ампулометчики, волоча огромную крестовину, мрачно шутили:

— Вот уж, действительно, крест несем.

На Ленинградском шоссе воинам удалось поджечь два танка. Но вражеские минометы быстро накрыли их позиции, и ампулы загорелись. Ампулометчики выскочили из охваченного пламенем окопа и попали прямо в руки противника. Гитлеровцы заперли их в овощехранилище.

Однако в ту же ночь нашим удалось бежать через вытяжное окно и присоединиться к своим.

Когда стемнело, А. М. Лекомцев повел свою роту к Солнечногорску. Впереди шла разведка. Ее возглавлял командир взвода Сухарев. Подошли к городу уже поздней ночью. Кругом стояла тишина. Казалось, в Солнечногорске никого нет. Сухарев оставил разведчиков на окраине, а сам осторожно пошел по улице. Вдруг он уловил незнакомую речь, а затем разглядел очертания вражеских танков и орудий. Сухарев повернул назад...

Город обошли незаметно и осторожно (лед был еще тонок) по льду Сенежского озера. На рассвете рота вышла к деревне Пешки, южнее Солнечногорска. Имея запас мин и взрывчатки, Лекомцев приказал приступить к минированию и закладке фугасов на новом участке. Немецкие самолеты обнаружили минеров и, снизившись, стали их обстреливать. Были убиты сержанты Осокин и Воробьев. Не смог подняться Мягков: пули попали ему в ноги. Евгений Иванов был ранен в голову. Окровавленный, он подполз к Мягкову и перевязал ему раны. Только после этого стал бинтовать свою голову.

Овладев деревней Ямугой, гитлеровцы начали обстрел совхоза «Нагорный» и находившегося там склада взрывчатых веществ и мин. Действовавшему здесь саперному взводу под командованием лейтенанта госбезопасности А. И. Авдеева удалось взорвать склад и выбраться к деревне Клусово на Рогачевском шоссе, обороняемой частями 126-й дивизии. От командования Авдеев получил боевую задачу: срочно заминировать Клусовский мост через реку Кимершу, заложить фугасы на шоссе. Приказ был выполнен. С 24 по 30 ноября за деревню Клусово шли ожесточенные бои. Обе стороны несли большие потери. Во взводе Авдеева погиб его заместитель сержант Михаил Матросов[1]. Был тяжело ранен командир отделения Александр Нахмансон, несколько минеров получили тяжелые контузии. 27 ноября Авдеев получил приказ взорвать Клусовский мост и фугасы на шоссе. Офицер П. Г. Омельчук, комсорг К. В. Башкетов, минер В. Н. Милутка под ураганным огнем противника выполнили приказ. Вражеские танки и мотопехота не

---

[1] М. Матросов был похоронен в деревне Храброво 29 ноября 1941 года.

смогли прорваться по Рогачевскому шоссе к Москве. Лейтенант Авдеев и минеры его взвода за умелое выполнение приказа командования и проявленные при этом мужество и отвагу были представлены к правительственным наградам.

28 ноября две роты гитлеровцев, переодетых в красноармейскую форму, переправились через канал по льду и захватили яхромский мост. Мост был минирован, но удалось ли его взорвать, оставалось неизвестным. Саперы, которые должны были разрушить мост, к сожалению, не вернулись.

— Надо выяснить,— задумчиво промолвил Шперов.— Если мост цел, то...

В разведку послали лейтенанта госбезопасности Михаила Бреусова, невысокого крепыша с вьющимися волосами. Во 2-м полку это был один из самых любимых офицеров. Молодежь обожала Бреусова за приветливость и храбрость, за чекистскую смекалку и неиссякаемую жизнерадостность.

С тремя бойцами Бреусов прошмыгнул через передний край противника и, подобравшись к берегу канала, осмотрел мост. Саперы, видимо, ценой жизни выполнили свой долг. Когда Бреусов вернулся и доложил об этом, у всех отлегло от сердца: вражеские танки не смогут переправиться на восточный берег канала.

Несмотря на трудности и постоянное пребывание под огнем противника, боевая работа сводного отряда ОМСБОН не прекращалась ни на один день. В течение октября и в начале ноября 1941 года отрядом было установлено 12 тысяч противотанковых и 8 тысяч противопехотных мин, заложено 160 мощных фугасов, устроено 34 фугасные воронки; подготовлено к взрыву 67 километров шоссейных дорог, 19 мостов, 2 трубы. В результате этих препятствий и активного сопротивления частей 30-й и 16-й армий войска противника на главном направлении могли продвигаться лишь на один-два километра в сутки.

3 декабря части 1-й ударной армии генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова, форсировав канал, нанесли контрудар по гитлеровским войскам. Для поддержки пехоты нужно было перебросить на западный берег канала танки и артиллерию. Но тонкий лед мог не выдержать такую тяжесть. Наш отряд получил приказ в кратчайший срок

навести переправу в районе Яхромы. 6-я рота 2-го полка под командованием капитана Н. С. Горбачева и политрука Николаенко, совершив двадцатикилометровый марш, приступила к работе. Строительство настила велось у самого переднего края. Совсем рядом рвались снаряды и мины. Но никто не обращал на них внимания. Работали с азартом. Не чувствуя тяжести, таскали на себе огромные бревна и телеграфные столбы. Здесь были старшие сержанты Борисевич и Свинцов, красноармейцы Лавришков, Василенко, Черний, болгарин Асен Дроганов и многие другие. Переправа была готова в срок. Окончив работу, бойцы 6-й роты с восторгом смотрели, как одна за другой тяжелые бронированные машины сползали на настил, уложенный прямо на лед, осторожно тарахтели по бревнам и, взлетев по склону противоположного берега, шли в бой.

А 6 декабря началось общее наступление. Еще вечером 5 декабря наши бойцы ставили заграждения у деревни Горки, почти у самого Пироговского водохранилища (это был самый крайний пункт продвижения противника к Москве), а утром началось разминирование. В этом месте должно было наступать подразделение морской пехоты. Их командир нервничал и торопил:

— Нельзя ли поскорее? Задерживаете!

— Ишь какой быстрый! Это, браток, мины. Они спешки не любят,— ответил я, хотя самому хотелось кричать: «Скорее!» И прибавил: — Ничего, моряк, сейчас будешь наступать!

— Проходы готовы, товарищ полковник! — доложил командир взвода.

— Ну, ни пуха тебе, ни пера, моряк! Наступай!

Минеры повели морскую пехоту через проходы, и, когда издали послышалось громкое матросское «ура», они сорвали шапки и подхватили победный клич...

Минные поля, созданные нашими подразделениями, были настолько мощными, что вражеские саперы не успели их обезвредить. Если они раньше препятствовали продвижению гитлеровских войск вперед, то теперь, оказавшись у них в тылу, они мешали их отступлению. В узких проходах, проложенных через минные поля, создавались пробки, застревали автомашины, тягачи, орудия, танки. Пытаясь объехать эти заторы, гитлеровцы наскакивали на мины и взлетали на воздух. Наша авиация ус-

пешно бомбила скопления войск и боевой техники противника.

Теперь омсбоновцы должны были расчистить путь наступающим частям Советской Армии. Выполняя эту задачу, мы могли увидеть результаты нашей работы и произвести некоторые подсчеты. Оказалось, что на фугасах и минах, установленных сводным отрядом ОМСБОН, подорвалось 30 немецких танков, 20 броневиков, 68 машин с мотопехотой, 19 легковых автомобилей с офицерами, 53 мотоцикла. Подразделения бригады захватили в исправном состоянии 17 автомашин, 35 мотоциклов БМВ с колясками, 46 велосипедов, много пулеметов, радиоприемников и телефонных аппаратов. Но самым важным результатом был выигрыш времени. С помощью инженерных заграждений мы изматывали силы врага и экономили свои, задерживали продвижение пехоты и танков, заставляли противника уходить с удобных магистралей на проселочные и лесные дороги, где его легче было бить.

Разминирование проходило не всегда гладко. На полях лежал уже довольно глубокий снег. Миноискателей не хватало, и мины приходилось отыскивать обыкновенным щупом. На одном из участков разминирование производили саперы 2-го полка. Майор Иванов и комиссар полка Стехов находились вместе с бойцами. Сержант Федор Солдатов осторожно водил щупом под снегом. Вдруг раздался взрыв. От едва приметного толчка соскочила чека, и механизм взрывателя мгновенно сработал. Взрывная волна подбросила Федю вверх и швырнула в снег. Но прежде чем Иванов и Стехов успели подбежать к пострадавшему, Федя, оглушенный взрывом, но не выпустивший при падении щупа, уже снова сосредоточенно водил им под снегом.

Наши подразделения, находившиеся на фронте, всеми средствами помогали наступающим частям Советской Армии. 7 декабря около станции Крюково отряд разведчиков 1-го полка под командованием старшего лейтенанта госбезопасности Ключникова получил задание отвлечь внимание противника и обеспечить внезапность наступления 8-й гвардейской дивизии имени Панфилова и 1-й гвардейской танковой бригады. Совершив двадцатикилометровый обходный маневр, отряд разведчиков переправился через реку Сходню и в сорока метрах от немецких позиций ползком продвинулся вдоль линии

фронта. Рассредоточившись небольшими группами на протяжении километра, бойцы выбрали выгодные позиции и по сигналу открыли стрельбу по окопам противника. Не подозревая, что перед ними лишь горсточка храбрецов, гитлеровцы сосредоточили огонь на этом участке и прозевали внезапный удар гвардейских соединений. Разведчикам была объявлена благодарность командования, а через несколько дней они повторили свой подвиг у города Истры.

Получили персональное задание и мы с комиссаром. В штабе 30-й армии нас разыскал по телефону начальник управления НКВД:

— Михаил Федорович! Придется вам с Алексеем Алексеевичем ехать в Калинин.

— Там же еще немцы!

— Вот-вот. Нужно будет въехать в город вместе с наступающими войсками.

Дело, оказывается, было в следующем. При отступлении наших войск в Калинине остался наш разведчик В. М. Иванов. В оккупированном городе он руководил разведывательной группой и по радио передавал в Москву очень важные сведения. Себя он выдавал за священнослужителя и в «угоду» оккупантам исполнял религиозные обряды.

— Когда освободят город,— слышал я в телефонной трубке,— могут не разобраться и сгоряча расстрелять Иванова как предателя. Нужно, чтобы кто-нибудь из наших забрал его и его помощников. Вы с Максимовым ближе всех к Калинину. Поезжайте!

И мы поехали. Наша машина шла по Ленинградскому шоссе мимо тех мест, где совсем еще недавно омсбоновцы вели минную войну с вражескими танками и автоматчиками. Всюду, где пролегали полосы препятствий оперативной группы заграждений, виднелись разбитые грузовики, беспомощно поникшие танковые пушки.

В Калинине, куда мы въехали вместе с передовыми частями Советской Армии, еще шел бой. Мы несколько раз попадали под обстрел, но наш шофер, умело маневрируя, выбирался из-под обстрела. К полудню Калинин был освобожден.

На улицы высыпали толпы людей. Со слезами радости на глазах они обнимали бойцов, расспрашивали, рассказывали о пережитом.

Не без труда на северной окраине Калинина разыскали мы нашего разведчика и его товарищей. Их, конечно, арестовали за сотрудничество с врагом, и мне с Максимовым пришлось разъяснять работникам Особого отдела, что это было за «сотрудничество с врагом». Через несколько дней вместе с Ивановым мы вернулись в Москву...

Так окончился первый период боевой истории ОМСБОН. Он был насыщен схватками с врагом лицом к лицу на дальних и особенно на ближних подступах к столице. Этот период подтвердил правильность решения Ставки Верховного Главнокомандования о массированном применении инженерных заграждений на направлениях главного удара противника. Сплошное минирование всех возможных танкопроходимых путей дало значительный эффект в достижении главной цели — снижение темпов наступления врага, нанесение ему максимальных потерь и выигрыш времени для сосредоточения наших стратегических резервов и перехода в наступление. Мы счастливы и горды тем, что в выполнение этой важной задачи при обороне Москвы ОМСБОН внесла свой посильный вклад.

После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой гитлеровское командование стремилось во что бы то ни стало удержать в своих руках выгодные оборонительные рубежи вблизи Москвы. Особое значение оно придавало обороне подступов к «смоленским воротам» и всеми силами стремилось удержать в своих руках Вяземский и Брянский узлы, где проходили основные пути связи и снабжения группы армий «Центр». В связи с этим, пользуясь отсутствием второго фронта, гитлеровское командование усиленно перебрасывало сюда с Запада, в частности из Франции, все новые и новые дивизии. Надо было расстроить планы фашистского командования по укреплению положения в этих районах.

Теперь руководство НКВД и командование Западного фронта предоставило Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения возможность приступить к выполнению прямых своих функций. Советскому командованию нужно было знать, где враг сосредоточивает свои резервы, откуда и по каким дорогам он следует,

блокировать и выводить из строя железнодорожные узлы противника, срывать доставку резервов к фронту, уничтожать его военную технику и живую силу, разжигать в тылу врага пламя партизанской войны.

Для выполнения этих задач бригада стала усиленно формировать и отправлять в тыл врага чекистские специальные отряды и оперативные группы. Только зимой и в начале весны 1942 года (за три месяца) через линию фронта на лыжах было переправлено из ОМСБОН более двадцати отрядов. За Вязьму, Смоленск, Оршу, Витебск, Полоцк, Борисов, Минск, Сухиничи, Думиничи, Людиново, Жиздру, Рославль, Брянск, Гомель были направлены отряды под командованием Н. С. Артамонова, М. К. Бажанова, Н. А. Балашова, А. И. Воропаева, Н. А. Васина, С. А. Ваупшасова, В. Н. Воронова, Н. С. Горбачева, С. А. Каминского, И. М. Кузина, К. З. Лазнюка, П. Г. Лопатина, Е. И. Мирковского, В. Л. Неклюдова, Ф. Ф. Озмителя, М. С. Прудникова, П. Я. Попова, Г. М. Хвостова, П. Г. Шемякина, А. П. Шестакова и других.

Боевой опыт, полученный в великой битве под Москвой, действия наших первых чекистских отрядов в тылу врага были тем фундаментом, на котором в дальнейшем выросло высокое чекистское, воинское и партизанское мастерство личного состава бригады.

Каждый отряд, каждая группа, подготовленная и заброшенная бригадой в тыл врага, имеет свою боевую историю, своих героев.

Партия и правительство, высоко оценив боевую и разведывательную деятельность личного состава ОМСБОН, присвоили 20 ее воинам-чекистам звание Героя Советского Союза. Более семи тысяч омсбоновцев награждены орденами и медалями.

Прошло уже тридцать лет с тех пор, как отгремели последние залпы орудий второй мировой войны. Давно стерты с лица нашей земли кровавые следы фашистских захватчиков, а героические подвиги воинов-чекистов и поныне помнит наш народ.

Красные следопыты — пионеры и комсомольцы идут по боевым путям наших отрядов, собирают материалы о их героических подвигах, увековечивают память погибших.

★

ЭТО БЫЛО В КИЕВЕ...

В. ДРОЗДОВ, А. ЕВСЕЕВ

Появление Максима

С чего начинается рассказ о разведчике? С его детства? У Максима оно прошло где-то под Борисполем. Рос без отца. Батрачил, учился в школе, работал слесарем в МТС и никогда не помышлял о работе разведчика.

А может быть, рассказ о Максиме следует вести с той минуты, когда вступил он в первое соприкосновение с врагом? Но это было бы не совсем правильно, потому что ее предваряли месяцы и годы пограничной службы и учебы, смысл которой и заключался в том, чтобы первые минуты в тылу врага не отличались от всех других. Чтобы и тут разведчик чувствовал себя, ну, пусть не совсем как дома, но все же более или менее спокойно. Вот почему мы бы начали с того дня, когда Иван Кудря стал Максимом.

Произошло это в первых числах августа 1941 года в Киеве. Гитлеровские войска находились уже близко от столицы Украины. Кудрю вызвал полковник Сергей Романович Славченко, один из руководителей НКВД Украины.

— Как вы отнесетесь к тому, Иван Данилович,— спросил он и посмотрел внимательно ему в глаза,— если мы оставим вас в Киеве?

— Я согласен,— без колебаний ответил Кудря. Он помолчал немного и добавил: — В Киеве я работаю недавно, и меня здесь мало кто знает.

— Мы хотим перед вами поставить сложные задачи разведывательно-диверсионного характера. Справитесь?

— Я коммунист. Сделаю все от меня зависящее,— сказал Кудря.

Полковник вышел из-за стола, крепко пожал ему руку.

— Другого ответа не ожидал от вас,— проговорил он и добавил: — Товарищ Максим.

Так Иван Кудря получил новое имя, под которым он станет известен только узкому кругу лиц, посвященных в тайну предстоящей операции. С того дня он перестал посещать наркомат, снял форму, стал носить украинскую сорочку и шляпу, отпустил усы — словом, изменил свою внешность.

...Как-то в беседе с С. Р. Славченко мы спросили, почему выбор пал именно на Кудрю.

— Это был прирожденный разведчик,— ответил он,— хладнокровный, не терявший головы даже в самой сложной ситуации, отважный, терпеливый, великолепно знавший язык. Кроме того, Иван отлично умел уживаться с людьми, быстро завоевывал симпатии. Не знаю человека, который не был бы дружественно настроен к этому обаятельному, жизнерадостному, всегда улыбавшемуся красивому парню.

Первый «подарок»

19 сентября 1941 года наши войска оставили Киев и перешли на левый берег Днепра. Было очень тихо. Когда подрывники уже получили приказ рвать переправы, на Дарницкий мост вбежал последний, запоздавший солдат. В подоткнутой за пояс шинели, задыхаясь от напряжения, он простучал сапогами по деревянной обшивке и ловко свалился в окопчик подрывников.

Раздался взрыв. Словно бы нехотя, оттягивая последнюю минуту расставания с опорами, поднялись и упали на дно Днепра казавшиеся вечными стальные фермы моста.

В городе наступило безвластие. И тогда вся нечисть, все, что таилось, прозябало и лелеяло надежду на возвращение старого, все, что двадцать лет вынашивало звериную злобу к Советам, ненавидело и боялось, выплеснулось на улицы. Жиденьким ручейком грязи потекло оно по мостовым, останавливаясь у витрин магазинов, чтобы бросить в них камень. В городе начались грабежи. Враг номер два, подлый, безжалостный и трусливый, привык-

ший хитро маскироваться под советского человека и потому опасный вдвойне, впервые показывал себя во всей красе.

Это из таких оккупанты набирали полицаев и карателей, управдомов, следователей, провокаторов.

Кудря шел с Марией Ильиничной (хозяйкой квартиры) по Крещатику и с болью наблюдал, как выползают наружу эти слизняки. Появились первые солдаты в темно-зеленой форме. Жалкая кучка отщепенцев, одетых по-праздничному, направилась к Бессарабскому рынку, чтобы приветствовать представителей «нового порядка». Видел Кудря и хмурые лица молодых парней, враждебные взгляды рабочих.

— Ну эти им еще устроят прием,— подумал он вслух.

Вернувшись домой на Институтскую, Кудря еще раз осмотрел квартиру. Все было в порядке. Документы, оружие, деньги были надежно спрятаны. Вечером он передал радисту текст первой радиограммы, сообщавшей об обстановке в Киеве.

Максим и его группа начали действовать.

На следующий день был объявлен первый приказ немецкого военного коменданта: «Всем гражданам города Киева и его окрестностей немедленно, в течение 24 часов, сдать в комендатуру огнестрельное оружие, приемники и противогазы. За невыполнение — расстрел!» Но принять радиоприемники в течение суток для немцев оказалось невозможным — так их было много. Легенда о том, что в России нет радио, была опрокинута тем фактом, что даже пять дней спустя люди еще стояли, прислонившись к фасадам домов, и терпеливо ожидали очереди сдать приемники. Рассказывают, что проходившие мимо гестаповцы с жадностью посматривали на красавцы СВД-М, ТН-6 и другие классные по тому времени радиоприемники.

24 сентября, когда приспособленный под склад магазин «Детский мир» уже был заполнен, в очередь встал плечистый коренастый мужчина лет сорока в простой рабочей одежде. Одним из последних вошел он в глубь магазина, аккуратно поставил свой приемник подальше от входа. А когда наступил комендантский час и все жители Киева находились уже дома, в складе радиоприемников раздался взрыв. И тотчас же второй, еще более мощный удар потряс воздух. Это сдетонировала взрыв-

чатка, хранившаяся в соседнем здании, где располагалась немецкая военная комендатура. Здание взлетело на воздух. Под обломками погибло много гитлеровских офицеров, работников комендатуры и гестапо. Сам комендант города Киева вылетел в окно. Чудом он остался жив: протез, который был у него вместо руки, амортизировал его падение.

Первый «подарок» Максима и его товарищей фашистским захватчикам был преподнесен.

Вслед за комендатурой на воздух взлетел кинотеатр, в котором немецким солдатам демонстрировали фильм о взятии гитлеровцами городов на востоке Франции. Мы еще не знаем, кто совершил этот акт возмездия и справедливости, может быть, Максим, может быть, какая-нибудь иная группа, действовавшая в Киевском подполье. Но главное было сделано — все, кто находился в Киеве, почувствовали: немцы здесь только командуют. Подлинным же хозяином был и будет советский народ.

Неожиданный помощник

Гитлеровцы поняли, что Киев не покорился, и стали вести войну с гражданским населением. Под видом борьбы с пожарами они начали уничтожать лучшие здания в городе. К «смерти» был приговорен и «Дом Гинзбурга», в котором жили Кудря и Мария Ильинична. Его оцепили солдаты, жителей выгнали на улицу. «Дом заминирован большевиками, немцы будут искать мины»,— объявлял дворник, обходивший квартиры. Однако людям не суждено было вернуться под родной кров. Мощный взрыв потряс воздух, пламя взметнулось в небо. «Дома Гинзбурга» больше не существовало.

Не существовало больше и оружия, шифров, паспортов, денег, адресов, продуктов — всего того, что с таким трудом подбирал себе Кудря для подпольной работы.

Все надо было начинать сначала. Вскоре с помощью знакомого управдома Кудря получил небольшую отдельную квартиру по Пушкинской улице в доме № 37. Квартирка была незавидная — тесная и холодная, но имела второй выход на черную лестницу.

С жильем дело устроилось. Остальное восполнить было много трудней.

Слепая судьба разведчика готовила Максиму еще одно испытание. Оно пришло к нему на Пушкинской улице, в двух шагах от дома, где он поселился. Навстречу ему быстро шагал одетый в полувоенный костюм коренастый мужчина лет сорока пяти с длинными украинскими усами (дальше Усатый).

— Иван Данилович,— осклабился мужчина.— Вот и свиделись! Как живете-можете? — Он достал из кармана повязку гестаповца.— Остались, значит?

— Остался, Тарас Семенович,— негромко сказал Кудря, пристально глядя ему в глаза.— А живу ничего, не жалуюсь.

Случилось то, чего он боялся больше всего: его опознали. Он наткнулся на человека, по делу которого вел следствие и, больше того, освобождения которого сам же и добился, когда выяснилось, что улик против него мало. Конечно, этот петлюровец-эмигрант знал, что своей свободой обязан Кудре, но отплатит ли он ему добром?

— Что ж,— сказал Усатый,— когда-то вы меня допрашивали, теперь я буду допрашивать вас.— Он поиграл повязкой.— Могу вас арестовать, могу повесить. Вы тут остались работать?

— Конечно, работать,— улыбнулся Максим.

Они молча посмотрели друг другу в глаза. Максиму показалось, что гестаповец чуть иронически улыбается. «Негодяй,— подумал он.— Смейся, смейся, а мне ты все равно ничего не сделаешь, побоишься».

Вслух же он как можно спокойнее и рассудительнее сказал:

— Не пугайте меня гестапо, Тарас Семенович. Это не в ваших интересах. Вы понимаете, что допрашивал вас я не зря и мне тоже есть что сообщить гестапо.

Усатый насторожился.

— Что именно?

— Ну, вы достаточно рассказали нам в свое время...

Главное для разведчика — самообладание. Это — единственное оружие, которое у него всегда в руках. Утратить его — значит утратить способность работать. И в эту опасную минуту Кудря не потерял над собой контроля. Он дал гестаповцу понять, что даже здесь, на территории, занятой врагом, он сильнее.

— Вас повесят,— сказал он как можно спокойнее,— лишь только СД получит документы, которыми я распо-

лагаю. А что это будет именно так, не сомневайтесь! Наши люди работают и в гестапо.

В глазах Усатого промелькнула растерянность.

— Вы не сделаете этого,— тихо сказал он.— Я служу у немцев не потому, что предан им, а в силу сложившихся обстоятельств.

— Не хитрите, Тарас Семенович. Я вас хорошо знаю. Вы должны понимать, что армия, которая не щадит даже детей, которая грабит и угоняет народ в рабство, плохо кончит. Вы, конечно, знаете о Бабьем Яре?

Усатый уныло кивнул. Уже весь Киев говорил о том, как шевелилась земля над рвами, в которых штабелями лежали десятки тысяч расстрелянных ни в чем не повинных советских людей.

— Я был там,— сказал Усатый.— Такое же творилось и в Виннице.

Он прикрыл глаза руками, словно стараясь отделаться от чего-то очень тяжелого.

— Если украинец действительно любит свой народ,— продолжал Кудря,— ему с фашистами не по пути. Восемнадцатый год, как вы знаете, и то не принес лавров немецким оккупантам на Украине, а сейчас положение не то. Украинская земля будет гореть под ногами оккупантов еще жарче, чем в гражданскую войну. Взрыв военной комендатуры — это только цветочки.

Они помолчали. Усатый задумался, потом осторожно сказал:

— Ладно, не бойтесь, я вас не выдам.

— А я этого и не боюсь,— дружелюбно отозвался Кудря.— Больше того, я рад встрече с вами и рассчитываю, что вы поможете нам.

— Вряд ли,— отрицательно покачал головой Усатый.

— Подумайте,— посоветовал Максим.

— Хорошо, подумаю.

— Тогда давайте встретимся завтра.

И они договорились о встрече.

Работа разведчика всегда связана с риском. Рисковать без ума глупо, но рисковать для дела — необходимо. Без риска, умного, оправданного, разведчик успеха добиться не может. Да, гестаповец мог выдать Кудрю в любую минуту, но Максим шел на вторую встречу с ним потому, что тот был ему крайне нужен и наверняка знал такое, что интересовало нашу разведку. И, кроме того,

Максим в случае успеха имел бы своего человека в одном из важных немецких разведывательных органов.

И Кудря поступил правильно, приняв решение пойти на встречу. Но он был достаточно осторожен и, когда на следующий день направлялся к Тарасу, сказал Марии Ильиничне:

— Понаблюдай, не следит ли кто за нами. Увидишь что-нибудь подозрительное, взмахни носовым платком.

Тарас ждал на бульваре в том месте, где договорились. Поздоровались, посидели немного на скамейке. Мимо прошла Мария Ильинична, в руках — ничего.

— Ну что ж, погуляем,— предложил Кудря.

Они встали и пошли к центру города...

Навстречу им шагал долговязый гитлеровец. Поравнявшись, окинул их холодным взглядом.

Тарас подтянулся и подобострастно поклонился ему.

— Хайль! — гаркнул тот.

— Кто это? — спросил Максим.

— Гауптман Клейман из городской полиции. Прибыл в Киев прямо из Гамбурга. Вся охранная полиция и жандармерия для Киева формировались по указанию Гиммлера за счет гамбургской полиции. Эти ищейки имеют большой опыт.

— Ну вот, видите, вы уже помогаете нам,— улыбнулся Максим.— Спасибо за первое донесение.

— Я думал над вашими словами,— сказал Усатый.— Вы что, всерьез верите в победу Советов?

— Конечно, всерьез.

— Но ведь немцы уже подошли к Москве.

— Подошли, но не взяли.

— Возьмут,— заметил Усатый.— Скоро возьмут.

— Этого не будет никогда,— покачал головой Кудря.— Никогда.

Даже в эти смертельно опасные для его Родины дни, когда только считанные километры отделяли передовые части гитлеровцев от Москвы и в ставке фюрера уже вовсю трубили о победе, он не сомневался в разгроме гитлеровской Германии. И он сумел своей верой посеять сомнения и в душе Усатого. Прошло несколько дней, и тот наконец решился помогать Максиму.

— Мы сейчас зайдем в подъезд,— как-то сказал Усатый,— я передам некоторые заметки об агентуре, которую готовят по заданию шефа для заброски в тыл Крас-

ной Армии. Это главным образом предатели, оставшиеся на оккупированной территории.

Они вошли в подъезд.

— Мне сюда,— сказал Тарас.— Тут живет моя знакомая. Третий этаж, квартира семь. Ганна Григорьевна. При утере связи обратитесь к ней. Она наша, полтавчанка.

Потом он вынул из кармана пачку сигарет.

— Курите,— предложил он, передал ее Кудре и тихо добавил: — По этим фамилиям и надо разыскивать их.

Когда Максим пришел домой и внимательно осмотрел пачку, то оказалось, что по краям коробки с внутренней стороны были сделаны надписи. Он достал лупу и прочитал имена руководителей двух крупных разведывательных групп, переброшенных на территорию Советского Союза. Против одной фамилии было написано «Мск», против другой — «Члб». Кудря понял — речь шла о Москве и Челябинске.

Максим тут же закодировал текст для передачи в радиоцентр. Потом записал на папиросной бумаге только ему понятными знаками эти фамилии и спрятал бумагу в тайник. Впоследствии, переписанные им в серую школьную тетрадь, эти фамилии открыли список шпионов и предателей, действовавших на территории СССР. Список постепенно пополнялся Максимом, а затем его помощниками. В нем 87 фамилий и адресов. Если бы Максим сделал только это, то и тогда он мог бы считать свое задание выполненным.

Через некоторое время они увиделись снова, и Тарас сообщил о том, что в Борисполе находится немецкий военный аэродром, забитый самолетами, а в районе Дарницы — еще 50 бомбардировщиков и что гитлеровцы усиленно оборудуют аэродром в Броварах. Но самое интересное, о чем он сообщил Максиму,— это то, что вокруг Винницы в районе сел Стрижавка, Михалевка и других населенных пунктов, расположенных неподалеку от шоссе Винница — Житомир, ведется строительство особо секретных подземных сооружений.

— Почему вы считаете эти сооружения секретными? — спросил Кудря.

— Потому, что ни один из военнопленных, работающих на этом строительстве, больше не вернется в свой лагерь,— лаконично пояснил Тарас.

Кудря только зубами скрипнул, но промолчал.

— Вам, наверное, деньги нужны? — спросил Тарас после паузы.

— Нет,— отказался Кудря. Он не хотел показывать Тарасу, что советский разведчик нуждается в деньгах.

— Будьте осторожны,— предупредил его Тарас.— Каждый день к нам поступают заявления на коммунистов и работников НКВД. Я по возможности стараюсь уничтожать их, но, поймите, все заявления я порвать не могу. Поэтому какая-то часть честных людей гибнет по доносам предателей.

Тарас куда-то уезжал, и они договорились встретиться через две недели.

Самолет уходит в ночь

Когда солнце уже было на закате, их привезли на аэродром — большое поле, перепаханное колесами «дугласов», неподалеку от Москвы. Трое надели парашюты, а четвертый помог им затянуть лямки и проверил, хорошо ли пригнали вещевые мешки. Трое несли на себе килограммов по двадцать груза: радиостанцию, батареи, оружие. Было очень тихо и холодно, и в этот апрельский вечер они поеживались в своих тонких демисезонных пальто.

— Через четыре часа будете на месте,— сказал майор.— Там уже тепло.— И он вынул из кармана шинели пачку папирос: — Покурим перед дорогой?

Покурили.

— Пароль еще не забыли? — улыбнулся майор.

Трое засмеялись и ответили хором:

— «Чи тут живе Иван Данилович?»

— Так. Адрес?

Каждый назвал адрес Максима.

В Центре узнали, что Кудря сидит без рации, и подготовили ему радиста и двух связников. Они везли ему деньги и важные инструкции.

Самолет помигал бортовыми огнями, приглашая их в кабину. И трое пошли к трапу, помахав майору рукой. Он еще долго стоял на краю аэродрома с маленьким листиком картона в руке — фотокарточкой разведчиков, которую ему положила на ладонь, прощаясь, Лидия.

И потом, поздно ночью, сидя в своем кабинете в высоком сером доме в центре Москвы, он смотрел на этот фотоснимок и размышлял о радиограмме, только что переданной с борта «дугласа». Летчик сообщал, что в районе Белой Церкви был встречен сильным зенитным огнем и вынужден выбросить разведчиков далеко от Киева, под Могилев-Подольском. И майор подумал: удастся ли ему когда-нибудь еще увидеть этих ребят: веселую девушку Лидию, Анатолия и Алексея.

Сколько их, таких же смелых, сильных, влюбленных в жизнь юношей и девушек, полегло той весной на холодной земле Украины, застигнутых безжалостной автоматной очередью! Пусть же несколько эпизодов, рассказанных Лидией и Анатолием о том, как шли они к Максиму, напомнят и о тех, кто никогда не сможет поведать о себе,— о славных чекистах-парашютистах, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Приведенные ниже эпизоды мы прочитали в одном из томов «Дела Максима». Сначала слово Анатолию Трусову.

«Я приземлился на окраине села Политанок Могилев-Подольского района Каменец-Подольской области и попал прямо во двор на проволоку, к которой была привязана собака. Она подняла страшный лай. Груз дернул меня назад, и я упал на какие-то бревна, ушиб позвоночник, но сознания не потерял. Поднялся и начал резать лямки, чтобы освободиться от парашюта, который зацепился за вершину тополя. На лай выскочило несколько мужчин. Они стояли возле хаты, но подойти близко не решались и вполголоса переговаривались между собой: «Смотри, человек!», «Да он не один, их еще много летит», «Видать, хлопцы с Востока!». Я же в это время тащил за стропы парашют. Трещали, ломаясь, ветки, отчаянно лаял пес, но я все никак не мог стянуть парашют. Сил не хватало. Увидев, что крестьяне смотрят на меня доброжелательно, я попросил их снять парашют и уничтожить его. Сам же поспешил покинуть село».

Почти три недели продолжался поход отважного связного. Его ловили, он пробирался лесами, обходя населенные пункты, ловко избегая полицейские кордоны. Несколько раз ускользал от облавы и наконец, больной и измученный, добрался до Киева.

Еще тяжелее пришлось Лидии и Алексею.

«...Спускаемся к реке. Идем почти по колено в воде,— рассказывала потом Лидия Росновская.— Алексей в носках, так как, приземляясь, потерял один полуботинок. У меня буквально через каждые двадцать шагов с хрустом подвертывается нога, и я падаю в леденящую воду. Алексей вправляет мою ногу, относит на несколько шагов мой груз и возвращается за своим, одновременно помогая идти мне. Чтобы перейти через речку с очень быстрым течением, Алексею приходится раздеться, и, стоя по пояс в воде, он перебрасывает сперва весь наш груз, а затем переносит меня. Дальше двигаться невозможно, так как становится светло и появляются крестьяне, идущие в поле.

Прячемся в кустах лозы. Закапываем оружие, деньги, рацию и фонарь, а сами накрываемся сухой травой и ожидаем, пока можно будет двинуться на поиски Анатолия.

Ужасно холодно, одежда и обувь совершенно мокрые. Невыносимо болит распухшая нога. Но отдыхать некогда: находиться здесь небезопасно.

На следующий день меня постигло еще одно несчастье — началась лихорадка, поднялась температура. Сильное головокружение и слабость еще более замедлили наше движение. Продукты наши пропали во время приземления, и «питались» мы только грязным снегом и веточками деревьев и листвой. Вдали показался лес. «Здесь отдохнем»,— решили мы. Но километра за полтора услышали выстрелы и увидели, как оттуда выходят патрули. Идти дальше я была уже не в состоянии. Вырыли в стоге соломы глубокую нору и решили отдохнуть там часа два, восстановить силы.

Только устроились, слышим, едут две подводы, мужские голоса. Бежать — поздно и некуда. Ожидаем, приготовив оружие. Оказывается, крестьяне приехали за соломой, и одна из подвод останавливается в двух шагах от нас, двое молодых мужчин не торопясь нагружают солому.

Через час подводы уехали, но здесь нас постигло новое несчастье: началась облава — слышен шум множества мотоциклов и лошадиный топот, голоса людей и лай собак.

Сидеть в соломе рискованно. Принимаем решение пробираться, немедленно уходить как можно дальше.

...Спим в дубовом кустарнике на земле, покрытой остатками оттаявшего снега, без теплой верхней одежды, мокрые, усталые, голодные (правда, днем мы уже подкрепились березовым соком). Проходим через несколько деревень, расположенных в этом же лесу, и в одной из них встречаем первого «фрица», оказавшегося румынским солдатом. Вынырнул он из-за поворота с автоматом и направился прямо к нам. Шепнув Алексею: «Держись», я изобразила на лице кокетливую улыбку и первой поздоровалась с солдатом. Он также улыбнулся и, ничего не спросив, прошел своей дорогой.

Идем дальше, пользуясь только компасом, так как спрашивать путь чрезвычайно опасно. Идти приходится полями, рвами и небольшими рощами, избегая дорог и возвышенностей. Осложняет передвижение целая сеть наблюдательных вышек, устроенных с таким расчетом, чтобы вся площадь от вышки до вышки была в поле зрения патруля, причем при каждой вышке сторожевая собака.

Ночью эти патрули открывают сильную стрельбу в воздух, что должно было подбадривать их. А мы, сидя где-либо под кустиком или под клоком утерянной кем-то соломы, не имеем возможности сомкнуть глаз. Да и, откровенно говоря, ночью становится немного жутко.

Многие обращают на нас внимание. И губит больше всего наш вид и моя нога. Напрягаю все силы, чтобы не хромать. От невыносимой боли кусаю губы.

Так мы дошли до Буга. Тут оказалось, что переправа через него невозможна: переправиться нам не на чем, пуститься вплавь также невозможно — я плохо плаваю, кроме того, болит нога. Мы были почти в отчаянии.

И вдруг на помощь нам, как в сказке, пришел кудесник.

Лежим на солнышке на берегу и видим: направляется к нам старенький дедушка. Разговорились. Рассказываем, что пробираемся домой, а как преодолеть реку, не знаем. Старик, помедлив немного, сказал, что есть у него один человек, который поможет. Уговаривать того человека пришлось долго. Узнав о его материальных затруднениях, посулили большую сумму денег, но он долго не соглашался. Наконец сказал, что подумает. Если сможет что сделать, придет вечером к стогу соломы.

Пошли часы напряженного ожидания. Кто знает, куда он пошел, не заявит ли оккупантам? Часа через два

заметили бегущую из города к нам большую собаку, за которой идет человек, за ним — еще один. Решили — полиция. Отползли, закопали в разных местах деньги, ждем. Куда бежать, да и разве убежишь от собаки!

Когда человек приблизился, оказалось, что это старушка, а за ней на почтительном расстоянии — «в целях конспирации» — наш знакомый дедушка. Бабушка рассказала, что она уж не одну подобную нам душу спасла и нас спасет, а денег не надо, хотя они и очень нуждаются, так как сейчас носят на спине бревна, чтобы построить хотя бы какую-нибудь хижину: их сын — негодяй, дезертировал из Красной Армии и отобрал у них дом.

Вскоре показался из-за горы еще один человек, причем, когда мы недоверчиво покосились в его сторону, бабушка сказала: «Не бойтесь, детки, он только сверху полицейский, а в душе наш». Подошедший дружелюбно поздоровался и, заявив, что ему ясно, чего мы хотим, предложил следовать за ним.

И вот, когда зашла луна, мы на маленькой лодке по одному были переброшены через Буг. Немного отошли, но, услышав окрик патруля, залегли в куче прошлогодней свеклы. Застрочил автомат, и снова все стихло. Недалеко был виден лес, но нас предупредили, что приближаться к нему нельзя...»

Через несколько дней после прихода Анатолия, преодолев 650 километров пешком, Лидия прибыла в Киев. Алексей до места не дошел...

В оперном театре

У Кудри был большой праздник — связь с Москвой была установлена. Он надежно запрятал своих гостей: поселил их у Капитолины Васильевны Ритво, дальней родственницы Жени Бремер, смелой распространительницы листовок. Она в течение двух недель ухаживала за больными, оберегала их покой ночами, давая возможность подкрепиться и отдохнуть. Потом Кудря проводил их из города, передав важные сообщения Центру. Между прочим, он докладывал, что 1 мая одна из его групп организовала крушение эшелона с боеприпасами и войсками на перегоне Киев — Жмеринка, а вскоре еще более крупное крушение в Дарнице. Он сообщил также о

других диверсиях, в том числе о том, что им удалось испортить тормоза и пустить с откоса к Подолу трамвай, переполненный гитлеровскими офицерами. К сожалению, мы не знаем подробностей этих смелых операций, не знаем имен тех, кто их осуществил. Такова уж специфика чекистской работы — участники ее не всегда могли быть знакомы друг с другом. Максим был опытным конспиратором, и даже близким ему людям не было известно и половины того, чем он занимался. А ведь живы многие участники этих событий, живы и, вероятно, не подозревают, что работали под руководством советского чекиста Ивана Кудри. Как много интересного могли бы они рассказать!

...Максим получил сведения о том, что в Киев прибывает крупный руководитель нацистской партии, министр оккупированных областей Розенберг. Оккупанты собираются усилить вывоз в Германию рабочей силы, продовольствия, металла, ценностей — всего, в чем нуждалась гитлеровская Германия. Прилетел также гаулейтер Украины Эрих Кох. На совещание были вызваны все гебитцкомиссары, штадткомиссары и другие высшие административные чиновники Украины. Артисты оперного театра готовились к большому концерту, на котором должны были присутствовать Розенберг и Кох. Получалось так, что вся гитлеровская верхушка, бесчинствовавшая на Украине, сама шла в руки к Максиму. Он поручил своей надежной и активной помощнице, ведущей артистке оперного театра Рае Окипной, достать побольше билетов в партер и на балконы для того, чтобы расставить боевиков с гранатами. Вместе со своими разведчиками Митей и Жоржем он разработал подробности покушения.

Все было готово. Но неожиданное обстоятельство изменило ход событий: накануне концерта все проданные билеты были отменены, войти в театр можно было только по специальным пропускам, выданным генеральным комиссариатом и СД.

Раиса Окипная скрепя сердце и в тот вечер пела хорошо. Напыщенные холеные офицеры и чиновники подобострастно посматривали в ложу, где восседали их главари, стараясь угадать — понравилась ли их «выдвиженка».

Через несколько дней Максим узнал о том, что в Виннице заканчивается строительство каких-то очень важ-

ных военных сооружений, дорог и аэродромов. Ему стало известно, что по обе стороны шоссе Винница — Киев очищена от жителей большая зона. В селах Стрижавка и Михалевка уничтожены все ненадежные, по мнению гитлеровцев, люди, а остальные жители выселены из своих домов. Неподалеку от Стрижавки строятся какие-то подземные сооружения. От станции Винница к лесу подведены железнодорожная ветка и шоссейная дорога. Вокруг усиленно патрулируют конные жандармы. Построена мощная радиостанция. Резко усилены средства противовоздушной обороны. Установлены зенитные орудия большой мощности, мелкие автоматические пушки. На зданиях — крупнокалиберные пулеметы.

В самой Виннице расположились части отборной дивизии СС «Великая Германия» и бронетанковое соединение «Зигфрид». Введены особые пропуска для прохода в эту тщательно охраняемую зону. В городе почему-то появилось много гестаповцев, полицейских, жандармов.

Максим вспомнил разговор с Тарасом. Надо было наконец выяснить, чем там занимаются немцы. «Пожалуй, придется поручить это Рае»,— решил он. Когда-то она пела в винницком театре, у нее было там много знакомых, и если учесть ее успех в среде гитлеровских офицеров, то лучше Раисы для такого задания никто не подходил.

— Найдите предлог для поездки в Винницу,— попросил ее Максим на очередной встрече.

— Завтра же начну хлопотать,— коротко ответила она.

Максим тогда еще не знал, что посылал ее в логово Гитлера, в секретную штаб-квартиру фюрера, которая была построена неподалеку от Винницы, и что одно лишь слово «Винница» вызовет повышенный интерес гестаповцев к его разведчице.

Через несколько часов после того, как Рая осторожно намекнула шефу оперного театра, что хотела бы дать концерт в своем родном городе, один из руководителей службы СД Киева вызвал к себе в кабинет особо секретного агента «Нанетту» и дал ей задание: сблизиться с Окипной, выяснить, кто ее окружает, с какой целью она едет в Винницу, что она думает о немецких властях и как настроена.

Офицер порылся в бумагах, достал анкету Окипной:
— Она из Винницы. Отец — священник Копшученко. Был репрессирован советскими властями. Сейчас живет вместе с ней. Чкалова, 32...

Где живет студент?

В израненный город пришла весна. Люди с надеждой смотрели на голубое небо, на покрытые зеленым пухом деревья. Рая медленно шла по улице Короленко к театру. Кто-то тихонько тронул ее за руку. Невысокая, черноглазая, довольно миловидная женщина поздоровалась с ней.

— Не узнаете? — улыбнулась она застенчиво.— А я вас узнала. Вы Рая Окипная, наша винничанка, дочь священника Копшученко. Теперь вы знаменитость, от вас в восторге киевляне. А ведь когда-то мы были знакомы, знали друг друга!

Рая попыталась вспомнить, видела ли когда-нибудь прежде это лицо.

— Простите, не припоминаю...

— Мы с вами виделись в семье...— И незнакомка назвала фамилию человека, жившего в Виннице по соседству с Окипной.— Что поделаешь — война. Люди даже о близких забывают.

И они заговорили о том, о чем в те дни говорили женщины Киева: о своих бедах и заботах, о том, как трудно с продуктами...

Когда Рая рассказала Максиму о враче Наташе (Нанетте), своей новой знакомой, он заинтересовался:

— Говоришь, заведует лабораторией городской поликлиники? Узнай, что за человек. Нам бы она очень пригодилась.

Люди Максима доставали в полиции новые паспорта, пропуска, справки. Нужны были химикаты, чтобы изменить в документах фамилии.

Так на пути Максима и его товарищей встала Наталья Францевна Грюнвальд (впрочем, это только одна из ее фамилий) — доверенный агент СД. День за днем втиралась Нанетта в доверие к Раисе. Стала чаще бывать у нее дома. Вместе ходили к портнихе, по магазинам. По просьбе Раи Наташа принесла ей химикаты,

раздобыла медицинскую справку об освобождении от занятий ее друга студента.

Этот друг Раисы — студент-медик Иван Кондратюк (так представила Окипная Максима своей новой знакомой) особенно заинтересовал шефа Нанетты, и он сразу же начал действовать.

— Обязательно выясните адрес студента,— требовал гитлеровец.— Это основное, что вы должны сделать в ближайшее время. Без этого не являйтесь ко мне. Адрес квартиры студента — любой ценой, любыми средствами и чем скорее, тем лучше.

Адреса Максима Нанетта так и не узнала, но черное свое дело довела до конца — Иван Кудря и Раиса Окипная были схвачены гестапо.

Тетрадь Максима

Марии Ильиничне Груздовой удалось бежать из Киева. Она ушла, чтобы выполнить последнее поручение Максима: добраться до Москвы и рассказать о работе организации, об обстановке в Киеве. Так было условлено на случай ареста.

Несколько месяцев пробиралась она к партизанам отряда Попудренко, имевшим авиасвязь с Большой землей.

В Москве ее уже ждали в штабе партизанского движения. Рассказ о делах группы Максима продолжался семь часов. Всю ночь рассказывала отважная соратница Максима о жизни и борьбе своих товарищей.

Но и она не могла знать всего.

Остальное дополнила обыкновенная школьная тетрадь в серой обложке, о которой упоминалось в начале нашего рассказа.

Летом 1942 года предусмотрительный Максим передал пакет, в котором лежали тетрадь и другие документы, своей разведчице М. В. Сушко.

— Берегите его наравне с шифром,— предупредил он.

Когда Максим был схвачен, Мария Васильевна отнесла пакет к одному из помощников Максима — Дмитрию Соболеву. Соболев дополнил записи новыми именами, на одной из страниц вкратце изложил обстоятельства гибели Максима и назвал имя предательницы.

После гибели Соболева тетрадь попала в гестапо.

Как же она снова оказалась в наших руках?

Советская Армия наступала.

По планам своего верховного командования гитлеровцы собирались оставить Киев 15 ноября 1943 года. Перед уходом они решили взорвать город.

В течение десяти дней с истинно немецкой педантичностью гитлеровцы завозили в Киев взрывчатку. Но их каннибальскому плану не суждено было осуществиться.

Войска 1-го Украинского фронта 6 ноября освободили столицу Украины. Киев был взят с ходу. Немцы не успели даже вывезти архивы гестапо. Так сохранилась и тетрадь, затерявшаяся в одном из ящиков стола в комнате № 127 дома № 33 по улице Короленко. Она о многом поведала украинским чекистам, помогла им разоблачить не одного шпиона.

На тыльной стороне обложки тетради почерком Дмитрия Соболева написано:

> «Ко всем, нашедшим эти записи. Прошу советских патриотов хранить эти записи и, в случае моей гибели от рук врагов моей Родины — немецких фашистов, с приходом Красной Армии передать их соответствующим органам. За что я и наша Родина будут вам благодарны».

Советское правительство высоко оценило подвиг отважных разведчиков. В мае 1965 года Указом Президиума Верховного Совета СССР большая группа боевых соратников Максима была награждена орденами и медалями СССР. Ивану Даниловичу Кудре посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

★

ВСЕГДА С НАРОДОМ

А. КУВАРЗИН

На высоком морском берегу стоит обелиск Неизвестному матросу. Он виден всем кораблям, что днем и ночью входят в одесскую бухту. От него, от зажженного на гранитном цоколе Вечного огня идет в глубь парка широкая и тенистая Аллея Славы. Здесь под мраморными плитами покоится прах героев, боровшихся на земле Одессщины в годы Великой Отечественной войны за свободу и независимость своей Родины. Золотом высечены на мраморе дорогие всем имена и среди них имена похороненных рядом Героя Советского Союза москвича Владимира Молодцова (Бадаева) и одесского комсомольца Яши Гордиенко.

Нам не пришлось участвовать в описываемых здесь событиях. Но вскоре после освобождения Одессы, а затем и всей Украины от оккупантов мы пошли по горячим следам героев подполья. Беседовали с оставшимися в живых, через потайные ходы проникали в мрачные каменоломни села Нерубайского — на главную партизанскую базу, изучали захваченные документы гестапо, румынских ССИ и сигуранцы[1]. Так удалось со временем воссоздать волнующую картину борьбы Одесского подполья против кровавого режима фашистской оккупации. И в этой борьбе чекисты проявили себя как верные сыны народа.

В грозные дни октября 1941 года наши войска после 73-дневной ожесточенной битвы на подступах к городу, дорого стоившей противнику, по приказу Ставки оставляли Одессу и перебрасывались на защиту Крыма. В ночь на 16 октября Приморская армия, защищавшая

[1] *ССИ* и *сигуранца* — румынская королевская разведка и контрразведка.

город, в полной скрытности от противника снялась с рубежей обороны и погрузилась на ожидавшие в гавани корабли. Перед рассветом из порта вышли последние транспорты. И тотчас же в бой с фашистами вступили солдаты невидимого фронта: подпольщики, партизаны, разведчики, сотни и тысячи патриотов.

Прикрыв огнем отход наших войск с последних рубежей, подпольщики и партизаны стали уходить в подземелье, чтобы оттуда наносить новые удары по фашистским захватчикам. В катакомбы, в которых царило безлюдье со времен гражданской войны, к утру 16 октября спустились: разведывательно-подрывные отряды чекистов Молодцова и Калошина, партизанский отряд Солдатенко, боевые группы Одесского пригородного и Овидиопольского подпольных райкомов партии, разведгруппа Особого отдела Приморской армии, отдельные ячейки областного партийного подполья. Ушли под землю многие одиночки-патриоты, коммунисты и беспартийные, которые хотели в тяжелый для Родины час выполнить до конца свой патриотический долг.

Так в Одессе и на ее окраинах возник единственный в своем роде подземный партизанский край. Сами оккупанты назвали его «Вторая Одесса». В течение 907 дней оккупации Одессы знаменитые одесские катакомбы вели непримиримую борьбу с иноземными захватчиками, утверждая свою боевую славу. Уже в первые дни этой борьбы родилось слово «бадаевец», ставшее синонимом мужества, решимости и стойкости.

Бадаев — это подпольное имя коммуниста В. А. Молодцова, начальника одного из подразделений центрального аппарата органов государственной безопасности. Владимир Александрович был сыном железнодорожника; прежде чем стать чекистом, работал забойщиком в шахте под Москвой, там вступил в комсомол и в 1931 году в партию. В Одессу он прибыл 19 июля, на другой день после постановления ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». Центральный Комитет требовал от всех органов партии возглавить народное сопротивление на временно оккупированных территориях, придать ему широкий размах и боевую активность, направить для организации подпольных ячеек, партизанских отрядов наиболее стойких партийных, советских, комсомольских работников, а также преданных

Советской власти беспартийных товарищей, хорошо знающих условия района.

Тяжелая обстановка на фронтах вынудила нашу армию оставить ряд южных районов страны. Наркомат внутренних дел, посылая Молодцова в Одессу, поручил ему с помощью местных партийных и чекистских органов создать на базе одесских катакомб разведывательно-подрывную организацию и в случае эвакуации наших войск из Одессы возглавить ее деятельность в этом районе. При наступлении наших армий или высадке десантов перед подпольной организацией ставилась задача поддерживать их боевыми ударами в тылу противника.

Областной комитет, горком и райкомы партии выделили в распоряжение Молодцова группу надежных коммунистов. В подземный отряд были отобраны люди, знакомые с местными горными выработками (этим выработкам и обязаны своим происхождением многоярусные, протянувшиеся на сотни километров одесские катакомбы). В большинстве своем в отряде собрались активисты пригородных сел, прилегающих к каменоломням: председатель колхоза села Фомина Балка, будущий секретарь парторганизации бадаевских катакомб Константин Зелинский, успевший побывать в боях под Одессой; профуполномоченный по шахтам Пригородного района Павел Пустомельник; председатель Нерубайского сельсовета Иван Медерер. Сын Медерера, тринадцатилетний пионер Коля, увязался за отцом и стал полноправным бойцом-катакомбистом. Мальчик, знавший от деда-колониста кое-что по-немецки, не раз ходил со связными Молодцова в Одессу, выполнял порученные ему задания. Старый коммунист, десятник нерубайских шахт Иван Никитович Клименко, партизанивший здесь в годы белогвардейщины и интервенции, стал начальником подземного гарнизона и главным советником бадаевцев по минному делу, а его одногодок Иван Гаркуша — партизанским проводником по многокилометровым глухим лабиринтам. Им обоим не раз удавалось вызволять отряд из беды: они находили неведомые фашистским минерам лазы на поверхность, отрывали чистый колодец, когда в других каратели отравляли воду, при атаках лагеря удушливыми газами выводили людей к затерявшимся в нераспаханной степи воздушным колодцам. Горняки ста-

ли надежной опорой отряда, крепкими нитями связывали его с окрестным населением.

Бойцами и разведчиками в организацию Молодцова вступали жители Одессы и ее пригородов. Они добровольно оставались в тылу врага, руководствуясь одним стремлением — помочь Красной Армии скорее освободить от чужеземной нечисти родную землю. Отделение подрывников возглавил механик с парохода «Красный Профинтерн» И. И. Иванов, за два года до этого вызволенный из фашистской тюрьмы, куда попал вместе с другими моряками, доставлявшими в республиканскую Испанию продовольствие и оружие для сражающихся. Его жену Галину Марцышек, когда-то работавшую на рудниках Донбасса, командир отряда назначил в группу связных.

Добился зачисления в партизанские разведчики и 56-летний Иван Егорович Буняков. На гражданской войне он потерял ногу и теперь, оставшись в Одессе, для удобства передвижения между городом и партизанскими базами на окраинах требовал какую ни на есть лошаденку. Лошадь ему выдали, и, когда настала пора действовать, старик развозил по подпольным группам Молдаванки, Большого Фонтана и Дальних Мельниц тол и оружие. Предатель выдаст его охранке, и та, перед тем, как расстрелять патриота, сделает в своих кровавых регистрах против его фамилии такую запись: «Будучи без ноги, он не мог вызвать у наших властей и агентов ни малейшего подозрения в связях с партизанами, а поэтому, получив от Бадаева лошадь и повозку, будучи по профессии извозчиком, свободно перевозил на Б. Фонтан и в другие места боеприпасы и продукты питания для своей организации. Кроме того, информировал Бадаева о грозящей организации опасности. Будучи 29 января арестован, показаний не дал...»

На Большом Фонтане Молодцов создал из колхозников-рыбаков группу разведки по морскому побережью во главе с потомственным здешним рыбаком Григорием Шилиным и пожилой рыбачкой Ксенией Булавиной — «тетей Ксютой». Ксения Васильевна проживала в небольшом собственном домике (ул. Панченко, 4), который с приходом немцев стал конспиративной квартирой подпольщиков; сюда, в потайной склад, Буняков завез 25 винтовок, 5 ящиков патронов, 4 ящика взрывчатки и

большое количество «партизанского чертополоха» — специальных металлических шипов, изрядно попортивших впоследствии шины вражеских машин.

Особое место отводилось в организации «Яшиной десятке» — так партизаны называли группу добровольцев-комсомольцев, руководимую Яшей Гордиенко, Яшуней. Командир десятки был одновременно связным руководителя подпольной организации. Незадолго до ухода в катакомбы Молодцов, разговаривая с Москвой, сообщил, что для разведки и связи он подобрал «пять замечательных юношей в возрасте от 16 лет». Это были Яша Гордиенко и его брат Алеша, Шурик Чиков, Саша Хорошенко и Фима Кац, входившие в боевое звено особой комсомольско-молодежной группы. «Яшина десятка» являлась частью второго отряда организации Молодцова — городского, или, как его называли в катакомбах, верхового. Отряд «наверху» состоял из пяти-шести хорошо вооруженных разведывательных групп, численностью шесть — десять человек каждая, он имел свои боесклады и конспиративные квартиры.

Оперативное ядро подполья составили сотрудники одесских территориальных и транспортных органов госбезопасности: оперативный уполномоченный Тамара Межигурская (среди товарищей по отряду — «Тамара первая» и «Тамара меньшая», так как была еще одна Тамара) вошла в группу связных при командире отряда; оперативный работник Петр Болонин, знакомый с транспортом, осел на железной дороге и, как отмечалось в документах сигуранцы, «являлся одним из наиболее опасных сотрудников Бадаева по линии шпионской деятельности»; вместе с Болониным в городе остались сотрудники оперативных служб Павел Шевченко — для связи с подпольными группами и Николай Шевченко, руководитель десятки,— для выполнения особо опасных заданий. Помощник коменданта управления НКВД по боевой подготовке Иван Петренко пришел в отряд из истребительного батальона, имея на своем снайперском счету не один десяток фашистов. В катакомбах он стал еще и мастером по минам — без его участия не обходилась ни одна подрывная операция. Остались в подполье коммунисты-чекисты 20-х годов П. Вишневский и П. Милан.

По примеру коммунистов-чекистов вступили в ряды подпольщиков их младшие товарищи по службе — ком-

сомольцы Иван Неизвестный (комсорг отряда, радист), Даниил Шенберг, Иван Гринченко, Харитон Лейбенцун. Всего в отряде было восемь комсомольцев.

Партийная организация в отряде Молодцова поначалу насчитывала девять коммунистов. В дальнейшем в партию были приняты отличившиеся на выполнении боевых заданий заместитель начальника штаба отряда, в прошлом сотрудник Одесского уголовного розыска Яков Васин, комсомолец Иван Неизвестный и другие. Своей преданностью делу партии, Родине, верой в победу над врагом коммунисты цементировали отряд и добились того, что небольшая горстка патриотов вскоре стала наводить ужас на врага.

Коммунисты и комсомольцы шли в катакомбы не только с оружием и взрывчаткой. В реестре боевого имущества партизан, найденного после войны, рядом с пулеметами, минами и гранатами значились тома сочинений Маркса и Ленина. Правда ленинских идей была сильнейшим оружием подпольщиков.

При формировании отряда местные органы государственной безопасности помогли Молодцову создать в Одессе и некоторых важных пунктах южного Приднестровья небольшую по численности индивидуальную разведывательную сеть. Она состояла из 11 человек — людей разного социального происхождения, профессий и национальностей. В их числе были и немцы. Это были подготовленные для разведывательной работы, проверенные люди. В их задачу входило: сбор информации о противнике, проникновение в его «режим». Им приходилось играть трудную роль «пособников оккупантов» и таким путем собирать о противнике наиболее ценные сведения. Связь с руководителем подполья они поддерживали как непосредственно, во время выходов Молодцова в город, так и через его связных.

Бадаевская организация вступила в борьбу с оккупантами, насчитывая в своих рядах 75—80 партизан и разведчиков. В процессе боевых действий отряд в катакомбах и разведывательные группы в городе, а также в расположенных вблизи каменоломен селах значительно выросли. «В добровольцах нет недостатка,— сообщал Молодцов в Центр.— Вот где я ощущаю, что значит для чекиста опираться на массы...»

Основные силы партизан сосредоточились в северных

пригородных катакомбах около Хаджибейского лимана — в районе сел Нерубайское, Усатово, Фомина Балка и Куяльник. Здесь же, в шахте № 2 четвертого карьера, разместился командный пункт Молодцова. Вместе с командиром и его тремя связными подземный гарнизон насчитывал 26 партизан, его «тыл» составляли врач, две поварихи и четверо ребятишек.

Катакомбы имели множество выходов в села, к лиману и в степь, расстояние между ними доходило до 15 километров. База была заранее подготовлена в боевом и в других отношениях и обеспечена надежной радиосвязью с Москвой (имелась запасная связь на Севастополь). Еще в августовские и сентябрьские дни, когда герои одесской обороны продолжали отбивать ожесточенные атаки 4-й румынской армии и поддерживавших ее немецко-фашистских частей, нерубайские каменоломни расчищались от завалов, узкие забои расширялись и приспосабливались под «общежитие», «кухню», «пекарню», «столовую», «красный уголок», «баню»; отрывались забитые питьевые и воздушные колодцы. Позднее туда было доставлено оружие, запасы продовольствия на пять-шесть месяцев, электродвижок, рация, аппараты внутренней связи и необходимое в условиях подземелья коммунальное хозяйство. В гарнизоне было 7 пулеметов, 60 винтовок, около 200 гранат, до тонны тола, несколько десятков пистолетов, 40 тысяч патронов.

Утром 16 октября в подземелье у развернутого знамени партизаны-бадаевцы поклялись не щадя жизни бороться с фашистами до полной победы. И уже в полдень они вели бой с фашистскими разъездами. В первые три дня оккупации Одессы их пули скосили не менее 60 гитлеровцев. Спустя несколько дней полетел под откос вражеский эшелон. Мины для подрыва изготовили в подземном «арсенале» Петренко и Иванов, они же опробовали их на противнике. Десятки эсэсовцев, многие агенты-провокаторы охранки находили смерть от партизанских пуль у входов в катакомбы и на улицах города. В первую неделю ноября «бесследно исчез» начальник городской полиции Ион Попов. По сводке полиции за 14 ноября, «партизаны на Слободке совершили неожиданное нападение на большую группу румынских и союзных солдат и причинили им потери убитыми и ранеными...». В ночь на 16 ноября Иванов и Зелинский у стан-

ции Дачная пустили под откос следовавший из Бухареста специальный поезд с персоналом «администрации для управления Одессой и территориями между Днестром и Бугом». Этим крушением было уничтожено около 250 оккупантов. Информацию о прибывающем поезде и намерении властей устроить приезжающим торжественную встречу раздобыли городские разведчики, а в катакомбы Молодцову доставил ее Яша Гордиенко. Подпольщики по-своему отметили месячный «юбилей» хозяйничанья фашистов в Одессе.

До конца 1941 года подрывные группы Молодцова, действуя с главной базы под Нерубайским, пустили под откос на участке Одесса — Раздельная четыре железнодорожных состава с солдатами и боевой техникой. Они не раз вступали в открытые боевые схватки с карателями, совершали дерзкие нападения на жандармские посты, поджигали военные объекты и склады, разрушали связь, минировали шоссейные дороги, выводили из строя автотранспорт. Благодаря широкой поддержке населения и хорошо поставленной разведке им удавалось наносить внезапные и точные удары по врагу. Из документов гестапо и ССИ видно, что оккупанты были уверены, будто в катакомбах Одессы «скрывается не менее двух русских дивизий со штабами и всем необходимым для длительной борьбы» и что в одних только шахтах Нерубайского — Усатова «большевиками оставлены 400 партизан во главе с фанатичным коммунистом Бадаевым, со значительными складами оружия и большими запасами продовольствия...».

Каждый подпольщик-бадаевец был одновременно воином-мстителем, разведчиком и политическим работником среди населения, поднимавшим народ на сопротивление фашистскому режиму. В документах, захваченных у врага, в частности в докладе одесского центра ССИ и в материалах румынского военно-полевого суда, содержится много указаний на то, что подпольщики не ограничивались диверсиями и уничтожением оккупантов в открытом бою. Они распространяли среди населения антифашистские листовки, сводки Совинформбюро, выступления руководителей партии и правительства.

Патриоты вели большую разведывательную работу. По донесениям, поступавшим от них в Центр, советская авиация бомбила военные объекты противника. Так,

нашими самолетами были уничтожены крупные склады горючего под Первомайском, разгромлена мотоколонна, уничтожено 129 автомашин и до двух батальонов вражеской пехоты.

От разведчиков в катакомбы, в штаб Молодцова, а от него в Москву ежедневно, обычно в 22.30, передавалась самая разнообразная военная, политическая, экономическая и оперативная (контрразведывательная) информация, касающаяся всего района Междуречья — территории между Днестром и Южным Бугом. За «Корреспондентом № 12» — бадаевской радиостанцией — охотилась особая команда фашистских снайперов, ее засекали вражеские пеленгаторы. Но она, строго соблюдая график, выходила в эфир и передавала сведения о береговой и зенитной обороне одесского побережья, движении вражеских войск на советский фронт, дислокации и командном составе воинских частей захватчиков, об оккупационной администрации и ее агентуре. Разведчики передавали в центр неприятельский «план защиты Одессы»: оккупанты, у которых горела под ногами земля, уже тогда опасались подземного, морского, воздушного десантов. По этому «плану» на улицах рылись траншеи и возводились баррикады, на мостах и высоких домах днем и ночью выставлялись вооруженные посты, всем жандармам и полицейским приказывалось спать одетыми.

Военно-полицейские власти 12 декабря 1941 года в донесении высшему гитлеровскому командованию так характеризовали положение в Одессе: «Настроение населения крайне враждебное. Повсюду говорят, что... советские войска перешли в крупное контрнаступление по всему фронту... Распространены выдержки из последнего выступления Сталина. В последнее время широко распространяется среди населения убеждение в том, что советская власть здесь будет скоро восстановлена... Партизаны зачастую как днем, так и ночью появляются в городе. Используя уличные баррикады, разрушенные здания и обломки автомашин, они внезапно нападают на учреждения местных властей, высокопоставленных лиц, чинов полиции и солдат...»

Разведчикам Молодцова удалось проникнуть и в военную среду, в полицейские и другие учреждения оккупантов. Фима Кац из «Яшиной десятки», хороший рисовальщик и самоучка-электрик, по заданию организации

вошел в доверие к комиссару главного района полиции. При содействии комиссара под именем Королькова Федора ему удалось поступить в полицию на должность художника-чертежника и получить документы о том, что он является «секретным информатором полиции Баковым Николаем». По позднейшему признанию ССИ, бадаевец «использовал доверие г. комиссара в целях партизан». По заданию чекистов «секретный информатор» не раз водил за нос полицейское начальство и спасал партизан. Его документы не раз выручали подпольщиков при выходе на явки и в катакомбы. Когда над ним нависла угроза провала, он с помощью Гордиенко ушел в партизанский лагерь и там «рисовал» для отряда пропуска и печати, ничем не отличавшиеся от настоящих.

Незаурядные способности проявила разведчица «Елена», сумевшая войти в среду румынских офицеров. «...Эта женщина,— говорится о ней в досье контрразведки,— завоевала в глазах офицера 38-го пехотного полка Никулеску такое доверие, что он сообщал ей не только сведения военного характера, но и о фактах отрицательных отношений между румынскими и германскими офицерами. Собранные через офицеров сведения она передавала Бадаеву».

Развертывая боевую работу организации, Молодцов налаживал контакты с другими силами сопротивления, действовавшими в Одессе и за ее пределами,— с отрядом Калошина и его наземной группой, руководимой чекистом Александром Мельником («Бадаев имеет связь и с отрядом, который дислоцируется в катакомбах под Молдаванкой»,— читаем в более поздних отчетных материалах ССИ), с руководителем подпольной группы на заводе имени Январского восстания Павлом Кудриным, партийным подпольем. По заданию Москвы Молодцов готовился установить связь с киевскими подпольщиками-чекистами. Для этого под видом командировки за сырьем для пивоваренного завода в Киев в феврале 1942 года должны были отправиться Милан и Вишневский. Во главе завода стоял партизанский разведчик Петр Продышко, пристраивавший на завод и других бадаевцев. Подпольщики выезжали для разведки в города области, в Николаев, Первомайск. Действия бадаевцев приобретали все более широкий и наступательный характер.

Небезынтересны оценки и выводы, которые делали

ССИ и гитлеровские специальные службы относительно боевой и агентурно-разведывательной активности Одесского чекистского подполья. Эти оценки относятся к периоду февраля — июня 1942 года, когда руководитель подполья и многие его разведчики из городских групп в результате предательства оказались в фашистских застенках. Вот что свидетельствовала тогда «ССИ-3 Одесса» в своих докладах: «...Многочисленные, с хорошо подобранными кадрами и хорошо оснащенные организации — те, что оставлены НКВД... Организация Бадаева связана системой катакомб, протянувшихся на десятки километров, с другими организациями. Поэтому легко представить, какая огромная и не ликвидированная еще сила находится в ее распоряжении. Она оснащена всем современным оборудованием и вооружением и представляет большую опасность и постоянную угрозу властям... Разведчики Бадаева находятся как в городе, так и в области. Особенно необходимо отметить тот тревожный факт, что агенты Бадаева завербованы из числа тех лиц, на которых новый режим возлагал надежды в деле преобразования моральной, культурной и экономической жизни на новых территориях и которым удалось проникнуть в доверие к администрации... По своей социальной и профессиональной принадлежности они состоят из всех слоев населения. Благодаря им Бадаев был постоянно в курсе всех событий и мог сообщать в Москву точные сведения в отношении дислокации войск, об экономическом положении, враждебном повсеместно настроении населения к властям, о руководителях администрации, сведения на которых запрашивала Москва и которых он мог в любое время уничтожить. Из всех раскрытых до настоящего времени организаций эта... наиболее активно приступила к широкому выполнению своей программы. Это вполне объяснимо, если мы примем во внимание личность самого Бадаева, фанатичного коммуниста, волевого, не считающегося ни с чем... Ущерб, нанесенный нам организацией Бадаева, не поддается учету... Партизаны-катакомбисты представляют собой невидимую коммунистическую армию на оставленных территориях... Они активно действуют в целях выполнения заданий, с которыми оставлены...»

«В общем, все население города — одни сознательно, другие несознательно — оказывает содействие партиза-

нам,— говорится далее в этом документе, заканчивающемся откровенно людоедским выводом: — А поэтому в борьбе против них мы должны употреблять средства уничтожения на месте не только тех, против кого имеются доказательства, но и тех других, в отношении кого есть хотя бы только одни предположения и подозрения».

Ничто не могло загасить разгоравшееся пламя народного мщения. Боевые операции бадаевцев сливались с ударами, которые наносили по оккупантам другие партизанские и подпольные группы, действовавшие в Одессе и на территории области. Большинство этих групп действовало под руководством Одесского подпольного обкома партии, городских и сельских райкомов. Подпольщики нападали на небольшие гарнизоны и маршевые части и, как отмечала сигуранца, при этом «вооружались оружием румынских и немецких солдат и полицейских». Продолжались поджоги и диверсии на транспорте. Актом возмездия фашистам был взрыв военной комендатуры: вечером 22 октября мощный заряд взрывчатки со страшной силой поднял в воздух и вмиг рассыпал многоэтажное здание в южной части улицы Энгельса, похоронив под обломками коменданта города генерала Глугояну, префекта полиции Давилу и с ними еще полторы сотни офицеров и других военных и полицейских чинов. Ликвидация фашистского персонала, пущенные под откос поезда, саботаж на предприятиях, листовки с призывами беспощадно уничтожать оккупантов — все это не только держало гитлеровцев в постоянном страхе, но и заставляло оттягивать в тыл значительные воинские силы.

С октября 1941 по июнь 1942 года отряд Молодцова, подпольщики Пригородного райкома партии и другие группы патриотов, действовавшие в катакомбах, отвлекали на себя временами до 16 тысяч солдат противника, в том числе отборные части СС и жандармерии. Корпус часовых охранял двери «Второй Одессы» — около 400 ходов в катакомбы в радиусе 40—50 километров, от известной Аркадии до Хаджибейского лимана.

Вражеская охранка неистовствовала. Гестапо, сигуранца, ССИ чинили дикие расправы над советскими людьми. Только в первую неделю оккупации, с 16 по 24 октября 1941 года, фашисты расстреляли, повесили и заживо сожгли более 45 тысяч жителей Одессы. Несло потери и подполье. В ноябре попали в жандармские лапы

и были казнены 12 участников разведгруппы Особого отдела Приморской армии. В декабре — январе полиции удалось выследить и захватить восемь разведчиков из группы А. Мельника. Каратели хватали и убивали жителей Молдаванки, Нерубайского, Усатова, заподозренных в содействии партизанам, пушечным огнем сносили дома, расположенные возле катакомб.

Стремясь во что бы то ни стало уничтожить подполье в катакомбах, фашисты забивали и минировали входы в подземелье, отравляли воду в прилегающих колодцах. В конце сорок первого года оккупанты, понимая, что им не справиться с воинами-катакомбистами, решили заживо замуровать их под землей, на глубине 40—45 метров. Специальные команды забетонировали все известные им выходы из катакомб. Но и это не помогло. «Замурованные нашими саперами выходы из катакомб,— констатировала сигуранца 31 января 1942 года,— несколько дней назад отрыты партизанами с помощью жителей». После этого гитлеровская и королевская охранки в Одессе идут на новое чудовищное преступление: они начинают нагнетать в замурованные катакомбы ядовитые газы.

Партизаны держались стойко, героически. С помощью местных жителей они отводили газы в пустые штольни, находили «окна» в степные балки, переходили на время в безопасные выработки. Однажды, когда подземный лагерь из-за нехватки продуктов и блокирования попал в исключительно тяжелое положение, а сам Молодцов был схвачен и подвергался нечеловеческим истязаниям в застенках ССИ, жандармы взорвали ими же забетонированный ход в каменоломни и втолкнули туда сына партизана Мытникова. При мальчике было письмо-ультиматум, в котором бадаевцам предлагалось «в течение 48 часов сдаться без всяких условий». До истечения «срока» голодные, измученные отсутствием вестей о судьбе командира и его связных партизаны напали на усатовскую комендатуру и разгромили ее...

Бадаевцы продолжали боевые действия и разведку. Они держали связь с партийным подпольем и по-прежнему широко опирались на помощь населения. Горожане и жители сел, рабочие каменоломен и колхозники снабжали их продуктами, помогали в разведке, предупреждали о появлении карателей.

Фашистам казалось, что подземный гарнизон имеет

уже не сотни, а тысячи бойцов: так смелы были их действия. Много лет спустя гитлеровский генерал Типпельскирх в своей «Истории второй мировой войны» писал о «Второй Одессе»: «Оставляя осенью 1941 года Одессу, русские создали в городе надежное, преисполненное величайшего фанатизма партизанское ядро. Партизаны обосновались в катакомбах... Это была настоящая подземная крепость с расположенными под землей штабами, укрытиями, тыловыми учреждениями всех видов, вплоть до собственной пекарни и типографии, в которой печатались листовки... Партизаны совершали нападения на солдат и плохо охраняемые военные объекты... Кроме того, велась активная разведывательная работа. Бунтовщики, годами жившие под землей без света и солнца, добровольно обрекали себя на тяжелые физические страдания... Когда русские войска 10 апреля 1944 года вступили в город... из 10 тысяч советских партизан, вышедших навстречу своим войскам, свыше половины были оснащены оружием немецкого и румынского производства...»

У страха, как говорится, глаза велики. Но поистине вся Одесса — на земле и под землей, как и вся временно оккупированная гитлеровскими захватчиками советская земля, воздавала фашистам за их злодеяния полной мерой.

Зимой 1942 года в подпольных группах бадаевцев начались провалы. Охранке, изощренной в вероломстве и провокациях, удалось подослать к участникам сопротивления своих агентов и таким образом напасть на след подпольщиков. В 11 часов вечера 9 февраля на городской конспиративной квартире были схвачены Молодцов, Яша и Алеша Гордиенко, Чиков и Межигурская. Руководил карательной операцией начальник так называемого «бюро партизанских расследований» ССИ-3 Аргир-Кочубей, в прошлом матерый деникинский контрразведчик, бежавший из Одессы от наступавшей Красной Армии в момент ликвидации белогвардейщины. Он распорядился отвезти партизан в секретный застенок специального отряда карателей из ССИ, на квартире же устроил засаду. Через два дня в засаду попала связная Молодцова — Тамара Шестакова (в отряде комсомолку Шестакову звали «Тамара вторая», «Тамара большая»), посланная штабом на розыски командира. Идя по ее следу, ищейки

из ССИ выявили адреса Шевченко, Вишневского, Болонина... Аресты в верховом отряде продолжались весь февраль и март.

Партизаны в катакомбах и не затронутые провалами городские группы, как и прежде, выполняли боевые задания, вели разведку, выявляли и уничтожали провокаторов.

Молодцов и его товарищи по организации и в застенках вели борьбу с фашистскими палачами. Арестованных жестоко избивали, лишали пищи и сна. Молодцов молчал. Чекисты, все бадаевцы, видя стойкость своего командира, также бесстрашно вели себя на допросах, не сдавались под пытками, поддерживали друг друга. На их стороне была сила правды, идейность, непреклонная воля и решимость выстоять до конца.

Палачи изощрялись в жестокости. Для пыток в сигуранце был сооружен электрический стул. Фашистский следователь, пойманный впоследствии органами государственной безопасности, признал, что во время допросов бадаевцев он «избивал их резиновым шлангом, кулаками и применял электрический ток». Со спокойствием профессионального палача он описал дьявольскую технологию электропытки...

Велика была сила духа патриотов! Никакими истязаниями врагу не удалось сломить их волю. Единоборствуя со своими истязателями, они и в последние дни и часы жизни думали не о себе, а о тех, кто будет жить после них, кто будет продолжать борьбу, стремились предупредить об опасности.

Ожидавший казни Н. И. Милан передал родным белье и в нем изорванный носовой платок. По краям лоскута кровью было написано: «Наших Бойков пре...». Мужественный патриот предупредил оставшихся на воле о подлом предательстве Бойкова-Федоровича. (Предатель пытался бежать с оккупантами, но был пойман и понес заслуженную кару. Не ушел от возмездия и пытавший Милана Аргир-Кочубей. Но этот фашист так и не узнал, что еще в 20-м году сотрудник Одесской ЧК Милан под видом офицера-серба вместе с ним участвовал в заседаниях белогвардейского заговорщического штаба. После ликвидации заговора Милан получил золотые часы от ВУЦИК с надписью: «За умение и энергию в борьбе с контрреволюцией».)

Молодая коммунистка Межигурская перед расстрелом писала друзьям по подполью: «Дорогие товарищи! Нас скоро расстреляют. Не огорчайтесь, мы ко всему готовы и на смерть пойдем с поднятой головой. Передайте моему сыну Славику (он на Алтае) все, что вы знаете обо мне. 14.6.42».

Предсмертное письмо И. Н. Петренко заканчивается обращением к сыну: «Вовочка, к тебе папкина просьба, последняя просьба: будь непримирим и безжалостен к тем, кто против Советской власти и нашей партии,— это враги твоего отца, а следовательно, и твои. Будь верным партии, своему народу и Родине, и если нужно будет, то отдай свою жизнь, как отдал отец». По отцовскому завету комсомолец Владимир Петренко весной 1944 года добровольно пошел на фронт. В октябре, едва вступив в совершеннолетие, младший лейтенант Петренко на дальней пограничной высоте «749», у села Ольховец, пал смертью храбрых в бою с фашистами.

Стойко, с чувством превосходства над врагом вела себя на следствии Галина Марцышек. Связная руководителя подполья попала в засаду летом 1942 года. Муж ее погиб в бою с карателями, защищая вход в нерубайские катакомбы. Фашисты требовали, чтобы она отреклась от Родины, предала товарищей. А она, как свидетельствуют найденные в архивах ССИ протоколы допроса, с достоинством отвечала палачам:

«В отряд я вступила добровольно, никто меня не принуждал. Я хотела выполнить слово, данное Родине, и была готова отдать мою жизнь борьбе, презирая смерть. Помилования я не прошу, а также не дорожу жизнью, умирая для своей страны... С радостью говорю, что наш отряд был глубоко советским, и если были какие ошибки, то я прощаю их каждому, кто не унизился перед врагом и будет смотреть без трусости в глаза смерти... Мой муж убит вашей пулей, он умер за идею. И я у вас помилования просить не буду, готова умереть за Родину...»

Советская Армия в 1944 году освободила Г. П. Марцышек от вечной каторги, на которую обрекли ее враги.

Гордым орленком, высоко поднявшимся на могучих крыльях сыновней любви к матери-отчизне, до последней минуты остался Яша Гордиенко. В борьбе он брал пример со старших, с Молодцова, которому был особенно предан. В тюрьме ему исполнилось 17 лет — это было

16 апреля сорок второго года, за три с половиной месяца до казни. Перед войной он закончил 8 классов и год учился в военно-морской спецшколе, с друзьями делился мечтой стать чекистом-разведчиком.

Комсомольская организация Одессы, награжденная за подвиги в Великой Отечественной войне орденом Красного Знамени, может гордиться славным своим воспитанником: как истинному герою, ему было присуще светлое, сознательное бесстрашие.

В организации Молодцова юноша выполнял ответственные задания. По поручению командира он ходил на явки с разведчиками особой группы — из числа одиннадцати, потом с важными донесениями пробирался в блокированные карателями катакомбы — пробирался бесснежными полями, голыми балками, где не найдешь ни валуна, ни кустика, чтоб укрыться от шарящих по степи лучей прожектора. Галина Марцышек вспоминала о нем: «С появлением Яши будто светлее становилось в нашем мрачном подземелье. Перед озаренностью, которую излучали не только его светлые глаза, но и весь он, крепкий и юный, с выбившимися из-под кубанки мальчишескими вихрами, отступала гнетущая тишина, на смену подавленности приходило настроение приподнятости... Потом мы все, кто был свободен от заданий, провожали отчаянно смелого паренька к выходу и, прощаясь, мысленно желали обойти все опасности, подстерегавшие его на каждом шагу более чем двадцатикилометрового пути...» За осень и зиму Гордиенко не менее десяти раз проделывал этот путь, и уж кто, как не он, наизусть знал расклеенные на улицах города и в селах приказы, которые начинались и заканчивались предупреждением: «Выход из города и переход из села в село карается расстрелом на месте».

Ребята из группы Гордиенко собирали сведения о расположении фашистских штабов, военных объектов, помогали связным Молодцова, разносили доставляемое из катакомб оружие, расклеивали партизанские листовки. Когда было решено уничтожить изменника, командир отряда поручил это Чикову и Гордиенко: он знал, как ненавидят комсомольцы фашистов и их пособников. Н. Шевченко привлек их к подготовке взрыва консульства фашистской Германии.

На следствии Гордиенко вел себя достойно, ни пытки,

ни обещания жандармов и офицеров разведки не заставили его выдать товарищей. При истязаниях молчал, на посулы отвечал упрямо и зло:

— Мы, комсомольцы, туркам [1] не продаемся!

Письма комсомольца из камеры смертников, тайно от жандармов переданные на волю через четырнадцатилетнюю сестренку Нину, полны презрения к смерти. В них он напоминает друзьям о клятве верности, которую все они дали комсомолу и Родине, с непоколебимой верой говорит о нашей победе, просит мстить врагам за убийство Молодцова, брата Алеши, Чикова, Межигурской, за кровь патриотов.

«...На следствии я вел себя спокойно,— писал он родным.— Три раза водили меня бить и били на протяжении 4—5 часов. За это время три или четыре раза терял память... Били резиной, опутанной тонкой проволокой, грабовой палкой метра полтора, по жилам на руках — железной палочкой. Никакие пытки не вырвали у меня фамилий... Прощайте, дорогие, не падайте духом. Крепитесь, победа будет за нами... Если буду жив — хорошо (только не через суд...), а если нет, то что поделаешь, этого Родина требует. Все равно наша возьмет».

Сестра и мать сберегли все двенадцать записок Яши — двенадцать клочков бумаги, написанных кровью сердца. И вот последние Яшины строчки. Итог семнадцати лет жизни, последнее слово к живущим, забота о них и вера в победу:

«Дорогие, пишу вам последнюю свою записку... Мой срок истекает... Помилования я не жду. Эти турки отлично знают, что я из себя представляю. Жаль, что я не сумел развернуться. Моя группа много кое-что бы сделала... Вы не унывайте. Наше дело все равно победит... За кровь партизан, расстрелянных турками, они ответят в тысячу раз больше. Мне только больно, что в такую минуту я не могу помочь моим друзьям по духу... Мы выросли и воспитались в духе свободы... Я не боюсь смерти. Я умру как подобает патриотам Родины. Прощайте, дорогие... Прошу только не забыть про нас и отомстить... Целую вас крепко, крепко. Не падайте духом. Крепитесь. Привет всем родным. Победа будет за нами! 27.VII.42 г. Яша».

---

[1] Так Гордиенко называл карателей из сигуранцы.

Через три дня, 30 июля 1942 года, фашисты расстреляли Яшу Гордиенко с группой других бадаевцев. Когда его со связанными проволокой руками выводили на расстрел, он запел. Тюрьма слушала гордую песню революции «Смело, товарищи, в ногу...».

Партизанская война в условиях оккупации города и особенно в тяжелейших, ни с чем не сравнимых условиях катакомб — без солнца, света, свежего воздуха, в изоляции от внешнего мира — требовала от каждого бойца большой духовной силы, мужества и отваги. Чекисты-подпольщики и те, кто по велению сердца делил с ними трудности подполья в тылу врага, черпали эти силы в постоянном общении с народом. Советские люди всегда были рядом с ними, помогали им, не страшась ни пыток, ни смерти и не представляя себе иной жизни, кроме жизни на своей свободной земле. Во имя этой жизни они и вступили в смертный бой. Умер под пытками, никого не выдав, нерубайский колхозник В. С. Капышевский, деливший последний кусок хлеба с партизанами. Погиб партизанский разведчик и проводник И. А. Кужель. Геройской смертью пал колхозник из села Куяльник Василий Иванович Иванов. Каратели поставили партизана к стене его хаты и, требуя признания, автоматными очередями выводили на стене контуры его головы. Но и такая пытка не заставила его заговорить. Казнили Иванова на глазах у жены и дочери. Последнее слово, с которым он обратился к родным, было: «И вы молчите!» Фашистскими карателями был расстрелян его старший сын Леонид, осуждены к пожизненной каторге дочь Мария и жена Евдокия Федоровна, младшему, Ивану, удалось скрыться в бадаевских шахтах и присоединиться к партизанам.

В памяти несмирившейся Одессы навсегда запомнился день 27 июня сорок второго года. В этот день фашисты, в устрашение народу, водили по городу Молодцова, Гордиенко, Межигурскую и других партизан. На улице Франца Меринга от толпы отделилась бедно одетая женщина, подошла к человеку, на груди которого висела дощечка с крупной надписью «Бадаев», и положила на окованные кандалами руки связку домашних бубликов. Пока жандармы пришли в себя, люди спрятали ее. Это была Екатерина Васина, жена одного из бадаевских партизан. Сигуранца позднее сумела схватить патриотку и

расстреляла ее, но та успела передать товарищам мужа слова Молодцова: «Нас предал Бойков».

Тогда же, в июне 1942 года, в надднестровском селе Маяки трус и предатель мельник Коваленко выдал жандармам И. Г. Гаркушу (он назвался Аркушенко) и его друга И. Ф. Медерера. Иван Гаврилович и Иван Францевич вдвоем вышли из катакомб с заданием достать муку: в лагере начинался голод. Оба партизана устроились работать на мельницу, стали понемногу делать запасы и переправлять в катакомбы. И вот — жандармский пост, побои и допросы.

Какую богатырскую силу духа надо иметь, чтобы, ничего не страшась, вот так смело, откровенно и по-украински лукаво дурачить жандармов, как это делал на допросах старый Гаркуша! Это под его диктовку был составлен 19 июня протокол, в котором без малейшего намека на юмор записано:

«Я, начальник поста с. Маяки, Орхей, приказал допросить задержанных. При этом назвавшийся Аркушенко, 68 лет, украинец, рабочий в катакомбах, от военной службы освобожден, показал: я находился в каменоломнях под селом Нерубайское с 16 октября 1941 года по 7 июня 1942 года. В этих каменоломнях, именуемых катакомбами, скрывается целая Советская Армия, тысячи человек, вооруженных пулеметами, автоматами, имеют много мин, имеют свое организованное НКВД, а из продуктов — пшеницу, картофель, вино, спирт... В каменоломнях имеются установки для электричества, радио и телефона, есть мельница, поддерживается связь с Москвой и другими городами. В этих каменоломнях-катакомбах примерно около трех дивизий, если не больше. Имеются вода, баня, хорошие помещения для сна и есть улицы, по которым проходят люди. Имеется площадь для собраний, где собираются на митинги и для инструктажа. Имеется также один генерал (имя его не знаю) и много офицеров. Имеется большая радиостанция, которая принимает все страны... Мы пришли в село Маяки не по заданию, а в поисках работы. Не придав значения тому, чтобы лично прийти в ваш жандармский пост, мы были задержаны жандармами и силой доставлены туда...»

Долго фашистские следователи допрашивали партизана, упорно твердившего о несметной силе, скрытой под толщей земли в многоярусных галереях. В ноябре 1943

года военно-полевой суд приговорил его к пожизненной каторге, но каратели убили его в тюрьме, как убили и Медерера, как убили без суда Алешу Гордиенко, Сашу Чикова, И. Н. Клименко и многих других патриотов.

Николай Шевченко был схвачен контрразведкой при подготовке взрыва в военном представительстве и консульстве фашистской Германии. Он покончил с собой, приняв яд. ССИ с раздражением от неудачи доносила в Бухарест: «...Этот человек мог бы внести много ясности в данное дело... Активный партизан, он создал десятку, которой Бадаев поручал совершать террористические акты против руководителей новых властей...»

Командир отряда В. А. Молодцов являл собой пример несгибаемой твердости, мужества, преданности партии и народу. В застенке, когда заключенным было особенно тяжело, он говорил о Родине, о нашей близкой победе. «Разговор этот,— вспоминал после войны бывший узник сигуранцы Д. С. Капышевский, заключенный в одну камеру с бадаевцами,— всегда зачинал товарищ, которого фашисты подвергали на допросах нечеловеческим пыткам. Все мы знали его как Бадаева».

Подсаженный к заключенным провокатор Боярчук, бывший петлюровец, выдавал себя за члена подпольной организации. В действительности же он был агентом ССИ и одновременно состоял в организации украинских националистов. Провокатор доносил шефу контрразведки Курерару: «Преимущественно ночью заключенные собираются в камере вокруг Бадаева, и он укрепляет в них надежду на скорый приход Красной Армии и освобождение Украины. Все верят ему, потому что видят, что он держится стойко, ни в чем не сознается».

После войны провокатора поймали и по приговору трибунала расстреляли.

В «Деле Бадаева и его организации» (лишь год спустя после расстрела чекиста охранка узнала его настоящую фамилию), попавшем к нам в числе других документов ССИ и сигуранцы, мы обнаружили запись его показаний от 2 мая 1942 года. Из этой записи видно, что три месяца Молодцов молчал — не помогли палачам ни электрический ток, ни побои, ни другие пытки, которым его подвергали. Но вот наконец командир заговорил. Он решился на это незадолго перед судом с одной лишь целью: попытаться смягчить участь товарищей. Как

никто другой, он понимал бессмысленность комедии предстоящего судилища, знал, какая участь ждет подпольщиков и его самого, но тем не менее всеми силами стремился снять ответственность с других и взять ее на себя. «В операциях не участвовал»,— говорил Молодцов об одном боевом разведчике. «В отряде занимался подсобными работами»,— следовал ответ в отношении другого и т. д. Что же касается отношения Молодцова к оккупантам, то оно и в этом единственном разговоре по «делу» характеризуется как жгучая ненависть и презрение. В упомянутой записи показаний, сделанной фашистским следователем, Молодцов называет их ворами, грабителями, разбойниками, говорит о священном праве народа на мщение.

Суд над бадаевцами, схваченными вместе с командиром, начался 25 мая 1942 года. Среди подсудимых не было участника организации Бойкова-Федоровича: сигуранца опасалась за жизнь провокатора. На суде Молодцов потребовал, чтобы тот присутствовал: нужно было до конца разоблачить изменника и предупредить тех, кто еще ничего не знал о его предательстве. В замешательстве судьи прервали судебное заседание. Возобновилось оно 28 мая оглашением справки тюрьмы и полиции, в которой сообщалось о «побеге» арестованного Бойкова-Федоровича из-под стражи. «Теперь нам все ясно»,— сказал кто-то из партизан. Весь суд свелся к тому, что было зачитано обвинительное заключение. Все обвиняемые на вопрос судьи, признает ли принадлежность к партизанам-катакомбистам, отвечали: «Да», «Признаю», «А как же!»...

Приговор партизанам объявили 29 мая во дворе тюрьмы, куда стража согнала всех заключенных. Командир отряда и обе его связные были приговорены к смертной казни. После приговора прокурор огласил «милосердное соизволение королевы-матери», разрешавшее осужденным подать прошение о помиловании в Бухарест. Тогда вперед вышел командир. Высокий, широкоплечий, русоголовый, с отпущенными в подполье усами и бородой, в разорванной на груди косоворотке, он гневно и громко бросил в лицо тюремщикам:

— У нас есть только один суд — советский, только одно правительство — в Москве. Мы — русские и на своей земле помилования у врагов не просим!

— Другого приговора от фашистов мы не ждали,— произнесла, презрительно улыбнувшись, Межигурская.

Шестаковой Тамаре, ожидавшей ребенка, прокурор предложил хлопотать о помиловании перед румынской королевой особо. «Нет!» — произнесла в ответ подпольщица. В камере в ожидании казни у нее родилась дочь. Через три с половиной месяца после родов ей объявили, что «период кормления истек», и в ночь на 4 января 1943 года мужественную партизанку расстреляли. Перед казнью она передала заключенному П. В. Николенко, разведчику из отряда А. Солдатенко, записку, просила передать нашим, когда придут, и сообщить им, кто выдал подпольщиков, рассказать о ее погибших друзьях, о том, как стойко вели они себя в застенках врага.

Даже смерть патриотов пугала врагов. Глубокой ночью, воровски, тайком от всех заключенных, жандармы вывели Молодцова и Межигурскую из тюрьмы и на одном из кладбищ разыграли инсценировку расстрела. После этого советских разведчиков увезли в степь и там в лесопосадках Люстдорфской (ныне Черноморская) дороги, расстреляли, а тела героев закопали на дороге. Это было 30 июня 1942 года.

Почти все подпольщики-бадаевцы погибли. Одни — в боях, другие — в фашистских застенках. Народ свято чтит их подвиг. За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и геройство В. А. Молодцову (Бадаеву) Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Многие разведчики и бойцы его отряда, и в их числе Я. Гордиенко, И. Иванов, Г. Марцышек, Т. Межигурская, Т. Шестакова, К. Зелинский, К. Булавина, И. Петренко, были награждены боевыми орденами Родины.

Именами героев-чекистов названы улицы Одессы и других городов, Дворцы пионеров и школы, шахты, тепловозы и морские корабли. Они достойны этой вечной славы и навсегда останутся в памяти народа, с которым всегда были вместе и за освобождение которого отдали свои жизни.

★

ПРОСЧЕТ «МАЙОРА ПЕТЕРГОФА»

А. БЕРЕЖНЫХ

Отгремели последние залпы Великой Отечественной войны. Переполненные железнодорожные эшелоны с демобилизованными из армии офицерами и солдатами следовали из побежденной Германии на Родину. На железнодорожных станциях проходили бурные встречи. Страна ликовала, празднуя победу.

Автора этих строк конец войны застал в госпитале. Выписавшись из него, я получил назначение в Вологодское управление государственной безопасности.

Не скрою, что, пробыв на фронте почти всю войну, я мало знал о работе территориальных органов государственной безопасности и об их вкладе в дело разгрома ненавистного врага.

В Вологодском управлении мне пришлось познакомиться с рядом документов, с сотрудниками, которые работали здесь во время войны, и я вскоре убедился, что и здесь шла напряженная борьба с врагом.

По железнодорожным и водным путям, пролегающим на территории области, провозились военные грузы, двигались эшелоны с войсками, вооружением, боеприпасами, продовольствием.

Северная железная дорога была единственной артерией, питавшей Ленинградский фронт. Все грузы на фронт к Ленинграду и Тихвину, на север к Мурманску и Архангельску шли через Вологодский железнодорожный узел. Естественно, что разведка фашистской Германии проявляла большой интерес к Вологде.

Чекистам Вологодской области пришлось вести острую и напряженную борьбу с многочисленными враже-

скими парашютистами, которых забрасывали на территорию области, чтобы собирать интересующие гитлеровцев секретные сведения, совершать диверсии, поджоги и убийства. Заслуга вологодских чекистов состояла в том, что ни один из вражеских лазутчиков не сумел выполнить задания фашистской разведки. Всех их постигла неудача.

Чекисты не только обезвреживали шпионов, диверсантов и террористов, но и использовали некоторых из них в операциях по дезинформации противника. С помощью захваченных агентов органы государственной безопасности завязывали оперативные «игры» с центрами фашистской разведки, которые давали возможность советскому командованию передавать врагу ложные сведения, вводить его в заблуждение и вынуждать совершать выгодные для нас действия.

Сотрудниками Вологодского управления государственной безопасности в годы войны было проведено несколько таких «игр». Об одной из них пойдет речь в нашем очерке.

Непрошеные гости

На исходе последние часы февраля 1942 года. Сумрачно и тревожно в оккупированном Пскове. Комендантский час фашистского «нового порядка» властно царствовал на улицах города. С наступлением вечера прекращалось движение, замирала жизнь.

Крытый фургон, осторожно протиснувшись между кирпичными тумбами ворот, выехал из двора темно-серого здания гитлеровской разведки и устремился по центральной улице в западную часть города. На остановках тощий длинноносый обер-лейтенант проворно высовывался из кабины и тыкал в лицо патрульному какое-то удостоверение, патрульный вытягивался в струнку, и фургон мчался дальше.

На аэродроме машина резко затормозила. Юркий обер-лейтенант хлопнул дверкой кабины, вскочил в фургон, где сидели парашютисты. Щелкнул выключатель. На коленях расстелили карту. На ней красным отмечено место высадки и действия — Вологда...

— Эдуард Мушник пьет за вашу удачу!

Выпили молча.

В 22 часа «Хейнкель-88» поднялся с аэродрома и взял курс на восток. На большой высоте самолет пересек линию фронта. Достигнув заданного района, снизился, сделал несколько кругов над чернеющим массивом леса и повернул на запад.

На лесную поляну спустились трое парашютистов. Освободившись от строп, они посигналили друг другу электрическими фонариками. Закопали парашюты в снегу, собрались у одинокой корявой сосны. Один из них отсчитал от сосны несколько шагов в сторону накренившейся лохматой ели.

— Здесь оставим вещмешки. Тут, должно быть, железная дорога рядом.

Освободившись от груза, все трое, по-волчьи, след в след зашагали по глубокому снегу. Вскоре лес поредел. Показалось полотно железной дороги.

К утру поднялся ветер. Повалил крупными хлопьями снег. Скрыл следы ночных путников...

Гемприх ликует

Напрасно обер-лейтенант Мушник ежедневно, две недели подряд, в полдень и вечером, надевал наушники, призывно выстукивал ключом: «Лаи», «Лаи»... Отзовитесь, где вы? Я — «Вас», я — «Вас»... Я слушаю! Я слушаю вас».

Эфир зловеще молчал.

Мушник боялся показаться на глаза своему шефу. Всякая надежда таяла, безвозвратно и тревожно, как догорающая свеча.

И вдруг 16 марта... Да, он не мог ошибиться... Тоненький писк, знакомый, как мелодия любимой песни, пробился сквозь треск в эфире:

— Я — «Лаи», я — «Лаи»! «Вас», вы слышите меня?

Нет сомнения, это он. Это работал «Лаи». Мушник сам обучал его работе на ключе и безошибочно мог отличить этот ритм от работы других радистов.

Обер-лейтенант готов был закричать от радости: «Я слышу вас, черти!» Но микрофона перед ним не было, и пальцы привычно выстукивали: «Лаи», я слышу вас! Сообщите, как ваши дела?..»

Через час, бодрый и подтянутый, обер-лейтенант Мушник вошел к капитан-лейтенанту фон Шнеллеру и положил перед ним расшифрованную телеграмму. Пробежав ее глазами, фон Шнеллер приказал:

— Немедленно доложите об этом господину Гемприху!

Начальник абверкоманды-104 армейской группы «Норд» полковник Гемприх (а для всех тех, кого он послал в русские тылы, «майор Петергоф») не удостоил обер-лейтенанта ни единым знаком внимания. А когда услышал, что группа Орлова радировала о благополучном прибытии на место, скептически усмехнулся:

— И вы верите в это, обер-лейтенант? Где же они были раньше? Почему молчали больше двух недель? Почему ни разу не отозвались на ваши позывные?

— Вы думаете, господин полковник, они под контролем?

— Не думаю, но допускаю!

— Что ж, если так, спишем еще одну группу и прекратим связь.

— Не горячитесь, обер-лейтенант, это всегда успеется. Дайте Орлову ответную телеграмму, выясните, почему молчали до сих пор. Убедимся в фальшивости их действий, тогда и решим. Завтра же жду результатов.

Щелкнув каблуками, Мушник вышел. Разговор с начальником окончательно вывел его из равновесия. Как же он сам не мог сообразить, что надо было сначала все подробно выяснить самому, а потом уж и докладывать. А все оттого, что он слишком долго ждал и надеялся. Сколько же радистов обучил он, обер-лейтенант Мушник, за время своей службы! Сколько их забросили в тылы к русским, хотя бы в ту же Вологду... и почти все напрасно. Отто Блюмке и тот уже стал над ним посмеиваться: «Не видать тебе папашиных владений...» Блюмке легко играть на нервах других. Он чистокровный пруссак. А ему, Мушнику, сыну бывшего петроградского заводчика Генриха Мушника, потерявшего все свои капиталы во время большевистской революции в России, даже мелкая неудача по службе грозит катастрофой.

Через несколько дней обер-лейтенант обстоятельно доложил полковнику Гемприху о высадке группы Орлова. Шеф слушал внимательно, подчеркивая красным карандашом названные города и села.

— Во время приземления был сильный ветер,— докладывал обер-лейтенант Мушник,— группу разбросало в разные стороны. Больше недели они добирались до условного места встречи — станции Бабаево. Потом перебрались в Вологду, устроились на частной квартире. И уж только после этого выехали в район выброски, где была спрятана радиостанция. Оттуда и дали первую радиограмму.

— Чем они занимаются сейчас? — Гемприх привстал, взглянул на обер-лейтенанта исподлобья и снова опустился в кресло.

— Сейчас рацию перенесли в район Ватланово. Прячут ее в лесу. Для связи с нами выезжают туда из Вологды. Радировать каждый день в условленное время не могут. Взять рацию к себе опасаются.

— Есть еще какие-нибудь сведения?

Мушник, чуть подавшись корпусом вперед, положил перед полковником расшифрованную телеграмму Орлова. Текст ее гласил: «В Вологде большое скопление войск. Из Архангельска приходят поезда с пломбированными вагонами. Платформы крыты брезентом, охраняются, прошел эшелон с войсками на север с Урала».

Гемприх снова внимательно посмотрел на Мушника. Предложил закурить.

— Что думаете делать дальше?

— Думаю, господин полковник, не прекращать этой связи.

— Правильно. Я склонен верить этому Орлову, обер-лейтенант. Немедленно, сегодня же, или когда там у вас следующий сеанс связи, дайте задание выяснить продолжительность пребывания воинских частей в Вологде, откуда они прибыли, каков возраст солдат, национальность, подготовку, хватает ли вооружения, много ли тяжелых орудий, есть ли танки.

Через неделю Мушник снова был в кабинете Гемприха.

— В Вологде красноармейцы разных возрастов,— докладывал он,— тридцати — сорока лет, русские, в строю ходят хорошо, вооружены винтовками и автоматами, проводят занятия.

Гемприх распорядился уточнить, где происходит скопление войск, сколько поездов проходит через станцию в сутки, в каком направлении...

Начальник абверкоманды-104 с этого дня стал особенно интересоваться сообщениями группы Орлова. Мушник завел специальную папку, куда аккуратно подшивал все телеграммы Орлова, выписывал на отдельный лист все сообщенные группой данные, сопоставлял их с данными, полученными от других разведчиков, находившихся в тылах северного участка фронта. Проанализировав эти данные, можно было предсказать намерения русских в этом районе, предугадать их планы.

8 июля 1942 года Мушник принял очередную телеграмму Орлова и тут же поспешил к Гемприху, чтобы доложить о новостях.

— Господин полковник, Орлов сообщает, что с 1 по 3 июля через Вологду на Архангельск прошло 68 эшелонов, из них 46—48 с войсками, 13—15 с артиллерией и танками. На Тихвин перебрасываются пехота и танки. За три дня прошло 32 эшелона.

— Вы понимаете, обер-лейтенант, что все это значит? Нет? Это значит, что снимать войска с нашего участка фронта для наступления на юге неразумно! Русские концентрируют ударный кулак здесь! — Гемприх обвел карандашом на карте круг северо-восточнее Ленинграда.— Надо немедленно сообщить об этом командованию армейской группы «Норд»,— продолжал он, нервно расхаживая по комнате,— и, может быть, донести об этом самому адмиралу Канарису, чтобы он доложил в ставке фюрера... Вот так, обер-лейтенант, не зря разведку зовут «глаза и уши армии»...

Но оставим пока полковника Гемприха и обер-лейтенанта Мушника, предоставим им возможность упиваться радостью своих успехов. Возвратимся к событиям последней февральской ночи, к группе Орлова, которой удалось осесть в Вологде и давать такие ценные сведения гитлеровской разведке...

Ночной звонок

Лев Федорович Галкин имел обыкновение работать до пяти часов утра. Сегодня он хотел уйти пораньше — 8 Марта, женский праздник. Не успел купить подарок, так хоть побыть несколько часов вместе с женой.

Был час ночи. Галкин надел пальто, собрал со стола

бумаги и запер их в сейф. Только выключил свет — загорелся сигнальный огонек и зазвонил телефон. Звонил начальник транспортного отдела. Он сообщил, что на станции Бабаево при проверке документов задержан вражеский парашютист. С ним были еще двое, но им удалось уйти. Галкин попросил доставить задержанного в управление. Не раздеваясь, сел за стол. Вызвал начальников нужных отделов. Распорядился поднять милицию, истребительные батальоны.

Вызов к начальнику в столь поздний час в то время был обычным явлением — война, и сотрудники управления государственной безопасности работали до глубокой ночи. Они привыкли видеть своего начальника в любое время суток. Всегда он был спокойным, уравновешенным. Внешне Лев Федорович не изменил своей натуре и сейчас. Грузный, осанистый, он тяжело прохаживался по кабинету. Неторопливо рассказывал о сообщении из Бабаева.

— Необходимо ориентировать войска. По железной дороге выслать поисковые группы...

Только в три часа он ушел из управления. Дома уже все спали...

Через два дня Галкину принесли для ознакомления протоколы допросов задержанного парашютиста. Бегло просмотрев их, он пригласил к себе начальника контрразведывательного отдела Соколова:

— Александр Дмитриевич, вы верите показаниям Алексеева?

— Да, я думаю, что они правдивы.

— Какое впечатление производит он сам? Вы видели его?

— Только что разговаривал с ним, Лев Федорович. Это кадровый старшина-сверхсрочник. Служил начальником радиостанции. В октябре сорок первого гитлеровцы заняли это место. Алексеев попал в плен. В рижском лагере военнопленных был завербован фашистской разведкой. Обучение прошел в разведшколе в эстонском городе Валга.

— Родственники, семья есть у него? Где они?

— Он женат. Жена, очевидно, в оккупации. Она жила в городе Камышине Сталинградской области. Мать — у старшего брата, в Горьком. Средний брат — военнослужащий, капитан.

— Что же, по-вашему, его заставило пойти на службу к врагам?

— Думаю, что тяжелые условия плена... ну и стремление сохранить жизнь.

— Это вы так думаете, а что говорит он сам?

— Известно, что говорят в таких случаях, Лев Федорович: намеренно добивался, чтобы забросили в наш тыл. Хочет быть полезным Родине, искупить делом вину.

— А по вашему мнению как? Способен он это сделать?

— Да как вам сказать...

— А что показывают те двое, которые были сброшены вместе с ним и пытались скрыться?

— Они долго упорствовали. Наконец оба назвали свои настоящие фамилии. Показания их, в общем-то, не противоречат тому, что показывает Алексеев.

— Александр Дмитриевич, попросите привести его.

В кабинет начальника Вологодского управления государственной безопасности ввели невысокого, коренастого человека. Высокий лоб и прямоугольный подбородок подчеркивали в нем недюжинную волю и твердый характер. В спокойных серых глазах незаметно было и тени смятения. На предложенный стул он опустился неторопливо, положил руки на колени.

— Курите? — спросил его Галкин.

— Курю.

— Пожалуйста.

Алексеев взял папиросу. Жадно затянулся.

— Ваша действительная фамилия? Имя, отчество?

— Алексеев Николай Васильевич.

— А Орлов?

— Это немцы так меня окрестили. Под фамилией Орлов я обучался в немецкой разведшколе...

— Так как же, Николай Васильевич, получилось, что вы — старшина Красной Армии, отличник службы — оказались нашим врагом?

— Я не враг, и прошу мне верить. Я пошел в немецкую разведку, чтобы освободиться от плена и попасть к своим.

— Не верю, Алексеев. Если бы вы с таким намерением шли в разведку, то явились бы к нам с повинной сразу же после выброски. А ведь было не так. Когда вас перебросили через линию фронта?

— Первого марта.

— А задержали вас восьмого. За-дер-жа-ли, а не сами вы к нам пришли.

— Разрешите объяснить...

— Попробуйте.

— Как вам известно, я был переброшен не один. Со мной были Диков и Лиходеев. Они не рассчитывали сдаться. Мне пришлось тщательно скрывать свои намерения от них. Согласитесь, они могли просто-напросто пристрелить меня.

— Расскажите подробно о ваших действиях после приземления.

— До Бабаева мы добрались удачно. Сели в поезд и через ночь оказались в Вологде. Подыскали частную квартиру. Хозяину объяснили, что приехали получать обмундирование и фураж для своей части. Потом поехали за рацией и продуктами, которые были спрятаны в лесу, примерно километрах в тридцати от Бабаева. Вернувшись, решили заночевать на станции, в зале ожидания. Диков и Лиходеев попросили меня разведать, нет ли на вокзале работников милиции. Вслед за мной в зал ожидания вошли два красноармейца с повязками патрулей. Я подошел к ним и попросил доложить обо мне в районный отдел государственной безопасности. «Как прикажете вас рекомендовать?» — с улыбкой спросил один из них. «Скажите, что с ними добивается встречи человек с той стороны».— «С какой с той?» — переспросили они. И тут же потребовали документы и обыскали меня. Диков и Лиходеев, вероятно, видели все это в окно и скрылись.

— Кто у вас в группе старший? — перебил его Галкин.

— Лиходеев. Я радист.

— Радиостанция одна?

— Да.

— Диков и Лиходеев могут работать на рации?

— Нет. Они окончили ту же школу, что и я, но они были на отделении разведчиков, а я радистов.

— Назовите позывные вашей радиостанции и разведцентра, с которым вы должны были держать связь.

— Позывные моей радиостанции — три последние буквы моего имени — «Лаи». Только буква «и» без краткого знака. А позывные немецкого разведцентра —

«Вас» — три первые буквы моего отчества. Все это легко запоминается.

— Немудреная конспирация. Значит, вы утверждаете, что пошли в гитлеровскую разведку за тем, чтобы попасть к своим?

— Да, и я готов делать все, что посчитаете возможным поручить мне...

Галкин приказал увести арестованного.

— Что же будем делать, Александр Дмитриевич,— повернувшись вместе со стулом к Соколову, спросил Галкин,— не попробовать ли завязать с противником «игру»?..

— Да, но слишком много времени прошло с момента их выброски, поверят ли немцы и пойдут ли на...

В это время коротко, но властно звякнул телефон. Вызывала Москва.

— Слушаю... Да, это я — Галкин... Нет, не отправили еще... Думаю над тем, нельзя ли их использовать на дезинформации... Хорошо, попробуем, если пойдут на связь, сообщим.

Галкин положил трубку и опять повернулся к Соколову:

— Вот, Александр Дмитриевич, Москва не возражает заставить Алексеева послать немцам телеграмму. Если они поверят и завяжется связь, нам помогут. Кому поручим это дело?

— Я думаю, товарищу Ходану.

— Не возражаю.

Связь налажена

Ход операции сначала тщательно разрабатывался в стенах управления. Цель ее заключалась в том, чтобы ложными сведениями ввести в заблуждение командование немецко-фашистской армии. Москва придавала операции серьезное значение. Тексты телеграмм, различные сведения сначала согласовывались с Центром, а затем уже шли в эфир. Фашисты верили сообщениям Орлова-Алексеева. Сотрудники же Вологодского управления государственной безопасности старались придать этой связи естественный характер.

Перед выброской в наш тыл гитлеровцы снабдили

своих агентов командировочными удостоверениями военнослужащих Советской Армии. Срок действия их истекал. Садились и батареи радиостанции. Об этом постоянно напоминалось немцам в радиограммах.

Но Гемприху не хотелось лишаться ценной информации, которую давал Орлов.

В июле фашисты сбросили в указанное место два баллона с продуктами, обмундированием, оружием, деньгами и документами. Они сразу же были найдены, но врага заставили поволноваться. В очередной телеграмме сообщили, что «баллоны не могли найти».

Гемприха это встревожило... «В баллонах кроме съестного были паспорта с вашими фотографиями. Если все это будет найдено не вами, то оставаться дальше будет опасно». В следующей телеграмме его успокоили: «Баллоны найдены».

«Игра» продолжается...

Сводки Совинформбюро люди читали с болью в сердце. Гитлеровские полчища рвались к кавказской нефти, топтали созревшие хлеба на Украине и Смоленщине. Жестокие бои велись на подступах к Сталинграду.

С тяжелым вздохом положил газету Дмитрий Данилович Ходан. Он зашел в кабинет к следователям, переставил на карте флажки, которыми отмечалась линия фронта. В дверь заглянул сотрудник секретариата Саша Шубейкин.

— Товарищ Ходан, к начальнику! Разыскиваю тебя по всему управлению.

Лев Федорович Галкин сосредоточенно просматривал документы, делал пометки на полях. Не поднимая головы, кивком пригласил Ходана садиться.

— Как настроение у Алексеева, Дмитрий Данилович?

— Неважное, товарищ полковник. Получил письмо от матери из Горького. Пишет, что о жене никаких известий нет. Очевидно, она осталась в оккупации.

— Поддержите его, не давайте раскиснуть. Война много горя принесла нашим людям. Многие потеряли свои семьи, близких. Надо бороться, чтобы вернуть их.

— Лев Федорович, вы помните, я подавал рапорт...

— Помню, Дмитрий Данилович, помню, дорогой...

Вот сведения прислали, передайте их Алексееву. Составьте телеграмму, покажите мне — и в эфир. Все ясно?

— Ясно, товарищ полковник. Но вы не ответили на мой рапорт.— Ходан растерянно переминался у стола.

— На фронт, что ли? Думаешь, без тебя там не справятся? — Галкин поднялся со стула и энергично зашагал по кабинету.— Я понимаю тебя,— продолжал он,— нелегко слушать о неудачах на фронте. Каждому хочется быть там и непременно с оружием в руках. Но то, что ты делаешь здесь, возможно, спасет не одну, а сотни красноармейских жизней. И, может быть, окажет влияние на дальнейший ход военных действий на каком-то участке фронта.

— Но ведь эту работу могут выполнять другие, товарищ полковник!

— Совесть, скажешь, тебя грызет. Знаю, знаю... Кончится война, твои товарищи придут с фронта с орденами. А у тебя что? Найдутся и такие, которые еще оскорбительно назовут «тыловой крысой». И ты не будешь оправдываться, потому что труд твой не подлежит огласке. Никто, возможно, и не узнает, что ты водил за нос крупный немецкий разведывательный орган.

Орлов выходит из «игры»

Операция по дезинформации противника, проводившаяся в 1942 году, вышла за пределы Вологодской области. В нее было включено еще пять таких же вражеских радиостанций, захваченных советскими чекистами в соседних областях.

Абверкоманда-104, возглавляемая кадровым гитлеровским разведчиком Гемприхом, получала от «своих» агентов «ценные» сведения о сосредоточении советских войск на северо-западе. Радиограммы составлялись таким образом, чтобы сведения, сообщаемые в одной, находили, хотя бы косвенное, подтверждение в другой.

К концу 1942 года операция выполнила свои задачи. Было принято решение постепенно свертывать ее.

Сначала информировали разведцентр абверкоманды-104, что при проверке документов в Вологде чуть было не попались. Оставаться в городе стало опасно. Через

день Алексеев снова подал тревожную телеграмму: «Шли к новому месту, случайно наткнулись на патруль. В перестрелке ранило Кресцова (Дикова), скрываемся в лесу».

Эти известия взволновали Гемприха. Ему не хотелось терять столь ценных разведчиков. Восьмой месяц группа исправно выходила на связь — питала абверкоманду-104 «ценной» информацией.

Гемприх вызвал Мушника:

— Срочно свяжитесь с Орловым, передайте, что майор Петергоф сожалеет о случившемся, посоветуйте вернуться в город, если не так тяжело ранен Кресцов. Запросите, какая нужна помощь...

Ответ был неутешительным: «Продолжаем пробираться в глубь леса. Спасает снегопад. Кресцов ранен в руку. Просим сбросить продукты, теплую одежду, документы, батареи, медикаменты и спирт».

Гемприх недовольно промычал какое-то ругательство и нервно забегал по кабинету:

— Почему они боятся вернуться в город? Повальные облавы там, что ли! Ведь город не прифронтовой!

Он круто повернулся к Мушнику:

— Обер-лейтенант, передайте Орлову мой приказ вернуться в город. Мы пошлем с курьером все, что они просят. Пусть укажут место встречи и характерные признаки, по которым он их опознает.

— Слушаюсь, господин полковник! Ответ представить вам?

— Да, и немедленно!

Последний курьер

После каждого сеанса связи Ходан заходил к Алексееву.

— Что нового сообщает ваш шеф? — с улыбкой спрашивал он Николая Васильевича.

— Майор Петергоф нервничает, Дмитрий Данилович. Видимо, дела его плохи. Вот посмотрите — это должно вас заинтересовать.

Ходан взглянул на шифровку и сразу же поднялся наверх.

— Кто у начальника? — спросил он Сашу Шубейкина.

— Один, входи, если хочешь.

Галкин поднялся ему навстречу:

— Что там еще они надумали, Дмитрий Данилович?

— Гемприх настойчиво просит группу вернуться в город, товарищ полковник, обещает прислать связника с документами и продуктами.

— Пусть высылают, примем. Только подумайте, как это сделать более естественно.

Вечером 7 декабря Алексеев отстукал телеграмму: «Возвратились в город. Ждем курьера. Встреча на почте с 15 до 16 часов каждый день».

Связник прибыл в следующую ночь. Чекисты взяли его на территории Позоровского сельсовета Кубено-Озерского района.

Парашютист был в форме младшего лейтенанта Красной Армии, плотный, выше среднего роста, с красным, в веснушках, лицом. При допросе он сразу же понял, что запираться бесполезно.

18 декабря Алексеев радировал: «Два дня видели на почте человека с указанными вами приметами. С почты он сопровождается штатскими в здание НКВД. Дальше в городе оставаться нельзя, уедем на восток».

Гемприх не замедлил с ответом: «Курьер ваши адреса и фамилии не знал. У него были чистые бланки документов с вашими фотографиями, хотя и плохими. На восток вам уходить нельзя — оборвется связь. Возвращайтесь к нам. Удобное место перехода через линию фронта между городами Холм и Торопец».

Чекисты решили больше не волновать начальника абверкоманды и на этом прекратить столь любезный обмен телеграммами с немецкой разведкой. 24 декабря 1942 года Алексеев в последний раз радировал в разведцентр: «Обходными путями пришли в Буй. Рацию прячем. Движемся на Урал».

Так закончилась одна из «радиоигр», проведенных вологодскими чекистами по дезинформации противника в годы Великой Отечественной войны.

★

СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ

В. ЗАСУХИН

Начальник управления НКВД А. Д. Домарев представил меня А. П. Матвееву, секретарю Орловского областного комитета партии.

— Мы направляем товарища Засухина Василия Алексеевича в партизанский край для руководства чекистским аппаратом. Туда же будут переброшены молодые работники управления Ивченко, Драгунов, Кугучев, Гадаев — все коммунисты.

Мы познакомились, Матвеев спросил меня, где я работал до войны. Я рассказал, что работал в Бресте, в должности заместителя начальника отдела управления НКВД.

— Добровольно летите в тыл врага? — продолжал разговор Александр Павлович.— Или просто подчиняясь приказу?

— Добровольно, об этом я писал несколько раз рапорты на имя начальника управления.

— Работа в тылу чрезвычайно сложная, ответственная, требует большой воли и выдержки. Даже перелет через линию фронта опасен.

Матвеев говорил спокойно, даже несколько строго, перечисляя все трудности и опасности, с которыми придется столкнуться в процессе работы в тылу врага.

— Товарищ Засухин уже обстрелян,— вмешался Домарев,— дважды был в тылу врага и выполнял важные задания.

На прощание секретарь обкома просил передать сердечный привет партизанам. Начальник управления просил меня аккуратно информировать его о работе чекистов в тылу.

Расстались мы в четвертом часу ночи.

Вернувшись на окраину, в тихий, неприметный домик, где располагались мои друзья-чекисты, я долго не мог уснуть: смотрел в синий квадрат окна, думал о предстоящем полете через линию фронта...

Как руководитель группы, я вылетел последним. Самым неприятным оказался момент пересечения линии фронта. На высоте около полутора километров гитлеровцы обрушили на нас шквал огня. Пилот маневрировал: самолет то снижался, то быстро поднимался вверх.

С юго-восточной стороны Брянского леса мы увидели сигнальные костры. Я обрадовался.

— Это ложные сигналы! — крикнул летчик.— Их тут фашисты зажигают каждую ночь. Только нас не проведут. У партизанских костров иной рисунок.

Наконец показались костры партизан. Самолет сделал круг и пошел на снижение.

Землянки и шалаши партизан находились недалеко от посадочной площадки. Мы еще не успели добежать до них, как гитлеровцы начали бить из орудий. Снаряды стали падать в расположение лагеря. Так как лагерь партизан был обнаружен фашистами, нам пришлось в ту же ночь перебраться в другое место, совершив марш в пятнадцать километров.

Мы наскоро соорудили из ветвей шалаши, накрыв их материалом от парашютов, из жердей сделали койки, стульями были чурки из брянских елей, стол сколотили из досок. Мох и мелкие сучья использовали в качестве матрацев. Во всяком случае, жизнь была налажена.

Во второй половине дня к нам в гости пришли командир объединенных партизанских отрядов А. П. Горшков, комиссар А. Д. Бондаренко и секретарь подпольного окружкома партии А. Р. Сафронов. Мы узнали многое о жизни местных партизан, о их боевых делах, нам рассказали и о майском сражении, которое было самым тяжелым за все время оккупации врагом Орловщины. Беседа длилась до поздней ночи.

Незаметно пролетели два дня. Мы успели уже познакомиться со многими партизанами, освоиться с жизнью в шалаше, где засыпали и просыпались под шум берез.

— Обстановка тяжелая,— рассказывал Иван Ряховский, исполнявший до меня обязанности начальника партизанской разведки.— После того как фашисты прочесали Брянские леса, мы недосчитались многих хороших

людей. Андрея Елисеева помнишь? Он был послан собрать данные о немецком гарнизоне, разведать планы оккупационных властей по борьбе с партизанами. И... не вернулся. Судьба его неизвестна.

Мне стало как-то не по себе. Неприятно заныло сердце, но надо было идти на первое оперативное совещание чекистов. На этом совещании мы должны были продумать, как лучше организовать выполнение поставленных перед нами задач. Вопросов, которые нужно было решать немедленно, накопилось порядочно. Во-первых, оказалось, что с некоторыми командирами бригад у нас отсутствует должный контакт в работе. Во-вторых, нужно было подумать о наших разведчиках, которые часто оказывались без пищи. В-третьих, враг менял тактику борьбы с партизанами, и в связи с этим должны были предусмотреть соответствующие действия и мы. Если раньше фашисты пытались разложить партизан, перетянуть их на свою сторону, то теперь, убедившись, что народные мстители непоколебимы, враги поставили задачу физического уничтожения нашего командно-политического состава. Чекисты были в ответе за жизнь партизанских вожаков.

Помимо диверсионно-террористической и разведывательной деятельности в партизанском крае гитлеровцы стремились засылать к нам своих агентов. Иногда это им удавалось.

Гитлеровский разведывательный орган, который засылал своих агентов в партизанские отряды Брянских лесов, находился в поселке Локоть — центре созданного оккупантами административного округа на Брянщине. Этот разведорган был филиалом шпионского центра «Виддер» в Орле и назывался абверштелле-107. Его агентуру задерживали и на Большой земле. Нам было известно, что абверштелле-107 возглавляет офицер фашистской военной разведки Гринбаум, а его помощниками являются изменники Родины Шестаков и некий Борис, тщательно скрывавший свою фамилию.

Перед нами была поставлена задача, и это была одна из главных задач,— парализовать подрывную деятельность вражеского гнезда в поселке Локоть, оградить партизанские отряды от его агентуры. Для этого требовалось внедрить в это фашистское логово наших разведчиков. Но осуществить это было очень трудно.

Однажды ранним июльским утром ко мне в шалаш вошел партизан Ишков и доложил, что меня хочет видеть какой-то молодой человек. Я вышел и был обрадован: передо мной стоял Андрей Елисеев.

— Так вот, товарищ начальник,— сразу начал Елисеев,— докладываю, что я теперь немецкий шпион, должен выполнять задания господина Гринбаума, о чем дал письменное обязательство. Одним словом, то, о чем мы неоднократно толковали, свершилось как нельзя лучше.— И Андрей рассказал историю, которая могла бы стать сюжетом для приключенческого романа или фильма.

Схватили его полицаи на опушке леса, когда он шел на выполнение разведывательного задания.

— Партизан?

— Да.

— Куда идешь?

— В деревню к родным. Партизаны с голоду мрут. Вот я и бежал от них.

Андрея отвезли в поселок Локоть, бросили в тюрьму. Там взялся допрашивать его сам Гринбаум, явились и его помощники — Шестаков и Борис.

— Ты — разведчик! — орал Гринбаум.

— Да, нам известно, что ты шел в разведку,— настойчиво повторял Шестаков.

— Говорите правду,— усталым голосом просил Борис, отводя глаза в сторону.

Гринбаум и Шестаков не смогли сломить упорство Андрея и добиться от него признания.

— Давайте попробую допросить его я,— предложил Борис.

Борис и советский разведчик остались одни.

В противоположность Гринбауму и Шестакову — типичным псам Гитлера, Борис вел себя совершенно иначе.

— Ты что же упрямишься, парень? Разве не знаешь, как поступают здесь с теми, кто не дает показаний? — произнес он как бы для того, чтобы сказать что-то новое, дополнительное.

Елисеев молчал.

— Ну, ладно, ты, я вижу, твердый орешек, настоящий партизан. На, кури,— и предложил арестованному пачку сигарет.— Я ведь сам был в плену и знаю, как здесь тяжело.

Закурив, Борис стал расспрашивать про партизан. Но допрос вел формально, рассеянно. Потом вдруг спросил:

— Что делают партизаны с теми немецкими военнослужащими и полицейскими, которые переходят на их сторону — расстреливают или сохраняют им жизнь?

— А зачем расстреливать? — усмехнулся Елисеев.— Если человек перешел к партизанам, стал выполнять их задания, то его начинают уважать. Вот у нас были случаи...

И Андрей привел убедительные примеры.

Борис задумался.

Елисеев почувствовал себя уверенней. Заметив на груди Бориса немецкую медаль, он даже поинтересовался, за что Борис был награжден. Тот махнул рукой:

— История длинная.

— Долго ли меня будут держать? — спросил Елисеев с уже проснувшейся надеждой.— Что меня ждет?

Борис прищурился:

— Что-нибудь придумаем.

В камере после допроса Елисеев все время думал о странном поведении следователя: он анализировал и оценивал все его слова, вспомнил, что на шее у Бориса он заметил ожоги и шрамы — значит, тот был когда-то ранен. Неужели это наш, советский человек? А может быть, хитрый и коварный враг?

Прошло несколько дней. Время тянулось бесконечно долго... Елисеев, как и другие арестованные, находился в постоянном напряжении, в ожидании конца. Каждую ночь из тюрьмы увозили куда-то одних и сажали в камеры других.

Наконец его вызвали в лагерную комендатуру. За столом следователя сидел Борис. Опять они встретились с глазу на глаз.

— Андрей,— начал Борис тихим и взволнованным голосом,— я знаю, что ты комсомолец, активный партизан, пользуешься доверием у партизанских командиров и даже представлен к правительственной награде. В нашем районе ты оказался, конечно, не из желания повидаться с родными и сытно поесть.

Эти слова следователя вновь озадачили разведчика. «Да, он знает многое обо мне,— думал Елисеев.— Но почему не допрашивает как следует, почему не добивается признания, не устраивает очных ставок?»

— Я убедился, что тебе можно доверять,— продолжал Борис,— и поэтому будем откровенны. Я ненавижу поработителей нашей Родины и давно ищу возможности связаться с партизанами.

Тон разговора, взволнованность и прямой открытый взгляд Бориса вызвали доверие у партизана. И он решил рискнуть.

— Что нужно делать?

— Надо стать немецким агентом. Да, да, агентом. Только таким путем можно вернуться тебе к партизанам и договориться с ними о совместных действиях. Разведывательный орган, в котором, как ты видишь, я работаю следователем и вербовщиком агентуры, занимается засылкой агентов в партизанские отряды. Сейчас мы как раз готовим очередную партию агентов, и я постараюсь включить тебя в эту группу. В лесу ты явишься в объединенный штаб партизанского движения и там расскажешь обо мне.

Елисеев принял предложение Бориса, и они тут же договорились о линии поведения разведчика на предстоящем допросе у Гринбаума и Шестакова.

Через несколько дней Андрея Елисеева ввели в знакомый ему кабинет. В нем находились Гринбаум и Шестаков. Арестованного посадили на табурет.

Гринбаум спросил:

— Ты жить хочешь?

— Хочу,— ответил Андрей.

— Мать и отца любишь?

— Очень люблю.

— Если хочешь, чтобы семья жила спокойно, а сам ходил на свободе, должен нам оказать серьезную помощь.

Елисееву как раз и нужно было такое предложение. Но чтобы не вызвать подозрения, он начал отказываться.

— Не пугайся,— успокоил Шестаков.— Дело нетрудное. Пойдешь обратно в партизанскую бригаду и принесешь нам некоторые сведения.

— Мне же нельзя обратно, там считают меня дезертиром,— возразил Елисеев.

— Скажешь, что ходил к родным за продуктами.

— Что же делать, давайте попробую.

Гринбаум довольно ухмыльнулся:

— Очень хорошо. Давно бы так.

Тут же Андрею было дано задание: установить истинное положение дел в партизанском крае. Дело в том, что весь май 1943 года фашистские кадровые войска вели крупные карательные операции по уничтожению орловских партизан, действовавших в Брянских лесах. Им нужно было обезопасить свой тыл перед началом наступления на Орловско-Курской дуге. В связи с этим разведку немецко-фашистских войск интересовало, в каком состоянии находятся партизанские силы после проведенных операций, их дислокация, вооружение, как снабжаются они продуктами питания, поддерживается ли связь с Большой землей, есть ли у партизан аэродромы и в каком они состоянии, способны ли партизаны проводить крупные боевые операции и диверсионные акты. Нужны были и фамилии командиров, политработников, сотрудников чекистских органов, планы партизанского командования на ближайшее время и сведения о забрасываемых к ним советских разведчиках.

Все эти данные Андрей обязан был собрать в течение недели, а затем вернуться и доложить обо всем Гринбауму.

Тот напомнил, что семья Андрея будет уничтожена, если он попытается нарушить обязательство.

Убедившись, что Елисеев задание усвоил хорошо, Шестаков сказал:

— А теперь мы вас подвезем на автомашине до вашей деревни. Побываете у родных, покажетесь на глаза двум-трем жителям села, а через день возвратитесь к нам. Если партизаны будут проверять вас, односельчане подтвердят, что вы действительно были в деревне.

В установленное время Елисеев вернулся в поселок Локоть. Оттуда через сутки он был направлен в район действий партизан...

Недельный срок, данный фашистской разведкой для выполнения задания, Елисеев находился в бригаде, вместе с партизанами принимал участие в диверсии на железной дороге. Это делалось для того, чтобы ответы Елисеева, в том случае, если бы немцы захотели его проверить, выглядели правдоподобными.

В соответствии с заданием, которое получил Андрей от Гринбаума и Шестакова, командованием партизанской бригады была разработана дезинформация для передачи гитлеровцам. В то же время мы тщательно про-

думали вопрос о привлечении Бориса к разведывательной работе в пользу партизан и пришли к выводу, что риск, на который мы шли, доверяя Борису, должен быть оправдан.

Было решено, что к Гринбауму Елисеев явится на сутки позже установленного срока, объяснив эту задержку трудностями ухода от партизан.

Когда подготовка разведчика для возвращения в Локоть была закончена и все вопросы выяснены, он отправился в обратный путь.

Работа аппарата Особого отдела партизанской бригады разворачивалась по всем линиям. Квалифицированные разведчики и подрывники, подготовленные на Большой земле, перебрасывались самолетами в наш партизанский край и затем уходили от нас на задания по дорогам Украины, Белоруссии, Орловщины. На железнодорожных магистралях Гомель — Брянск, Брянск — Орел, Середина Буда — Навля полетели под откос эшелоны противника с живой силой и техникой. На шоссейных дорогах подрывались десятки автомашин. Разведчики доставляли нам ценные сведения о дислокации вражеских частей и их вооружении, которые немедленно передавались по рации на Большую землю. Наша авиация бомбила скопления гитлеровских войск, ее удары были точными. От советского командования за всестороннюю и точную информацию чекисты получали одну благодарность за другой.

Я никогда не забуду имена чекистов, проявивших в тылу врага мужество и героизм и не раз смотревших смерти в глаза,— товарищей Абрамовича, Морозова, Лазунова, Кугучева, Силина, Недосекина, Николенко, Кожемяко, Власова, Зарайского, Котова. При взрыве немецкого военного склада погиб отважный чекист Баздеркин. Не вернулись с войны подполковник Суровягин, капитан Коновалов, старшие лейтенанты Пилюгин и Гичкин, радистка Нина и другие наши товарищи: они пали смертью храбрых, защищая свою Родину.

Помимо разведчиков и подрывников, прибывших с Большой земли, в оккупированных районах создавались разведывательные группы из местных жителей. В задачу таких групп входило: сбор сведений военного характера,

выявление вражеской агентуры и предателей, советская пропаганда среди населения и другие виды нелегальной работы. Этими группами руководили чекисты. Хорошо действовала разведывательная группа в городе Севске и в соседних с ним селах. Группа образовалась уже в дни оккупации. Для ее создания в Севск был послан бесстрашный разведчик М. С. Григоров, проживавший в этом городе до его оккупации. Находясь на нелегальном положении, он умело использовал личные довоенные связи; за короткое время он привлек для работы служащих немецких административных органов, медицинских и ветеринарных работников, учителей. Группа собирала и передавала нам военно-политическую информацию, выявляла вражеских агентов, предателей и изменников Родины, распространяла сводки Совинформбюро, партизанские листовки и газеты. С большим риском для жизни советские патриоты саботировали выполнение немецких приказов и распоряжений, которые требовали отправки молодежи в Германию, изъятия скота и продовольствия у населения и т. д.

Летом 1943 года командование бригады решило уничтожить опасного государственного преступника — бургомистра Локотского административного округа предателя Каминского. В округе при его активном участии оккупантами были созданы административные и карательные органы, пропагандистский аппарат, издавалась газета, создана была даже «Национальная трудовая русская партия», а также формировалась бригада «Русской освободительной народной армии». Локотский административный округ захватчики рекламировали как прообраз «нового порядка» в будущей России.

План уничтожения Каминского, разработанный в Брянском лесу, был краток и прост. Мы решили преподнести предателю толстую книгу, замаскировав в ней двухсотграммовую шашку тола с взрывателем. Подобную мину опробовали. Взрыв получился довольно внушительный.

Книгу-мину решили вручить лично Каминскому или его приближенным. Для выполнения этого задания нужны были бесстрашные и находчивые люди. Выбор пал на сотрудника Особого отдела Драгунова и разведчика Григорова.

«Подарок» оформили как пакет за пятью печатями,

адресованный бургомистру Локотского округа Каминскому.

Драгунов и Григоров оделись в форму солдат немецкого карательного полка «Десна» и, согласно плану, двинулись на станцию Брасово, туда решили вызвать самого Каминского или его доверенное лицо.

После ухода товарищей на это задание потянулись мучительно долгие дни ожидания.

Как-то на рассвете меня поднял оперативный работник Комаричской партизанской бригады Котов.

— Извините, что побеспокоил вас,— сказал он,— мы задержали одного подозрительного типа. Не желает ни с кем разговаривать, не называет себя, требует доставить к начальнику Особого отдела.

— Расскажите, зачем я вам понадобился? — спросил я задержанного, всматриваясь в его лицо.

— Меня послал к вам работник немецкой разведки Борис. Он приказал мне разыскать именно вас и обо всем подробно доложить вам,— торопливо ответил он.

— Кто вы? Расскажите о себе,— сказал я.

— Андрей Никитович Колупов, партизан, находился в плену у немцев, содержался в локотской тюрьме,— быстро заговорил он.

Я обратил внимание на забинтованную правую ногу Колупова. Он объяснил:

— Тут у меня бумаги, боюсь, что от сырости могли испортиться.

Бинт сняли, и я увидел бланки со штампами и печатями для прохода и проезда по оккупированной территории, несколько аусвайсов — удостоверений личности, подробные сведения о бригаде Каминского, о главном штабе разведки и контрразведки «Виддер». О шпионском центре «Виддер» сообщалось, что он переехал из Орла в Карачев, далее следовал перечень сотрудников «Виддера» с указанием их примет и характеристик. Отмечалось, что все руководители отделений «Виддера» хорошо владеют русским языком. Очень важными были сведения об агентуре, которую готовили для заброски к партизанам и в тыл Красной Армии. Названы были фамилии и клички агентов, их приметы, экипировка и предполагаемые районы выброски.

Сообщения Бориса представляли большую ценность. Однако не исключена была и возможность провокации со стороны фашистов, поэтому документы мы подвергли тщательной проверке, а Колупову предложили продолжать свой рассказ. И тогда он рассказал, как был завербован фашистской разведкой для выполнения шпионского задания в партизанском крае.

Каратели задержали его во время облавы на партизан. Около месяца его держали в тюрьме. Много раз допрашивали. Потом две недели не тревожили. А когда вызвали, допрос вел работник разведоргана Борис.

— Кажется, ваша мать в тюрьме? — спросил Борис.

— Нет,— ответил Колупов.

— Напрасно скрываете,— усмехнулся Борис,— ваша случайная встреча с матерью в тюрьме зафиксирована. Люди видели и доложили. Говорите правду, так будет лучше.

— Ничего я больше не знаю,— упрямо повторял Колупов.

Три раза вызывал его Борис и наконец предложил выполнить небольшое задание в партизанском крае.

Колупов перепугался и отказался наотрез.

— Задание простое,— успокоил Борис.— Зато мать будет освобождена.

Колупов подумал и согласился. «Уйду к партизанам,— размышлял он,— больше не вернусь. Мать тоже уведу».

Через некоторое время Колупова доставили в кабинет, где находились Гринбаум и Борис. Гринбаум внимательно осмотрел партизана, удивляясь его молодости.

— Вы дали согласие возвратиться к партизанам с нашим заданием? — спросил он.— А о серьезности и ответственности думали?

— Я еще не знаю, какое задание, поэтому затрудняюсь ответить на этот вопрос,— смело глянул в глаза Гринбауму Колупов.

Гринбаум обернулся к Борису:

— Вы разве не разъяснили?

— Нет,— ответил Борис.

— Ну что ж. Если он дал согласие, то пусть напишет обязательство.

Обязательство под диктовку Бориса было написано. Гринбаум посмотрел, похвалил почерк Колупова, спро-

сил об образовании. Партизан ответил, что закончил девять классов.

— Ваша мать освобождена и отвезена в деревню. Ее там никто не тронет,— сказал Гринбаум и, прищурясь, добавил: — Откровенно говорю, ее жизнь будет зависеть от вашей преданности нам, немцам.

Последние слова не на шутку встревожили Колупова.

Гринбаум и Борис подробно проинструктировали партизана, какие методы следует применять при выполнении задания. Они подчеркнули, что особую важность представляют собой данные об организации охраны командно-политического состава и характеристики на работников Особого отдела.

— Не знаю, насколько это правдоподобно,— закончил свой рассказ Андрей Колупов,— но Борис мне показался работником советских органов разведки. Когда он провожал меня к вам и мы пересекли железную дорогу, а затем зашли в глубь леса, он вдруг спросил меня: «Ты, конечно, не будешь выполнять задания Гринбаума?» Я растерялся. Он, заметив это, сказал: «Андрей, не бойся меня. Задание выполнять не следует. Никому ни слова. Добирайся до начальника Особого отдела Засухина и расскажи ему о себе все, как есть». После этого он достал из кармана пачку бумаг и бинт и, приложив их к моей ноге, стал забинтовывать. При этом предупредил, что разбинтовать я могу только в Особом отделе. Кроме того, он просил передать лично вам вот эту бумажку.

Андрей Колупов подал аккуратно свернутую записку. Я развернул и прочел: «Прошу личной встречи». Далее были указаны дата, час и место и подпись: «Борис».

Андрей Колупов сообщил, что вместе с Борисом они нашли место для тайника, где и должна состояться встреча.

У меня сразу мелькнула мысль: «Это работа Андрея Елисеева».

В назначенный день я вызвал Андрея Колупова, начальника отделения Особого отдела бригады Кожемяку, семь автоматчиков, и мы отправились на встречу. Путь предстоял долгий и нелегкий. Шли цепочкой с интервалами между группами, прислушиваясь к таинственному шуму необъятного леса. К месту встречи пришли на три

часа раньше. Осмотрелись. Расставили автоматчиков и стали ждать. Все было спокойно вокруг. Со станции Холмичи, находившейся недалеко от леса, доносились гудки маневровых паровозов, лязг буферов, звуки рожков стрелочников.

Почти с точностью до минуты в конце просеки, уходившей от железной дороги в глубь леса, появилась одинокая фигура человека в форме немецкого офицера, с автоматом, висевшим на шее. Шел он спокойно, уверенно, не оглядываясь по сторонам.

Мы насторожились.

— Это он,— шепнул мне Колупов, когда человек был уже совсем близко.

И мы вышли к нему. Перед нами стоял парень 25—27 лет, среднего роста, плотного телосложения, брюнет, лицо круглое, с усами, быстрый в движениях.

— Наконец-то своих вижу! — обрадованно воскликнул он и тут же поблагодарил Колупова за точное выполнение его указаний. Познакомились и сели на ствол сваленной бурей сосны. Андрей Колупов ушел. Мы остались вдвоем.

Когда я назвал незнакомца Борисом, он сказал, что это его псевдоним, присвоенный еще в орловской немецкой разведывательной школе, которую он окончил в 1942 году.

— Кто же вы? — спросил я.

— Роман Антонович Андриевский.

— А это точно или надуманно?

— Это точно, и вы можете убедиться, если найдете моих родных.

— Ну что ж, буду верить. А теперь скажите, какие мотивы привели вас сюда?

— Ваш разведчик Елисеев посоветовал мне связаться с вами.

Упоминание имени Елисеева меня взволновало.

— Где он? Что делает? — быстро спросил я.

— Не волнуйтесь. Он в поселке Локоть, живет на конспиративной квартире, готовится для выполнения нового задания по заброске в тыл Советской Армии. Сведения, которые он принес из партизанского края, руководством разведоргана оценены положительно.

О себе Роман Андриевский рассказал следующее: он был советским летчиком, но в начале войны его самолет

был сбит, а он, выбросившись с парашютом, попал в плен к фашистам. Находясь в лагере для военнопленных, Андриевский поддался враждебному влиянию и поступил в русское воинское формирование, именуемое сокращенно ЦВФ. Это был отряд, который проводил карательные экспедиции в районах деятельности партизан.

— Да, вы совершили большое преступление перед Родиной,— сказал я ему,— и по советским законам подлежите самому строгому наказанию.

— Знаю,— нахмурился Роман,— поэтому и хочу искупить свою вину перед Советской властью. Меня это очень тяготит, порой ночами не сплю. Готов идти на все, только бы меня простили.

Беседа длилась около двух часов. У меня сложилось впечатление, что Андриевскому можно верить. Порешили на том, что он вместе с нами будет бороться против фашистских захватчиков.

Тут же, не откладывая в долгий ящик, Роман составил списки лиц, обучавшихся в фашистской разведывательной школе; агентов, переброшенных противником в тыл наших войск; предателей, действующих в селах вблизи партизанского края; он передал мне и схему дислокации гитлеровских разведорганов, краткие характеристики их личного состава, ценные сведения военного характера.

Меня беспокоило, как оправдается Андриевский перед шефом, если тот заметит его длительную отлучку.

— Не беспокойтесь,— улыбнулся Роман,— я в этих краях бываю часто, встречаюсь с людьми, которые ведут наблюдение за жителями, заподозренными в связях с партизанами. Разведка и контрразведка по партизанскому краю возложена на меня.

Теперь настал мой черед, и я сообщил Андриевскому, какие сведения мы хотели бы получать от него. Во-первых, он должен был представлять нам все сведения о вражеской агентуре: куда направляются агенты, с какими заданиями, чем вооружены, какие имеют при себе документы, их внешние приметы.

— Собирайте более подробные сведения о деятельности фашистских разведывательных органов, их личном составе, моральном облике офицеров разведки,— продолжал я.— Хорошо бы добыть их фотокарточки. Не в меньшей степени интересует нас бригада фашистского

ставленника Каминского. Каковы планы немцев и этой бригады в борьбе с партизанами? Неплохо было бы также достать и чистые бланки для беспрепятственного движения наших людей по оккупированной территории.

Роман обещал выполнить все и затем попросил меня узнать, живы ли его мать и сестра, а также любимая девушка, на которой он не успел жениться, так как помешала война. Я обещал ему сделать все возможное, чтобы разыскать его родных.

Когда беседа закончилась, я пригласил Андрея Колупова, и мы проверили ранее устроенный ими тайник. Тайник был плохо оборудован: при дождливой погоде документы могли бы испортиться.

Заметив сгнившую березу, мы очистили ее сердцевину, и получилась хорошая труба — этот тайник был уже более надежным.

Наша первая встреча с Романом подходила к концу. Мы пожали друг другу руки и распрощались.

Уходя, он еще раз просил верить ему.

Вечером по рации я доложил в Орловское управление НКВД о привлечении Романа Андриевского к работе. Я попросил также разыскать его родных и девушку, а также сообщил данные о переброшенных в тыл Советской Армии вражеских агентах и все другие сведения, полученные от Андриевского.

Разговор с Большой землей закончился поздно. Исколесив в этот день всю округу, я почувствовал большую усталость. Решил лечь отдохнуть, но отдыха не получилось: разбудил меня страшный грохот. Гитлеровцы начали артиллерийский обстрел того места, где был расположен объединенный штаб партизан. Командир бригады Горшков отдал приказ о срочной передислокации в другой район.

Сооружая новый шалаш, мы вдруг услыхали знакомые голоса: это вернулись с задания Драгунов и Григоров. Они доложили, что задание выполнено, и тут же передали мне расписку Каминского, свидетельствующую о получении пакета.

— Думаем, что мина сработала,— в один голос заверили разведчики.

Поблагодарив ребят за выполнение задания, мы предоставили им заслуженный отдых, после чего их ждали новые боевые дела.

Выполняя поручение Гринбаума, Андрей Колупов аккуратно доставлял дезинформацию врагу, а нам приносил сведения от Романа. Благодаря самоотверженности и упорству Романа мы имели довольно полное представление о подрывной деятельности абверштелле-107 и всего «Виддера», знали о пунктах переброски и каналах проникновения вражеской агентуры в наш тыл. От Романа мы узнали также, что «Виддер» широко практикует заброску своих агентов под видом раненых солдат и офицеров, следующих в тыл. Отдел контрразведки «Смерш» Брянского фронта после получения этой информации организовал тщательную проверку всех подозрительных раненых и выявил немало шпионов. Сведения Романа о передислокации воинских частей противника, о концентрации на той или иной железнодорожной станции военной техники представляли для командования нашей армии и партизан огромную ценность. Разведчик сообщал, например, следующее:

«2-ю танковую армию сменяет 9-я. Каминский стянул свою артиллерию в Новую Гуту. В Локоть прибывают немецкие воинские части, военная техника, поставлено много зениток».

Или:

«На станции Борцево тысячи бочек бензина, замаскированы ветками, имеют форму овала. На станции Холмичи застряли эшелоны с техникой. Путь разрушен...»

Полученные от разведчика сведения быстро использовались нашим командованием для нанесения мощных ударов путем бомбардировки военных объектов противника.

Стремление Андриевского причинить как можно больше вреда противнику было неудержимым. Рискуя жизнью, рискуя провалом, он выискивал и привлекал на свою сторону новых людей, вел активную работу по разложению полицейского батальона, охранявшего железную дорогу в районе станции Холмичи, спасал от неминуемой гибели советских патриотов.

Однажды Колупов принес письмо от Романа: он просил меня о личной встрече, указал место, день и час.

Мы встретились на том же месте и сели на ту же лежащую сосну. Он рассказал о своей работе и передал дополнительные материалы к тем, которые были перед этим доставлены в тайник. Сделав пометки в списке пе-

реброшенной агентуры в тыл Советской Армии, он указал, кто явится с повинной, а кто будет выполнять шпионские задания. Он доложил мне, что ему удалось привлечь на нашу сторону радиста «Виддера» Евгения Присекина. По словам Андриевского, Присекин на связь с партизанами пошел без колебаний, хотя отец его работал бургомистром в одном из районов Орловской области. Теперь кроме тайника мы могли иметь связь еще и по радио. При этом Роман передал мне разработанный им и Присекиным шифр, позывные, время выхода в эфир и другие материалы работы рации.

Затем мы рассмотрели добытую Андриевским групповую фотографию гитлеровских офицеров разведки. Против каждого он поставил номер, а на обороте — фамилию, имя, должность.

Во время нашей беседы высоко над лесом пролетели советские бомбардировщики. Роман печальным взглядом проводил быстро удалявшиеся самолеты и вслух произнес:

— Почему я не с ними?! Как мне надоело находиться в шкуре врага и как хочется сражаться с ним открыто!

— Твои желания понятны,— ответил я.— Но ты сам понимаешь, как важно для Родины иметь своего человека в логове врага. Твои сообщения о противнике, о его агентуре, заброшенной на советскую землю, спасают от гибели сотни и тысячи советских людей, дают возможность ускорить победу над врагом. Твоя задача — продолжать наносить удары в самое сердце немецко-фашистских захватчиков, и ты должен проявлять при этом максимум осторожности и бдительности.

В эту встречу мне хотелось узнать, удалась ли операция с передачей Каминскому пакета-мины. Я не стал задавать прямого вопроса, но поинтересовался деятельностью бригады.

— Действует,— ответил Роман.— Каминский ездил в Орел за наградой. В поселке было большое собрание. Он сообщил, что на его жизнь покушались.— И Роман рассказал, что случай помог Каминскому: он жив и невредим. Но недолго оставалось жить на советской земле этому предателю. В 1944 году его уничтожили.

В этот день я сообщил Роману, что его мать и сестра живы, здоровы и находятся в Томске, стараемся найти

и его девушку. Роман очень обрадовался, схватил мою руку и крепко пожал.

— У меня теперь в десять раз больше сил для борьбы с врагами! — воскликнул он, и на его глазах заблестели слезы. Потом он спросил меня, можно ли написать несколько слов матери.

— Пожалуйста,— сказал я.

Он быстро написал, сложил письмо треугольником и передал мне, не указывая адреса.

— Вот будет радость для матери! — сказал Роман.— Она ведь, наверное, получила похоронную обо мне.

Наша встреча подходила к концу, и, порывшись в сумке, Роман достал три банки мясных консервов и хлеб:

— Это мой вам подарок.

Отказываться не пришлось: в партизанском лесу с продуктами было туго.

Настала минута расставания.

— Не теряю надежды встретиться с вами в скором времени,— сказал Роман.

— Обязательно увидимся,— ответил я, и мы разошлись.

В лагерь возвратились поздно вечером.

Часов в десять утра радист начал передачу. С Большой земли на нашу просьбу подбросить продовольствия по воздуху получили ответ: как только самолеты закончат переброску боеприпасов, займемся продовольствием.

— Товарищ майор, пора завтракать,— пригласил меня партизан Ишков. Он уже сварил густой грибной суп, но не было соли, поэтому суп был отвратительным на вкус, однако пришлось есть. На второе были орехи.

Возвратились с задания оперработник Драгунов и разведчик Григоров. Доложили, что на участке между городом Карачевом и Белыми Берегами они пустили под откос вражеский воинский эшелон, направлявшийся в Орел.

Были у нас и другие заботы. На последней встрече Роман сообщил, что в партизанский край фашисты забросили пятерых агентов с заданиями террористического характера. Трое должны были явиться к нам с повинной, двоих же нужно было изловить.

Мы вызвали начальников оперативных отделений и поставили перед ними задачу во что бы то ни стало разыскать террористов.

— А ко мне уже явились двое,— сказал Николенко.— Говорят, что должны убить командира или комиссара партизанской бригады, но выполнять задание не хотят. Мы предупредили командиров и комиссаров о возможности внезапного появления террористов, попросили их соблюдать осторожность, усилили охрану и направили людей на розыск вражеских лазутчиков.

Через короткое время были обнаружены еще два террориста, но одного так и не нашли.

Как договорились с Николенко, я прибыл в бригаду и встретился с теми агентами, которые явились с повинной. У меня сложилось убеждение, что они действительно не хотели выполнять задания гитлеровской разведки и их добровольная явка не является хитростью. Мы предложили им стать нашими разведчиками. Для этого надо было придумать надежную легенду, чтобы они могли возвратиться в пославший их разведорган. Надо было создать видимость, что задание выполнено. Вместе с Николенко мы пошли к командиру и к комиссару бригады. Договорились, что «жертвой» должен стать начальник штаба бригады, которого давно хотели перевести в другую партизанскую бригаду по деловым соображениям.

В бригаде распространился слух, что на пути из объединенного штаба в бригаду неизвестными убит начальник штаба. Выпустили листовку, в которой предупреждали, что за смерть начальника штаба бригады фашистские захватчики расплатятся своей кровью. 500 экземпляров листовок сбросили с самолета около поселка Локоть.

Начальника же штаба перевели к партизанам, действовавшим в Ромасухских лесах, предупредив его о том, что он «убит» и что поэтому он должен как можно меньше встречаться с людьми.

Два «террориста» уже с нашим заданием направились обратно к оккупантам.

Вскоре мы встретили двоих солдат из роты легионеров, перешедших на сторону партизан. Они сообщили, что многие в их роте настроены против фашистов.

С этими солдатами пришлось поработать немало, прежде чем они согласились снова вернуться в роту: они должны были, возвратившись в роту, убедить солдат перейти на сторону партизан. Действовали они довольно энергично и в короткий срок добились своего. Рота орга-

низованно перешла на нашу сторону, оставив на месте пять убитых, оказавших сопротивление.

Это был не первый наш опыт по привлечению к партизанам солдат из стана врагов.

Еще раньше перешли к нам артиллеристы, которые перед своим уходом вывели из строя несколько вражеских орудий.

Радист Романа Андриевского Евгений Присекин уже три плановых сеанса не выходил в эфир. Это сильно тревожило нас.

Близился час освобождения Брянщины от фашистских поработителей. По ночам порывы ветра доносили глухой рокот артиллерийской канонады. Советские самолеты все чаще и чаще стали пролетать через партизанский край. По данным партизанской разведки они бомбили скопление войск и военной техники врага, его эшелоны. Гитлеровское командование спешно перебрасывало свои штабы дальше на запад. Готовилась к эвакуации из поселка Локоть и группа разведки «Виддер». В этой обстановке необходима была личная встреча с Романом Андриевским.

Он явился точно в назначенное время, был бодрым, подтянутым, восхищался наступательными действиями Советской Армии. Прежде всего я спросил его, почему он не выходил в эфир. Роман объяснил, что пользоваться радио было невозможно, так как у рации все время дежурил солдат. Затем Роман передал список фашистской агентуры, которая остается в Орле и в Брянске, а также шпионов, обязанных после выполнения заданий возвратиться к немцам, перейдя линию фронта. Для Колупова он принес записку от шефа. В ней говорилось:

«Господину Колупову Андрею. За проделанную работу командование благодарит вас. Возложенное на вас задание считаем выполненным. К 10.IX.1943 г. вы должны выйти к линии железной дороги и явиться к майору охраны, где вас будет ждать наш представитель.

С приветом Шестаков».

На этот раз Колупова со мной не было, он остался в бригаде. Записку я взял.

Я интересовался возвращением «немецкой агентуры» из партизанского края.

— Вернулись трое,— ответил Роман.

— Как шеф оценил выполнение возложенных на них заданий?

— Недоволен. Говорит, что Котов и Харьков мало офицеров убрали, а третьему вообще не удалось до командования добраться.

Я сказал, что Котов и Харьков стали нашими разведчиками, и передал ему пароль для связи с ними. В заключение мы обсудили план его дальнейшей работы.

— Как вы мне посоветуете, отходить с немцами или оставаться? — спросил он.

— Этот вопрос уже решен,— ответил я.— Вы должны отходить на запад вместе с разведорганом противника и возглавить группу советских разведчиков.

— Есть отходить на запад! — отчеканил Роман.

Здесь же было разработано задание, которое было передано Роману и его группе из восьми разведчиков, и определены способы связи с ними. Роману Андриевскому были даны также пароли, явки в Клинцах, Унече, Бежице и других городах, которые лежали по пути отступления «Виддера».

На прощание мы по-братски обнялись. Я пожелал Роману большого успеха.

По возвращении в штаб пришлось сразу же заняться Колуповым. Предстояло уговорить его вернуться к немцам. Мысленно я сочувствовал ему. Сколько будет радости у партизан при встрече с Советской Армией, а вот Андрею придется от этого радостного дня уходить, вновь и вновь рисковать своей жизнью...

Пригласил его на беседу. Рассказал о встрече с Романом, об обстановке, сложившейся в связи с наступлением наших войск. Дал прочитать записку шефа. Он рассмеялся, но не сказал ни слова.

— Как ты, Андрюша, смотришь,— говорю,— если придется опять к ним?

— Я готов идти, если так надо.

— Вот и хорошо. Другого ответа я от тебя и не ждал.

Рано утром мы с Андреем распрощались. Тяжело было смотреть ему вслед. Уходил прекрасный разведчик. Уходил навстречу новым опасностям, в осиное гнездо врага.

7 сентября 1943 года, на рассвете, состоялась долго-

жданная встреча партизанского соединения с передовыми частями Советской Армии. Неописуемы были восторг и ликование партизан. Больные партизаны чувствовали себя здоровыми. На митингах звучали речи, полные любви к Родине.

По распоряжению областного штаба партизанского движения партизанские бригады двинулись в Орел, где состоялся многолюдный митинг. Орловцы тепло встречали народных мстителей. Расстались мы, чекисты, с командиром бригады А. П. Горшковым и комиссаром А. Д. Бондаренко тепло, по-дружески.

Аппарат Особого отдела перебрался в поселок Локоть. Хотелось быстрее увидеть там наших разведчиков и подпольщиков, а также разыскать и обезвредить оставленных немецкой разведкой агентов.

Там мы встретились с начальником оперативной группы Орловского управления НКВД И. А. Шарабуриным. Он передал мне указание: одной части оперативных работников Особого отдела вместе со мной остаться в его группе, а другой — направиться в Орел.

Здесь же в поселке Локоть я вновь встретился с секретарем Орловского обкома партии А. П. Матвеевым. Он живо интересовался чекистской деятельностью в тылу врага. Я подробно рассказал ему обо всем, особенно о работе с Романом Андриевским.

...Много лет прошло с той поры, но в памяти моей все еще сохранились отчетливые воспоминания о лесной Брянской стороне, о встречах с бесстрашными разведчиками. Смертью храбрых погибли многие из них, выполняя труднейшие задания Родины.

Трагически закончился боевой путь Романа Андриевского и его товарищей. Те, кто остался жив, свято хранят в памяти имена павших друзей. На Брянщине живет А. Елисеев, человек большого мужества и отваги, о деятельности которого в осином гнезде гитлеровского разведоргана можно написать целую книгу. Подобных книг создано уже немало. И героические дела невидимого фронта будут волновать еще не одно поколение.

★

КУРСКАЯ ЗЕМЛЯ В ОГНЕ

В. АЛЕНЦЕВ

Боевые действия истребительных батальонов

Сентябрь 1941 года. Фашистские войска уже приблизились к Курской области. Чувствуется зловещее дыхание войны.

Уже потянулись через Курскую область на восток беженцы из Белоруссии и Украины, выходящие из окружения военнослужащие. На дорогах появились автоколонны с разнообразным грузом, колхозники, перегоняющие скот в тыл страны.

Заводы, совхозы и колхозы Курской области также начали готовить свое ценное имущество к эвакуации.

Самолеты противника все чаще и чаще появляются в курском небе. Они не только бомбят скопление наших воинских частей, но и безжалостно, на бреющем полете, расстреливают колхозников — женщин и детей, торопливо убирающих созревшие хлеба.

То в одном, то в другом районе появляются вражеские парашютисты. Их задача — собирать шпионские сведения, совершать диверсии, распространять провокационные слухи.

На охрану территории области сразу, как только началась война, выступили истребительные батальоны, созданные органами НКВД по указанию Курского обкома партии.

Случалось, что бойцы истребительных батальонов вступали в единоборство с фашистскими воздушными пиратами.

В один из пасмурных сентябрьских дней бойцы Льговского истребительного батальона несли дозорную службу на месте, где могли быть сброшены вражеские парашю-

тисты. Вдруг они услышали рокот мотора, а затем из-за облаков появился неприятельский самолет, который летел прямо на них. Бойцы не растерялись и дали по самолету несколько залпов. Тот покачнулся и... стал снижаться. Окрыленные этим успехом, бойцы с криком «ура» устремились к подбитой машине. Летчики были взяты в плен. Боясь возмездия, гитлеровцы стали умолять бойцов истребительного батальона сохранить им жизнь. Пленные были доставлены в управление НКВД. Все они оказались членами национал-социалистической партии Германии, на груди у них красовались Железные кресты.

Фашистские летчики имели задание разведать передвижение советских войск и военной техники в зоне фронта и в ближайшем тылу, наличие резервов, степень загрузки железной дороги Курск — Воронеж. Они сообщили важные сведения об авиабазах противника, численности и системах самолетов, о их боевых качествах; дали характеристики командованию и некоторым летчикам. Они сообщили также о том, какими приблизительно силами противник ведет наступление против наших войск на Брянском фронте.

О захвате фашистского самолета, подбитого из обыкновенного стрелкового оружия, быстро узнали все другие истребительные батальоны области, и этот случай подбодрил их. Вступая в бой с противником, бойцы стали проявлять бо́льшую смелость и организованность. За сентябрь и октябрь 1941 года истребительными батальонами Курской области было сбито шесть самолетов противника, а экипажи этих самолетов были задержаны или уничтожены.

В октябре 1941 года фашисты вступили на курскую землю. Наши истребительные батальоны и группы пополнялись за счет выходивших из окружения военнослужащих. Они оказывали необходимую помощь отходившим с упорными боями частям Советской Армии. Там, где не было наших войск, истребительные батальоны своими силами оказывали сопротивление наступавшим фашистским войскам.

Конечно, борьба истребительных батальонов с превосходящими силами противника не могла быть длительной, но она была самоотверженной, а иногда и необычайно дерзкой. Так, в районе города Рыльска в бой

с гитлеровцами смело вступил Рыльский истребительный батальон. В бою пал смертью храбрых командир батальона, начальник Рыльского городского отдела НКВД Гуркин.

В первых числах октября 1941 года на железнодорожную станцию Дмитриев прорвалась разведка противника: автоматчики на бронемашине и автомобиле. Находившийся там отряд истребительного батальона внезапно атаковал непрошеных гостей, и гитлеровцы, потеряв несколько человек убитыми, отступили. Через несколько дней истребительный батальон Дмитриевского района смело вступил в бой с передовой частью фашистов и четыре дня держал оборону города Дмитриева, не давая противнику продвинуться вперед.

Героически сражалась и группа истребительных батальонов в районе поселка Крупец. В этом районе между флангами наших 13-й и 40-й армий, которые заняли линию обороны в западной части Курской области, образовался разрыв в несколько десятков километров. На ликвидацию разрыва были брошены истребительные батальоны семи районов области, прилегавших к линии фронта. Они вместе с войсками полторы недели оказывали упорное сопротивление врагу и отошли на новые позиции лишь после приказа командования.

В район города Фатежа были направлены два истребительных батальона из Курска. Эти батальоны вместе с частями Советской Армии около месяца удерживали оборонительные рубежи на подступах к Курску. После того как наши войска оставили Фатеж, оказалось, что мост на шоссейной дороге рядом с городом остался невзорванным. Противнику открывалась возможность беспрепятственно продвинуться к центру области. Обком партии и военное командование поручили чекистам взорвать мост. Для выполнения этой задачи были выделены два оперативных работника — Корольков и Березин. Вместе с группой бойцов истребительного батальона под покровом дождливой ночи смельчаки прошли через линию наступавших гитлеровцев, взорвали у них под носом мост и вернулись без потерь.

К концу октября 1941 года вражеские войска заняли всю западную часть Курской области и приблизились к окрестностям Курска. 2-я гвардейская дивизия под командованием полковника Акименко, отражая натиск

противника, несла большие потери. Комитет обороны города Курска, возглавляемый секретарем обкома партии П. И. Дорониным, принял решение всеми возможными силами и средствами оказать содействие войскам.

На помощь частям 2-й гвардейской дивизии были призваны чекисты, милиция, истребительные батальоны города и 31 района области, а также народное ополчение. В числе руководителей этих подразделений были член Комитета обороны начальник управления НКВД полковник П. М. Аксенов и заместитель начальника управления милиции подполковник Осипов.

Бойцы и командиры этих подразделений вместе с воинами 2-й гвардейской дивизии отважно сражались с превосходящими силами противника.

Как стало известно из показаний захваченных тогда в плен гитлеровцев, фашисты считали, что при обороне Курска им противостояли, по крайней мере, три пехотные дивизии.

2 ноября 1941 года после упорных боев врагу удалось ворваться в город. Наши подразделения вместе с частями 2-й гвардейской дивизии были вынуждены отойти в район станций Ноздрачево, Отрешково, Охочевка и занять оборону восточнее Курской железной дороги.

К 6 ноября усилиями Советской Армии враг был остановлен, линия фронта на этом участке стабилизовалась.

В работе по организации истребительных батальонов и в руководстве их боевой деятельностью замечательно проявил себя начальник одного из оперативных подразделений НКВД пограничник майор Климин. Он отдал этому делу все свои силы, знания и богатый опыт.

Когда наши войска оставили Курск, чекисты перебазировались в город Щигры, а затем в города Касторный и Старый Оскол. Они продолжали вести контрразведывательную работу в восточной части Курской области и разведывательно-подрывную деятельность на территории, оккупированной противником.

Чекисты в тылу врага

Уже в первые недели войны, когда стало видно, что ход военных действий складывается неблагоприятно для нашей страны, подразделения областного управления

НКВД вместе с партийными и советскими органами занялись отбором добровольцев из среды коммунистов и беспартийных для работы в тылу врага, формированием партизанских отрядов. Особое внимание уделялось отбору командиров партизанских отрядов и организаторов (из числа чекистов) разведывательной деятельности. В результате этой работы в области было создано 30 партизанских отрядов и необходимое количество баз с оружием, боеприпасами и продовольствием. Сформированные партизанские отряды оставались на занятой врагом территории и приступали к боевым действиям. В дальнейшем, в ходе борьбы отдельные отряды в западной части области были объединены в 1-ю и 2-ю Курские партизанские бригады.

О мужественной и самоотверженной борьбе курских партизан немало писали в периодической печати и в книгах. Я остановлюсь лишь на работе чекистов во вражеском тылу, и прежде всего на деятельности разведывательного подразделения 1-й Курской партизанской бригады, которое возглавлял молодой, но уже опытный чекист А. Т. Москаленко. Постоянную помощь Москаленко оказывал находившийся при штабе 1-й бригады квалифицированный чекист В. М. Казаков.

В районе деятельности Дмитриевского партизанского отряда 1-й Курской бригады находился участок железнодорожной магистрали Льгов — Комаричи — Брянск, который активно использовался противником для перевозки войск и военных грузов. Участок дороги охранял специальный батальон войск. Части батальона проводили еще и карательные операции против партизан.

Вражеский батальон был серьезной помехой в осуществляемой партизанами разведывательной и подрывной работе. Встал вопрос, как бы парализовать, свести на нет охранные и карательные действия батальона. Чекисты решили внедрить на службу в батальон или приблизить к немецким военнослужащим наших патриотов и через них изучить личный состав этого подразделения, выяснить дислокацию его постов на железной дороге, систему охраны, разузнать оперативные планы и собрать другие необходимые сведения. Сделать это было нелегко. Прежде всего, следовало найти человека, который смог бы войти в доверие к немецким офицерам и

солдатам и на которого можно было бы положиться. Все это надо было сделать быстро, не теряя времени.

Чекисты тщательно обсудили кандидатуры (и тех, кто проживал в зоне расположения батальона, и тех, кто находился в партизанской бригаде), взвесили личные качества и возможности каждого. Остановились на Саше Дрючиной — связной А. Т. Москаленко. Саша была скромной, застенчивой девушкой, но вместе с тем она отличалась смелостью, находчивостью, выдержкой и острой наблюдательностью.

Встретившись с Дрючиной, Москаленко поручил ей помимо сбора сведений о передвижении фашистских войск по железной дороге, чем она уже занималась, приступить к изучению личного состава батальона. Чекист рекомендовал Саше завести знакомство с теми немецкими военнослужащими, которые не отличались жестокостью к советским людям.

Выбор чекистов был удачным. Саша оказалась способной разведчицей. Вскоре она сообщила, что в батальоне служит много чехов и что некоторые из них настроены антифашистски. Саша познакомилась с одним из чехов, знавшим немного русский язык, и расположила его к себе. При знакомстве он просил называть его Андреем Ивановичем. Затем разведчица сообщила, что Андрей Иванович ненавидит фашистов и хочет перейти к партизанам. Это сообщение и радовало и настораживало чекистов. Настораживало потому, что Андрей Иванович слишком быстро раскрыл свои планы незнакомому человеку, а также очень быстро выразил желание перейти к партизанам. Возникла мысль, не с агентом ли карательных органов встретилась Саша, не изучает ли он ее и не пытается ли через нее по заданию гитлеровской контрразведки проникнуть в партизанский отряд? Необходимо было тщательно разобраться в поведении Андрея Ивановича, проверить, искренен ли он.

При встречах с Сашей Андрей Иванович сообщал ей исчерпывающие сведения обо всех проходящих через станцию Дерюгино вражеских воинских эшелонах. Назвал он и настоящую свою фамилию — Кривуляк. Когда чекисты убедились, что Кривуляк, то есть Андрей Иванович, действительно ненавидит фашистов, они решили связать с ним оперативного работника разведывательного подразделения Пономарева. Саша познакомила

Кривуляка с Пономаревым, и чех стал выполнять все его задания. Он сообщил интересующие нас сведения об охранном батальоне, подробно описал расположение постов, передал схему участка железной дороги с обозначением на ней тех мест, где партизаны незамеченными могут переходить железнодорожное полотно. Большой интерес для советского командования представляли сведения о движении воинских эшелонов через станцию Дерюгино и по железной дороге Дмитриев — Комаричи — Брянск, а также о дислокации воинских частей противника в этом районе.

Однажды Кривуляк сообщил Пономареву о плане крупной операции, намечаемой карателями против партизанского отряда. Согласно этому плану против партизан кроме охранного батальона должно было выступить большое количество подразделений других войск, прекрасно оснащенных военной техникой и даже самолетами. Получив такие сведения, партизаны сумели заблаговременно сменить свое месторасположение, и операция фашистов провалилась.

После провала этой операции гитлеровское командование стало подозрительно относиться к чехам. Чешских солдат и офицеров фашисты усиленно проверяли и держали под постоянным наблюдением. Дальнейшее пребывание Кривуляка в охранном батальоне становилось опасным. Необходимо было спасать нашего замечательного друга. Чекисты совместно с Кривуляком разработали дерзкий план: наши люди должны были взять его в плен в тот момент, когда подразделения батальона направлялись на охрану важного воинского эшелона. Операция прошла успешно, Кривуляк был благополучно «пленен» и доставлен в партизанский отряд.

В дальнейшем Кривуляк принимал участие почти во всех ответственных боевых операциях, осуществляемых партизанами. В начале 1943 года партизанами был захвачен совершивший вынужденную посадку в зоне партизанской бригады немецкий самолет «Юнкерс-88» с экипажем из четырех человек. Произошло это следующим образом: разведчики сообщили Москаленко о том, что в зоне партизанской бригады сделал вынужденную посадку фашистский самолет. А. Т. Москаленко сформировал оперативную группу, в состав которой был включен и Кривуляк, и повел ее к месту происшествия.

Немецкие летчики, оказавшись в лесу, почувствовали себя неуютно. Помимо холода их давил страх. Сняв с самолета пулеметы и забравшись в заброшенную землянку, они заняли оборону и решили выждать до ночи, чтобы выйти затем к железной дороге и присоединиться к своим.

Под вечер партизаны подошли вплотную к фашистским летчикам. Услыхав шорох, фашисты открыли пулеметный огонь. Тогда Кривуляк, одетый в немецкую военную форму и превосходно владевший немецким языком, подполз к землянке, где засели летчики, и, заговорив с ними на чистом немецком языке, убедил их, что рядом с ними свои и что надо прекратить огонь. Партизаны воспользовались затишьем, и немцы были взяты в плен.

На допросе выяснилось, что экипаж самолета входил в 1-й дальнеразведывательный отряд 100-й восточной группы, который базировался на Северном аэродроме города Смоленска и был подчинен генералу авиации Риттеру фон Грейму.

Летчики сообщили важные сведения о вражеских военных аэродромах в Смоленске, Шаталовке, Орле, Минске, Орше, Витебске, Бобруйске, Гомеле и Вязьме. Они дали характеристики самолетам, в том числе и новому тогда истребителю «Фокке-Вульф-190», рассказали и о разработке гитлеровцами новых конструкций самолетов. От них чекисты узнали и о школах летчиков-наблюдателей в ряде городов Германии, и о других заслуживающих внимания военных объектах. Все сведения были переданы командованию Центрального фронта Советской Армии.

Кривуляк участвовал и в захвате предателей, в партизанских налетах на вражеские воинские подразделения, в разгроме железнодорожной станции Дерюгино и в подрыве вражеских эшелонов.

Во время налета на станцию Дерюгино Кривуляк проявил исключительное мужество. Группа партизан во главе с чекистом Пономаревым, взорвав полотно железной дороги и стоявший на станции эшелон, встретила упорное сопротивление охраны. Особенно сильным был огонь со стороны гитлеровцев, укрывшихся в помещении станции. Кривуляк, быстро сориентировавшись в обстановке, подполз к зданию станции, забрался в помещение

и уничтожил вражескую группу гранатами. Огонь прекратился, и это принесло успех.

С помощью Андрея Ивановича (так партизаны продолжали называть Кривуляка) была осуществлена важная операция по подрыву полотна железной дороги на участке Дерюгино — Комаричи. Партизаны взорвали железнодорожный мост и разрушили 5 километров пути. Охрана противника, которая находилась в пяти дзотах, была уничтожена. В результате в течение 15 суток железная дорога бездействовала.

После освобождения территории Курской области от оккупантов Кривуляк вместе с партизанами вышел из леса навстречу нашим наступавшим войскам и ликующим советским людям. Через некоторое время Кривуляк командованием Дмитриевского партизанского отряда был направлен на работу во вновь созданный Дмитриевский райисполком. В конце 1943 года по рекомендации райкома партии он был избран председателем колхоза в селе Красный Клин. Колхоз находился в прифронтовой полосе Курской дуги, и работа здесь была не из легких. Перед Кривуляком стояла трудная задача: восстановить разрушенное оккупантами колхозное хозяйство. Он сделал для этого немало. После разгрома немецко-фашистских войск под Курском А. И. Кривуляк, узнав о существовании на территории Советского Союза чехословацкого воинского соединения под командованием полковника Людвига Свободы, возбудил ходатайство о направлении его в чехословацкие войска, чтобы участвовать в освобождении своей родины.

Действенную борьбу с оккупантами вела группа разведчиков на железнодорожном узле города Льгова.

В группу входили слесари депо Михаил Беляев и Григорий Винокуров, механик подъемного крана восстановительного поезда Илья Беляев, сцепщица вагонов Саша Гранкина. Руководил группой электромонтер депо Николай Быков. Связь с группой чекисты осуществляли через замечательных разведчиков — связных Надю Кузьмину и Владимира Быкова. Группа систематически срывала сроки ремонта паровозов и благодаря этому добивалась сокращения движения воинских эшелонов. Однажды мы получили сообщение о том, что на Льговском узле оккупанты остались без паровозов. Кроме саботажа группа совершала и диверсии. Разведчики взо-

рвали два эшелона и семь паровозов. Под контролем группы находился не только Льговский железнодорожный узел, но и некоторые участки железной дороги в сторону Брянска и Курска. Мы регулярно получали ценные сведения о продвижении через эти линии вражеских эшелонов с боевой техникой и живой силой, схемы размещения различных железнодорожных служб, сооружений, воинских складов и даже выписки из станционных журналов, которые добывала Саша Гранкина в диспетчерской станции Льгов. По данным разведчиков наши летчики разбомбили фашистский склад снарядов на станции Блохино, воинский эшелон на перегоне Деревеньки — Анастасьевка, военный склад на станции Льгов. Эта разведывательно-диверсионная группа проявляла большую находчивость и действовала до самого изгнания фашистов из города Льгова.

В соответствии с указаниями Центра были подготовлены и в июле 1942 года выброшены самолетом на базу Дмитриевского партизанского отряда в Черневском лесу опытные чекисты управления НКВД — начальники оперативных подразделений Н. Е. Стеганцев и А. И. Зарубин. За время пребывания в тылу противника они с помощью чекистов В. М. Казакова, А. Т. Москаленко и других, при активном участии советских патриотов провели обширную разведывательную работу в Курске и в разных пунктах Курской области, а также в Орле. Достаточно сказать, что по доставленным ими данным командование Брянского фронта успешно провело операцию по разгрому аэродрома в Курске: было уничтожено шесть самолетов, взорван склад с боеприпасами, уничтожены цистерны с горючим. Большую ценность представляли сведения о фашистских разведывательных и карательных органах, о пособниках врагу.

В тыл к немцам систематически забрасывали разведчиков группами и в одиночку. Постоянно рискуя жизнью, они добывали ценную информацию о противнике и совершали многочисленные, различные по своему характеру и масштабам диверсионные акты. Так, отважная разведчица комсомолка Лида Новикова должна была помимо сбора информации распространять в тылу противника антифашистские листовки. Она полностью выполнила это задание. Кроме того, находясь в деревне Фатеевке Дмитриевского района, она выяснила, что в доме предателя-

старосты расквартировались фашисты — офицер и несколько солдат из карательного отряда. Ночью Лида незаметно подкралась к дому старосты, уничтожила часового, вылила бензин из бака, стоявшего у стены дома, и подожгла его. Вместе с домом сгорели все каратели и староста. После этого Лида благополучно вернулась в управление НКВД. Вскоре по ее просьбе она была направлена учиться в школу радистов. По окончании школы вновь была направлена в тыл врага и работала там радисткой-разведчицей в разведывательном подразделении 1-й Курской партизанской бригады до изгнания оккупантов с территории Курской области.

Необходимо рассказать еще об одном из таких разведчиков — комсомольце Григории Гребенюке. В первые дни войны он был призван в Советскую Армию и направлен на фронт. На Черниговщине во время одного из боев он попал в окружение, но не растерялся и стал пробиваться к своим. В сентябре 1941 года Гребенюк пришел в районный центр Крупец Курской области, где встретился с оперативным работником управления НКВД В. А. Баклановым.

Присматриваясь к Гребенюку, чекист обнаружил в нем необходимые для разведчика качества: Гребенюк правильно анализировал окружающую обстановку, был смел, находчив, умел понравиться людям, знал военное дело и был хорошо подготовлен политически. На предложение работать в тылу врага Гребенюк охотно согласился. Началась кропотливая работа по ознакомлению его с особенностями разведывательного дела. После обучения он был направлен через линию фронта в сторону города Путивля. Для советского командования важно было знать, какими силами противник ведет наступление на Курском направлении и каковы его резервы. В течение 15 суток Гребенюк изучал обстановку в оккупированных городах Конотопе, Глухове, Дмитриеве. Посредством наблюдения и бесед с советскими патриотами он добыл и представил сведения о передвижении вражеских войск из Киева, через Путивль в сторону города Сумы, о формировании воинских частей в городе Конотопе и движении их в направлении Путивль — Ворожба — Рыльск — Дмитриев — Фатеж. Он представил важные сведения о гитлеровских воинских частях и технике, двигавшихся из-под Чернигова на

Дмитриев. В районе Конотопа он обнаружил три военных аэродрома.

После взятия фашистами Курска Гребенюк был вновь направлен в тыл врага. В течение шести дней находился он в занятом оккупантами Курске. За это время ему удалось собрать и сообщить советскому командованию ценные сведения об обстановке в городе, о местонахождении трех гитлеровских штабов, о передвижении больших групп войск из Курска в сторону Беседина и Свободы, о разгрузке военной техники на станциях Рышково и Курск. Он сообщил о грабежах и мародерстве оккупантов в Курске, о расстреле шести советских патриотов на улице Володарского и о том, как за зданием медицинского института фашисты расстреляли попавших в плен раненых воинов Советской Армии. Собранные Гребенюком сведения о действиях оккупантов в Курске были первичными и представляли большой интерес и для советского командования, и для партийных и советских органов. Гребенюка много раз направляли в тыл врага, и всегда добытые им сведения получали высокую оценку.

С болью в сердце думаешь о том, что этот бесстрашный патриот нашей Родины не дожил до светлых дней победы. Выполняя очередное задание в тылу врага, он погиб в схватке с преследовавшими его фашистами.

Обучением и воспитанием разведчиков при управлении НКВД руководил опытный и грамотный чекист В. Ф. Кремлев. Он занимался и направлением разведчиков в тыл врага. В 1942 году Кремлев вылетал за линию фронта и там непосредственно руководил разведывательной деятельностью своих питомцев.

В начале января 1943 года советские войска 60-й армии под командованием генерала армии Ивана Даниловича Черняховского начали наступательные операции против немцев на Курском направлении. 8 февраля они ворвались в Курск, а 9 февраля окончательно освободили его от оккупантов. Это радостное событие было омрачено гибелью многих наших офицеров и солдат, и в том числе гибелью одного из опытных помощников Черняховского — командира дивизии полковника Перекальского. Комдив был с почестями похоронен в парке пионеров города Курска.

Чекисты областного управления НКВД в наступательных боях были всегда с передовыми частями, стара-

ясь помочь родной армии изгнать ненавистного врага с курской земли. В это время мне неоднократно приходилось бывать у командующего и докладывать ему о полученных от разведчиков сведениях. Генерал был тогда еще молодой, но уже известный как широко эрудированный, волевой военачальник и обаятельный человек. Общение с ним доставляло большое удовольствие.

Командующий был благодарен чекистам за сведения о противнике и учитывал их при разработке новых боевых операций.

— Вы помогаете нам видеть врага далеко за линией фронта, узнавать его планы и маневры,— нередко говорил он.— Вы представляете, как это важно для нас! Знание планов противника — залог победы над ним.

Генерал просил нас не ослаблять разведывательную работу в тылу врага и давал указания передовым частям всячески содействовать нам.

Громя захватчиков, войска под командованием генерала Черняховского вышли за город Курск и заняли западный выступ Курской дуги. Контакты курских чекистов с Иваном Даниловичем не прекращались до окончательного разгрома фашистов под Курском. Затем наши военные дороги разошлись...

Курская дуга и новые заботы

Разгром фашистов под Сталинградом и дальнейшее мощное наступление Советской Армии открыли важные перспективы для окончательной победы над врагом. Однако для нас было ясно, что мы должны еще больше усилить разведывательную и подрывную работу в тылу врага и тем самым приблизить час победы.

Из-за линии фронта стали поступать сведения о том, что гитлеровцы стягивают к Курской дуге танки и другую военную технику, что в этом районе идет бурное наращивание фашистских сил. Появились и сообщения о намерении фашистов дать здесь советским войскам «жестокое сражение» и «отплатить сполна» за разгром под Сталинградом. В сообщениях говорилось о появлении у немцев нового вооружения: мощных танков «тигр»

и самоходных орудий «фердинанд». Все эти важные сведения немедленно докладывались советскому командованию и передавались в Москву. В нашем тылу также началось передвижение мощных соединений советских вооруженных сил. Мы отлично понимали, что установившееся относительное затишье на Курской дуге является затишьем перед бурей. Все говорило о том, что предстоит большое сражение.

В этих условиях от чекистов потребовались еще большая бдительность и активность в борьбе против гитлеровцев. В тыл врага мы послали дополнительно несколько разведчиков, которые сообщали новые важные сведения о подготовке противника к наступательным операциям. Наряду с этим партизанские отряды и разведывательно-подрывные группы продолжали наносить чувствительные удары по коммуникациям противника.

Не дремали и оккупанты. Готовясь к большому сражению на Курской дуге, они решили (уже в который раз!) покончить с партизанами и обезопасить тыл своих войск. Стянув все местные карательные части и несколько дивизий регулярных войск, гитлеровцы повели «генеральное» наступление на партизан южного массива Брянского леса.

Более месяца длились жестокие бои с противником. Партизанам приходилось очень туго. Они испытывали острый недостаток в продовольствии и боеприпасах. Однако и в этих тяжелейших условиях боевая работа чекистов-разведчиков не прекращалась: наряду со сбором разведывательной информации и подрывом коммуникаций они проводили большую работу по разложению созданных фашистами карательных соединений.

В селе Середина Буда Трубчевского района дислоцировался батальон власовцев. Действовавшая в этом районе чекистская разведывательная группа под руководством сотрудника областного управления НКВД К. И. Коптева решила изучить этот батальон и изыскать возможности для его разложения. Было решено направить в село Середина Буда опытную разведчицу партизанского отряда Машу Старостину с целью выявить среди власовцев антифашистски настроенных лиц и установить с ними знакомство.

Проникнув в это село, Маша вскоре сумела завоевать

расположение одного из военнослужащих батальона. Оказалось, что он давно ищет возможности установить связь с партизанами и сам по своей инициативе ведет агитацию среди бойцов батальона за переход на сторону партизан. Встреча с Машей придала ему новые силы. Он выразил готовность выполнить любое задание партизан и назвал ряд военнослужащих батальона, готовых перейти на сторону партизан и вместе с ними сражаться с фашистами.

По заданию Коптева Маша, несмотря на постоянную смертельную опасность, усилила патриотическую работу среди солдат батальона.

Наконец в одно прекрасное утро рота вооруженных солдат из власовского батальона была выведена Машей Старостиной в Брянский лес, в расположение партизанского отряда.

Если раньше переход одиночек на сторону партизан считался у фашистов чрезвычайным происшествием, то теперь уход целой роты солдат совершенно ошеломил их.

За одной удачно проведенной операцией наших разведчиков последовала другая. К. И. Коптеву стало известно, что по большаку Алтухово — Трубчевск должна проследовать гитлеровская дивизия, которой командовал генерал-лейтенант Борнеманн, жестоко расправлявшийся с советскими людьми. Коптев вместе с командованием партизанского отряда «Большевик» разработал план захвата генерала. Для проведения этой операции была создана специальная группа, в состав которой вошли и некоторые бывшие военнослужащие батальона власовцев. К. И. Коптев, начальник штаба партизанского отряда А. И. Сержант и несколько партизан взяли на себя самую ответственную роль в этой операции. Они залегли в засаде у самой дороги. Все вышло так, как ожидали разведчики. Налет группы был неожиданным и дерзким, но взять живым генерала не удалось: во время боя он был убит. Группе удалось захватить генеральский портфель со всеми штабными документами. Они оказались весьма ценными и были переданы командованию Центрального фронта.

Отступая, гитлеровцы оставили в Курской области предателей, изменников Родины и свою агентуру. Кроме того, они продолжали забрасывать к нам в тыл шпионов и диверсантов.

Курские чекисты делали все возможное, чтобы обезвредить вражеских лазутчиков и не допустить враждебных актов с их стороны против действующих частей Советской Армии. Насколько эта работа была эффективной, свидетельствует тот факт, что, несмотря на передвижение большого количества войск и военной техники в зоне Курской дуги, вражеской разведке не удалось не только совершить какого-нибудь диверсионного или иного серьезного подрывного акта, но и собрать хотя бы сколько-нибудь важную разведывательную информацию. Слов нет, в этом заслуга не только чекистов, но и особых отделов и командования Советской Армии. Главное же состоит в том, что чекистам и нашим войскам активно помогали советские люди. Все — и старики и дети — считали себя мобилизованными и делали все, что могли, для фронта, для победы. Например, летом 1943 года пионер Петя Степанов из колхозного поселка Веселая Жизнь Скороднянского района помог поймать опасного вражеского шпиона. Выйдя за околицу, он обратил внимание на постороннего мужчину. Неизвестный, в свою очередь увидев Петю, подошел к нему и стал расспрашивать о передвижении и расположении советских войск в этом районе. Поведение неизвестного показалось Пете подозрительным, и пионер сказал, что он нездешний и ничего не знает. Когда неизвестный зашел в один из домов, Петя немедленно сообщил о нем в расположенную рядом воинскую часть. Подозрительный был задержан и оказался немецким парашютистом, посланным в наш тыл с диверсионным заданием. Подобных случаев было немало.

Неудачи фашистов в их разведывательной и иной подрывной деятельности объяснялись также и тем, что подавляющее большинство советских людей, оказавшись во вражеском тылу, не переставали быть патриотами своей Родины. А многие из тех, кто по слабости душевной оказался завербованным гитлеровцами, попав в советский тыл, являлись в органы государственной безопасности с повинной и рассказывали не только о полученных заданиях, но и обо всем, что им удалось узнать в тылу врага.

В августе 1943 года на территорию Курской области фашистской разведкой были сброшены три диверсионные группы, по два человека каждая. Одна из групп приземлилась в Черемисиновском районе. Один из пара-

шютистов — Ивлиев, воспользовавшись темнотой, стал разыскивать воинскую часть, для того чтобы прийти с повинной и подробно рассказать о себе и о других парашютистах. Прибыв в районный центр, он явился в Черемисиновский райвоенкомат и, рассказав о себе дежурному, просил срочно сообщить о нем в райотдел НКВД, а также принять меры для розыска остальных диверсантов. При этом он выложил на стол свой пистолет, патроны и нож.

Ивлиев в ту же ночь был доставлен в управление НКВД, где дал подробные показания о полученных от фашистской разведки заданиях, он помог задержать остальных диверсантов.

Вспоминается и другой такого же рода случай. Это было незадолго до начала сражения на Курской дуге. В управление НКВД из Тимского, Обоянского и других районов области одновременно стали поступать сведения о явке с повинной немецких диверсантов.

Каково же было наше удивление, когда в качестве диверсантов перед нами предстали наши советские дети, вихрастые, чумазые мальчишки 13—15 лет. Их было четыре или пять человек: Володя, Петя, Димка... Эти ребята были взяты гитлеровцами из детского дома где-то на Смоленщине, увезены в Германию и там в специальной школе обучены разведывательной и диверсионной работе. Затем их выбросили на территорию Курской области с тем, чтобы они совершали диверсионные акты на железных дорогах. Для этого их снабдили взрывчаткой, замаскированной под каменный уголь. Они должны были забросить взрывчатку в угольные эстакады на железнодорожных узлах Льгов — Курск — Касторная — Воронеж.

И вот эти мальчишки еще там, в Германии, договорились между собой не совершать диверсий, а пойти в советские органы и рассказать обо всем. После выброски с самолета все они явились в ближайшие органы НКВД и сообщили важные данные о противнике. Этот случай является наглядным подтверждением того высокого чувства патриотизма, любви к Родине, которым обладают советские люди. Он дает нам право сказать: силен советский человек от мала до велика, силен и непобедим!

★

ЧЕКИСТЫ В ОБОРОНЕ СТАЛИНГРАДА

А. ВОРОНИН

2 февраля 1943 года закончилась великая битва за Сталинград. Советский народ и его вооруженные силы вписали еще одну славную страницу в летопись борьбы нашей Родины за свою свободу и независимость.

Битва за Сталинград представляет собой образец мужества, беззаветной храбрости и любви советских людей к своему отечеству. Она навечно останется в памяти человечества.

О битве на Волге, о героизме наших замечательных советских воинов написано уже много книг: здесь и мемуары участников этой битвы — Маршалов Советского Союза и других военачальников,— и многочисленные произведения советских писателей.

В своих воспоминаниях я остановлюсь лишь на некоторых моментах деятельности сотрудников Сталинградского областного управления государственной безопасности, милиции и воинов-чекистов, о которых в печати еще очень мало сказано.

Отечественная война застала меня в городе Сталинграде на посту начальника областного управления НКВД. Через некоторое время я был введен в состав Сталинградского городского комитета обороны. Мне, как и многим тысячам советских людей, пришлось принимать непосредственное участие в обороне твердыни на Волге.

С первого дня войны все сотрудники нашего управления, как и всех органов государственной безопасности страны, считали себя мобилизованными и всю свою оперативную работу подчинили интересам разгрома врага.

Для чекистов Сталинграда фронтовая обстановка стала складываться еще задолго до прорыва противника к берегам Волги. Дело в том, что Сталинград, являясь важнейшим узлом военных коммуникаций, представлял особый интерес для гитлеровского командования. Уже с осени 1941 года город и его окрестности привлекли внимание немецко-фашистских военных штабов и разведки. Сюда стали прорываться самолеты противника, которые сбрасывали не только бомбы, но и группы шпионов, диверсантов, террористов. Гитлеровцы ставили перед собой цель путем вывода из строя военных, промышленных и транспортных объектов, убийства ответственных работников и сбора секретных сведений нарушить работу нашего тыла, ослабить оборону страны.

На защиту города и подступов к нему встали соединения противовоздушной обороны, оперативные группы НКВД, милиции, истребительные батальоны, рядовые советские труженики. В соответствии с решением о мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами партийные и советские органы области в короткий срок создали восемьдесят два истребительных батальона НКВД, в которых насчитывалось свыше десяти тысяч бойцов. Восемь истребительных батальонов действовали в самом Сталинграде. В истребительный батальон входило обычно от ста до двухсот человек. Батальоны комплектовались из числа партийного, комсомольского и советского актива, способного владеть оружием.

Штабы батальонов дислоцировались при райотделениях НКВД. Командирами назначались работники НКВД и милиции.

В начале ноября 1941 года при истребительных батальонах были образованы отряды истребителей вражеских танков. В эти отряды вошли самые смелые, отважные и преданные комсомольцы, а также беспартийная молодежь. В истребительных батальонах с первого дня их формирования развернулась напряженная учеба военному делу. Вскоре они превратились в большую силу и стали выполнять важнейшие оборонные функции. Они вели патрулирование, охраняли в ряде случаев важные промышленные объекты, в поисках вражеских лазутчиков прочесывали местность, устраивали облавы, помогали ликвидировать последствия налетов вражеской

авиации. В тех случаях, когда подразделениям противника удавалось проникнуть в наш тыл или прорвать линию обороны, бойцы истребительных батальонов непосредственно вступали в бой с фашистами.

Прорвавшись на северную окраину города, гитлеровские войска намеревались с ходу овладеть тракторным заводом. На защиту родного завода, родного города встали рабочие истребительного батальона. Пять дней батальон пробыл в окопах, сдерживая наступление гитлеровцев до подхода регулярных частей Советской Армии. Батальон не раз переходил в контратаку, и ожесточенные стычки с врагом доходили до рукопашных схваток.

Самоотверженно сражались с врагом истребительные батальоны заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады».

Необходимым условием, обеспечивающим бесперебойную работу тыла, являлось повышение революционной бдительности советских людей. Органы государственной безопасности вместе с партийными комитетами и Советами депутатов трудящихся области с началом войны усилили разъяснительную работу среди населения о соблюдении самодисциплины и аккуратности, зоркости и наблюдательности, а также необходимости охраны промышленных предприятий, колхозного имущества и сохранения государственной и военной тайны. В периодической печати, в устных выступлениях в коллективах рабочих, служащих и колхозников сотрудники УНКВД рассказывали о формах и методах подрывной деятельности немецко-фашистской разведки, о том, как советские люди задерживали тайных агентов противника, как разоблачала их советская разведка. Такая разъяснительная работа давала свои плоды. Всюду, где бы ни появлялись шпионы и диверсанты, они сталкивались с советскими патриотами, которые стремились задержать их и доставить в органы НКВД.

Колхозница-стахановка из колхоза «Деменский» Ново-Анненского района М. Н. Двойченко утром 15 октября 1942 года шла на работу. В овраге она обнаружила темно-синий рюкзак, а в нем две булки хлеба, два пакета галет и разбитую флягу от спирта с иностранной маркой. Двойченко тотчас же доставила находку в политотдел МТС. Политотдел тут же собрал рабочих МТС и колхозников и предложил им проверить окрестность. Участница облавы комсомолка Д. Я. Косырева, проходя по степи,

заметила, что в густом и высоком бурьяне прячется человек. Косырева ползком, чтобы не быть обнаруженной, устремилась за ним. Вскоре она нашла пистолет системы «маузер», который, видимо, обронил неизвестный, но в этот момент он спохватился и повернул назад. Однако девушка не растерялась. Она схватила пистолет и направила его на неизвестного, при этом решительно крикнув: «Стой! Руки вверх!» Неизвестный зло выругался, а затем стал упрашивать вернуть ему пистолет. Комсомолка вновь скомандовала: «Не разговаривать! Руки вверх!» Неизвестный вынужден был подчиниться и поднял руки. По приказу девушки он пошел в указанном ею направлении. В это время подоспели на помощь другие участники облавы. Задержанного обыскали. У него нашли компас, электрофонарь, взрывчатые вещества, карту с отметками важных военных объектов и другие предметы.

Пойманный был доставлен в органы НКВД. Он оказался диверсантом, посланным фашистами для уничтожения военных объектов, отмеченных на карте.

В начале ноября 1941 года колхозница колхоза «Заветы Ильича» Сиротинского района А. М. Медведицкова пасла колхозный скот. К ней подошел незнакомый мужчина и попросил продать ему молока и хлеба. На вопрос колхозницы, кто он и куда идет, неизвестный ответил, что работает на сплаве леса, а идет в Сталинград навестить больного родственника. Колхозница заподозрила пришельца в неискренности, но постаралась скрыть это. Она пообещала неизвестному не только продать ему молока и хлеба, но и накормить обедом, предложив при этом зайти с ней в ее дом. В деревне Медведицкова привела подозрительного не в свой дом, а в правление колхоза. Дежурившие там бойцы истребительного батальона задержали неизвестного и по телефону сообщили об этом в районный отдел НКВД, а оттуда он был доставлен в наше управление. На допросе задержанный давал противоречивые показания. В то же время экспертиза установила фиктивность его личных документов. В результате был разоблачен вражеский парашютист, которому было поручено собрать сведения о дислокации воинских частей, о местонахождении наших складов боеприпасов и горючего, о движении воинских эшелонов и настроении населения.

Решением исполкома Сталинградского областного Со-

вета Антонина Михайловна Медведицкова «за проявленные бдительность и находчивость при задержании фашистского шпиона» была награждена денежной премией.

С наступлением немецко-фашистских полчищ на город и во время ожесточенных сражений на берегу Волги засылка тайных лазутчиков в тыл советских войск стала массовой. Можно сказать, что одновременно с боевыми действиями под Сталинградом развернулось громадное сражение советской контрразведки с немецко-фашистской разведкой. Только в сентябре — ноябре 1942 года немецко-фашистская разведка перебросила через линию фронта на железнодорожные участки Ртищево — Пенза, Ртищево — Балашов — Поворино, Балашов — Камышин десять диверсионно-разведывательных групп. Все они были обнаружены и задержаны. Вражеская агентура была хорошо экипирована. Она имела приемо-передаточные радиостанции, личное оружие, средства совершения диверсий. Из поступавшей информации было известно, что засылка шпионов и диверсантов усилилась и на других участках. Всего в районе Сталинграда за время его обороны только территориальными органами НКВД было схвачено и разоблачено более двухсот пятидесяти шпионов, диверсантов и террористов.

Прежде всего гитлеровское командование через специально засланную агентуру старалось выявить расположение наших огневых позиций, штабов и командных пунктов, чтобы принять меры к уничтожению этих объектов. Так, в начале сентября 1942 года в районе тракторного завода были задержаны четыре вражеских агента, которые имели ракетницы и комплекты ракет. Они были посланы с целью сигнализации противнику о действиях советских войск. В случае подготовки наступления они должны были выпустить красную ракету; синяя ракета указывала расположение артиллерии; зеленая ракета служила сигналом особой тревоги — прибытие «катюш». Советская контрразведка задерживала агентов-сигнальщиков и на других участках фронта.

Несколько раньше, также в районе тракторного завода, нами был обнаружен и арестован немецкий шпион-радист некий Шевчук — член организации украинских националистов (ОУН). При обыске у него нашли портативную радиостанцию с шифрами и кодами, револьвер, тысячу рублей советскими деньгами, фиктивные доку-

менты. Шевчук служил в немецкой полиции на оккупированной советской территории и жестоко расправлялся с мирными советскими людьми. В марте 1942 года он был направлен своими хозяевами в полтавскую школу шпионов-радистов. Окончив школу, он получил задание выявить систему оборонительных рубежей на берегу Волги в районе Сталинграда, а также наличие войск и места расположения командных пунктов в городе.

Большинство пойманных агентов противника были квалифицированными разведчиками. Многие из них забрасывались в более глубокие тылы Сталинградского фронта с целью сбора военной информации и разрушения коммуникаций.

24 августа 1942 года в 22 часа в тридцати километрах северо-западнее Астрахани с вражеского самолета были сброшены три парашютиста. 26 августа их поймали и доставили к нам в УНКВД. Они имели при себе английскую радиостанцию, оружие, различные фиктивные документы и большую сумму советских денег. Шпионами фашистской разведки оказались бывшие советские военнослужащие, изменившие своей Родине, предатели Кузьмин, по кличке «Кубанец», Пахомов, имевший кличку «Поддубный», и Руденко, принявший кличку «Руднев». Попав в плен, они согласились стать шпионами и были посланы для обучения в варшавскую шпионско-диверсионную школу. Предатели Родины имели задание следить за участком Волги от Астрахани до Сталинграда, установить контроль за железной дорогой Астрахань — Кизляр, держать под наблюдением Астраханский порт и следить за дислокацией воинских частей и крупных штабов в городе Астрахани.

В сентябре 1942 года два вражеских парашютиста-диверсанта Кокарев и Трухин, также изменившие Родине, были выброшены в Новониколаевском районе Сталинградской области. Подрывным действиям их обучили в полтавской шпионской разведшколе. Эти диверсанты должны были совершать крушения воинских эшелонов на важной железнодорожной магистрали между станциями Косарка — Новониколаевка — Урюпино. Эта магистраль снабжала Сталинградский фронт всем необходимым. На участке железной дороги, у хутора Будоринского, им удалось подложить под рельсы четыре толовые шашки. Поисковая группа чекистов, шедшая по следам диверсантов,

вовремя обнаружила средства диверсии и обезвредила их. Вскоре были пойманы и сами диверсанты.

Во время сражений под Сталинградом бывали случаи, когда заброшенные в тыл советских войск завербованные из числа советских граждан немецко-фашистские агенты заданий разведки не выполняли и являлись в органы государственной безопасности с повинной.

В сентябре 1942 года в управление НКВД явились с повинной Еремин, Митрофанов и Сухомлинов. Они спустились на парашютах с немецкого самолета в районе села Никольского Сталинградской области с заданием взорвать Каменно-Ярскую переправу через Волгу и железнодорожное полотно, проходящее по восточному берегу реки. Для выполнения этого задания они получили от немцев взрывчатые вещества, большую сумму советских денег, револьверы и ножи, а для свободного передвижения по тылам Советской Армии — фиктивные документы. Специальную подготовку агенты проходили в той же полтавской школе.

Столкнувшись с тем фактом, что почти все вражеские лазутчики, диверсанты и агенты проходили специальную подготовку в варшавской или полтавской разведшколах, мы, естественно, заинтересовались этими гнездами шпионажа. Анализируя показания и документы пойманных агентов противника, мы представили себе довольно полную картину подготовки шпионов, диверсантов и террористов в этих школах.

Варшавская разведывательная школа находилась при немецком разведывательном центре «Валли» в местечке Сулеювек (под Варшавой). Школа готовила агентов-разведчиков и агентов-радистов. Кадры подбирались чаще всего из числа белоэмигрантов, а также буржуазных националистов и лиц, подвергшихся репрессиям со стороны судебных органов Советской власти, то есть бывших кулаков, уголовников и т. д. Учитывались личные качества и профессия кандидата. Больше всего фашистские вербовщики ценили профессию радиста, связиста, сапера. В школе одновременно обучалось 70—80 человек. Срок обучения был неодинаковым: для шпионов ближнего тыла — от двух недель до месяца, для шпионов глубокого тыла — от одного до шести месяцев, для радиста и диверсантов — от двух до четырех месяцев.

Агентов обрабатывали в антисоветском духе, обучали

способам проникновения через линию фронта, методам сбора секретных сведений, методам совершения диверсий, им объясняли структуру и организацию Советской Армии, знаки различия командного состава, давали минимум знаний по топографии, огневой и физической подготовке. Много внимания уделялось тактике поведения шпионов на следствии в случае их ареста. Для этого практиковались взаимные допросы: один шпион выступал советским контрразведчиком, другой — задержанным. Чтобы приблизить и приучить агентов к обстановке в нашем тылу, будущих шпионов в фашистской школе при обращении друг к другу обязывали употреблять слово «товарищ», разучивать советские песни, давали прослушивать отдельные советские радиопередачи.

В Полтаве действовало две школы: разведывательная (она находилась в здании бывшей трикотажной фабрики, а затем в школе-семилетке на Театральной улице) и диверсионная, которая размещалась на территории бывшего монастыря. В полтавских школах обучалось одновременно до 50—60 человек, группами по 5—20 человек.

Руководителями разведывательных и диверсионных школ были опытные гитлеровские офицеры-разведчики. В качестве преподавателей привлекались и офицеры, завербованные из числа военнопленных. В целях маскировки им присваивались клички.

Разведывательно-диверсионную агентуру гитлеровцы в соответствии с заданием экипировали под военнослужащих Советской Армии или гражданских лиц и снабжали соответствующими фиктивными документами. В советский тыл шпионы проникали в одиночку или группами по два-три человека под видом раненых, выписанных из госпиталей, выполняющих специальное задание, командировочных, эвакуированных и т. д.

Группы агентов, как правило, обеспечивались рацией, другие доставляли собранную информацию лично, реже для связи использовались специальные связники. Портативные коротковолновые приемо-передающие радиостанции монтировались в чемоданах, сумках для противогазов, патефонных ящиках. Шпионские радиостанции были строго пронумерованы, причем каждая школа имела свою нумерацию. В январе 1943 года нами был пойман шпион-радист, обучавшийся в варшавской школе. Его радиостанция имела номер 429. Это позволяло сделать

вывод, что за истекшее время школа подготовила и перебросила в советский тыл не менее 429 агентов.

Диверсанты снабжались взрывчатыми, отравляющими веществами и зажигательными средствами в портативной упаковке, замаскированными в сумках для противогазов, вещевых мешках, консервных банках, в виде угля, пищевых концентратов и т. п.

Немецко-фашистская разведка имела много других разведывательно-диверсионных школ. Советским органам госбезопасности были известны 60 пунктов, в которых одновременно обучались тысячи агентов.

Сведения о разведывательных школах противника, особенно сведения о составе их слушателей, имели большое практическое значение. Они давали нам возможность быстрее выявлять и разоблачать вражескую агентуру, своевременно пресекать ее подрывную деятельность, раскрывать хитроумные планы.

В 1942—1943 годах чекисты Сталинградского управления НКВД провели значительную работу по дезинформации противника. Ряд захваченных нами фашистских агентов-радистов по заданию советских органов государственной безопасности сообщали немецко-фашистской разведке выгодные для нас ложные сведения. В результате хорошо разработанной комбинации по просьбе одного из таких агентов гитлеровцы направили на нашу сторону транспортный военный самолет, на борту которого находилось пять особенно опасных диверсантов. Самолет совершил посадку на заранее подготовленной площадке, но живыми «гостей» взять нам не удалось, так как они оказали вооруженное сопротивление и в завязавшемся бою были уничтожены.

Однако дезинформация противника на этом не приостановилась. Мы предложили агенту-радисту снова затребовать у фашистского разведывательного центра помощника, что он и сделал. Гитлеровцы и на этот раз поверили. Они ответили, что помощника высылают и что радисту предлагается встретить его на железнодорожной станции Гумрак, при этом были названы приметы помощника, указаны день и время встречи. Вместо радиста на станцию Гумрак прибыла группа чекистов, которая и «встретила» помощника. Он был одет в форму лейтенанта Советской Армии. При аресте он попытался выхватить револьвер, но вовремя был обезоружен. Этот

агент оказался членом ОУН, входившим в состав одной из бандеровских банд, действовавших в Западной Украине.

Наступая на Дон, гитлеровцы рассчитывали на поддержку казачества. Огромные надежды возлагали они на казаков, служивших в белых армиях. И действительно, вскоре после оккупации немецко-фашистскими войсками ряда районов на Дону от оставленных нами в тылу врага разведчиков стали поступать сообщения о том, что гитлеровцы приступили к организации белоказачьих формирований на территории Ростовской и Сталинградской областей. В этих целях в некоторых казачьих хуторах и станицах стали появляться присланные фашистской разведкой белоэмигранты из числа бывших белых офицеров, выходцев с Дона и Кубани. Так, в хутор Хлебный Сиротинского района Сталинградской области пожаловал белогвардеец Бондарев. В городе Калач появился белогвардейский офицер Еланцев. Прибывшие белогвардейцы кроме работы по созданию казачьих формирований помогали оккупантам в организации местных органов управления, в подборе кандидатур старост, полицейских, бургомистров.

Стремясь поднять боевой дух казаков и ускорить создание антисоветских воинских соединений, гитлеровцы стали распространять слухи о предстоящем приезде на Дон генерала Краснова, который, по их словам, должен был возглавить движение казаков и восстановить их старые привилегии.

В семье не без урода. Среди донских казаков нашлись такие, которые лояльным отношением к Советской власти лишь маскировали свою непримиримую ненависть к ней. Они-то и явились находкой для оккупантов. Из их числа немцы создали штаб Войска Донского во главе с бывшим полковником царской, а затем белой армии Павловым. Помощниками начальника штаба стали белогвардейский полковник Панов и войсковой старшина Духопельников, адъютантом штаба — хорунжий Гольдин. Весь штаб состоял из 40 человек.

По заданию немецко-фашистского командования штаб Войска Донского приступил к вербовке добровольцев и созданию из них казачьих отрядов. Вербовка велась через станичных и районных атаманов, которые в свою очередь опирались на вербовщиков-агитаторов. Од-

нако вербовка добровольцев успеха не имела. Казаки, не призванные в Советскую Армию по возрасту и оказавшиеся по разным причинам в тылу врага, всячески уклонялись от вступления в армию оккупантов. Об этом убедительно свидетельствует ответ старосты одного из колхозов Романовскому станичному управлению:

«На присланную вами копию письма начальника штаба полковника Павлова сообщаем, что по хутору Погожево и хутору Логутино офицеров, как таковых, не имеется, казачьей формы, обмундирования и оружия не имеется, а также добровольцев-казаков, желающих вступить в германскую армию для разгрома большевизма и завоевания чести и славы донского казака, не имеется.

12 октября 1942 года

Староста колхоза...»
(Подпись неразборчива)

Таких ответов в адрес фашистской администрации поступало немало.

Убедившись в нежелании казаков добровольно вступать в отряды для борьбы с Советской Армией, штаб Павлова применил метод разверстки. Каждой станице была дана контрольная цифра присылки «добровольцев». Путем обмана и насилия гитлеровцам при помощи штаба Павлова удалось создать несколько таких отрядов и направить их на борьбу с Советской Армией.

Узнав об этом, чекистские органы прифронтовой полосы и Сталинградского фронта приняли действенные меры: в районы формирования белоказачьих отрядов и непосредственно в состав отрядов были направлены разведчики-агитаторы из казаков, которые разъясняли «добровольцам» и их семьям пагубность участия в войне на стороне гитлеровцев, создавали в отрядах патриотические группы и призывали казаков переходить на сторону Советской Армии. Это дало результаты, и отряды «добровольцев» стали распадаться, а многие «добровольцы» вливались в ряды наступавших частей Советской Армии и достойно сражались с фашистскими захватчиками.

Наряду с выявлением и обезвреживанием вражеской агентуры, а также с работой по разложению антисоветских формирований оперативным сотрудникам УНКВД

приходилось выполнять различные экстренные задания высших партийных органов и Сталинградского городского комитета обороны.

В октябре — ноябре 1941 года сложилась тяжелая обстановка на Сталинградской железной дороге. С Украины и из других южных районов страны через Сталинградский железнодорожный узел следовало в тыл большое количество товарных поездов. Из районов, охваченных пожаром войны, перевозилось станочное оборудование, важные материально-технические грузы и десятки тысяч эвакуировавшихся людей.

Приближалась зима. Донбасс оказался в руках врага. Топливо на железной дороге кончилось. Паровозы встали. На путях скопилось более трехсот железнодорожных составов, образовались пробки, нормальное движение поездов нарушилось. Оккупанты, захватив осенью 1941 года Ростов-на-Дону, начали бомбить Сталинградскую железную дорогу.

Центральный Комитет партии предложил обкому принять срочные меры к наведению порядка на железнодорожном транспорте.

Для оказания помощи железнодорожникам на транспорт выехали ответственные работники обкома партии во главе с первым секретарем А. С. Чуяновым и большая группа чекистов из областного управления НКВД. На всех важнейших участках железной дороги чекисты организовали охрану ценных грузов, доставляли продукты питания в поезда для эвакуированных, обеспечивали порядок. При их содействии была успешно решена важная задача перевода паровозов с твердого топлива на жидкое. Сотрудники территориальных и транспортных органов НКВД, а также милиции сопровождали от города Грозного до Сталинграда нефтеналивные поезда и добивались своевременного прибытия их по назначению. Рабочие и инженерно-технические работники Сталинградской железной дороги, коммунисты и беспартийные также трудились день и ночь. Вскоре все остановившиеся поезда тронулись в путь, доставив в установленные сроки оборудование и людей в восточные районы страны. Директива ЦК партии была выполнена.

Выполняя распоряжение командования, строительные батальоны управления НКВД в это время построили новые сооружения, фортификационные укрепления.

В начале 1942 года было принято решение об ударном строительстве новой железной дороги на участке город Камышин — станция Иловля. Выполнение этого задания было возложено на органы НКВД.

Несмотря на сложные условия военного времени, дорога протяженностью более 220 километров была построена в небывало короткий срок. Самоотверженно трудился на стройке коллектив, который возглавлял генерал-майор инженерной службы Гвездевский. В период наступления Советской Армии и разгрома вражеской группировки эта железная дорога сыграла важную роль в своевременной переброске наших войск и боевой техники для Сталинградского и Донского фронтов.

К началу июля 1942 года бойцами строительного батальона НКВД было закончено строительство большого деревянного моста через Дон в районе города Серафимовича. Новостройку постигла беда. В тот момент, когда государственная комиссия принимала уже готовый мост, налетела вражеская авиация и разбомбила его. Тогда строители вновь принялись за работу и в минимально короткий срок восстановили переправу. Этот мост сыграл важную роль при отходе наших частей на левый берег Дона.

Огромное мужество и выдержку проявили работники управления НКВД во время воздушных налетов вражеской авиации на Сталинград.

Никогда не изгладится в памяти день 23 августа 1942 года. В этот день фашисты направили на город сотни самолетов. Тысячи фугасных бомб большой взрывной силы обрушились на жилые кварталы, больницы, школы, предприятия и учреждения. Весь город был охвачен гигантским пламенем пожаров. Тысячи мирных жителей — женщин, детей и стариков — погибли во время вражеских налетов и пожаров. Все основные коммуникации (водопровод, высоковольтные линии электропередачи, телефон и телеграф) оказались разрушенными. Нормальная жизнь в городе была нарушена. На другой день и еще много дней и ночей подряд фашистские стервятники подвергали город ожесточенной и непрерывной бомбардировке.

С первых дней воздушного нападения гитлеровцы совершали до двух тысяч самолето-вылетов в сутки. Враг решил сравнять город с землей, посеять панику среди

его защитников и заставить их капитулировать. Но как ни бесновались гитлеровские выкормыши, как ни злобствовали, расчеты их были опрокинуты мужеством и стойкостью советских людей.

В эти тяжелые августовские дни оперативно-боевые группы управления НКВД находились на своих постах. Под непрерывными бомбежками и артиллерийским обстрелом они организовали тушение пожаров, эвакуацию населения за Волгу, спасали от огненной стихии людей и материальные ценности, оказывали помощь пострадавшим.

Оперативный уполномоченный УНКВД М. С. Харламов спас из горящих зданий 29 семейств с их имуществом. Он не покинул своего поста даже в тот момент, когда узнал о гибели своей семьи.

Участковый уполномоченный 4-го отделения милиции Карпов погиб как герой под обломками горящего дома, спасая жителей.

Коммунисты Мякинин и Бодров вынесли из горящего здания обкома партии Красное знамя ВЦИК, которым был награжден царицынский пролетариат в 1919 году за героическую оборону города.

Чудеса храбрости и трудового героизма показали бойцы-пожарники, быстро и четко ликвидировавшие под непрерывной бомбежкой очаги многочисленных пожаров.

В напряженные и трудные дни обороны города к нам на командный пункт НКВД постоянно приходили граждане с самыми разнообразными просьбами. Вспоминается такой случай.

Однажды на командный пункт вечером пришел неизвестный гражданин и передал записку на мое имя. Записка была от профессора Сталинградского медицинского института доктора А. Я. Пытеля, позже члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР. В записке сообщалось, что во время налета вражеской авиации дом, в котором находилась квартира профессора, был до основания разрушен прямым попаданием бомбы. Вместе с имуществом под обломками дома погибла и рукопись — результат семнадцатилетнего научного труда по урологии. Профессор просил чекистов оказать ему помощь в розыске рукописи. На место развалин были направлены три сотрудника управления, которые после

длительных раскопок и тщательных поисков нашли рукопись и передали ее профессору.

Страшные злодеяния совершали в дни наступления на Сталинград гитлеровские захватчики. В районе поселка Латышинка группа фашистов прорвалась к берегу Волги. В это время мимо поселка по реке шел пассажирский теплоход. На нем эвакуировались из Сталинграда несколько сотен женщин, малолетних детей и стариков.

По беззащитным людям с близкого расстояния фашисты открыли бешеный прицельный огонь из пушки, минометов и пулеметов. Теплоход загорелся и стал тонуть. С горящего теплохода под минометным и пулеметным огнем люди прыгали в воду. Для того чтобы спасти людей, тяжело раненный капитан теплохода И. С. Рачков направил горящее судно к небольшому песчаному островку. Когда озверевшие гитлеровцы увидели появившихся на островке женщин и детей, они перенесли огонь на островок.

Для спасения оставшихся в живых людей были направлены чекисты И. Т. Петраков и Владимир Грошев. С трудом нашли они семь рыбачьих лодок, на которых ценой невероятных усилий в течение часа (с 21 до 22 часов) вывезли с острова 72 человека. Чтобы морально поддержать обезумевших от ужаса людей и подготовить их к эвакуации, один из солдат войск НКВД вплавь добрался до островка и предупредил их о близком спасении.

Вражеская авиация подожгла нефте- и бензохранилища на берегу Волги. Чудовищной силы взрыв потряс город. К небу взметнулся огромный столб пламени. Воздушной волной разрушило земляной вал, и огромная горящая лавина в несколько тысяч тонн хлынула в реку. От берега до берега перекинулся через реку огонь.

«Волга горит!» — эта ужасная новость с быстротой молнии облетела весь город. Прекратилась эвакуация населения, приостановилась переброска подкреплений в город. Всеми доступными средствами вступили мы в единоборство со страшной стихией, но безрезультатно.

По прямому проводу мне позвонил командующий Сталинградским фронтом А. И. Еременко:

— Пожар на реке нарушает наши планы. Примите меры к тушению огня на реке. Вы поняли меня, товарищ Воронин?

— Да, понял, товарищ командующий. Потушить огонь на реке. Но как это сделать?

— Волгу необходимо очистить от огня как можно скорее! — повторил командующий.

Посоветовавшись, чекисты нашли выход. Выделенная на тушение пожара группа сотрудников с помощью моторной лодки стала разрезать на куски медленно продвигающуюся огненную массу. Отдельные, оторванные от сплошной массы куски стали быстро сгорать, и площадь пожара пошла на убыль. Вскоре с огнем покончили.

Большинство сотрудников областного управления и милиции входило в оперативные группы, которые были распределены по важнейшим заводам местной промышленности и по районам города. Во главе этих групп стояли опытные чекисты, хорошо знающие город. Например, на тракторном заводе оперативной группой руководили товарищи Смуров и Н. Т. Погорелов, на металлургическом заводе «Красный Октябрь» — А. В. Мокеев, на заводе «Баррикады» — С. Е. Чагин и М. С. Никитин, на предприятиях, расположенных в южной части Сталинграда,— начальник отдела областного управления Н. И. Коненков, его заместитель И. Ф. Ширяев, оперативные сотрудники Купцов, Абрамов и другие, в центре города — заместитель начальника управления Г. Г. Петрухин и начальник отдела А. Ф. Трушин, в северном и южном участках Волги — оперативные работники К. А. Мещеряков, С. Н. Ашихманов и И. А. Филиппов.

Оперативные группы в условиях осады города обеспечивали охрану военных объектов, складов с материальными ценностями государственных резервов, руководили тушением пожаров, вели беспощадную борьбу с мародерами, дезертирами и другими нарушителями общественного порядка.

Выполняя самые различные задания, чекисты проявляли свои лучшие качества: железную волю, кипучую энергию, высокую бдительность, кристальную честность и воинское мастерство.

Когда я говорю о безупречной честности чекистов, мне невольно приходит на память такой случай. Однажды из северо-западных районов страны в Сталинград, на базу вторичных черных металлов, прибыл сборный состав с металлоломом для завода «Красный Октябрь».

Вагоны стали разгружать с ходу. Но у одного вагона стоял вооруженный часовой. Он запретил не только разгружать этот вагон, но даже приближаться к нему.

Грузчики доложили об этом начальству, прибыл директор завода, но боец был непреклонен.

Позвонили в обком партии, в управление НКВД. Меня попросили послать на станцию оперативных работников, которые могли бы разобраться, в чем дело. Выяснилось, что боец из состава войск НКВД охраняет порученный ему вагон с особо важными государственными ценностями. Вагон этот для маскировки был включен в состав с металлоломом. Боец перенес целую серию бомбежек, смертельно устал после нескольких бессонных ночей, его мучил голод, однако он продолжал самоотверженно нести службу и доставил в Сталинград вагон с золотом в полной сохранности.

В Госбанке СССР, куда сообщили о вагоне с золотом, сперва не поверили и просили повременить, пока не будет выяснено, что это за золото. Потом поступило указание срочно отправить вагон по адресу, указанному Госбанком.

Так скромный боец-чекист сохранил для государства огромные ценности.

Нередко чекистам приходилось с оружием в руках вступать в бой с врагами, уничтожать отдельные группы вражеских разведчиков и автоматчиков, которые просачивались на территорию промышленных объектов и в кварталы города.

В районе мельницы № 4 группа чекистов в количестве 15 человек выбила немецких автоматчиков из здания пивоваренного завода и захватила у них две противотанковые пушки, боеприпасы и другие трофеи.

14 сентября 1942 года центральную переправу через Волгу атаковал высадившийся крупный десант фашистских автоматчиков. Удержать переправу было приказано отряду сотрудников управления и милиции численностью до 90 человек. Командовать отрядом было поручено старшему лейтенанту государственной безопасности И. Т. Петракову. Несмотря на значительные потери, эта группа храбрецов четверо суток отбивалась от превосходящих ее во много раз сил противника и удерживала в своих руках переправу до тех пор, пока не подоспела помощь из-за Волги.

Вскоре через эту переправу были переброшены в город части дивизии генерала А. И. Родимцева, прославившей затем себя при обороне Сталинграда.

В борьбе с фашистскими захватчиками геройски погибли сотрудники Сталинградского управления НКВД В. А. Сердюков, А. Н. Захаров, М. И. Плужников, В. И. Катков, оперативный уполномоченный ОБХСС Степенный, сотрудники райотделения милиции Горбащенко, Сасов и многие другие.

В напряженные дни обороны города самоотверженно и храбро сражались чекисты И. Т. Петраков, П. И. Ромашков, В. П. Федосеев, лейтенант Кочергин, начальники отделов милиции Ф. И. Ефимов, М. Ф. Авилов, старший оперуполномоченный уголовного розыска А. А. Гринько, сотрудники управления Андреев, Воеводин, Соломенцев и многие другие. Чекисты, особо отличившиеся в боях с фашистами, были награждены боевыми орденами и медалями Советского Союза.

В первый период обороны Сталинграда массовый героизм проявили воины-чекисты 10-й стрелковой дивизии НКВД. Эта дивизия была сформирована и вооружена по решению командования необходимой техникой в предельно сжатые сроки. Она была создана на базе Отдельной бригады внутренних войск НКВД; туда входили бойцы и офицеры пограничных и оперативных войск НКВД, значительное количество добровольцев — коммунистов и комсомольцев городов Сталинграда и Москвы. Коммунисты и комсомольцы составляли более 70 процентов личного состава дивизии. Это были поистине железные люди, готовые на любой подвиг. В полках дивизии, сразу же занявших боевые позиции на дальних подступах к городу, почти беспрерывно, с большим напряжением шла боевая подготовка. Командный состав обладал хорошими военными и политическими знаниями и в своем большинстве был обстрелян в боях. Командиром дивизии был назначен Александр Андреевич Сараев, член КПСС с 1928 года, имевший большой жизненный опыт и многолетнюю практику службы в чекистских войсках. Одновременно А. А. Сараев был назначен начальником гарнизона Сталинграда. На его плечи легла большая ответственность, и он с честью оправдал оказанное ему доверие.

Большую политическую и воспитательную работу в

частях дивизии проводил партийно-политический аппарат, партийные и комсомольские организации. Эту работу возглавлял военный комиссар дивизии полковник (затем генерал-майор) Петр Никифорович Кузнецов. Он — бывший слесарь ремонтно-тракторных мастерских, из Саратовской области, чекист-пограничник, начал военную службу красноармейцем в частях ОГПУ в 1930 году. Военком был душой дивизии, достойным представителем партии в армии.

Начальником штаба дивизии был майор (позже генерал-майор) Василий Иванович Зайцев, служивший с 1925 года в пограничных и оперативных войсках органов НКВД. В напряженные дни боев Зайцева постоянно можно было встретить на самых опасных участках фронта, он был там, где проходил передний край обороны, следил за ходом боевых операций, подбадривал бойцов.

Когда фашистские полчища прорвали линию нашей обороны на Дону и 23 августа оказались у стен Сталинграда, на защиту города встали: 10-я стрелковая дивизия НКВД, отряд моряков Волжской военной флотилии под командованием П. М. Тельного, два батальона курсантов Военно-политического училища, возглавляемых полковым комиссаром Земским, зенитчики корпуса противовоздушной обороны, учебные подразделения танкистов, сотрудники областного управления НКВД и милиции и истребительные отряды рабочих сталинградских заводов. Эти воинские части, основной силой которых была 10-я дивизия НКВД, были первыми соединениями, принявшими на себя удар врага на окраинах города. Трудно было поверить, что эти небольшие войсковые соединения сумели не только задержать, но и отбросить во много раз превосходящего их в силе противника. Пламенные советские патриоты, не жалея своей жизни, дрались на передовом рубеже, и мощные волны гитлеровских полчищ разбивались о неприступную твердыню их мужества и воли. В самый критический момент обороны Сталинграда Центральный Комитет партии и Советское правительство обратились к советским войскам, к защитникам города с призывом любой ценой остановить врага и отстоять город на Волге.

Доблестные защитники города ответили на это клятвой: «Умрем, но не отступим!»

Из уст в уста передавали друг другу бойцы чекист-

ской дивизии ставшие крылатыми слова пулеметчика дивизии Чагина:

«Впереди нас враг, позади — Волга! Отступать некуда! Не допустим фашистских мерзавцев к великой русской реке! За Волгой для нас земли нет!»

Немало незабываемых подвигов совершили защитники города-героя в эти дни.

На подступах к Сталинграду, на участке фронта Верхняя Ельшанка — Опытная станция, наступление двух гитлеровских дивизий (71-й пехотной и 24-й танковой) сдерживали 272-й полк нашей 10-й дивизии и курсанты Военно-политического училища. Полком командовал майор Григорий Петрович Савчук (затем полковник, Герой Советского Союза). Чудеса героизма и отваги проявили наши воины-чекисты в единоборстве с ударными частями немецко-фашистской армии. Только за два дня они восемь раз переходили в контратаку, не давая гитлеровцам закрепиться на занятом рубеже. Во время боя Савчук был ранен, но не покинул командного пункта и продолжал руководить сражением, пока боевая задача не была выполнена.

В одной из схваток бойцы 272-го полка стали свидетелями бессмертного подвига автоматчика Алексея Ващенко. Наступавшая рота несла большие потери. Продвижению мешал сильный пулеметный огонь. Тем, кто залег под его свинцовыми струями, казалось: спасения нет! Вместе со всеми, прижавшись к земле, лежал и комсомолец Алексей Ващенко. Но вот он проворно пополз в сторону вражеского пулемета. Смельчака заметили фашисты. Застрочили фашистские пулеметы. Однако Ващенко продолжал продвигаться вперед, невзирая на обстрел. Все ближе дзот. Еще несколько метров, и огонь дзота не страшен: воин в мертвом пространстве. Затаив дыхание, следили за каждым движением Ващенко его боевые друзья. Когда показалось, что боец уже миновал зону пулеметного огня, он вдруг сник, откинув в сторону правую руку. «Убит!» — решили те, кто наблюдал за ним. Фашисты, видимо, сделали такой же вывод и перенесли огонь на залегшую цепь. Но вдруг чекист ожил! Он вскочил на ноги, ринулся вперед и грудью закрыл амбразуру дзота... Вражеский пулемет захлебнулся.

В непривычной тишине рота поднялась в атаку и в едином порыве овладела вражескими позициями.

Этот подвиг воина-чекиста, насколько мне известно, был одним из первых подобного рода подвигов в истории Великой Отечественной войны. Алексей Ващенко посмертно был награжден орденом Ленина.

В 272-м полку служил и комсомольский работник младший политрук Дмитрий Яковлев. Уезжая из родного Иркутска на фронт, он подарил сослуживцам свою фотографию, на которой была следующая надпись: «...от члена бюро ВЛКСМ Яковлева, едущего водрузить Красное знамя над Берлином». Свой чекистский долг Дмитрий Яковлев выполнил до конца: он мужественно дрался с врагом, и его бесстрашие воодушевляло бойцов. Однажды вражеским танкам удалось вклиниться в нашу оборону. Создалось критическое положение. Младший политрук схватил две противотанковые гранаты и бросился под вражескую машину. Танк противника взлетел на воздух. Вместе с ним погиб и Дмитрий Яковлев. Подвиг героя-коммуниста послужил боевым сигналом к наступлению. Подразделения поднялись в атаку и разгромили следовавшую за танками пехоту врага.

Общеизвестен подвиг 282-го стрелкового полка 10-й дивизии НКВД, которым командовал майор М. Г. Глущенко. Совершив ночной тридцатикилометровый марш, полк 24 августа с ходу вступил в бой с противником в районе тракторного завода. Поддерживаемый несколькими подоспевшими танками танковой бригады подполковника Житнева, он нанес решительный удар по соединениям врага. Гитлеровцам не только не удалось захватить тракторный завод, но в последующие дни пришлось даже отступать. Чекисты выбили фашистов из лесопосадки и прочно закрепились на своих позициях. На этом тяжелом участке сталинградской обороны воины-чекисты, отбивая яростные атаки гитлеровцев, не уступили врагу ни одной пяди родной земли. В самый ответственный момент батальонный комиссар А. М. Карпов, чтобы сорвать атаку врага, направил свой танк на огневые точки противника, раздавив несколько орудий и пулеметных гнезд. В этом бою Карпов пал смертью героя.

Большую помощь оказали в те дни истребительные батальоны рабочих тракторного завода, металлургического завода «Красный Октябрь», завода «Баррикады» и отряд военных моряков. Героически сражались и другие полки 10-й дивизии НКВД.

Бесстрашно, до последнего человека, дрались на Мамаевом кургане бойцы 269-го полка подполковника И. И. Капранова. Полк истребил 2650 вражеских солдат и офицеров, уничтожил более 33 танков и много другой военной техники.

Путь фашистским танкам в районе Дар-гора преграждал 270-й полк под командованием майора Журавлева. Героический подвиг совершили четыре воина-чекиста этого полка — младший лейтенант Петр Круглов, сержант Александр Беляков, красноармейцы-сталинградцы Михаил Чембарев и Николай Сарафанов. Ценой своих жизней в неравном бою 16 сентября они остановили наступление 20 немецких танков. Считали, что все они погибли смертью храбрых. Политотдел дивизии выпустил специальную листовку о подвиге этих героев (она хранится в Музее обороны города-героя). В листовке сообщается, что все четыре героя погибли в бою, не пропустив врага через свой рубеж. Все они посмертно были удостоены высоких правительственных наград.

Однако через много лет выяснилось, что два героя — Сарафанов и Чембарев — не погибли. В момент боя Михаил Чембарев оказался в окопе и был завален землей при развороте вражеского танка. Николай Сарафанов был тяжело ранен и контужен. В настоящее время оба они проживают и работают в Ольховском районе Волгоградской области. В торжественной обстановке им были вручены ордена.

271-й стрелковый полк вначале совершенно самостоятельно, а затем вместе с небольшими остатками других подразделений в течение одиннадцати дней в условиях массированной бомбардировки отражал непрерывные атаки во много раз превосходящих сил противника в южной части Сталинграда. Отдельные кварталы пригорода не раз переходили из рук в руки, но в конце концов остались в наших руках. Неделю противник топтался на месте, не сломив сопротивления защитников города. От фашистских полков, батальонов и рот остались одни лишь наименования. Большие потери понес и 271-й полк. В нем осталось всего лишь 65 человек.

В конце августа и начале сентября к Сталинграду стали подходить части 62-й армии. В ночь с 14 на 15 сентября, в критический момент оборонительных боев, когда в строю оставалась лишь горстка воинов-чекистов и сол-

дат других частей фронта, через Волгу переправилась 13-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора А. И. Родимцева. Гвардейцы с ходу вступили в бой с фашистскими захватчиками.

Бойцы 10-й дивизии мужественно продолжали сражаться с врагом. Каждый из них дрался до последней возможности.

В боях за Сталинград 10-я стрелковая дивизия войск НКВД нанесла оккупантам большие потери. Она уничтожила 113 танков, 189 минометов и пулеметов, свыше 15 тысяч вражеских солдат и офицеров.

За мужество и отвагу, проявленные в дни героической обороны волжской твердыни, Президиум Верховного Совета СССР наградил 10-ю дивизию НКВД орденом Ленина, а после завершения битвы на Волге дивизия получила почетное наименование Сталинградской. Многие ее офицеры и солдаты были награждены орденами и медалями Советского Союза.

В сложных условиях ни на минуту не прекращавшихся ожесточенных боев областное управление НКВД вело активную разведывательную работу как непосредственно в боевых частях, так и ближнем тылу противника. В этой тонкой и смертельно опасной работе чекисты постоянно опирались на поддержку народа. К нам приходили десятки добровольцев, обращаясь с просьбой направить их в тыл врага. Не могу не сказать теплых слов о подвигах наших замечательных девушек.

Нине Лянгузовой было всего 18 лет, когда она пришла к нам с просьбой дать ей возможность выполнить любое боевое задание. Нина несколько раз переходила линию фронта. Она установила местоположение 4 вражеских воинских частей, 9 зенитных точек, 5 пушек, несколько мест скопления войск противника. После выполнения одного из заданий при возвращении из вражеского тыла она попала под вражеский обстрел, была тяжело ранена и осталась без правой руки. Нина Николаевна Лянгузова (теперь Чеснокова) в настоящее время живет в Волгограде и работает на заводе «Баррикады».

Добровольцем была и Анна Ивановна Детистова (теперь Воробьева), работающая сейчас медсестрой в одной из волгоградских больниц. Три раза уходила Детистова в тыл противника и каждый раз возвращалась с ценными сведениями. Она обнаружила 11 штабов, 3 аэродрома,

9 артиллерийских батарей, 12 районов сосредоточения войск, 50 вражеских огневых точек. Действиями нашей артиллерии и авиации значительная часть этих огневых точек и военных объектов была уничтожена.

Разведчица Дарья Дмитриевна Павлова также живет в Волгограде. Ее мирная профессия — инструктор физкультуры. А в те грозные годы Д. Д. Павлова семь раз бесстрашно переходила линию фронта, добывая важные разведывательные данные. Павлова сообщила нам о местах расположения 18 штабов гитлеровских воинских частей, 5 аэродромов, 15 складов с боеприпасами, 21 батареи, 14 районов сосредоточения танков и другой боевой вражеской техники. Она помогла нашим воинам захватить «языка». При выполнении боевого задания Павлова была контужена и тяжело ранена.

Мария Ивановна Моторина, член КПСС, до войны работала заместителем начальника политотдела совхоза «Красный Октябрь» Кайсацкого района Сталинградской области. Несмотря на слабое здоровье, она настойчиво просила послать ее для разведывательной работы в тыл врага. По нашему заданию восемь раз переходила линию фронта и приносила ценные материалы. Мария Ивановна детально разведала и сообщила нашему командованию расположение линии обороны вражеских войск в самом городе. Устроившись по заданию органов НКВД на работу в центральную комендатуру оккупированной части города, она установила имена четырнадцати изменников Родины и активных пособников немецких оккупантов. В период ликвидации окруженной гитлеровской группировки Моторина вошла в город вместе с передовыми частями советских войск и помогла изъять всех выявленных ею предателей, не дав им возможности скрыться. При выполнении разведывательных заданий Моторина неоднократно рисковала жизнью, проявляя при этом мужество и отвагу.

Мария Петровна Кириченко, уроженка города Ставрополя Куйбышевской области, по национальности цыганка, комсомолка, до прихода оккупантов работала токарем Гмелинской МТС Сталинградской области. Она также добровольно вызвалась вести разведку в тылу противника. Четыре раза переходила она линию фронта и приносила для командования 64-й армии ценные разведывательные данные о противнике. Мария Петровна

сумела проникнуть в запретные для населения районы города и собрала подробные сведения о подготавливаемых там гитлеровцами оборонительных позициях. Во время выполнения одного из заданий Кириченко обнаружила бежавших из лагеря и скрывавшихся от фашистов двух красноармейцев. Она ловко обманула врага и удачно пересекла вместе с ними линию фронта. По заданию органов государственной безопасности эти красноармейцы снова вернулись в тыл врага и организовали там партизанский отряд, который оказал существенную помощь наступавшей Советской Армии при ликвидации вражеской группировки.

Отважные советские женщины за свою героическую работу были награждены боевыми орденами.

Успешно помогали нам в разведывательной работе в тылу противника и многие другие замечательные девушки-патриотки из города Сталинграда и других районов Советского Союза.

Свыше ста пятидесяти раз побывали наши разведчики в расположении частей и в тылу у гитлеровцев. Добытые ими ценные сведения немедленно использовались штабами фронтов советских войск. Имея эти данные, советская артиллерия и авиация уничтожали вражеские командные штабы, аэродромы, батареи и огневые точки.

В разведывательной деятельности не бывает без жертв, были они и у нас.

Разведчица «Таня», выполняя задание органов государственной безопасности, проникла в штаб воинского подразделения противника. Выждав, когда фашисты вышли из помещения, она попыталась вынуть из стола секретные документы, но была схвачена гитлеровцами и расстреляна.

Комсомолка Тракторозаводского района Дуся Дмитриева окончила медицинские курсы и работала медсестрой. Вскоре она стала отважной разведчицей. Четырнадцать раз ходила Дмитриева в тыл врага. Однажды, возвращаясь из-за линии фронта, она попала на минное поле и подорвалась на мине. Ей оторвало ноги и кисти рук. Разведчица нашла в себе силы доползти до раненой подруги — тоже разведчицы — Нади Шуриной и тихо сказала: «Передай маме, товарищам, подругам, что умираю за Родину». Дуся Дмитриева была награждена орденом Ленина посмертно.

Возвращаясь с задания в тылу врага, подорвалась на минном поле и разведчица Нина Иванова.

Смертью храбрых погибла разведчица Лида Алимова. Выполнив очередное задание в тылу врага, Лида переходила линию фронта, но фашисты заметили и обстреляли ее. Вражеская пуля насквозь пробила комсомольский билет Лиды.

При выполнении боевого задания погибли также разведчицы Ханова, Белова, Л. Иванова.

Чекисты Сталинграда имели постоянную связь с командованием и Особыми отделами Сталинградского, Донского и Юго-Западного фронтов. Особенно тесные связи установились у нас с командованием 62-й армии (командующим этой армией был тогда генерал-лейтенант, ныне Маршал Советского Союза В. И. Чуйков) и командованием 64-й армии (командующим которой был в то время генерал-майор, теперь генерал-полковник М. С. Шумилов).

20 декабря 1942 года, в день 25-й годовщины органов ВЧК — ОГПУ — НКВД, в землянку нашего управления пришел генерал-лейтенант В. И. Чуйков. Вместе с ним пришли к нам и член Военного совета армии К. А. Гуров, командир 13-й гвардейской дивизии генерал-майор А. И. Родимцев, начальник Особого отдела армии полковник Г. И. Витков. Чуйков тепло поздравил сталинградских чекистов с 25-й годовщиной и пожелал им успехов в работе.

В начале января 1943 года командующий Донским фронтом К. К. Рокоссовский заинтересовался местом нахождения главного штаба окруженной вражеской группировки во главе с генералом Паулюсом. Управление НКВД совместно с органами контрразведки фронта усиленно следило за дислокацией вражеских штабов. Мы доложили командующему, что штаб Паулюса находится в центре города — в подвале универмага. Константин Константинович просил не упускать из поля зрения этот штаб.

Вскоре началась заключительная операция великой битвы на Волге. Окруженная группировка гитлеровских отборных войск была расчленена на части и 2 февраля 1943 года полностью ликвидирована.

В тот же день славные воины 64-й армии генерала М. С. Шумилова появились в подвале универмага. Нача-

лась капитуляция 6-й гитлеровской армии. В плен было взято 24 генерала во главе с фельдмаршалом Паулюсом и 91 тысяча солдат и офицеров.

Еще в ходе завершающих боев управлению НКВД стало известно, что штаб Паулюса, готовясь к капитуляции, уничтожил карты всех минных полей в районе Сталинграда. Об этом сразу же доложили командованию фронта.

Своевременное получение сведений об уничтожении противником этой карты имело большое оперативное значение. Огромная опасность угрожала советским воинам и гражданскому населению. Надо было срочно восстановить карту. Командование фронта поручило управлению НКВД принять экстренные меры по восстановлению карты минных полей. В короткий срок оперативные работники управления провели огромную, кропотливую работу по выявлению всех заминированных гитлеровцами мест. Были допрошены тысячи вражеских солдат и офицеров из числа военнопленных, выявлены все лица, служившие в инженерных и саперных частях и непосредственно участвовавшие в закладке мин в городе и в пригородных районах. Работа велась дни и ночи, без сна и отдыха. Каждый следователь сознавал, что даже одна невыявленная мина может повлечь за собой гибель многих советских людей, и поэтому каждый работал за троих.

Тщательно допрошенный нами немецкий военнопленный 191-го полка 7-й дивизии рассказал, что он сам произвел минирование ряда территорий новыми, еще никогда до того времени не применявшимися минами, а также заминировал ряд зданий в городе минами замедленного действия со взрывателями новой конструкции, благодаря которым мина может взорваться через продолжительное время.

В результате всей проделанной работы нам удалось восстановить карту заминированных районов, на которой значились десятки минных полей и ряд минных полос протяжением до 18 км с сотнями тысяч различных мин.

По мере выявления минных полей и полос они немедленно разминировались саперными частями Советской Армии. Всего из земли извлекли более полумиллиона мин. Возглавлял эту смертельно опасную работу чекист Борис Константинович Поль, ныне полковник запаса.

По-прежнему активно действовали бойцы истребительных батальонов. Вспоминается такой случай. 1 февраля 1943 года поврежденный огнем нашей авиации немецкий самолет сделал вынужденную посадку. Четыре фашиста подожгли самолет и, захватив с собой оружие и продовольствие, двинулись к линии фронта.

Подразделение истребительного батальона Перелазовского района во главе с командиром — начальником райотдела НКВД чекистом А. М. Донским и его заместителем по политчасти — первым секретарем райкома партии Л. С. Куличенко поспешило к месту происшествия. Фашистских летчиков обнаружили, окружили и взяли в плен. Изъятые при этом полетные карты и ценные документы были переданы командованию Советской Армии.

Задерживая продвижение вражеской пехоты, в неравном бою погибла разведывательная группа истребительного батальона Чернышевского района. Погибли командир батальона — начальник райотдела НКВД Плужников и его заместитель Варламов.

После того как вражеская группировка была ликвидирована, а город и область очищены от оккупантов, перед чекистами встали новые задачи. Нужно было выявить и привлечь к ответственности тех, кто производил ужасные злодеяния на оккупированной врагом территории, тех, кто продался врагу и производил расправы над советскими людьми. Необходимо было раскрыть и разоблачить вражескую агентуру, оставленную на советской территории, а также активных пособников фашистов.

Давно отгремела война... Полностью уничтоженный гитлеровцами город на Волге сейчас восстановлен и стал одним из прекраснейших городов нашей Родины. На его широких площадях и улицах гордо стоят монументы, напоминающие о подвигах героев минувшей войны. На одной из площадей, на том рубеже, где в ожесточенных боях стояли насмерть чекисты в битве за Волгу, советский народ воздвиг особенно дорогой для всех нас монумент. Он прост и величествен. Это памятник вечной славы сталинградским чекистам, солдатам и офицерам геройской 10-й дивизии войск НКВД, работникам милиции и военным контрразведчикам, павшим смертью храбрых у стен города-героя.

☆

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ

Н. МИХАЙЛАШЕВ

Фашисты захватили Минск. Республиканский наркомат внутренних дел эвакуировался в Могилев. Город готовился к обороне. По улицам проходили колонны красноармейцев, проносились грузовики с бойцами, с пушками на прицепах, с красными крестами на бортах. Чувствовалось, что фронт уже близко, и город жил лихорадочной, тревожной и напряженной жизнью.

Стремясь подорвать боевой дух и сопротивление Советской Армии, вражеская разведка забрасывала в наш тыл свою агентуру.

Приходилось прочесывать целые кварталы города, обходить дома, проверять документы, задерживать подозрительных лиц. И не напрасно. Среди задержанных было выявлено несколько десятков диверсантов и ракетчиков-наводчиков. Не меньше лазутчиков было обезврежено и по сообщениям населения. У некоторых шпионов были обнаружены портативные радиопередатчики и сигнальные фонари с белым, красным и зеленым светом, ракетницы и ракеты.

Из чекистов, партийцев и комсомольцев формировались отряды по борьбе с вражескими парашютистами, диверсантами и шпионами.

После отпуска мне надо было добраться до Ганцевичского района, где я работал старшим оперативным уполномоченным. Но это мне не удалось, и я направился в Могилев, где меня зачислили в отряд капитана Кирилла Андреевича Рубинова.

Вскоре поступил приказ: нашему отряду двигаться в Кличевский район и оттуда пробиваться в тыл противника и поднимать народ на священную борьбу с оккупантами.

До Кличева добрались мы только в начале июля. Сдав партийные билеты в Кличевский райком партии, утром 5 июля мы вошли в лес.

Первую часть боевого приказа — пробраться в тыл противника — наш отряд, таким образом, выполнил. А что делать дальше? Капитан Рубинов разделил отряд на маленькие группы, по два-три человека в каждой, предоставив им возможность отправиться в любой из оккупированных районов и действовать там самостоятельно.

Наша группа — Лопачев, Виноходов и я, назначенный старшим,— решила раздобыть вначале хоть какую-нибудь гражданскую одежду: не ходить же в чекистской форме! Вечером мы пробрались в деревню и обменяли коверкотовые гимнастерки на косоворотки, а в придачу получили еще шинель казачьего образца. Брюк и подходящей обуви в деревне не нашлось, поэтому мы остались в хромовых сапогах и форменных галифе без кантов, надеясь сбыть все это при первом удобном случае.

Шли на восток, обходя стороной деревни, отдыхая то в стогу сена, то в лесу, но уже и в эти первые дни мы, если была возможность, нарушали полевую связь противника и обстреливали небольшие обозы.

Однажды, когда мы подходили к деревне Дубинки, которая находилась километрах в двадцати от Могилева, из-за пригорка выскочил мотоцикл с тремя вооруженными гитлеровцами.

— Стой! Куда идьете? — спросил здоровенный фашист, приближаясь к нам.

Я ответил как можно спокойней:

— В Дубинки. Домой идем.

— О, карашо, карашо. Документ имейт?

Он полистал паспорт, потом сорвал с моей головы шапку и потрепал за волосы:

— Лойтенант? Да, да, ви ест лойтенант!

— Что вы, господин офицер,— замахал я руками,— меня даже мобилизовать не успели! Работал учителем в Западной Белоруссии, а теперь вот домой возвращаюсь...

Но немец, не слушая, уже повернулся к Федору Лопачеву и хлопнул ладонью по голенищу его хромового сапога.

— Ви тоже ест лойтенант? Отвечайт!

Федя начал объяснять, что он тоже учитель, что и его не успели мобилизовать.

Я бросил взгляд на второго автоматчика: стоит, глаз не спускает. На правом плече за спиной у меня висела сумка от противогаза с просунутой под ее лямки шинелью. А под шинелью, на поясном ремне кобура с пистолетом. Сделав вид, будто натерло плечо, я принялся поправлять лямки, а сам незаметно засунул руку за спину, стараясь нащупать рукоятку пистолета.

Может, гитлеровцы и заметили бы эту возню, да их внимание привлек раздутый портфель в руках у Виноходова.

— Открывайт!

И, видя, что русский медлит, гитлеровец выхватил у него из рук портфель.

Белье Виноходова чуть было не погубило нас.

— Вас ист дас? Офицерен белье?

Испуганный этим криком, второй автоматчик замешкался, и я успел всадить пулю сначала в одного, а потом и в другого.

Шоферу удалось убежать.

Мы подобрали трофеи и, пробив бензобак мотоцикла, бросились в рожь.

С большими трудностями, изможденные и голодные, двигались мы кратчайшим путем в Чечерские леса. В середине августа добрались до небольшого поселка Гута Осиновская, со всех сторон окруженного девственными лесами.

Здесь и остановились, даже землянку вырыли, решив обосноваться в ней надолго.

Фашистов в поселке пока не было, но полицаи из своих, местных, уже появились. Правда, держались они неуверенно, робко. Колхоз еще не успели разогнать, а может быть, умышленно не захотели этого делать: надо же убрать урожай. Председатель колхоза Ефим Лукьянович Шамонин держался очень странно: полицаям не перечил, покорно выслушивал все их распоряжения, но выполнять эти распоряжения не спешил.

Надо было поближе узнать этого человека, разгадать, с кем он. Но выяснить это удалось не сразу. Ефим Лукьянович будто и охотно отвечал на наши вопросы, но по его настороженным, хитро прищуренным глазам чувствовалось, что верит он далеко не всему, в чем мы пытаемся его убедить. Даже нашим чекистским удостоверениям то ли поверил, то ли нет...

— Вижу, вижу,— повертел он мое удостоверение в руках,— бумага, она, конечно, все стерпит...

И только когда мы с Федором привели Шамонина в свою лесную землянку, он как-то сразу подобрел, и на глаза его навернулись слезы.

— Ну, здравствуйте, браточки мои дорогие,— распростер он широкие объятия,— здравствуйте, товарищи! Не обессудьте, иначе не мог!

Вскоре по окрестным деревням распространился слух, будто в лесу появилось много партизан. Да что слух: мы с Лопачевым «под великим секретом» заказали для партизан в одной деревне полсотни деревянных ложек, в другой — пятьдесят пар лыковых лаптей. Вот, мол, как много собралось нас в здешних лесах!

А тем временем с помощью Шамонина мы установили связь с секретарем подпольного райкома партии Павлом Ивановичем Дедиком и руководителем рудня-бартоломеевской партийной группы коммунистом Тихоном Коротким, который жил на полулегальном положении и знал многих коммунистов Чечерского района. Начал расти и наш, теперь уже не фиктивный, а настоящий отряд: к нам перебрался Шамонин, пришли братья Мамекины, директор льнозавода из Кормянского района коммунист Аверьян Ушев, чекист Михаил Счастьев.

Фашисты устанавливали уже повсеместно «новый порядок». В каждой деревне они назначили своих старост и полицейских, создавали районные и волостные управления.

Служба безопасности — СД, жандармерия и местная полиция выискивали коммунистов, хватали военнослужащих Советской Армии, оказавшихся на оккупированной территории. Многие коммунисты и советские работники Чечерского района были схвачены вместе с семьями и расстреляны. В ратушу палачи согнали более ста стариков и старух и тоже учинили расправу. 21 ноября они зверски уничтожили на территории Добрушской МТС 120 советских граждан...

Но «новый порядок» не сломил советских людей. Все чаще и чаще падали под ударами народных мстителей полицаи, фашистские холуи. Все больше своих солдат недосчитывались и начальники немецких гарнизонов. Действовали уже партизанские группы, в том числе и наша, в которой было десять человек, вооруженных три-

надцатью винтовками, ручным пулеметом и трофейным автоматом.

В конце ноября в наши леса прибыли Гомельский городской и Гомельский сельский партизанские отряды.

Вместе с этими отрядами пришли секретарь Гомельского подпольного обкома партии Андрей Аверьянович Куцак, секретари горкома партии Емельян Игнатьевич Барыкин и Семен Федорович Антонов и секретарь горкома комсомола Александр Исаченко.

Вскоре меня вызвал Андрей Аверьянович и, крепко пожав руку, сразу заговорил о главном:

— Организационный период кончился,— сказал он,— пора приступить к настоящему делу. Мелким партизанским группам это не под силу: надо поднимать на борьбу весь народ, создавать крупные отряды, а со временем и соединения народных мстителей. Подпольный обком партии принял решение перевести Чечерский отряд на лагерное положение, объединить все его полулегальные группы. Вам предлагается влиться в этот отряд. Вы — чекисты, оперативные работники, а стало быть, хорошо знаете методы борьбы с врагом. Такого опыта пока нет у наших коммунистов и беспартийных патриотов, оставленных на оккупированной территории для подпольной и партизанской борьбы. Мирная, довоенная жизнь не сталкивала их с коварными приемами вражеской разведки. Им не хватает осторожности, постоянной бдительности, наконец, необходимых всем нам навыков строжайшей конспирации. Дорого приходится расплачиваться за все это, очень дорого... Вот почему члены подпольного обкома решили присоединить вашу группу к Чечерскому партизанскому отряду. Что вы на это скажете?

— Мы не возражаем,— коротко ответил я.

— Отлично. Командиром отряда назначен Петр Антонович Балыков, коммунист, бывший директор Несимковичской МТС, имеющий опыт партизанской борьбы в гражданскую войну, комиссаром — Павел Иванович Дедик. А вам...— Андрей Аверьянович, помедлив немного, добавил:— Вы —чекист, вам и карты в руки: берите на себя руководство подпольщиками, создавайте партизанскую разведку и контрразведку.

Слушал я обдуманные, веские доводы секретаря подпольного обкома партии, и радостнее становилось на душе. Вот оно, наше место в борьбе с оккупантами.

В Гомеле скрещиваются железные дороги пяти направлений. Через него же проходят и шоссейные дороги, и водный путь на Чернигов и Киев. Нам стало известно, что гитлеровское командование не жалеет сил и средств для укрепления этого стратегического узла. Сюда прибывало пополнение из Германии, здесь производилась перегруппировка войск, тут же находились штаб 221-й охранной дивизии, разведка и контрразведка. Вот почему в наших планах Гомель занимал особое место.

Еще раньше в районе Добруша обосновалась группа армейских разведчиков во главе с А. П. Коробициным. Получая от добрушских подпольщиков сведения о противнике, Коробицин немедленно передавал их по радио в Москву.

Много замечательных советских патриотов было среди подпольщиков-добрушан. Ни днем, ни ночью не давали покоя оккупантам Никанор Степанович Куликов, один из организаторов подполья, и его молодые помощники — разведчики-боевики Анатолий Куликов, Евгений Петранков, Михаил Горшунов и ставший впоследствии Героем Советского Союза Федор Кухарев. Правой рукой Никанора Степановича был бесстрашный разведчик, старый коммунист Дмитрий Николаевич Гладышев.

Беспощадную борьбу с ненавистным врагом вели руководители подпольных групп Г. А. Тычинский, К. Н. Костеневич, И. П. Бейзеров и Т. К. Панков. Все они поддерживали постоянную связь с партизанскими отрядами, которые время от времени появлялись в здешних местах.

Никанор Степанович Куликов устроил сына Анатолия и Федора Кухарева на железную дорогу. Молодые ребята работали и одновременно присматривались к прибывающим и уходящим поездам, а улучив минуту, когда поблизости не было охраны, подкладывали мины то на платформу, где стояли бочки с горючим, то под вагон с боеприпасами. Несколько магниток им удалось прикрепить к паровозам. И хотя они не знали, где и когда сработали мины, но были уверены, что эти эшелоны до фронта не дошли.

Ночью 9 мая недалеко от Добруша подорвался на мине и превратился в гору искореженных обломков поезд с возвращавшимися из отпуска гитлеровскими офицерами.

Утром немцы согнали на станцию чуть ли не всех

жителей, обещая награду тому, кто опознает принесенные туда вещи. Был там и Анатолий Куликов.

— Мы обнаружили все это в том месте,— говорил переводчик,— где партизаны убили наших людей. Скажите, чьи это вещи, и немецкое командование щедро вознаградит вас.

Люди молчали. Медленно проходили они мимо разложенных на столе «находок». Взглянул на них и Анатолий. Вещи были ему хорошо знакомы. Этот шнур он сам отдал вчера Феде Кухареву. Шапку и тапочки видели на Феде многие добрушане.

Но предателя не нашлось. На том и закончилась затея фашистов с опознанием вещей. А когда все успокоилось, Федя сам рассказал другу о том, при каких обстоятельствах потерял вещи.

— Еще осенью мы с Женей Петранковым нашли и припрятали здоровенный снаряд. Вот я и отволок его на железку. Сомневался: вдруг не взорвется? Ведь всю зиму в земле пролежал. А снаряд, понимаешь, так рванул, что весь фюрерский поезд кубарем под откос. Ой и орали же там офицеры! А я — дай бог ноги. Ну, и потерял на бегу свое барахло...

В это время в район прибыл Добрушский партизанский отряд, в который я был назначен заместителем командира по разведке.

Командира отряда Ивана Павловича Кривенченко я знал с июля 1942 года. Он прибыл тогда с Большой земли со специальным отрядом и стал начальником объединенного штаба партизанских отрядов Чечерской зоны. Теперь ЦК компартии Белоруссии и Гомельский обком партии поручили ему организовать Добрушский партизанский отряд. Отряд быстро пополнился за счет подпольщиков, жителей Добруша и окрестных деревень, распропагандированных полицейских и солдат так называемой «Русской освободительной армии», с оружием перешедших из вражеских гарнизонов. Уже в июле 1943 года отряд был преобразован в бригаду. У партизан и у населения о Кривенченко сложилось уважительное мнение как об умном, думающем и отзывчивом командире. Его полюбили, слушались и гордились им. Мы крепко подружились.

Прибыв под Добруш, я неожиданно узнал, что многие подпольщики давно ушли в Черниговское партизан-

ское соединение А. Ф. Федорова или в отряды Н. С. Ковалева и А. Ф. Бурого. Тем не менее нам удалось довольно быстро установить связь с оставшимися, и вскоре постоянными нашими помощниками стали отец и сын Куликовы, Федор Кухарев, Василий Барсуков, Евгений Стецкий, Николай Горшунов, Федор Медин, Севастьян Справцев, Михаил Журавлев, Николай Рабенок, Надежда Гурина, Василий Мочалов и многие другие. Большинство из них стали вести по нашим заданиям разведку, а Кухарев, Медин, Анатолий Морозов и Николай Горшунов еще и отлично освоили подрывное дело.

Тесная связь с местным населением позволила нам развернуть активную боевую деятельность на коммуникациях врага. Уже в июне подрывники Алексея Башмакова, у которых проводником стал подпольщик из деревни Саньково Михаил Журавлев, уничтожили четыре эшелона с гитлеровскими солдатами, военной техникой и боеприпасами.

Систематические взрывы эшелонов, различные «сюрпризы» на автострадах и бесследное исчезновение немецких офицеров приводили в бешенство руководителей «нового порядка», всякого рода «фюреров», «шефов» и «комендантов». Гитлеровцы укрепили опытными контрразведчиками службу безопасности, усилили полевую жандармерию и охранную полицию. Начальником областного управления полиции назначили матерого предателя, бывшего деникинского офицера Кордакова. По просьбе шефа добрушского СД Патке и военного коменданта Аппеля шеф гомельской СД гауптштурмфюрер Шульц направил своих гестаповцев в Добруш, а шеф контрразведки абвера Цинт командировал туда своего первого помощника зондерфюрера Гартмана.

Опираясь на предателей, гитлеровцам удалось раскинуть свою шпионскую сеть в городе. Аресты последовали один за другим. Подпольщики не сразу поняли, что среди них орудуют провокаторы. Нам пришлось спасать руководителей подполья и уводить в лес всех, кто уцелел.

Гитлеровцы торжествовали: они были уверены, что с Добрушским подпольем покончено, но торжествовали они преждевременно: рядом с городом уже действовала Добрушская партизанская бригада.

К этому времени представители ЦК компартии Бело-

руссии Андрей Фомич Жданович и Иван Евтеевич Поляков, он же секретарь подпольного обкома комсомола, организовали подпольные райкомы партии и райкомы комсомола. В Добрушский подпольный райком партии вошли: Иван Михайлович Готальский, секретарь райкома, Иван Павлович Кривенченко, командир партизанской бригады, и автор этих воспоминаний. Секретарем райкома комсомола стала Варя Вырвич. Начали налаживать связи с уцелевшими подпольными группами в городе, руководить которыми назначили меня. Прежде чем пополнить людьми городское подполье, мы вместе с комбригом И. П. Кривенченко обстоятельно побеседовали с теми, кому удалось вырваться из Добруша. Надо было выяснить, как и почему там произошли провалы, кого подозревают подпольщики в предательстве, с кем из людей, оставшихся в городе, можно установить связь. Беседуя с товарищами, мы все ясней понимали причины разгрома подполья: излишняя доверчивость, а то и просто болтливость некоторых подпольщиков, слабая дисциплина, а отсюда и пренебрежение конспирацией.

Надо было все начинать сначала.

Связным между командованием партизанской бригады и городским подпольем стал коммунист Дмитрий Сергеевич Цубриков. Руководителя подполья Никанора Степановича Куликова заменил Василий Ефремович Мочалов, который начал исподволь собирать уцелевшие от разгрома силы подпольщиков. Учительница Татьяна Алексеевна Скачкова привела к Мочалову своих коллег: Александру Родионовну Озеракину, Ксению Агафоновну Кособукину, Ольгу Михайловну Быховец, Федора Ильича Щербакова и Татьяну Михайловну Марикову.

В подпольную организацию влились Петр Павлович Артюхов, Мария Никитична Шевцова, Валентина Алексеевна Лихтарова, Софья Владимировна Анохина, Лидия Калиновская и вся семья лесника Василия Михайловича Москаленко. Примкнули к подполью работавшие переводчиками Григорий Васильевич Курсаков и Ядвига Шпилевская. А чтобы помогать Солодкову, прочно обосновавшемуся в добрушской полиции, туда поступил на работу комсомолец Николай Симоненко.

Трудно было переоценить ту помощь, которую оказывал подпольщикам Солодков своей «безупречной» работой в полиции. Завоевав полнейшее доверие гитлеровцев,

он стал начальником отдела кадров. Он собственной властью спас от гибели многих подпольщиков и постоянно сообщал руководителям подполья о готовящихся арестах, о паролях и о том, на какие объекты лучше всего направить удары партизан. По документам, заготовленным «господином начальником отдела кадров», в город могли беспрепятственно проникать наши люди.

Солодков устроил Колю Симоненко в музыкальную команду полиции. Добродушный и простоватый с виду, Коля не чурался «дружеских» выпивок, был щедр на угощение новых «приятелей» и даже познакомил со многими из них свою «невесту», комсомолку-подпольщицу Надю Гурину, с которой часто гулял по городским улицам. Горожане косились на подтянутого, вылощенного полицая и его красавицу невесту: никому и в голову не приходило, что на таких «прогулках» отважные подпольщики высматривают, где у гитлеровцев размещены склады с боеприпасами и горючим, прикидывают, много ли в городе войск.

В городе действовала группа подпольщиков, которую возглавлял бывший работник райкома комсомола Алексей Третьяков. В эту группу вошли комсомольцы Саша Дударев, Вася Бобриков, Миша Зарецкий, Володя Глубенков, Коля Атрашкевич, Лена Гребень, Веня Митрофанов, Наташа Залесская, Анастасия Хомич, Наташа Малышева, Надя Гурина, Коля Симоненко и кандидат в члены партии Иван Иванович Курилин. Руководил ими Добрушский подпольный райком комсомола.

Главными объектами своих атак подпольщики избрали въезды в город, железнодорожную станцию и фабрику «Герой труда», в цехах которой фашисты наладили ремонт танков. Тут же, на территории фабрики, находился и склад боеприпасов. Устроившись на работу в мастерские, Иван Курилин изучил систему охраны этого важного объекта, подходы к нему, время смены ночных караулов. Он старался почаще попадаться на глаза солдатам охраны, даже завел знакомство с некоторыми из них. Немцы привыкли к простодушному парню, перестали обращать на него внимание. И однажды, когда возле склада с боеприпасами разгружались десять автомашин, мимо них случайно прошел этот самый русский рабочий... Больше трех часов рвались снаряды. От осколков погибли семеро фашистов, многие были ранены. Пожалуй, су-

матошнее всех метался среди пожарных и солдат охраны Иван Курилин, на виду у своих «приятелей» переживавший такое «несчастье».

Спустя несколько дней на дороге Добруш — Гомель взлетела на воздух автомашина с немецкими солдатами. Десять убитых, тринадцать раненых...

Не отказывались подпольщики и от расправы с теми, кто уже давно заработал петлю. Станционные рабочие жаловались на гитлеровца, руководившего восстановлением путей: он избивал людей, постоянно подслушивал разговоры и за малейшее неповиновение грозил расправиться, отправить в СД. За садистом было установлено наблюдение. Подстерегли его в пристанционном лесочке, куда он отправился с одной из своих многочисленных «фрейлейн»...

Федя Кухарев застрелил из нагана на одной из окраинных улиц слишком рьяного служаку из комендатуры, когда тот потребовал предъявить документы.

Саша Дударев и Коля Атрашкевич поймали зазевавшегося следователя из СД и повесили его на его же собственном брючном ремне.

Не сидели на месте и подпольщики, которые, спасаясь от расправы, вынуждены были уйти из Добруша к партизанам. Петр Безмен, Валя Брук, Ваня Козлов не раз просились в настоящее дело. Наконец подходящий случай представился: на территории бумажной фабрики гитлеровцы установили две турбины, питавшие электроэнергией все действующие предприятия и учреждения, и надо было во что бы то ни стало вывести их из строя. Мы с комбригом Кривенченко прикинули, что если диверсия удастся, то остановятся мастерские, литейный и картонный цехи, лесопильный завод, маслозавод, прекратится электропогрузка на железной дороге, перестанет выходить фашистская газетенка...

— Дело стоящее,— согласился комбриг,— от такого удара они не скоро оправятся. Но одним городским ребятам это едва ли будет под силу. Кого бы послать к ним на подмогу?

— Может, Безмена,— предложил я.— Давно просится он.

— Зови.

Началась подготовка. Петр Безмен и партизанский разведчик Валерий Клыпин подобрали подпольщиков,

отлично знающих Добруш. В группу вошли: Николай Горшунов, Иван Козлов, Николай Рабенок, Владимир Иванов и Яков Чунихин. Трое из них — Безмен, Клыпин и Горшунов — должны были ночью пробраться к турбинам и подложить взрывчатку, а остальные в случае опасности прикрывать их отход.

Пригодилась и «дружба» Ивана Курилина с солдатами охраны.

— Нельзя ли перекрыть вентиль центрального водопровода? — спросил я у него.

— Перекрыть? — Иван задумался.— Перекрыть можно, но знающий человек сразу поймет, в чем дело. Вот если бы взорвать...

Курилин ни о чем не стал расспрашивать меня (у подпольщиков это не принято). Он, конечно, догадался, что намечается какая-то крупная диверсия, и, как всегда, готов был принять в ней участие.

— Нет, взрывать не надо. Ты сегодня же перекроешь водопровод и уйдешь с фабрики. Постарайся сделать это незаметно: очевидно, ночью там будет облава.

Мы пожали друг другу руки и разошлись. Операция началась.

К ночи группа Петра Безмена уже была в городе. Под прикрытием тумана, поднявшегося над Ипутью, подпольщики нащупали заранее подготовленный лаз в заборе. Бесшумно отодвинув доски, трое проникли во двор и босиком пошли к турбинному цеху. Остальные притаились в темноте. Прошло пять минут, десять... Наконец ушедшие возвратились.

— Отходи,— шепнул Безмен.

Они были уже за фабричным забором, когда грохнул взрыв. Над турбинным цехом взметнулось пламя, но пожарные напрасно метались от колонки к колонке: в водопроводе не оказалось ни капли воды...

Чуть ли не всю ночь охрана вела «бой» с прорвавшимися на фабрику «партизанами».

Днем в лагерь бригады пришел Иван Курилин. Откровенно завидуя боевой удаче товарищей, он доложил:

— Две турбины, одна мощностью в восемьсот, другая в пятьсот киловатт, приказали долго жить. Танкоремонтные мастерские, литейный и картонный цехи сгорели во время пожара. Лесопильный завод, городская мельница, маслозавод, электропогрузчик на станции, типо-

графия и радиоузел не работают. Все немецкие учреждения остались без света.

Опасаясь новых диверсий, немцы усилили охрану мастерских, чуть ли не на каждом шагу проверяли пропуска, с головы до ног ощупывали рабочих. В город ввели еще одну воинскую часть.

А нас в эти дни заботило свое: как бы вывести из строя сохранившийся паровой котел. Посылать в мастерские вторую диверсионную группу было слишком рискованно. Может быть, взорвать котел через топку? Но как к ней подобраться? Придумал, как это осуществить, молодой подпольщик Коля Атрашкевич. Торф для котельной топки привозили в мастерские на грузовом автомобиле. И однажды в нем оказался кусок, не по виду, а по весу отличавшийся от остальных,— толовая шашка с запалом. Коля рассчитал верно: не станет кочегар присматриваться к каждому куску торфа, а тем более взвешивать его. Подхватит, сколько влезет, на лопату — и в топку...

Взрыв на этот раз получился негромкий, его и слышно-то не было за пределами бумажной фабрики. Но когда наступил вечер, мы поняли: сработал «подарочек», во всем городе — ни одного электрического огонька!

В конце июля Коля Симоненко — наш «полицай» из музыкальной команды — прислал тревожную весть: в городе и во всем Добрушском районе готовится облава на молодежь. Даже день установили: воскресенье. Мы еще не знали тогда, что охранные войска получили приказ хватать молодых мужчин и одиноких работоспособных женщин для угона в гитлеровскую Германию.

Варя Вырвич через связных райкома комсомола успела предупредить некоторых знакомых ребят. Но только некоторых... Остальных ждала горькая участь... И вот один из подпольщиков, Николай Ковалев, еще до рассвета успел побывать у городского клуба, куда должны были сгонять пленников. Когда же наутро к подъезду подкатила машина с офицерами, ответственными за «мобилизацию» молодежи, под ней взорвалась противотанковая мина. В городе поднялась такая паника, что оккупанты и думать забыли о «мобилизации», а предупрежденные подпольщиками парни и девчата успели разбежаться по лесам и дальним деревням.

Захватив Гомель, гитлеровцы стали приспосабливать

для своих нужд уцелевшие фабрики и заводы. Комендант города полковник фон Кайзенберг немедленно направил своих представителей на электростанцию, на паровозоремонтный завод, на Гомсельмаш и другие предприятия, обязав их любыми средствами вернуть к станкам рабочих и специалистов. В ход пошло все: подкуп, запугивание, вербовка доносчиков и шпионов.

Но в Гомеле уже действовало подполье, которым руководили люди, оставленные городским комитетом партии. Одним из руководителей был коммунист Тимофей Бородин, создавший боевую группу на городской электростанции. В нее вошли комсомольцы Иван Шилов, Вера Андреенко, Полина Чистякова, Галя Федоренко. Сначала комсомольцы собирались в доме № 153 по улице Бочкина и, слушая по слабенькому радиоприемнику передачи Совинформбюро, только мечтали о том, как бы самим включиться в борьбу с ненавистным врагом.

Но вот, когда электростанция заработала на полную мощность, к ним пришел коммунист Тимофей Бородин и прямо сказал, что электростанцию надо вывести из строя. Нужно было хорошенько продумать и обсудить план взрыва, а потом действовать, действовать немедленно и наверняка. Подпольная группа собралась в доме № 14 по улице Комиссарова. Пришли все, кроме одного, а этот один, давно уже запродавший свою честь и совесть шефу электростанции майору Верману, привел эсэсовцев...

Спастись не удалось никому. Их допрашивали и пытали следователь СД зондерфюрер Крамер и сам гестаповский шеф гауптштурмфюрер Шульц, но добиться ничего не смогли.

Напуганные неслыханным мужеством и стойкостью подпольщиков, фашисты еще больше усилили охрану электростанции, снабжавшей энергией все предприятия города.

Не случайно в планах подпольщиков эта электростанция занимала первое место. Командир бригады И. П. Кривенченко чуть ли не каждый день наседал на нас — чекистов:

— Думайте, товарищи, это по вашей части. Смогли же в Добруше электростанцию взорвать...

Но одно дело в Добруше и иное — здесь: подпольщики ослаблены, охраны на объекте круглые сутки полным-полно. Шеф — гестаповец Верман, как нам удалось уста-

новить, перед каждой сменой торчит в проходной и самолично проверяет, как охранники обыскивают входящих рабочих... И все же мы продолжали искать решение казавшейся неразрешимой задачи. С этой целью в условленном месте мы часто встречались с подпольщиками. И вот однажды, возвращаясь с Кривенченко после одной из таких встреч на временную базу, мы наткнулись в сосняке на какого-то старика и четырех молодых парней в немецкой военной форме. Встреча произошла настолько неожиданно, что парни растерялись и по первому нашему окрику подняли руки, а старик бросился к нам:

— Ратуйте, люди добрые, от этих немчуков: вторые сутки по лесу водят, требуют, чтобы я показал, где партизаны.

«Немчуки» молча слушали жалобы старика, не спуская с нас глаз.

— Разрешите обратиться? — сказал один из них, вытянув руки по швам.— Старшина Красной Армии Шибаронин.

Мы не стали с ними разговаривать, а под конвоем повели всех на базу: под видом бывших советских военнослужащих гитлеровцы уже не раз подсылали к нам своих агентов.

Допрашивали мы задержанных вместе с комбригом Кривенченко, каждого отдельно, чтобы они не смогли сговориться, как отвечать на вопросы. Тот, что назвался старшиной, отвечал коротко: «Шибаронин Павел Кузьмич, уроженец деревни Озерино Ульяновского района Орловской области. Перед самой войной вступил кандидатом в члены партии. В бою был ранен и в бессознательном состоянии взят в плен. В лагере военнопленных дал согласие служить в воинском подразделении, которое фашисты сформировали из бывших советских военнослужащих. Надеялся при первом же удобном случае перейти к партизанам».

Второго, который назвал себя Василием Петровичем Бондаренко, комсомольцем, кадровым старшим сержантом Красной Армии, постигла та же судьба.

На словах все как будто правдоподобно: люди хотели жить, чтобы продолжать борьбу с врагом, и только ради этого, покривив душой, согласились пойти на службу к фашистам. А дождались подходящего случая — и вот ищут партизан.

Но не обработали ли их предварительно гауптштурмфюрер Шульц или доктор Цинт?..

Долго гадали мы с Иваном Павловичем, как поступить с четверкой пленников, и наконец решили перевести их в лагерь бригады под Добрушем. А там посмотрим. В лагере я продолжал расспрашивать всех четверых, особенно Шибаронина и Бондаренко, о Гомеле, о расположении немецких учреждений, о порядках в охранных формированиях и о работе восстановленных немцами предприятий, сопоставляя их показания с поступившими от гомельских подпольщиков и разведчиков сведениями. Задавал и каверзные вопросы. Необходимо было тщательно проверить пришедших к нам людей. Для окончательной проверки оставалось еще одно средство: предложить им опасное дело.

Задание выбрали сложное: вернуться в Гомель, установить связь с бывшими сослуживцами из 221-й охранной дивизии и с их помощью подготовить взрыв электростанции.

— Лучше всего устроиться в подвале разрушенного дома, недалеко от электростанции,— посоветовали мы.— Днем не показывайтесь, действуйте ночью — для этого пригодятся и немецкая форма, и ваши документы. Все, что нужно, в том числе и продукты, в подвал будет приносить наш человек. Он и скажет, что делать дальше, как и когда.

Через несколько дней по подпольной цепочке поступили сведения, что Шибаронин и Бондаренко живут в подвале. Стали поступать вести и от них: они сообщили, что связались с солдатами охранной роты Андреем Доценко и Василием Пузиковым, которые согласились выполнить любое задание.

Наступила пора готовить диверсию.

Наши разведчицы Наташа Малышева и Надя Гурина доставили в Новобелицу, хозяйке нашей конспиративной квартиры Анне Справцевой, десять килограммов тола и взрыватель с бикфордовым шнуром, а в это время Шибаронин сообщил, что их четверке удалось изучить всю систему охраны электростанции, проделать в заборе замаскированный лаз и каждый вечер узнавать пароль, который начальник охраны устанавливает для ночного времени.

Анну Справцеву предупредили, чтобы ждала «гостей»... И вот однажды к ее домику средь бела дня подкатили на велосипедах двое солдат из охраны и бесцеремонно забарабанили в дверь.

— Здесь живет Анна Справцева?

— Я...— Анна чуть не умерла от страха.

— Успокойтесь, хозяйка. Привет вам от дяди Коли.

Отклик на пароль вырвался сам собой:

— А где вы его видели?

— Приходил вчера к нам и просил купить яиц,— сказал солдат вторую часть пароля и протянул руку: — Разрешите представиться — Андрей Доценко, а это мой товарищ Вася Пузиков. Все готово?

Сверток, перевязанный тесемкой, они прикрепили к багажнику и, распрощавшись с хозяйкой, покатили по дороге к Гомелю. На мосту через Сож их даже не остановили: стерегли мост от партизан, а эти велосипедисты — солдаты из охранной роты. Благополучно проехали по всему городу, старательно козыряя встречным немецким офицерам, и, добравшись до разрушенных домов в районе электростанции, спрятали пакет в одном из них. Вечером взрывчатка уже была в подвале у Шибаронина и Бондаренко.

В ночь на 13 августа Шибаронин и Бондаренко пробрались через лаз в заборе на территорию электростанции. Оба были в немецкой форме, знали пароль, установленный на эту ночь, и все же двигались медленно, осторожно, то и дело замирая за каким-нибудь штабелем торфа... Никто не повстречался им, никто не окликнул... Подпольщики рассчитали время по минутам и двигались так, чтобы не наткнуться на патруль. Наконец добрались до турбинного отделения. Шибаронин приоткрыл входную дверь и отшатнулся, увидев четырех рабочих и автоматчика. Откуда здесь немец, что ему надо? Дождавшись, когда он выйдет, Шибаронин распахнул дверь:

— Встать! Руки вверх! Станция окружена партизанами: кто пошевельнется, стреляю без предупреждения!

Бондаренко тем временем затолкал сверток с толом под турбины, вставил взрыватель, поднес спичку к бикфордову шнуру.

— Готово! — негромко предупредил он товарища.

Шибаронин попятился к двери:

— Разбегайтесь! Сейчас все взлетит к чертям свинячьим.

Рабочие бросились вон, а следом за ними выскочили и наши ребята. Едва добежали до лаза, как сзади рванул оглушительный взрыв. Сразу стало темно, погасли все огни, и тут же поднялась паническая пальба из винтовок и автоматов. Но смельчаки были уже далеко. Петляя по улицам и переулкам, они добрались до реки, где, как было заранее условлено, их ожидали с лодкой. Переправились на противоположный берег и, не мешкая, зашагали к Шабринскому лесу, в деревню Ларищево, чтобы передохнуть там. Казалось, больше ничто им не угрожало. Однако днем, когда хлопцы стали переправляться через реку Ипуть, их заметили с участка лесоразработок и открыли огонь.

Бондаренко слышал, как вскрикнул плывший за ним Шибаронин. Оглянулся — круги расходятся по воде...

В тот же день конный нарочный увез донесение Бондаренко комбригу Кривенченко. Но Иван Павлович еще раньше догадался о том, что произошло в Гомеле,— разведчики принесли ему издававшуюся на русском языке газетенку «Новый путь», обе внутренние полосы которой оказались совершенно чистыми.

— Все в порядке,— рассмеялся комбриг,— городская электростанция приказала долго жить!

А в это время в Гомеле шли допросы. Вызывали дежурного монтера, кочегара, инженера ночной смены, пожарных. Все они в один голос твердили о том, что диверсию совершили два каких-то немецких офицера: неожиданно ворвавшись в машинное отделение, угрожая оружием, поставили людей к стене и, подложив пакет со взрывчаткой под генератор, скрылись. Показания эти не смогли опровергнуть и опытные гестаповцы, нагрянувшие утром: собаки, повизгивая, метались по двору, не зная, какой след брать. Солдаты же охраны, боясь расправы и, быть может, заранее сговорившись, клялись всеми святыми, будто ночью к проходной подъехала легковая автомашина, из которой вышли и предъявили пропуска два неизвестных офицера. Их, конечно, пришлось пропустить на территорию станции, тем более что господа офицеры назвали пароль, установленный на эту ночь. А зачем они приехали, что делали на станции — откуда солдатам знать!

Через гомельскую телефонную станцию Берлин связывался с частями, действовавшими на Брянском направлении. Надо ли говорить, с какой бдительностью охранялся этот объект. Нам никак не удавалось забросить туда своих людей.

Надежда на удачу появилась в тот день, когда нам стало известно, что немцы создали в Гомеле специальную школу по подготовке связистов из местной молодежи. За школой мы тотчас установили тщательное наблюдение, и вскоре одного из курсантов, Василия Василькова, задержали в деревне Саньково, когда он приехал к своей двоюродной сестре Татьяне Гуцевой.

Васильков рассказал, как поступил в школу.

— Значит, решил стать холуем? — спросили мы.

— И вовсе нет! — вспыхнул Васильков.— Думаете, я один пошел в их школу? Сколько ребят насильно позагоняли! А не пойдешь, так или в Германию увезут, или здесь... сами знаете, что будет!

Да, мы это знали. И все же я задал ему неизбежный вопрос:

— А как же другие? Ведь не все служат фашистам.

Васильков вскинул на меня взгляд:

— Для этого и приехал, может, кто с партизанами сведет.

По всему чувствовалось, что парнишка не врет.

— Не обязательно быть партизаном и жить в лесу,— продолжали мы.

— А как же иначе?

— Можно и в городе жить. И даже работать у них. Кстати, расскажи-ка поподробней, что это за школа, чему вас учат, что курсанты делают, кем вы станете, когда закончите учебу.

Васильков начал рассказывать очень охотно и подробно, стараясь не упускать даже мелочей. Курсанты, в большинстве своем молодые парни, живут при школе. Их обучают прокладывать подземные телефонные кабели, ремонтировать аппаратуру и техническое оборудование станции. Им же приходится восстанавливать связь, поврежденную во время бомбежек. Правда, на станцию гитлеровцы допускают только тех курсантов, к которым успели приглядеться.

— Есть у тебя знакомые среди таких ребят, которым ты веришь?

— Есть два-три человека,— кивнул Васильков.

— А как ты думаешь, сколько понадобилось бы партизан, чтобы взорвать станцию?

— Много! — парнишка даже руками развел от удивления.— Знаете, как ее охраняют?! Пока всю охрану не перебьешь, к коммутаторам не подступишься, не прорвешься.

— Нет, Вася, от такого сражения толку не будет: в Гомеле фашистов много. А вот два-три человека, действуя осторожно и с умом, и станцию могут уничтожить, и сами останутся живы. Хочешь попробовать?

Так в школе связи появилась подпольная ячейка. Вася быстро нашел общий язык со своим школьным дружком Митей Михальковым. К ним присоединились двое курсантов из специальной обслуживавшей команды. Сейчас я уже не помню их фамилий, но знаю, что Иван был с Орловщины, а Николай — уроженец Гомеля.

По нашему совету Васильков поручил Ивану незаметно обследовать подходы к месту ввода подземного кабеля и составить план расположения телефонной аппаратуры. Через несколько дней план был готов: четыре коммутатора, а под ними, у самой земли,— ниша в стене, из которой выходил основной кабель. Именно здесь и следовало заложить взрывчатку, но как ее пронести, как подобраться к самой нише? Чтобы сделать это, нужно спуститься в подвал, пройти по длинному коридору, в конце которого находится комната, расположенная под коммутаторным залом. В этой комнате есть полуметровая ниша, в которую введен кабель. Из нее он тянется наверх, к распределительному щиту, а от щита разветвляется дальше. Может быть, здесь и заложить мину?.. Взрывчатку, на этот особый случай, мы выделили, но взрывателя с замедлением на двенадцать часов не нашлось. А как раз такой взрыватель и был нужен: если поставить его в пять вечера, когда на станции кончается работа, взрыв произойдет в пять часов утра. А в это время в коммутаторном зале, как выяснил Иван, дежурят немецкие связисты.

Вместе с моим адъютантом Василием Исаевым мы принялись мудрить над взрывателями с трехсуточным замедлением. Выбросив сопротивление, вставили вместо него перемычки из медной проволоки разного сечения и разной длины, добиваясь нужного результата. Первый

«взрыв» произошел через двадцать часов, второй — через шестнадцать, наконец, третий, как и было задумано,— ровно через двенадцать. Удача! Я показал Васе Василькову, как надо закладывать тол и готовить взрыватель к действию.

— Ошибки быть не должно,— строго предупредил я,— второй раз к станции никто подобраться не сможет.

Сестра Василькова, Таня Гуцева, к этому времени стала жить в Добруше. К ней наши связные перенесли десять килограммов тола. Переправили и взрыватель. А в следующее воскресенье, опять отпросившись у начальника школы Мочака в краткосрочный отпуск к «заболевшей» сестре, Васильков благополучно перевез тол и взрыватель в Гомель и спрятал недалеко от телефонной станции.

Приближался решающий день. Удастся диверсия или нет? Слишком многое зависело от непредвиденных случайностей!

Мысленно представил себе, как Иван, успевший примелькаться охранникам, несет в карманах взрывчатку. Сколько раз ему надо будет пройти через проходную, пока перенесет все десять килограммов!

Думал о Николае, который должен вертеться на станционном дворе, поблизости от коммутаторного зала, чтобы в случае опасности отвлечь внимание на себя, о Мите: затаившись в прилегающих к станции развалинах, он прикроет отход ребят, если фашисты бросятся за ними в погоню, и о Васе — он старший в группе и отвечает за все...

На деле все оказалось гораздо сложнее, чем представлялось нам в те напряженные часы. Двенадцать «рейсов» сделал Иван мимо охранников, прежде чем перенес весь тол и уложил его в нишу. Немцы дважды останавливали его — одному понадобилась спичка, другой спросил, который час. Когда и тол и взрыватель оказались на месте, Вася решил проверить, хорошо ли подготовлена мина. Вопреки запрету, он все же пробрался на станцию, проскользнул в подвал и убедился, что Иван отлично справился со своей задачей.

К вечеру ребята как ни в чем не бывало вернулись в казарму. Вася не спал... Не могли уснуть и его друзья... Время тянулось томительно медленно... Вот и рассвет

начал брезжить за окнами, небо поголубело. Стрелка подошла к пяти часам, а взрыва все нет.

Что же случилось? Неужели провал?!

Вася подошел к Николаю:

— Надо проверить. Сможешь?

— Попытаюсь.

Васильков знал, какой опасности подвергает товарища. Если мину обнаружили, то подпольщиков наверняка подстерегают. Если же мина на месте, то она может взорваться в ту минуту, когда он подойдет. Но другого выхода не было.

Часа через полтора Николай подошел к Василькову.

— Все на месте. Видно, взрыватель не сработал.

— Постараюсь достать другой...

Таня пришла на встречу со мной расстроенная.

— Не взорвалась... Вася говорит, нужен новый взрыватель.

Было очень досадно. Столько мудрили, ломали голову над миной, ребята рисковали... Передали новый взрыватель.

Через некоторое время начали поступать донесения от наших людей из Добруша, Ветки, Новозыбкова: телефонной связи с Гомелем нет. Потом стали известны подробности. Около шести часов утра одиннадцатого сентября на телефонной станции произошел взрыв. Гомельский узел связи вышел из строя. А наши ребята исчезли из города — ушли сначала в Шабринский лес, а позднее перебрались в расположение нашей бригады.

Василий Бондаренко, заслуживший наше доверие после взрыва электростанции, стал партизаном.

Через несколько дней Бондаренко с пятью ребятами ушел в Гомель. В Шабринском лесу, где река Ипуть впадает в Сож, чекист лейтенант Иван Кошечкин по указанию командования бригады создал временную базу, где хранились продукты, взрывчатка и куда должны были приходить люди, направляемые Бондаренко. Он в это время уже успел связаться с участвовавшим во взрыве гомельской электростанции Андреем Доценко, а через него с некоторыми другими солдатами охранной роты. Вскоре на квартире у Софьи Зубрицкой, жившей на Рабочей улице в доме № 18, состоялась его первая встреча

с солдатами Олифиренко, Леуськовым и Бородкиным. В городе начала действовать еще одна диверсионная группа. Первым объектом был склад горючего, который находился возле Полесского переезда. Во время ночного дежурства Олифиренко, Леуськов и Бородкин установили в хранилищах мины замедленного действия.

Пожар уничтожил 203 бочки с бензином. 13 сентября лейтенант Кошечкин, Бондаренко, Олифиренко, Леуськов и Бородкин, переодевшись в немецкую форму, проникли в помещение гомельского радиоузла и вместе с радиотехником Ромашковым взорвали и подожгли его. 14 сентября сгорел склад гомельской хозяйственной комендатуры. 15 сентября с грохотом рухнула казарма, размещавшаяся в здании довоенной типографии. А на следующий день Василий Бондаренко отправился в Новобелицу для осуществления диверсии на складе боеприпасов. На разгрузке снарядов там были заняты советские военнопленные. Бондаренко связался с Чифеевым и Однoблюдовым. Времени на долгие разговоры не было. Он предложил им нечто вроде ультиматума:

— Хотите уйти к партизанам — взорвите склад.

Они засунули полученные от Бондаренко мины в штабель снарядов и сбежали в Шабринский лес. Гитлеровцы недосчитались в тот день 4 тысяч снарядов, 3 тысяч противотанковых мин и 25 тысяч ручных гранат.

Ряды подпольщиков росли с каждым днем. Все новые и новые советские военнопленные, завербованные фашистами в свои охранные отряды, становились бойцами невидимого фронта. Вместе с Кошечкиным и Бондаренко сражались теперь Ватагин и Богдаценко, Лещев и Кабанов, Осипов и Сорокин. Им помогали отважные подпольщицы Надежда Григорьевна Акулич-Кокотно, ее мать Акулич Юлия Адамовна, Василевская Анфиса Донатовна и многие, многие другие.

19 сентября были совершены сразу две диверсии: взлетели на воздух перекидной мост на шоссейной дороге Новобелица — Гомель и зенитная батарея в деревне Прудок, вместе с ней была уничтожена тысяча снарядов. 24 сентября сгорели два интендантских склада и десять запломбированных вагонов в Новобелице, в которых гитлеровцы отправляли награбленное добро.

Большой победой, одержанной нашими подпольщиками, было полное разложение так называемых «рус-

ских» воинских формирований, созданных гитлеровцами на Гомельщине. Из 221-й охранной дивизии к партизанам перешли с оружием более трехсот солдат, из местных лагерей подпольщики переправили в лес более трехсот военнопленных.

В это время с востока все отчетливее стали доноситься грозные залпы артиллерийских орудий...

В начале октября 1943 года гитлеровцы приступили к эвакуации из Добруша своих учреждений. В панике они разрушали и уничтожали все, что не могли захватить с собой. Как крысы на тонущем корабле, заметались предатели и холуи, служившие оккупантам.

Мы поспешно создали специальную группу для вылавливания предателей, в которую вошли Василий Мочалов, Петр Солодков и Федор Щербаков. Мы тщательно проинструктировали их и назвали тех, кого следовало схватить во что бы то ни стало.

Первыми были пойманы бургомистр Добрушского района Желдаков, его заместитель Амельченко и следователь СД Гансевский. Не удалось уйти от кары и начальнику брянской полиции Лукьянцеву, и абверовским агентам Елене Желдаковой, Василию Шмуляю, и другим.

На оккупированной территории Белоруссии моих товарищей, чекистов, действовало немало. С первых дней войны по воле партии им довелось стать организаторами невидимого фронта борьбы с захватчиками. Честно выполнили партийный и чекистский долг Ф. В. Лопачев, М. Г. Счастьев, М. И. Филимонов, Г. С. Хамурьян — на Гомельщине; И. А. Лебедев, С. А. Мазур, С. С. Сумченко, И. М. Стельмах — на Могилевщине; А. Е. Василевский, Е. Д. Горбачев — на Минщине; Г. Е. Петров, А. П. Шило — в Полесье и многие другие.

Более трехсот чекистов Белоруссии не вернулись домой, к своим семьям, они погибли в схватках с врагом в его тылу. Пусть мой скромный рассказ о бойцах невидимого фронта Гомельщины будет данью уважения тем, кто в суровые годы войны на оккупированной фашистами нашей земле, не щадя своей жизни, выполнял сыновний долг перед Родиной и народом.

★

В ПОЕДИНКЕ С ВРАГОМ

К. ФИРСАНОВ

В прифронтовом городе

В ночь на 22 июня, как только стало известно о нападении гитлеровцев на нашу страну, все работники управления были вызваны по тревоге. Война сразу же изменила ритм и содержание работы чекистов Орловщины. Наряду с основной задачей — обеспечением государственной безопасности необходимо было срочно развернуть местную противовоздушную оборону, возглавлять которую в соответствии с положением военного времени должен был начальник областного управления НКВД.

Восемнадцать вновь организованных батальонов ПВО встали на охрану Орла, Брянска, Мценска, Дятькова, Кром, Клинцов, Карачева и других городов и районов нашей области. Были подняты и тысячи местных формирований ПВО на предприятиях, в учреждениях, колхозах и совхозах.

Кроме того, война выдвинула целый ряд проблем, которые невозможно было полностью предусмотреть никакими заранее составленными инструкциями. Одной из самых острых проблем стала проблема эвакуации. Шоссейные дороги были так забиты людьми, что военные машины и техника с трудом могли передвигаться к фронту. Управление внутренних дел помогало создавать эвакопункты, чтобы как можно скорее перебросить беженцев в глубь страны.

Фашисты старались использовать потоки беженцев для переброски своей агентуры в советский тыл. Поэтому для выявления вражеских лазутчиков во все эвакопункты — в Орел, Брянск, Елец и в другие города — были посланы группы работников НКВД. Результаты принятых

мер сказались сразу же: то в одном месте, то в другом задерживали фашистских провокаторов.

Нам было известно, что фашистское командование рассчитывало на крестьянские мятежи и восстания в тылу советских войск. Гитлеровские органы разведки заранее готовили руководителей восстаний из белоэмигрантов и буржуазных националистов, которые стремились проникнуть в районы, где в первые годы Советской власти отмечались крестьянские волнения, спровоцированные кулаками и эсеровскими элементами.

В первые недели войны удалось изловить и разоблачить таких «руководителей» в Мглинском и Почепском районах. Характерно, что их поимке активно содействовали те самые крестьяне, которых они пытались поднять на мятеж против Советской власти. Фашисты явно просчитались. Только ослепленные классовой ненавистью, зараженные авантюризмом враги могли ожидать от советского крестьянства предательства. «Даже в самые мрачные дни фашистского разбоя, когда жить казалось невыносимо, мы не теряли веру в победу, не покорились врагу, не встали перед ним на колени...» — так писали в 1944 году в своем рапорте Председателю Государственного Комитета Обороны 527 349 колхозников и колхозниц области.

24 июня 1941 года было принято решение об организации в прифронтовых областях истребительных батальонов из местного населения. При нашем управлении сразу же был создан специальный штаб, и в короткий срок в каждом городе и районе области были сформированы такие батальоны. В них вступали тысячи советских граждан. Командирами таких батальонов в большинстве случаев были чекисты, комиссарами — работники горкомов и райкомов партии, преимущественно секретари райкомов. Батальоны в оперативном и административном отношении подчинялись органам НКВД.

В начале августа 1941 года враг вторгся в пределы Орловской области. Истребительные батальоны были переведены на казарменное положение и нередко использовались нами для разведки в прифронтовой зоне и за линией фронта. Так, например, группа бойцов Мценского истребительного батальона провела советские танки в тыл вражеских войск. Другая группа этого батальона, проникнув в тыл врага, разгромила обоз, захватила две

рации, привела три «языка» и без потерь вернулась к своим.

2 октября оперативно-чекистская группа, работавшая в зоне действующих армий фронта, донесла, что вражеские войска, прорвав линию Брянского фронта, беспрепятственно идут в направлении Орла через райцентр Кромы.

В Орле к этому времени создалась тяжелая обстановка. Большинство организаций и учреждений уже покинуло город. Пора было отходить и чекистам, но без приказа наркома мы этого сделать не могли. Чекисты заняли круговую оборону вокруг здания управления НКВД. По всем дорогам, по которым гитлеровцы могли ворваться в Орел, были посланы чекистские разведывательные группы. Во второй половине дня 3 октября фашистские танки появились на окраине города и начали обстрел центральных кварталов. Очередной снаряд разрушил здание телефонной станции управления. Связь с Москвой прервалась. Нужно было действовать самостоятельно. Мы вынуждены были покинуть Орел и обосноваться в Мценске, откуда наше управление могло вести разведку, наблюдая за противником в Орле и его окрестностях. Чекисты установили, что фашисты сосредоточили здесь крупные танковые соединения для нанесения флангового удара по нашим войскам. Получив эти данные, командарм Д. Д. Лелюшенко нанес внезапный удар по этой группировке врага.

По просьбе командующего ВВС Советской Армии П. Ф. Жигарева наши товарищи провели разведку в районе деревни Дубовая Роща Орловского района и обнаружили там большое количество войск и танков противника. После этого наша авиация подвергла бомбардировке этот пункт. В результате враг понес крупные потери в живой силе и технике.

В начале октября 1941 года Верховному Главнокомандованию потребовались точные сведения о положении войск Брянского фронта, попавших в окружение.

Для выполнения этой задачи мы создали группы во главе с опытными и смелыми оперативными работниками. Людей переодели в крестьянскую одежду, посадили на колхозных лошадей с подстилками вместо седел, за плечами котомки с хлебом и кое-каким бельишком. По легенде, они перегоняли скот из западных районов в

глубь страны. За Тулой они якобы бросили стадо, а сами решили вернуться домой, на территорию, занятую фашистами. В соответствии с этой легендой разведчиков снабдили предписаниями сельскохозяйственного управления. Они выполнили задание, совершили рейд по тылам вражеских войск, собрали данные и благополучно вернулись. Из их донесения стало ясно, что основные силы Брянского фронта прорвались с боями из окружения и выходят в район Белева, а некоторая часть направляется на Елец. В помощь нашим войскам, выходившим из окружения в районе Ельца, мы направили группы проводников.

Подобную помощь наши чекисты оказывали военному командованию все время, пока Орловщина была прифронтовой и фронтовой областью.

Хотя в Мценске наше управление находилось недолго, все же разведывательно-диверсионные чекистские группы провели ряд боевых операций в тылу противника.

Так, разведывательно-диверсионная группа чекистов А. Н. Нечаева и С. Д. Белохвостова 5 октября 1941 года на шоссе Мценск — Новосиль уничтожила вражеский танк. Она же 26 октября в районе Медведевского леса, под Орлом, подорвала несколько автомашин с гитлеровскими солдатами. На шоссе Мценск — Орел в октябре — ноябре 1941 года активно действовали боевые группы подрывников. Они устраивали засады, минировали шоссе и подорвали десятки вражеских автомашин, а также несколько танков.

Разведывательно-диверсионная группа А. С. Иконникова на участке Куракино — Змиевка пустила под откос эшелон с двадцатью вагонами, груженными боеприпасами.

Десятки чекистских групп на территории Мценского, Новосильского, Краснозоренского, Моховского районов области взрывали мосты, минировали дороги, уничтожали транспорт и живую силу врага. Наши люди действовали умело, бесстрашно и быстро. Они выбирали удобные паузы в движении, минировали дороги и мосты, а затем бесследно исчезали.

Когда фашисты заняли Мценск, управление перебралось в Елец. Туда к тому времени уже прибыли все областные партийные и советские организации. В этот момент мы установили, что между Орлом и Ельцом, так же

как и на большом отрезке фронта, нет совершенно наших войск и фашисты могут захватить Елец и крупный железнодорожный узел. В кабинете первого секретаря Орловского обкома ВКП(б) В. И. Бойцова состоялось краткое совещание. Было принято решение оборонять открытый участок фронта силами истребительных батальонов и чекистов нашего управления.

Елецкие и орловские истребительные батальоны быстро переформировали, в их состав были дополнительно включены партийные и советские активисты и чекисты, а затем их объединили в один отряд, численностью более 700 человек. Командиром отряда утвердили чекиста майора погранвойск Г. Г. Масанова, комиссаром — второго секретаря Орловского горкома партии Л. И. Семенихина. Все, что еще оставалось в качестве запасов в нашем управлении, пошло на снаряжение отряда. Он занял боевой рубеж по линии Новосиль — Богдановка — Глазуновка и организовал войсковую разведку.

Вскоре наши бойцы вступили в бой с передовыми разведывательными группами противника, преградив им путь на Елец. Перед фронтом отряда находился железнодорожный мост, который оказался в руках врага. Пока этот мост был у противника, нашей обороне угрожала опасность. Разведка установила, что гарнизон охраны моста невелик. Было решено сделать налет на охрану моста и взорвать его. Операция прошла блестяще. При первом серьезном натиске охрана бежала и сама взорвала мост. Отряд удерживал занятый им боевой рубеж больше двадцати дней — до прибытия войск Брянского фронта.

В годы войны шел непрерывный и очень напряженный поединок советской контрразведки с гитлеровской разведкой.

Орловские чекисты, опираясь на поддержку народа в прифронтовых районах и в глубоком советском тылу, обезвредили немало вражеских агентов и целых шпионских групп, заброшенных в разное время в прифронтовые районы области.

Зимой 1942 года войска НКВД по охране тыла фронта задержали пять человек, одетых в красноармейскую форму. Они имели полную экипировку фронтового бойца. Это их и подвело: патрульная служба войск по охране тыла заподозрила их в дезертирстве и задержала. Чеки-

сты обнаружили, что фляги и противогазные коробки «красноармейцев» наполнены взрывчаткой. В их снаряжение входил и механизм для проведения взрыва. Расследование установило, что эта группа предателей была переброшена по воздуху в наш прифронтовой тыл для диверсий на железнодорожных участках Елец — Красное, Елец — Верховье, питающих фронт всем необходимым.

Нередко агенты, завербованные фашистской разведкой на оккупированной территории и засланные в наш тыл со шпионско-диверсионными целями, являлись в органы госбезопасности с повинной и помогали потом выявлять других вражеских лазутчиков.

Вспоминается такой случай. Было это летом 1942 года. Мне позвонила председатель одного из колхозов Елецкого района.

— Понимаете, товарищ начальник,— торопливо, с некоторым испугом говорила женщина,— заявился ко мне ни свет ни заря. Кладет на стол гранаты и пистолет, а сам требует: звони, говорит, быстрее в НКВД — я немецкий шпион. Пусть приедут и заберут.

— Где он сейчас? — спросил я.

— Где ему быть? У меня в правлении сидит. Дожидается.

— Оружие его где?

— Оружия особенного при нем не было, только пистолет и гранаты. Я их в ящик стола спрятала. Только вот беда: ящик-то у меня не запирается.

— Сейчас к вам приедут,— успокоил я женщину.— Не отпускайте его. На всякий случай скажите ему, что мы его давно ждем.

В колхоз срочно выехала чекистская группа. В правлении ее ожидал человек в форме сержанта Советской Армии. Немного волнуясь, но стараясь казаться спокойным, человек этот рассказал, что, попав еще зимой в плен, он, не выдержав побоев и угрозы смерти, согласился работать на фашистов. После окончания специальной школы в Смоленске он был вместе со своим напарником-радистом сброшен на парашюте в наш тыл. Не желая быть предателем, он постарался спуститься подальше от того места, где должен был приземлиться его напарник с рацией, спрятал парашют в стог сена, а сам явился с повинной.

— Как вы думаете, где сейчас радист? — спросили его.

— Должен ждать в условленном месте.

«Сержант» описал приметы своего напарника, указал место, где была назначена встреча, а через несколько часов радист был пойман и вместе с рацией и шифром доставлен в управление НКВД.

Оказалось, что он еще не выходил в эфир. И вообще, у него тоже не было никакого желания работать на тех, кто послал его шпионить.

Возникла ситуация, при которой можно было провести неплохую «радиоигру» и хорошо поводить за нос противника. Кстати, командование Брянского фронта готовило в это время боевую операцию в районе Верховья. Нужно было ввести противника в заблуждение и скрыть от него место концентрации советских частей. За выполнение этой задачи взялись чекисты вместе с командованием фронта.

Оба парашютиста охотно согласились участвовать в «радиоигре». В условленное время радист настраивал свой передатчик и посылал своим бывшим хозяевам «ценнейшие» сведения. Он сообщал им о концентрации воинских частей и техники в районе Новосиля. Получая такие данные, офицеры немецко-фашистской разведки потирали руки, радовались, что наконец-то удалось послать в советский тыл пронырливых и умелых шпионов. Зато прибавилось работы у офицеров разведотдела Брянского фронта, сочинявших эти «шпионские» сведения: ведь их нужно было составить таким образом, чтобы враги им верили. В подтверждение этой «информации» командование фронта имитировало отправку в район мнимой концентрации ударных частей воинских эшелонов и устройство там артиллерийских и иных огневых позиций. Фашистская воздушная разведка не замедлила заметить передвижение войск и начала целыми днями кружить над районом «сосредоточения» войск. Наконец мы дождались того, чего хотели: фашистское командование начало стягивать свои войска в желаемом для нас направлении. Через некоторое время противник обрушил на наши «позиции» шквал артиллерийского огня и бомбовых ударов с воздуха. От фанерных батарей и танков летели одни щепки. В это время части Брянского фронта успешно выполнили боевую задачу в районе Верховья.

Так проводимые чекистами мероприятия помогали советским войскам громить врага в выгодных для них условиях.

Орловские чекисты провели большую работу по обеспечению безопасности тыла. В прифронтовых районах нашей области не было ни одного крушения войсковых эшелонов от рук диверсантов, ни одного террористического акта против командиров Советской Армии, партийных и советских деятелей. Все это говорит о высокой бдительности советских людей, мужестве и хорошей специальной подготовке наших чекистов, а также о тесной связи органов госбезопасности с народом.

Лесными тропами

В период оккупации Орловская область стала ареной массового партизанского движения. К моменту освобождения области от немецко-фашистских оккупантов на ее территории партизанскую войну против захватчиков вели 139 партизанских отрядов, объединенных в 27 партизанских бригад, общей численностью свыше 60 тысяч человек. Наиболее мощные силы партизан действовали в Брянских и Клетнянских лесах. Далеко за пределами страны известны подвиги Сещинского подполья. Подобно краснодонским молодогвардейцам мужественную борьбу вели людиновские молодые подпольщики, во главе которых стоял ученик средней школы, сын потомственного рабочего Алексей Шумавцов. Активную борьбу вели подпольщики Орла, Брянска, Комаричей, Навли, Севска.

Столь мощная партизанская борьба с врагом в его тылу развертывалась не стихийно. Ее организовала областная партийная организация. В соответствии с директивой Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года Орловский обком партии обязал горкомы, райкомы партии немедленно приступить к организации партизанских отрядов, разведывательно-подрывных групп и партизанского подполья.

Активную практическую работу по формированию партизанских отрядов, их вооружению и оперативному руководству их боевой деятельностью под руководством обкома партии вели орловские чекисты. Для этой цели в управлении НКВД был создан специальный отдел, в со-

став которого вошел ранее организованный штаб истребительных батальонов. В этот отдел мы направили опытных чекистов: В. А. Черкасова, И. Д. Сидорова, Г. М. Брянцева, И. Я. Прудникова, В. А. Засухина, М. А. Забельского, С. А. Недосекина, Б. И. Крюченкова, С. С. Богачева и других.

В районе действующих армий нами были созданы оперативно-чекистские группы, перед которыми была поставлена задача установить связь с военным командованием для переброски через линию фронта в партизанские отряды разведывательно-подрывных групп и связников. Переброшенные в тыл противника отряды и разведгруппы сообщали ценные сведения.

В августе 1941 года через линию фронта на короткий срок была переброшена разведывательно-подрывная группа численностью в двадцать человек во главе с опытным чекистом и старым членом партии А. Ю. Эглитом. Она вырезала кабельную линию связи противника, взорвала несколько автомашин с оккупантами. При этом уничтожила трех офицеров и двенадцать солдат. У офицеров были изъяты ценные для советского командования документы. Имела потери и группа: в одной из этих операций погиб командир группы коммунист А. Ю. Эглит. Доставленные его товарищами материалы были высоко оценены нашим военным командованием и органами разведки.

В том же месяце секретарем Брянского горкома партии Д. Е. Кравцовым и начальником горотдела НКВД В. И. Суровягиным был сформирован Брянский городской партизанский отряд. В сентябре 1941 года отряд в полном составе перешел линию фронта и приступил к боевой деятельности в тылу врага. Под командованием Кравцова этот отряд вскоре стал грозой фашистов и их прихвостней. Особенно хорошо была налажена в нем разведка. Этот отряд, до конца боевых действий носивший имя своего первого командира, уничтожил тысячи оккупантов, пустил под откос 47 эшелонов с живой силой и техникой врага, разгромил 17 немецких гарнизонов, взорвал 47 мостов.

В тыл врага забрасывались сотни чекистских групп для выполнения конкретных задач разведывательно-подрывного характера. Отдельные группы забрасывались за линию фронта по нескольку раз.

Так, например, успешно выполнила задание чекистская группа, возглавляемая оперуполномоченным Карачевского горотдела НКВД Г. К. Синякиным: она пустила под откос два вражеских эшелона с живой силой противника на участке железной дороги Хотынец — Одринская и благополучно возвратилась обратно.

Весной 1942 года наше управление стало получать разноречивые данные о положении дел в оккупированном Орле. Недостаток сведений из Орла объяснялся тем, что со стабилизацией фронта и установлением фашистами кровавого режима путь связников через линию фронта стал очень трудным. Между тем областной комитет партии интересовался политическим и экономическим положением в оккупированном городе. Назрела настоятельная необходимость послать туда разведчиков-чекистов. В Орел были направлены два опытных оперативных работника — П. Г. Алексахин и И. М. Воробьев. Оба они хорошо владели методами разведки и конспирации. Перед ними была поставлена следующая задача: ознакомиться с обстановкой в городе, найти возможность встретиться с оставленными нами в Орле людьми, собрать данные о деятельности патриотического подполья, установить связь с подпольщиками и ориентировать их на более активную борьбу.

В ночь с 11 на 12 июня 1942 года чекисты сели в самолет, который доставил их во вражеский тыл. Прыжок с парашютом, и вот уже навлинские партизаны горячо приветствуют посланцев Большой земли. Во время войны прямой путь не всегда самый безопасный. Чекистам пришлось совершить большой переход: они шли по лесам Суземского, Брасовского, Комаричского районов и лишь из Михайловского района Курской области взяли курс на Кромы, а затем на Орел.

Михайловский район менее других пострадал от фашистских грабителей, и жители Орла приходили сюда обменивать на хлеб свои личные вещи. Смешавшись с толпой возвращавшихся в Орел горожан и едущих в город на базар крестьян, 5 июля чекисты вошли в оккупированный фашистами Орел.

В Орле они связались с подпольщиками, оставленными для работы в городе,— М. Н. Волковой, Е. А. Никитиной, В. Золотаревым и другими. С их помощью удалось установить количество воинских частей, расквартирован-

ных в городе, и местонахождение штабов; места расположения оборонительных сооружений, возведенных немцами в городе и его окрестностях, расположение складов и бензохранилищ, а также систему противовоздушной обороны. Им удалось получить сведения о работе железнодорожного узла и промышленных предприятий города, об условиях, в каких живет городское население. Разведчики узнали, что представляет собой созданное оккупантами «самоуправление» города, установили имена предателей и многое другое.

Проинструктировав оставшихся в подполье патриотов и организовав новую систему связи, Алексахин и Воробьев 8 июля покинули Орел. В заплечных мешках чекистов лежали отрезы мануфактуры и одежда, которые они якобы шли обменивать на хлеб.

Обратный путь был не столь удачным. Под деревней Голышино чекисты наткнулись на засаду и, отстреливаясь, ушли в глубь леса. Только 2 августа вышли они в расположение отрядов Емлютина, и в ночь на 9 августа их взял наш самолет и доставил на Большую землю.

Оба чекиста были награждены медалью «За отвагу».

В результате прорыва врагом фронта в районах южного массива Брянского леса осталось большое количество коммунистов, комсомольцев, советских работников и военнослужащих. Их нужно было организовать в партизанские отряды. Для этой цели в тылу врага оставлялись специальные чекистские группы. Всего на захваченной противником территории было оставлено 235 сотрудников Орловского управления НКВД.

В ходе партизанской борьбы через линию фронта было переброшено еще 60 чекистов. Многие чекисты были утверждены командирами и комиссарами отрядов: Н. М. Септюрин, В. И. Золотухин, П. М. Мартынов, С. Т. Денисов, Д. Л. Бездеркин, А. В. Савкин.

В работе по развертыванию партизанского движения особенно отличалась оперативная группа Д. В. Емлютина, бывшего начальника Суржанского горотдела НКВД.

Оказавшись в тылу врага, Дмитрий Васильевич сразу установил связь с действовавшими в этом районе партизанскими отрядами, помог в организации новых отрядов, в активизации их деятельности. Не раз коммунист-чекист, участвуя в боевых операциях, рисковал жизнью.

Только что сформированному отряду было поручено взорвать железнодорожный мост в районе линии Брасово — Комаричи. Но в отряде не было ни одного сколько-нибудь опытного подрывника.

— Тогда пойду я сам! — сказал Емлютин.— Кто со мной?

Желающих вызвалось немало.

Дмитрий Васильевич отобрал наиболее подходящих людей и провел с ними инструктивное занятие. Выступили ночью, а к утру были уже у полотна железной дороги. Стояла дождливая погода. Дождь был кстати: он загнал немецких патрулей в блиндажи, и они ослабили наблюдение. Воспользовавшись этим, Емлютин и еще один партизан подползли к мосту и под носом у охранников прикрепили мину, а слева и справа от нее подвесили тол; затем, не замеченные охраной, вернулись к своим. За ними тянулся детонирующий шнур.

— Ну, взрывай! — торопили Емлютина товарищи, услыхав все нараставший гул приближающегося поезда.

— Продолжайте наблюдение! — приказал Емлютин. Он дернул шнур только тогда, когда передок паровоза проскочил место с миной и толом. Грохот взрыва, треск обрушившихся вагонов и вопли фашистов огласили предутреннюю тишину леса...

— Бегом! — скомандовал Емлютин, и партизаны исчезли в густом лесу...

Так люди на конкретных делах убеждались, что и в трудных условиях они с успехом могут наносить врагу ощутимые удары.

Д. В. Емлютин добивался того, чтобы о каждой удачной боевой операции, о каждом пущенном под откос вражеском эшелоне становилось известно всем отрядам куста, и это вдохновляло людей на новые боевые дела.

Успешные боевые дела партизан поднимали моральное состояние населения оккупированных районов области. Оно стало активно помогать отрядам. Многие желали лично участвовать в боевых действиях. У чекистов возникла идея придать этой растущей активности населения определенную организационную форму. Так, из местных жителей стали формироваться группы самообороны. Каждая из них защищала родную деревню или поселок от немецких реквизиционных и карательных отрядов. Партизаны помогали группам вооружением и бое-

припасами, а в трудные дни группы помогали партизанским отрядам.

Количество групп самообороны выросло в зоне южного массива Брянского леса до 105 численностью свыше 9 тысяч человек, а в Дятьковском кусте — до 4 тысяч человек. Многие группы самообороны впоследствии переросли в партизанские отряды.

В конце 1941 года Емлютину была доставлена рация, и с ним установилась регулярная связь. В январе Дмитрий Васильевич радировал нам, что он объединил уже 18 партизанских отрядов.

Большую роль в консолидации патриотических сил и расширении партизанского движения в тылу врага сыграло совещание командования партизанских отрядов и секретарей подпольных райкомов, проведенное Д. В. Емлютиным по указанию обкома ВКП(б) 25 февраля 1942 года в селе Глинном.

На 10 апреля 1942 года партизанские отряды южного массива Брянского леса (не считая групп самообороны) насчитывали около 10 тысяч бойцов и командиров. Они имели 12 300 винтовок, 112 станковых и 195 ручных пулеметов, 136 минометов, 73 орудия разных калибров, 5 бронемашин, 3 танка КВ, 10 танков Т-34, 3 танкетки, 5 тысяч снарядов и 7 тысяч мин.

Состоялось решение обкома партии и Военного совета Брянского фронта об объединении партизанских сил этой зоны под единым командованием. Командиром объединенных партизанских отрядов был утвержден Д. В. Емлютин, комиссаром — А. Д. Бондаренко, секретарь Трубчевского райкома партии, начальником штаба — армейский офицер капитан В. К. Гоголюк.

При партизанском соединении, которым руководил Д. В. Емлютин, Орловским областным управлением внутренних дел был создан оперативно-чекистский отдел во главе с И. Е. Абрамовичем, бывшим начальником Трубчевского райотдела НКВД. Опытный, смелый чекист, он пользовался уважением среди партизан и командно-политического состава.

В районе действия 16-й армии Западного фронта, наиболее близкой к Брянским лесам, была сформирована оперативная группа, которую возглавлял заместитель начальника отдела нашего управления И. Д. Сидоров. В ее задачу входило устанавливать и поддерживать по-

стоянную связь с отрядами и оказывать им разностороннюю помощь в руководстве боевой деятельностью. На нее была возложена также организация разведывательно-подрывной работы и распространение на оккупированной врагом территории листовок, газет, воззваний и других агитационных материалов.

Чекисты под руководством Сидорова умело организовали переброску в тыл противника специальных групп и небольших партизанских отрядов. Группа имела в своем распоряжении самолет и, кроме того, для заброски людей в тыл врага пользовалась самолетом разведотдела фронта. Через свою рацию она поддерживала регулярную связь с отдельными отрядами и управлением, что по тогдашним временам было чуть ли не пределом возможного. Благодаря группе Сидорова наше управление было в курсе всей боевой деятельности партизан.

Материалы, получаемые от чекистов из тыла врага, дали нам возможность изучать тактику, формы и методы фашистов в борьбе с партизанским движением и противопоставлять врагу свою партизанскую тактику борьбы.

С начала 1942 года, защищая свои тылы и коммуникации от партизан, гитлеровское командование все чаще стало использовать кроме специальных охранных частей и полиции боевые части, отозванные с фронта или из резерва армии.

Уже в феврале в разгар наступления Западного и Брянского фронтов командующий группой армий «Центр» Клюге бросил против брянских и орловских партизан четыре дивизии, а 24 февраля просил Гитлера снять еще три дивизии с фронта.

Фашистское командование рассчитывало силой подавить партизанское движение и проводило одну карательную операцию за другой. В трудное положение попали отряды Дятьковского куста. По распоряжению обкома партии для оказания помощи партизанскому командованию наше управление направило в зону деятельности дятьковских отрядов несколько человек под руководством опытного чекиста Г. М. Брянцева (в дальнейшем он стал известным писателем). Г. М. Брянцев и его друг Д. И. Беляк давно уже просили меня направить их к партизанам. Нужно сказать, что в коллективе орловских чекистов невозможно было найти человека, который бы не стремился пойти работать в тыл врага. Группе Брян-

цева было поручено провести совещание командного состава партизанских отрядов Дятьковского куста, распределить между ними зоны боевых действий, обсудить вопрос об усилении ударов по коммуникациям врага, подготовить резервные места базирования отрядов.

В марте 1942 года чекисты были доставлены самолетом в условленный район и спустились на парашютах.

Накануне вылета Брянцев и Беляк отправили нам записку:

«Коллективу орловских чекистов!

Придерживаясь русского обычая и не желая нарушать его, мы решили, уезжая на выполнение специального задания, оставить несколько слов коллективу, в котором работали.

Мы изъявили свое добровольное желание продолжать борьбу с заклятым врагом, но не здесь, вместе со всеми, а на территории, которую он временно захватил, то есть в его же тылу.

Приложим все силы и умение на то, чтобы поставленные перед нами задачи выполнить.

Едем с твердой верой в то, что встретимся еще, что поработаем вместе, но также можем заверить коллектив, что живыми в руки врага не дадимся. Наша мечта, если можно так квалифицировать наше желание, осуществилась. Тов. Фирсанов давно знал наши желания и стремления проникнуть в тыл врага и только сейчас нашел возможным осуществить. Это хорошо. Лучше позже, чем никогда.

До свидания, до скорой встречи, товарищи.

Брянцев, Беляк».

Оперативная группа Брянцева провела большую работу, собрала и переправила через линию фронта много материалов разведывательного характера, важные документы немецких властей; взорвала фашистский эшелон.

В марте 1942 года в зону деятельности брянских отрядов была переброшена группа В. И. Суровягина, начальника Брянского горотдела НКВД, а в район Карачева — группа сотрудников Карачевского районного отдела. Последняя должна была организовать крушение на железнодорожном участке Орел — Карачев, создать разве-

дывательную группу для работы в районе Орла и его пригородной части. Карачевская группа прошла от места приземления лесными и болотистыми тропами около 150 километров и наконец вступила в район Карачева. Группа пустила под откос семь вражеских эшелонов, вырезала около 5 километров линии связи. Умело действовала группа девушек-разведчиц, собравшая очень важные сведения.

В партизанский район южного массива Брянского леса, где боролось с врагом соединение Емлютина, в апреле 1942 года были переброшены самолетом: группа партийно-советских работников под руководством опытного работника обкома ВКП(б) Н. А. Алешинского; группа чекистов областного управления НКВД, возглавляемая М. А. Забельским, который уже побывал в этой зоне ранее; группа представителей Политуправления фронта во главе со старшим батальонным комиссаром М. И. Малковым.

Прибытие в район действия партизанского соединения Емлютина столь представительной делегации было вызвано тем, что его отряды к тому времени полностью изгнали вражеские гарнизоны, а вместе с ними всех комендантов, старост, бургомистров и прочих фашистских правителей с большой территории нашей области. Образовался целый партизанский край, который простирался с севера на юг на 180, с востока на запад на 60 километров. В нем насчитывалось свыше 500 населенных пунктов с более чем 200 тысячами населения.

Незадолго до вылета перечисленных групп Емлютин радировал нам: «Освобождено от врагов 346 населенных пунктов, в которых проживает 170 тысяч жителей. На этой территории имеем 14 головных партизанских отрядов и 85 групп самообороны. Восстанавливаем Советскую власть».

В боях за создание партизанского края, а затем и его оборону народные мстители уничтожили около 30 тысяч вражеских солдат.

Например, в сентябрьских боях 1942 года только одна дивизия гитлеровского генерала Бокай-Ойлярта потеряла убитыми свыше 800 солдат.

Генерал Блауман, командир 200-й стрелковой дивизии, 15 февраля 1942 года писал в Берлин:

«Разведкой установлено большое количество парти-

зан. Партизаны хорошо одеты, имеют отличных лошадей, сани, лыжи, маскировочные халаты, хорошо вооружены. Население им сочувствует и помогает. В селах нет ни старост, ни полиции».

Сам факт прибытия в партизанский край ответственных работников с Большой земли имел огромное политическое значение, так как вызвал колоссальный подъем не только среди партизан и населения Малой земли, но и среди населения районов, находящихся еще в ярме оккупации.

В партизанском крае за короткое время в порядке подписки на заем было собрано и доставлено самолетом на Большую землю несколько миллионов рублей. Население направило Центральному Комитету партии рапорт, который подписали 50 тысяч жителей.

Партизанский край спас от угона в рабство десятки тысяч людей. Кроме того, народные мстители лишили оккупантов возможности вывозить в Германию из Брянских лесов нужную ей древесину.

Огромное политическое значение существования партизанского края в тылу врага состояло еще в том, что советский народ чувствовал свою могучую силу и проникался еще большей уверенностью в победе над коварным и сильным врагом. М. И. Калинин так оценил значение партизанских земель:

«Партизанские зоны освобождают от врага значительные территории, восстанавливают в тылу немецких войск Советскую власть — власть не мирного времени, а ощетинившуюся всеми доступными средствами для борьбы с врагом».

Народные мстители Орловщины вписали немало героических страниц в историю борьбы нашего народа с оккупантами.

У одного из сел путь партизанам преградили 150 фашистских солдат. Ворваться в село было невозможно: гитлеровцы вели шквальный огонь. Тогда командир отряда В. И. Кошелев собрал 80 конников, установил на две тачанки 4 пулемета и, по-чапаевски, с гиком и свистом, ворвавшись в село, подавил вражеский огонь.

Житель села Думлова Людиновского района Г. С. Зайцев согласился работать старостой по заданию партизан. Немцам стало известно, что Зайцев помогает отряду московских чекистов «Славный». Фашисты, угрожая

Зайцеву расстрелом, потребовали, чтобы он провел их к месту дислокации отряда. Патриот повторил подвиг Ивана Сусанина: он увел немцев в противоположную сторону, в глубь непроходимых болот, и погиб от руки карателей.

Гитлеровские разведывательные и контрразведывательные органы в оккупированных районах осуществляли провокационные действия, стараясь во что бы то ни стало опорочить партизанское движение в глазах советского народа. Еще в первые дни оккупации нашей области фашисты громогласно провозглашали, что партизаны — это агенты и десантники НКВД, что целью партизан является уничтожение советских активистов и военнослужащих, оставшихся на оккупированной территории.

Преследуя партизан, оккупанты пользовались самыми изощренными и коварными средствами. В ноябре 1941 года чекисты получили сигналы о том, что в ряде сел появились небольшие группы людей, именующих себя партизанами. Однако они вовсе не были похожи на партизан: забирали у населения продукты и вещи, избивали местных жителей, называя их изменниками Родины, угрожали расстрелом и беспробудно пьянствовали. Чекисты установили, что гитлеровцы организовали из уголовников, бывших кулаков и их прихвостней лжепартизанские отряды, чтобы дискредитировать партизанское движение. Особенно активную «деятельность» развернула такая бандитская шайка в Навлинском районе, в селах Гавриловка и Пролысово. Ликвидация ее была поручена сформированному из военнослужащих партизанскому отряду в 17 человек под командованием офицера М. Н. Карицкого, который действовал энергично и решительно. В первых числах декабря 1941 года преступлениям этой шайки был положен конец.

В январе — феврале 1942 года подобного рода отряды лжепартизан были ликвидированы в Севском, Суземском и других районах. Захваченных живыми бандитов судили публично в тех селах, где они бесчинствовали, судили со всей строгостью военного времени, и это сразу же отбило охоту у кулацко-уголовного элемента изображать партизан.

Фашистская разведка усиленно старалась засылать к партизанам своих лазутчиков. Чекисты своевременно разоблачали шпионов и надежно ограждали партизан-

ские отряды от проникновения в их ряды разведки противника.

В начале декабря 1941 года в зоне дятьковских отрядов чекисты разоблачили вражеского агента Поприона, завербованного гестапо. Поприон был судим ранее за измену Родине.

В январе 1942 года в отряд № 1 имени Ворошилова приняли гражданина Н., назвавшего себя политруком Советской Армии, якобы пробирающимся к своим из окружения. Вскоре его назначили командиром взвода автоматчиков. Однако, наблюдая за ним, чекисты установили, что он пытается разлагающе действовать на партизан. Следствие установило, что он был специально заслан фашистами с задачей уничтожить командира отряда, а затем выдать отряд гитлеровцам.

В зоне деятельности Выгоничского отряда чекистами был разоблачен еще один фашистский агент. Это была женщина, которая по заданию выгоничской комендатуры несколько раз проникала в район деятельности партизанского отряда с целью сбора данных об этом отряде.

Только за июль 1942 года в районе деятельности группы объединенных отрядов партизанского края чекисты разоблачили и обезвредили двадцать три вражеских агента.

Усилия наших чекистов были направлены и на то, чтобы разложить полицейские формирования врага. На оккупированной территории, особенно в районах партизанского движения, гитлеровцы создали полицейский аппарат — целые полицейские части и гарнизоны. С одной стороны, в полицию шли изменники, с другой — она пополнялась путем принудительной мобилизации. Зная, что само слово «полицай» вызывает у народа чувство презрения и отвращения, гитлеровцы стали именовать полицейские части «народной милицией».

За весь период работы чекистов в тылу противника из полицейских формирований перешло к партизанам около четырех тысяч человек. Многие из них бесстрашно сражались в боях с оккупантами и были отмечены правительственными наградами.

Для работы среди полицейских войск чекисты широко использовали патриотические листовки, обращения и различные воззвания. Эти пропагандистские материалы печатались от имени командования отрядов, а партизан-

ские разведчики находили пути и средства для вручения их полицейским.

В августе — сентябре 1943 года Советская Армия изгнала оккупантов из пределов Орловской области.

День 19 сентября 1943 года стал радостным праздником трудящихся города Орла и всей области. Представители партизанских бригад и отрядов в этот теплый осенний день прибыли в свой областной центр для участия в параде.

Парад партизан и партизанок завершился принятием боевого рапорта, в котором они докладывали партии и правительству об итогах своей боевой деятельности против немецких оккупантов.

Народные мстители уничтожили десятки тысяч солдат и офицеров противника, пустили под откос сотни эшелонов с живой силой и техникой врага, уничтожили много паровозов, несколько тысяч вагонов, платформ и цистерн горючего. Взорвали 42 железнодорожных моста и 218 мостов на шоссейных и грунтовых дорогах. Подорвали и сожгли 320 танков и танкеток, 1517 автомашин и 68 самолетов. Только за июль — август 1942 года в процессе массовой операции «рельсовая война» было взорвано 17 330 железнодорожных рельсов и полностью прекращено движение поездов на ряде железнодорожных участков.

Выполняя свой священный долг, более тридцати работников Орловского областного УНКВД погибли в тылу врага. Память о них навсегда сохранится в сердцах советских людей.

На смену отцам и старшим братьям в ряды чекистов вступает наша славная молодежь, беззаветно преданная своей Родине, своему народу, своей горячо любимой партии — партии великого Ленина.

★

МЕДВЕДЕВЦЫ В РОВНО

Н. ГНИДЮК

До свидания, Москва!

По Москворецкому мосту на предельной скорости мчался закрытый, выкрашенный в маскировочный цвет автобус. Он спешил вовремя доставить на аэродром «спецгруз» — одиннадцать парней в комбинезонах и шлемах.

Это были мы, парашютисты-разведчики, отправлявшиеся на оккупированную гитлеровцами территорию.

Кто входил в нашу группу? Опытные чекисты? Разведчики-профессионалы? Нет, обыкновенные советские люди, которые незадолго перед этим распрощались со своими гражданскими профессиями, чтобы добровольно стать в ряды народных мстителей.

Двадцатилетний Коля Приходько, уроженец города Здолбунова на Ровенщине, до войны работал на железной дороге. Эвакуировался в Пензу и снова пошел на транспорт. Петя Голубь был на год моложе Коли. Его детство прошло на Волыни, под Ковелем. На этой железнодорожной станции он стал помощником машиниста паровоза. Харьковчанин Саша Середенко был диспетчером службы движения, а Саша Яцюк-Павлеев — слесарем железнодорожных мастерских. Я тоже был железнодорожником, месяца четыре до этого еще работал помощником машиниста в депо Пенза-I, куда пришлось эвакуироваться в первые дни войны. Борис Сухенко представлял морской транспорт, он прибыл к нам из Заполярья. Возглавлял нашу группу москвич Иван Яковлевич Соколов, интендант. Его заместителем был старший лейтенант Григорий Волков — кадровый офицер, пехотинец. Никто из этих товарищей раньше к десантному делу никакого отношения не имел.

Если кого и можно было считать «профессионалом-десантником», то разве только Володю Скворцова. Самый младший в группе, он перед войной окончил десятилетку, потом курсы радистов. В качестве радиста и летел в отряд. Вместе с нами готовился к высадке во вражеском тылу Николай Иванович Кузнецов (мы знали его под именем Николай Васильевич Грачев). Никому из нас тогда даже в голову не приходило, что этот человек вскоре наденет форму немецкого офицера и будет выполнять самые ответственные и опасные задания.

Почти четыре месяца проходили мы специальную подготовку под руководством опытных чекистов. Готовились напряженно. Иногда казалось, что сдадут силы, не выдержат нервы. Но каждый понимал, что это необходимо, во вражеском тылу будет еще труднее.

Вот и аэродром.

Около двухмоторного самолета суетились люди в замасленных комбинезонах.

Вскоре прибыл экипаж самолета, потом несколько военнослужащих.

Слышим, как прибывший на аэродром полковник строго предупреждает экипаж самолета:

— Смотрите не перепутайте координаты и сигналы наших в тылу врага. Этих товарищей полковник Медведев ждет с нетерпением.

Прежде чем пустить нас в самолет, инструкторы придирчиво проверили, правильно ли надет парашют, крепко ли держится десантная сумка, осмотрели каждую лямку и пряжку, каждую пуговицу.

Наконец проверка готовности к полету закончена. Через несколько минут будет подана команда, и мы войдем в самолет.

— Посидим, ребята, перед дорогой,— предлагает Николай Иванович Кузнецов.— Посидим на нашей родной московской земле. За нее идем сражаться.

Молча опустились мы на мягкую траву. В ту минуту прощания с Москвой земля казалась каждому из нас особенно теплой и приветливой. Какая тишина вокруг! Даже слышно, как легкий ветерок нежно шуршит в траве.

Война. Зачем? Злой, непрошеной гостьей ворвалась она в наш дом. Застонала земля, обагренная кровью людей, осыпанная пеплом пожарищ. Лето сорок второго

года не было для нас радостным. Хотя под Москвой враг и познал горечь поражения, положение на фронте оставалось очень серьезным. Щупальца фашистского зверя охватили кольцом Ленинград, они тянулись на Кавказ, подползли к Волге. Но мы не теряли веры в завтрашний день и готовы были отдать все ради будущей победы. Во вражеский тыл летели только добровольцы, летели сознательно, зная, что там нас на каждом шагу подстерегает опасность. Не поиски романтических приключений, не желание покрыть славой свое имя руководили нашими действиями. С сознанием долга перед Родиной шли мы на защиту родной земли, нашей советской Родины, и в мыслях каждого была уверенность в победе.

Двадцать ноль-ноль. Летчики в последний раз сверяют свои часы. Рукопожатия. Объятия. Поцелуи.

— До свидания, друзья!

— До свидания, Москва!

И вот уже наш самолет оторвался от бетонной дорожки аэродрома и взмыл в поднебесье.

Благополучно миновали линию фронта. Вот и место приземления — Ракитнянские леса. Видим условные сигналы. Для прыжков выстраиваемся по росту: самый низкий первым, а самый высокий — последним. В таком порядке приземление всей группы должно произойти почти одновременно.

Так наша группа в ночь с 24 на 25 августа 1942 года приземлилась в глубоком тылу врага. Тогда мы не знали, что совершаем прыжок в будущую легенду, которой народ вскоре окружит имя одного из наших боевых друзей.

Перед первым экзаменом

В отряде нас давно ждали. Командир несколько дней уже поддерживал постоянную связь с Москвой, высылал в разные места разведчиков, которые в полночь зажигали костры.

Мы — партизаны! Трудно передать чувства, овладевшие нами в те первые дни и ночи пребывания в отряде. Еще вчера были в Москве, бродили по улице Горького,

по Красной площади, слушали мелодичный перезвон кремлевских курантов, и, хотя радио и газеты приносили тревожные вести с фронтов, мы чувствовали себя относительно спокойно. А теперь... Кругом лес и топкие болота, а в селах, городах, на дорогах хозяйничают гитлеровцы. Они творят свои грязные дела. Топчут нашу землю.

«Вот когда представится возможность отомстить коварному врагу за мою поруганную родную землю, за мою советскую Родину»,— думал каждый из нас.

Отряд Дмитрия Николаевича Медведева, в котором к нашему прибытию насчитывалось около ста человек, имел специальное задание. Его основной задачей была разведка. Не случайно местом расположения отряда было выбрано Ровно. Этот небольшой красивый город гитлеровцы объявили «столицей» оккупированной Украины.

В Ровно облюбовал место для своей резиденции гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох, назначенный Гитлером рейхскомиссаром Украины. У этого сатрапа было много помощников: генерал Даргель ведал политикой, доктор Гель занимался финансами, генерал Кнутт — хозяйственными делами, генерал Кицингер был главнокомандующим войсками тыла. В Ровно находились полицейфюрер Украины генерал полиции обергруппенфюрер СС Прицман, верховный судья Украины, как именовали его немцы, сенатс-президент юстиции доктор Функ, командующий войсками особого назначения генерал Ильген и много других «фюреров» и «оберфюреров».

Все это не могло не заинтересовать советскую разведку, и вполне понятно, что работы для специального отряда хватало. Особенности его деятельности требовали от каждого партизана высокой организованности, безупречной дисциплины, строгого порядка. Активно действовать отряд начал с первых же дней организации, и сколько карательных экспедиций гитлеровцы ни отправляли на его уничтожение, сколько бомб ни бросали на Ровенские леса, сколько провокаторов ни засылали в отряд, он продолжал жить, укрепляться, расти, бороться. И в том, что наш отряд оказался таким боеспособным и организованным, была большая заслуга наших командиров, в первую очередь Дмитрия Николаевича Медведева.

Этот человек всю свою пятидесятилетнюю жизнь посвятил партии и народу. Еще в годы гражданской войны

он, почти юноша, боролся с иностранными интервентами и их подручными на Украине, с бандами Махно и анархистами. Несколько раз был тяжело ранен. Образцом для себя он избрал Феликса Дзержинского и всегда ставил его в пример другим. В первые дни Великой Отечественной войны партия поручила Дмитрию Николаевичу формирование и руководство партизанским отрядом в Брянских лесах, а позже, весной 1942 года, его вызывают в Москву для организации специального разведывательного отряда.

Наша первая встреча с командованием отряда произошла на следующий день после прибытия. Нас, новичков, выстроили и привели на небольшую поляну. Навстречу вышли Д. Н. Медведев, комиссар отряда С. Т. Стехов и заместитель командира отряда по разведке А. А. Лукин. Они поздоровались с нами, поздравили с благополучным перелетом линии фронта и приземлением, спросили о нашем самочувствии, как устроились, как отдыхаем.

Дмитрий Николаевич, высокого роста, с продолговатым смуглым лицом, умными, пристально всматривающимися глазами, стройный, подтянутый, показался нам сначала сухим, официальным, но стоило ему произнести несколько фраз, и за внешней суховатостью проступило тонкое знание человеческой психологии, умение быстро находить необходимые ключи к сердцам людей и вызывать расположение к себе.

Дмитрий Николаевич рассказал о том, что нам предстоит пройти короткий, но весьма напряженный курс обучения тактике партизанской борьбы и хорошенько освоиться с обстановкой в отряде. От его непринужденности, простоты в обращении с подчиненными мы оживились, почувствовали себя свободно и как бы давно знакомыми с ним.

Комиссар отряда подполковник Сергей Трофимович Стехов был душой всего нашего коллектива. Вскоре мы узнали, что он всю свою жизнь посвятил воспитанию советских людей. Стехов был политработником в Советской Армии, откуда его и направили в партизанский отряд. Дмитрий Николаевич Медведев нашел в Стехове отличного помощника, умеющего зажигать сердца партизан ненавистью к врагу, укреплять в них чувство любви к Родине, партии, сознание своего высокого долга перед

народом. Во время боя Сергей Трофимович был впереди, в тяжелых изнурительных переходах — рядом и всегда там, где требовалась его помощь, возле раненых читал газету или у костра вместе со всеми пел песню, вел задушевный разговор.

Подполковник Александр Александрович Лукин был достойным заместителем командира отряда по разведке, а мы, разведчики, видели в нем умного и вдумчивого наставника. Вместе с Дмитрием Николаевичем он в начале двадцатых годов сражался против врагов молодой Республики Советов. Позже им не раз приходилось встречаться на чекистской работе. Вместе они 20 июня 1942 года на парашютах спустились в тыл врага.

Прибытие с Большой земли каждой новой группы превращалось в отряде в своеобразный праздник. Новичков обступали со всех сторон, забрасывали вопросами, угощались «Казбеком», до дыр зачитывали последние номера «Правды» и, конечно, нетерпеливо выхватывали из рук письма родных и близких. Мы знакомились и сразу же переходили на «ты», и уже спустя несколько часов казалось, будто все мы знаем друг друга давным-давно.

Через несколько дней меня вызвали в штаб. На лесной поляне у костра я увидел командира отряда, его заместителя по разведке и комиссара отряда. Тут же сидел Николай Иванович Кузнецов.

Подойдя, я вытянулся по стойке «смирно» и отрапортовал:

— Товарищ командир отряда! Боец Гнидюк прибыл по вашему приказу.

Медведев усмехнулся:

— Вижу, что наука вашего командира отделения Сарапулова не прошла даром. Рапортуете, как настоящий военный. Садитесь. У нас есть к вам важное предложение. Вам необходимо поехать в Ровно.

Слова командира обрадовали меня: значит, начинается настоящая разведка! Скорее бы в город, скорее бы проверить свои возможности, скорее бы...

— Слушаюсь, товарищ полковник. Когда прикажете отправляться?

— Какой он нетерпеливый, Александр Александрович,— обратился Медведев к Лукину. И, переведя взгляд на меня, продолжал: — Разведчику необходимо в таких случаях иметь железную выдержку. Но ваш отъезд мы

не собираемся откладывать. Думаем, двинетесь дня через три. Все будет зависеть от того, как быстро вы подготовитесь. Подробности согласуете с Александром Александровичем и вот с этим товарищем,— он повернулся к Кузнецову.— Надеюсь, вы знакомы?

— Да, с Николаем Ивановичем мы вместе готовились и вместе прилетели в отряд.

— Знаю. Должен сказать, что ваша поездка в Ровно будет, так сказать, нашей пробной вылазкой. Мы уже посылали туда кое-кого из местных товарищей. Получили сведения. Вы же должны изучить город, свободно в нем ориентироваться, узнать, чем он живет, каковы в нем порядки. Словом, разведать то, что нам необходимо для дальнейшей работы. Времени даем на это немного: не более десяти дней...

Мы еще долго сидели с Лукиным и советовались, как лучше одеться, с какими документами ехать, какими дорогами и на чем добираться в город. Наконец договорились: я поеду через два дня на подводе в обыкновенной крестьянской одежде, босиком. Готовиться к поездке начнем завтра с утра.

Попрощавшись с Лукиным, я пошел в свою палатку и уже лег отдыхать, как вдруг услышал голос Кузнецова:

— Николай, ты не спишь?

— Нет, заходите, Николай Иванович.

— Лучше ты выйди. На свежем воздухе хорошо...

Я вышел, и мы пошли.

Несколько минут мы шли молча. Я думал о полученном задании. Николай Иванович... Зачем он ко мне пришел? И почему командир велел именно с ним посоветоваться относительно деталей моего отъезда в Ровно?

— Знаешь, Коля,— начал Николай Иванович,— я просил командование, чтобы меня вместе с тобой отпустили в Ровно. Но Медведев категорически отказал.

— Жаль. Вместе нам было бы лучше.

— Конечно.

— Впрочем, командованию видней, кому когда лучше ехать.

Николай Иванович подробно расспрашивал меня о том, как я буду вести себя в Ровно при той или иной ситуации, говорил, как бы вел себя он. Чувствовалось, что он до мелочей продумал предстоящую работу в оккупированном городе.

Корчма пана Зеленко

Подготовка к отъезду в Ровно продолжалась почти целый день. Нужно было подыскать хорошую подводу и пару подходящих лошадей.

Немало довелось повозиться с моей одеждой. Костюм и галстук я хранил в вещевом мешке, и они так измялись, что страшно было взглянуть. Гладить одежду пришлось на дубовом пне большим топором, разогретым на костре.

Когда все было готово, мы еще раз решили посоветоваться, каким путем лучше ехать в Ровно. Одни предлагали добираться до города глухими дорогами, минуя большие населенные пункты.

Николай Иванович предложил другой маршрут, более подходящий разведчику.

— Настоящий разведчик,— сказал он,— никогда не идет темными тропами. На них легче вызвать к себе подозрение, чем в людных местах. А поэтому лучше всего выбраться на шоссе и через Березно, Костополь и Александрию преспокойно махнуть в Ровно. А если встретятся гитлеровцы, то не бояться смотреть им прямо в глаза, нужно только встать и приветствовать их возгласом: «Хайль Гитлер!» Это они любят.

Вариант Кузнецова был принят, и на следующее утро мы двинулись в далекий путь.

Вместе со мной в Ровно ехала уроженка этих мест крестьянская девушка Мария Курильчук. Вся семья Курильчук, связанная с партизанами, рада была оказать нам услугу. Двоюродный брат Марии, работающий учителем, даже дал мне в дорогу свое удостоверение — аусвайс.

Девушка ехала в Ровно с заданием устроиться на работу, разыскать своих школьных подруг — бывших комсомолок и попытаться привлечь их к разведывательной работе.

У переправы через Случ к нам подошла старушка и попросила подвезти ее.

— А куда тебе, бабушка?

— В Ровно. К дочке. Она там живет.

— А что она делает в городе?

— Ничего. Сидит возле своего мужа. А у него собственный дом и небольшая корчма.

Сначала я хотел обмануть старуху, дескать, мы едем совсем не в Ровно, но, когда услышал, что у ее зятя собственный дом да еще и корчма, изменил свое намерение.

— Садитесь, бабушка, довезем вас прямо к дочке.

Зять с корчмой казался мне счастливой находкой. Ведь я ехал в Ровно, не имея там ни связей, ни знакомых. Надеяться на подруг Марийки? Еще неизвестно, можно ли будет найти у них приют, а главное — как быть с подводой? Правда, в отряде мне предлагали бросить лошадей, как только мы доберемся до города. Но мне не хотелось этого делать. Нужно будет еще возвращаться в отряд, а на чем?

Именно поэтому я любезно пригласил старуху на подводу и помог уложить узел. Подъезжая к Костополю, мы увидели впереди себя несколько подвод. Оказалось — гитлеровцы. Это была первая моя встреча с оккупантами. С непривычки мороз пробежал по спине, но я, помня совет Кузнецова, остановил лошадей, приподнялся и выкрикнул: «Хайль Гитлер!» Когда мимо нас проезжала подвода с офицером, он уставился на меня своими очками и приказал солдатам обыскать нас. «Хальт!», «Хенде хох!», «Вохин фарен зи?», «Документ!» — выкрикивали гитлеровцы, обступив мою подводу.

За поясом у меня было два пистолета, в карманах — несколько «лимонок», а на подводе, в ногах, портфель, в котором лежали мои туфли и пара противотанковых гранат. Я ехал босиком, а крестьянский пиджак и полотняные штаны надежно прикрывали мой отутюженный костюм.

Сначала я было растерялся, не зная, что делать, и готов уже был запустить одну противотанковую гранату в подводу, на которой восседал офицер, а вторую в ту, что как раз подъезжала. В такие критические секунды в человеческом мозгу идет борьба противоположных решений. Пока я искал правильный выход из сложившегося положения, солдаты успели схватить узел старухи и вытянуть из-под сиденья мою сумку. Один солдат отломил кусок хлеба и колбасы и понес офицеру, а другие сами начали «заправляться».

На подводе с офицером ехал невысокого роста мужчина в гражданской одежде. Я догадался, что это переводчик, вероятно из местных. И действительно, мужчина ловко соскочил с подводы, поздоровался со мной на

польском языке и потребовал у меня документы. Его «дзень добри» обнадежил меня. «С этим панком можно найти общий язык»,— подумал я.

Я достал свой аусвайс.

— Курильчук Стефан? — переводчик вперил в меня удивленный взгляд.

— Так точно, Курильчук Стефан,— повторил я твердо и уверенно.

— Но простите! Я Стефана знаю лично. Это мой лучший друг еще по школьной парте. А этот аусвайс я сам помог ему достать. Как он к вам попал?

— Извините, ласковый пан. Не буду возражать, что этот документ вы помогали достать пану Курильчуку. Вы говорите, что он ваш лучший друг. Но мне он еще больший друг, если одолжил свой аусвайс. Поверьте мне!

— Смешная история, пся крев! — выругался переводчик.— Что же мне с вами делать? Скажу офицеру, и вас расстреляют. Да и Курильчуку влетит.

— Если в самом деле этот ауйсвайс выдан по вашей рекомендации, немцы вас тоже по головке не погладят,— добавил я.

— Я понимаю, понимаю. Но что мне делать с вами? Все это так неожиданно...

Я продолжал наступать на переводчика, говоря, что немцы не станут долго выяснять, почему он помог Курильчуку с аусвайсом. А когда офицер начал кричать с подводы: «Что там такое?» — я сказал:

— Моя судьба в ваших руках. Но бог не простит поляку, если он предаст своего брата по крови и отдаст его, невинного, на смерть. Если в ваших жилах течет польская кровь, вы поможете мне выпутаться из этого тяжелого положения.

Эти слова сильно подействовали на переводчика, он возвратил мне аусвайс, подошел к офицеру и сказал, что я его школьный приятель и документы у меня в порядке. Мы «нежно» попрощались, а офицер выругал солдат за то, что они так некультурно со мной обошлись и съели мои запасы колбасы. Один из оккупантов даже вытащил из своей сумки сало и швырнул в нашу подводу.

Позже мне приходилось попадать и в более сложные ситуации, но эта встреча с карателями (наверное, потому что она была первой) особенно запечатлелась в моей памяти. Я, молодой, неопытный советский разведчик, вышел

победителем в поединке с этими шакалами. «Почему?» — не раз спрашивал я себя. Не потому ли, что здесь, среди врагов, за сотни километров от Большой земли, мы всегда верили в нашу победу, любили свою Родину и готовы были в любую минуту отдать за нее жизнь?

Миновав Костополь, мы заночевали на каком-то хуторе, а на второй день к обеду прибыли в Ровно.

Марийка пошла к своим знакомым, договорившись со мной о месте и времени нашей встречи. Я же со старухой поехал к ее дочери и зятю.

На улице Золотой, 10, стоял аккуратненький особняк с широкими стеклянными дверями, выходившими прямо на тротуар. Над входом прикреплена довольно хорошо нарисованная вывеска:

КОРЧМА П. ЗЕЛЕНКО
ЕСТЬ ВДОВОЛЬ ЗАКУСКИ И САМОГОНКИ

— Вот это и есть дом моего зятя,— сказала старуха,— заезжайте прямо во двор.

Пан Зеленко сначала не сообразил, что это за непрошеные гости к нему пожаловали. Выбежала и его жена с сердитым лицом, но, увидев на подводе мать, с плачем бросилась ей в объятия. Зять оказался более сдержанным: узнав тещу, он исчез за дверью веранды, выходившей во двор, и больше не появлялся.

Пошли и мать с дочерью в дом, а меня оставили во дворе. Я немного подождал (может, дойдет и до меня очередь?), но напрасно: никто моей личностью не интересовался. Тогда я решил действовать самостоятельно, как считал нужным.

Снял с себя маскировочный костюм, надел модельные туфли и пошел в город побриться. Когда я принял вполне приличный вид, решил навестить корчму пана Зеленко. Хозяин корчмы, как и следовало ожидать, не узнал меня и, смахнув со стола крошки, любезно спросил:

— Чем могу служить пану?

— Кое-что перекусить и, разумеется, рюмочку первачка, если ваша ласка. Извините, но не побрезгуйте и вы со мной опрокинуть маленькую. Говорят, в компании она вкусней.

Это предложение подействовало на владельца корчмы, так как человек, предлагавший хозяину выпить рюмку, в те времена считался вполне порядочным клиентом.

— О, пожалуйста, ласковый пан! — лицо Зеленко расплылось в услужливой улыбке.— Что пан пожелает: помидор, огурчик, солонинку? Или, может быть, поджарить яичницу?

— Это уже на ваш вкус. Я съем все, с дороги кишки играют марш.

— Тогда одну минутку, ласковый пан.

Пока Зеленко суетился, готовя мне еду, я внимательно осмотрел корчму.

На одной из стен висел портрет Гитлера в рамке, украшенной вышитым полотенцем, а напротив — аляповатая картина провинциального ремесленника: голая женщина с букетом роз. «Наверное,— подумал я,— пан Зеленко хорошо ориентируется в обстановке и старается угодить вкусам пьяных гитлеровцев».

После первой рюмки я деловито спросил:

— Как идут ваши дела?

— Вы имеете в виду торговлю? — переспросил он, чтобы убедиться, действительно ли я интересуюсь его коммерцией.

— Безусловно!

— О, неважно, очень неважно, ласковый пан. Продукты доставать тяжело, все ужасно дорого. Клиентов до черта, одни военные. А с ними нужно быть очень осторожным. Вот так торгуешь, торгуешь с неделю, кажется, уже и хорошо получается, и деньжата звенят. А тут — на тебе: зайдет компания военных — напьются, перессорятся, устроят драку, натворят такого, что страшно взглянуть, да еще и не заплатят. Плакали тогда мои денежки, целая неделя работы вылетает в трубу.

— И часто у вас случаются такие клиенты?

— Каждый вечер у меня собираются. Я даже приготовил вторую комнату — для танцев, и патефон купил. Очень долго ходил за разрешением в гестапо, но случай помог мне все устроить. Как-то зашел в корчму клиент. Немец, но хорошо говорит по-чешски. Заказал поесть, пригласил, как и вы, опрокинуть с ним рюмочку. Мы хорошенько посидели, и оказалось, что это — кто бы вы думали? — сотрудник гестапо оберштурмфюрер Миллер. Очень порядочный человек. Я ему всегда буду благодарен. Он мне так помог, что вы себе не представляете. Несколько раз случалось, что солдаты, порядком выпив, пытались устраивать разгром, но появлялся оберштурм-

фюрер, и они сразу же становились трезвыми, вежливо рассчитывались и тихонько уходили. Я так рад этому знакомству! Теперь дела идут совсем по-другому.

Рассказ Зеленко о гестаповце заинтересовал меня. «Кажется, я попал на «хорошее» знакомство,— подумал я.— Оставить для большей безопасности? Исчезнуть, чтоб чего-нибудь не случилось? Нет, настоящий разведчик, наверное, никогда так не поступит. А мне, начинающему, тем более интересно завести знакомство с «порядочным человеком» из гестапо. Надо найти ключ к хозяину корчмы. Я не уверен, что он не завербован гестапо и не помогает Миллеру. Но это не меняет дела. Все равно нужно наступать. Самое больное его место — коммерция. С этого, пожалуй, и начну».

— Достаточно ли у вас продуктов? — спросил я Зеленко и налил еще по одной рюмке.

— О, ласковый пан, то для меня важная проблема. На базаре есть все, но цены такие, что не подступишься. Если даже и удается заработать, то мизерные пфенниги. А почему вы этим интересуетесь, пан, может, у вас что-нибудь есть?

— Есть.

— В самом деле?

— Абсолютно серьезно.

— Дешево?

— Думаю, что мы сойдемся. Все будет зависеть от того, как часто и сколько вы будете брать.

С паном Зеленко мы договорились, что я буду доставать нужные ему продукты. По его просьбе я и сегодня обещал кое-что подбросить.

Пообедав, я пошел на городской рынок и накупил там солонины, яиц и самогонки. Вернулся в корчму и продал хозяину все это, конечно, значительно дешевле, чем пришлось мне платить на рынке. Но коммерция есть коммерция, и я был доволен.

Еще больше был доволен пан Зеленко, которому сам бог послал в моем лице выгодного поставщика продуктов. Ежедневно я терял на этой спекулятивной операции по 25—30 марок, но зато в другом выигрывал больше. За моими лошадьми присматривал хозяйский работник, мне была отведена отдельная комната со всеми удобствами, я был обеспечен сытными завтраками, обедами и ужинами, а главное — познакомился с оберштурмфюрером

Миллером, который, сам того не ведая, помогал мне в разведывательной работе.

Фридрих Миллер служил в гестапо и присматривал за всеми частными буфетами, столовыми и трактирами. Но у пана Зеленко была хорошенькая сестричка — панна Зося, и поэтому гестаповец отдавал преимущество моему хозяину.

Миллер устроил Зосю секретаршей в гестапо, а так как она неплохо владела немецким языком, то вскоре стала переводчицей. Зося не любила Миллера, ей были противны его ухаживания, но другого выхода у нее не было.

— Лучше переводчицей в гестапо,— говорила она мне,— и небольшой роман с Миллером, чем ехать на работу в Германию.

Иногда Миллер провожал меня вместе с Зосей в кино. Делалось это в том случае, если Миллер по каким-либо причинам не мог проводить Зосю домой и оставлял ее на мое попечительство. Благодаря этому я имел возможность даже в комендантский час беспрепятственно ходить по городу. От панны Зоси и Миллера я узнавал, когда гестапо собирается устраивать облавы, массовые аресты, расстрелы, когда и куда выезжают карательные экспедиции против партизан, и много других полезных для нас вещей. А главное — «дружба» с Миллером, прогулки с ним среди бела дня по городу, посещение ресторанов и кино снимали с меня всякое подозрение, как с разведчика, и мне очень скоро удалось выполнить свое первое задание: детально изучить городской режим и существующие в нем порядки.

Мои прогулки по городу были очень утомительными. Надо было запомнить каждую улицу, ее название, учреждения, размещавшиеся на ней, словом, необходимо было в совершенстве изучить город. Причем никаких записей — все должна была безошибочно зафиксировать память.

Как-то после длительной прогулки и сытного ужина в корчме пана Зеленко я разделся, положил пистолет под подушку и крепко уснул. Проснулся под утро оттого, что кто-то меня сильно прижал к стенке. Сначала я не сообразил, кто это со мной спит. Но когда раскрыл глаза, увидел моего хорошего знакомого оберштурмфюрера Миллера. Возле кровати были разбросаны его китель,

галифе, сапоги. Я быстро сунул руку под подушку, чтобы вытащить и спрятать пистолет, пока гестаповец спит. Но, к удивлению, в руке оказался не мой ТТ, а немецкий парабеллум. Я снова полез под подушку и облегченно вздохнул: мой ТТ был на месте.

Оказалось, оберштурмфюрер имел такую же привычку, как и я: ложась спать, клал оружие под голову. В тот вечер он пришел в корчму очень поздно, хотел что-то сказать фрейлейн Зосе, но та терпеть не могла пьяных и не пустила его в свою комнату. Гестаповец был в таком состоянии, что идти домой не мог, поэтому, увидев меня на кровати, сбросил с себя одежду и улегся рядом.

После этого случая мне, советскому разведчику, еще не раз приходилось спать вместе с немецким офицером. Но я уже никогда не клал свой пистолет под подушку. Там лежал парабеллум Фридриха Миллера. А мой ТТ — под матрацем.

Выполнив задание, я связался с Марийкой, и мы решили вернуться в отряд. Когда пан Зеленко узнал, что я покидаю город, он зашел в мою комнату и предложил:

— Знаете что, ласковый пан? Я все взвесил и пришел к выводу, что было бы чудесно, если бы вы согласились стать моим компаньоном. Вы — прирожденный коммерсант. Давайте расширим мое предприятие, оборудуем зал для офицеров и выхлопочем патент на нас обоих...

— Я польщен столь любезным предложением стать компаньоном,— ответил я хозяину.— Но я не располагаю такими большими деньгами. Это для меня неожиданность.

— Не беспокойтесь, пан. Мы подпишем договор, что вы не вносите своего денежного вклада. Я за вас внесу деньги, а вы будете заниматься снабжением, с вашей половины прибылей на протяжении года будет отсчитываться какой-то процент, а остальные деньги будут вашими. Мы все это оформим через нотариальную контору, в соответствии с законами немецкого правительства. Я уже советовался по этому поводу с оберштурмфюрером Миллером. Моя идея ему очень понравилась.

— Разрешите мне все хорошенько обдумать и дать вам ответ после возвращения в Ровно. А сейчас мне необходимо отвезти домой кузину и отдать родственнику его лошадей.

— Панну Марию мы сможем со временем пристроить к делу как официантку. Она такая милая девушка, что от офицеров у нас не будет отбоя,— рассуждал практичный хозяин.

Я еще раз пообещал пану Зеленко подумать над его предложением. Мы тепло попрощались с ним и его сестрой Зосей, не меньше брата заинтересованной в моем возвращении, и тронулись в путь.

В отряде нас встретили радостно. В тот же день со мной беседовал полковник Медведев. При этом присутствовали Лукин и Николай Кузнецов. Они долго и подробно расспрашивали меня о жизни в Ровно, одобрили мою «дружбу» с паном Зеленко и знакомство с гестаповцем.

— Твои наблюдения очень ценны для нас,— сказал Дмитрий Николаевич.— Они во многом дополняют то, что нам уже известно об этом городе.

Поблагодарив за успешное выполнение этого задания, командир предложил мне отдыхать и готовиться к следующему.

Командование отряда не могло ограничиться разведывательной деятельностью в одном городе. Предстояло расширить наши связи с соседними городами и селами. С этой целью туда направлялись разведчики один за другим.

У братьев Шмерег

Спустя несколько дней после возвращения из Ровно меня снова вызвали в штаб отряда. У костра сидели Медведев, Стехов, Лукин и Коля Приходько.

— На этот раз пойдете с Приходько в Здолбунов,— сказал командир.— У Коли там есть родственники и знакомые. Нужно с кем-то из них договориться об оборудовании склада оружия и взрывчатки. Но будьте очень осторожны, первому попавшемуся не доверяйтесь. Людей подбирайте надежных. Не забывайте, что для такого дела никакие подвалы и погреба не годятся. Должно быть сухое, хорошо проветриваемое место. Как только договоритесь, немедленно прибудет самолет и доставит нам этот груз. Оружие и взрывчатку будем отправлять на подводах, возможно, несколько раз. На месте,— про-

должал Медведев,— подготовьте человека, который умел бы обращаться с этими опасными вещами и, если понадобится, выдавал бы их кому следует. Случись беда, склад ни в коем случае не должен достаться оккупантам. Задание, товарищи, очень серьезное и ответственное. Старшим назначаю Гнидюка. И еще раз повторяю: об этом никто, кроме присутствующих, не должен знать. Ясно?

— Так точно, товарищ командир.

На следующий день после обеда мы пешком двинулись в дорогу. За ночь должны были уйти как можно дальше, день перебыть в лесу или на хуторе, а на вторую ночь добраться до Здолбунова. В течение полутора суток надо было покрыть свыше ста километров.

Изрядно проблуждав по болотам при обходе местечка Тучин, мы к началу рассвета перешли реку Случ. За рекой показался хутор. «Тут придется нам провести день»,— решили мы. Зашли в покосившуюся хатенку под соломенной крышей. В хате жили отец и дочь. Отец был больной, буквально прикован к постели, а дочь, босая и почти раздетая, не знала, что и делать. Мы сказали, что идем из леса, что мы советские партизаны и при первой возможности поможем девушке отвезти отца в больницу. На глазах девушки появились слезы.

— Родные,— проговорила она,— если бы вы знали, как нам тут тяжело!

Девушка сварила картошку. Хорошо позавтракав, мы забрались на чердак и легли спать. Проснулись от собачьего лая.

— Не иначе, чужой кто-то пожаловал,— сказал я Николаю и придвинулся к щели. Мне хорошо был виден двор хорошего, крытого железом дома, куда предлагал зайти Приходько.— Иди-ка сюда, Коля, и смотри,— позвал я товарища.

На соседнем дворе стояли две подводы. Около них возились шуцполицаи в черных шинелях. Очевидно, они только что приехали.

В это время к нам поднялась юная хозяйка (она принесла обед), я спросил у нее, кто живет в соседнем доме.

— О, это настоящий кровопиец! Сын его служит в тучинской полиции и приехал к отцу в гости со своими приятелями. Значит, шуму сегодня будет до самых звезд.

Я посмотрел на Приходько:

— Что, Николай, хороший был бы у нас отдых в том доме? Может, пойдем сейчас туда и поддержим компанию?

— А знаешь,— ответил он,— давай запустим в окно противотанковую гранату и сделаем капут этим шуцманам.

Он страшно ненавидел полицейских, наверное, сильнее, чем гитлеровцев. Часто можно было от него услышать:

— Фрицы — наши враги. Я понимаю, их цель — завоевать Советский Союз, и они откровенно выполняют приказы своего бесноватого фюрера. Но что этой дряни нужно, кому они служат? Я этих выродков душил бы на каждом шагу.

И на этот раз он долго уговаривал меня учинить расправу над полицейскими, устроившими пьянку в соседнем доме.

— Разреши, Николай,— просил он.— Никто об этом не узнает. Медведеву ничего не скажем. Ведь хорошее дело сделаем: меньше пакости будет на земле.

— Нет, не разрешаю,— возражал я, пользуясь правом старшего.— Мы не можем рисковать, пока не выполним задание командования. И потом, пойми еще: мы уйдем отсюда, а девушка с отцом останутся. Неужели ты думаешь, что гитлеровцы их помилуют?

Последний аргумент умерил пыл Приходько, и он перестал меня упрашивать, хотя по всему было видно, что окончательно не успокоился.

Как только стемнело, мы пошли дальше, оставив девушке немного денег и пообещав зайти на обратном пути. За ночь мы отмерили более шестидесяти километров. Ноги отказывались слушаться и стали будто деревянные.

— Надо отдохнуть,— сказал Приходько и опустился на землю.

— А может, пойдем? — спросил я.— До Здолбунова рукой подать, скоро наступит рассвет, а там отдохнем.

— Нет, у меня ноги подкашиваются. Хоть полчаса, а надо посидеть.

— Ну что ж, ладно.— И я приземлился рядом с Колей. Метрах в десяти от нас проходила ровная лента дороги. Прошло минут десять, и за дорогой послышался

громкий сабачий лай, а по земле забегал желтый луч прожектора.— Сюда, Коля! — тихо сказал я, и мы сползли в ров, тянувшийся к лесу.

Что бы это могло быть? Я осторожно подполз к самой обочине и приподнял голову. Первое, что бросилось мне в глаза, была колючая проволока. «Лагерь военнопленных»,— мелькнула мысль.

Мы вынуждены были свернуть с дороги и пойти обходным путем, сделав крюк еще километров в пять. На рассвете добрались до Здолбунова, на окраине города нашли дом, где жила Колина сестра Анастасия, и легонько постучали в окно.

— Кто там?

— Свои.

— Кто свои?

— Открой, Настя, это я, Коля.

— Боже мой! Откуда ты взялся? — воскликнула женщина.

— Не шуми, открывай быстрее!

В Ровно, у брата Ивана, Николай уже был, но приказал ему о своем появлении никому не рассказывать. Поэтому сестра и не знала, что Коля живой и в партизанах. Его появление в это осеннее утро в Здолбунове было для Анастасии Тарасовны как гром среди ясного неба.

Муж ее — Михаил Шмерега — работал слесарем в паровозном депо. Его брат — Сергей — там же столяром. Дом на улице Ивана Франко, 2, куда мы пришли, принадлежал обоим братьям — честным, справедливым, трудолюбивым людям.

Нашему приходу братья обрадовались. Они не стали расспрашивать о цели визита, так как видели, что мы неимоверно устали. Ноги у нас опухли, а у Коли были даже до крови стерты пальцы и пятки.

— Накорми, Настя, ребят, и пусть ложатся отдыхать, после обо всем поговорим,— велел жене Михаил.

Мы напились парного молока и растянулись на мягкой перине, заснув богатырским сном. Проснулись утром следующего дня и никак не могли поверить, что проспали целые сутки.

Когда мы рассказали братьям о цели нашего прихода, Михаил, подумав немного, сказал:

— Никаких других квартир искать не надо. Этот дом

в вашем распоряжении. Ты, Сергей, полезешь на чердак и сделаешь люк в верхнем потолке. Там можно будет спрятать все что угодно.

Шмереги были, как говорится, мастерами на все руки. Строя дом, они сделали двойной потолок (чтобы теплее было), и теперь пространство между верхним и нижним перекрытиями можно было использовать для хранения оружия и взрывчатки.

Сергей сам выразил желание «заведовать» складом.

— Хорошо, ребята, что вы к нам пришли,— радовался он.— Как-то даже на душе легче стало, что наша берет.

В Здолбунове мы разыскали Дмитрия Красноголовца, товарища Коли Приходько. До войны он работал в железнодорожной милиции, был членом партии. Эвакуироваться не успел. Спрятав оружие и партийный билет, Дмитрий открыл швейную мастерскую и начал обдумывать план организации подполья на станции Здолбунов.

Он пользовался большим авторитетом у работников депо и других железнодорожных служб. Когда мы рассказали ему о наших намерениях, он с радостью предложил свои услуги.

— Мы уже кое-что сделали,— сказал он.— Люди у нас надежные и готовы выполнить любые задания.

Дмитрий познакомил нас с Петром Бойко, работавшим в кооперации, Авраамием Владимировичем Ивановым — бывшим учителем, а во время оккупации рабочим на станции, и с другими товарищами, которые стали ядром Здолбуновского подполья.

Еще до знакомства с нами эти товарищи под руководством Дмитрия Красноголовца устраивали диверсии на железной дороге: разбирали рельсы, выводили из строя поворотный круг, подбрасывали в уголь взрывчатку, сыпали в буксы железнодорожных вагонов песок...

Припоминаю разговор с Ивановым:

«Мы хотим, чтобы вы работали в подполье».— «Давно ждал, что кто-нибудь даст о себе знать».— «Вам придется быть связным между подпольной группой и партизанским отрядом».— «Согласен».— «Но имейте в виду, работа очень опасная».— «Знаю, именно поэтому готов ее выполнять».

Условившись обо всем необходимом с братьями Шме-

рег, Красноголовцем и другими товарищами, мы с Колей Приходько вышли из города и через два дня уже докладывали командованию отряда об успешном выполнении здолбуновского задания.

Из командирского бункера вместе с нами вышел Николай Кузнецов.

— Везет вам, ребята,— заговорил он.— Вот и снова вы побывали на задании, а я сижу в лесу и, кроме деревьев, ничего не вижу. Сколько ни просил командира, чтобы разрешил мне пойти на задание, а он не соглашается. «Рано»,— говорит. Я и сам хорошо знаю, что мое пребывание в городе связано со многими осложнениями, но до каких же пор можно ждать?

Мы с Колей Приходько сочувствовали Николаю Ивановичу. Нам было известно, что появление Кузнецова в оккупированном городе планируется в обличье гитлеровского офицера Пауля Зиберта. Конечно, Николай Иванович в совершенстве владеет немецким языком и с успехом может пойти в город. Но мы понимали и командира отряда Медведева. Безусловно, он был прав. Ведь для того чтобы Кузнецов перевоплотился в Пауля Зиберта и появился среди немецких офицеров, одного знания языка недостаточно. Требовалась очень тщательная подготовка.

После каждого нашего возвращения в отряд Кузнецов часами беседовал с нами, подробно расспрашивал обо всем увиденном и услышанном. Так прошел месяц, потом второй. Вряд ли в самом Ровно кто-нибудь из немецких офицеров настолько был в курсе всех городских дел, как Николай Иванович Кузнецов.

А Медведев продолжал говорить: «Рано».

Рано потому, что неизвестно, как воспримут Пауля Зиберта гитлеровцы, не окажется ли он среди них чужаком, не вызовет ли подозрения.

Наконец-то нам всем разрешили вместе обосноваться в Ровно: Кузнецову в роли обер-лейтенанта Пауля Зиберта, Коле Приходько — как его кучеру, мне — как переводчику, Николаю Струтинскому и Михаилу Шевчуку — как лицам, прислуживающим немецкому офицеру. Это и была наша разведывательная группа, возглавляемая Николаем Ивановичем.

В Ровно у нас нашлось много друзей. Настоящие советские патриоты, они ненавидели захватчиков и охотно помогали нам в борьбе против них.

Я всегда с благодарностью думаю об Иване Тарасовиче Приходько — старшем брате нашего Николая. Еще во времена панской Польши Иван женился на дочери немецкого колониста, оставшегося на Ровенщине после первой мировой войны.

Софья (так звали жену Ивана) была очень порядочным человеком и хорошей хозяйкой.

Когда пришли гитлеровцы и начали выдавать выходцам из Германии документы фольксдойче, Софья и не думала хлопотать об этом. Но Иван решил, что неплохо было бы «онемечиться», и зарегистрировал жену в гебитскомиссариате. Вскоре и ему удалось получить документы фольксдойче.

Впервые к Ивану мы пришли с его младшим братом Колей осенью сорок второго года. Он встретил нас приветливо, хорошо угостил, даже не поинтересовавшись, откуда мы пришли и что собираемся делать в городе. Но Коля сам сразу же после завтрака открыл брату карты:

— Вот что, Иван, таиться от тебя не станем. Мы с приятелем — партизаны, месяц назад прилетели из Москвы, и здесь у нас дел по горло. Каких — сам понимаешь.

— А ты не шутишь? — не поверил Иван.— Немцы ежедневно сбивают сотни советских самолетов, как же вам удалось так просто прилететь сюда? Тут что-то не то.

Чтобы убедиться, что мы не шутим, Иван Тарасович решил побывать в отряде.

Познакомившись с отрядом, Иван Приходько в беседе с Медведевым сказал:

— Я все понял. Мне очень нравится ваша фирма (так и сказал — «фирма»). Что я должен сделать?

— Помогать партизанам — брату и этим ребятам,— ответил командир, указывая на Николая Ивановича и нас.

— Но я же фольксдойче. Как согласовать одно с другим?

— Это очень хорошо. Когда Коля летел сюда, он рассказывал, что его брат работает в ровенской пекарне.

А тут оказывается, что вы у оккупантов «свой» человек. Это как раз то, что нам и нужно.

Так Иван Тарасович стал нашим верным помощником. И когда теперь приходится мне встречаться со своими боевыми друзьями — Николаем Струтинским, Михаилом Шевчуком и другими медведевцами, когда мы вспоминаем события тех лет, мы всегда с благодарностью говорим о Приходько-старшем и его жене Софье, которые дали нам приют в своем доме по Цвинтарной, 6, и вместе с нами приближали час победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками.

Активной подпольщицей стала и Мария Левицкая. О ней мы узнали еще в отряде от ребят, которым посчастливилось бежать из лагеря военнопленных и найти нас.

— В лагере,— рассказывали они,— мы посменно работали на очистке ассенизационных ям и вывозили нечистоты в бочке за город. Там мы часто встречали двух женщин, приносивших нам еду. Они и посоветовали нам, как организовать побег, и дали свой адрес. Мы воспользовались их советом. Товарищи вывезли нас за город в бочках из-под нечистот, мы дождались вечера и пришли по указанному адресу. Нас встретила приветливая, доброжелательная женщина — Мария Левицкая, которая со своей соседкой Верой Гамонь помогла нам убежать из плена. Женщины дали нам переодеться, хорошо накормили. Мы отдохнули и стали пробираться в Сарненские леса. Если будете в Ровно, обязательно зайдите на улицу Крутую, 11.

«Надо обязательно связаться с этими женщинами,— подумал я,— и, если будет возможность, устроить у них конспиративную квартиру».

Николай Иванович согласился со мной.

— Но сначала,— сказал он,— посоветуйся с Лукиным. Думаю, что он разрешит тебе познакомиться с Левицкой и Гамонь. Все время быть у Ивана Приходько опасно. Надо иметь еще несколько надежных квартир.

Посоветовавшись с Лукиным, я пошел к Марии Титовне Левицкой. Трудно передать радость, с которой встретила нас эта женщина. После первого разговора мы поняли, что имеем дело с человеком, способным полностью посвятить себя подпольной борьбе. Она без колебаний согласилась сделать свою квартиру местом встреч разведчиков.

Ее муж Феликс был чернорабочим в немецком ресторане и часто извещал нас о том, что творится в этом заведении. А сама Мария была одной из первых и одной из самых отважных наших связных. Помогала нам и ее соседка — Вера Гамонь.

Названные мною люди — это первые наши помощники, начавшие сотрудничать с нами, как только мы появились в Ровно. Позже их становилось все больше и больше.

В Ровно с каждым днем дел у нас прибавлялось. Николай Иванович быстро освоился в городе. Его связи среди немецких офицеров и гестаповцев расширялись и укреплялись. Вскоре он стал в Ровно одним из самых популярных офицеров. Дважды награжденный Железным крестом первой степени и другими знаками отличия, раненный на Волге, он пользовался непререкаемым авторитетом среди своих «коллег».

В начале апреля 1943 года меня вызвали в штаб и дали новое задание.

— Пойдешь в Ровно и устроишь там нашу новую разведчицу,— сказал командир.— Знакомься, вот она.— И Дмитрий Николаевич подвел меня к невысокой девушке, скорее похожей на школьницу, чем на партизанку.

«Это какая-то шутка»,— подумал я.

Девушка протянула руку и тихонько проговорила:

— Валя.

— Николай,— представился я и глянул ей в глаза. Они были не по-детски серьезными и таили в себе необыкновенную силу. Нет, у простой школьницы такого взгляда не могло быть. Видать, эта девушка уже хлебнула горя.

Так я познакомился с Валентиной Константиновной Довгер, нашим боевым товарищем по подпольной борьбе в Ровно, верной помощницей и подругой Николая Ивановича Кузнецова.

Дмитрий Николаевич подробно рассказал мне, что нужно сделать для устройства Вали.

— Дело в том,— предупреждал он,— что ее функции будут резко отличаться от наших. Ей необходимо официально устроиться на работу и по возможности стать фольксдойче. Фамилия ее — Довгер — целиком подходит. Но об этом позже. Пока вам обоим завтра утром надо попасть в город.

До шоссе приходилось добираться пешком. Между городом и отрядом для разведчиков устраивали «маяки» и «зеленую почту». Это было условленное место в густом лесу поблизости от шоссейной дороги, где целыми сутками дежурили партизаны, поддерживавшие связь с отрядом и с разведчиками, которые находились в городе. Каждый разведчик имел свои «почтовые ящики» — основной и контрольный, куда приносил записку о прибытии на «маяк» или срочные сообщения. Эти «почтовые ящики» (дупло дерева, пенек, муравейник и т. д.) дважды в день — утром и вечером — проверялись. Такая система бесперебойной связи с отрядом была нелегкой.

По пути к шоссе мы о многом разговаривали с Валей. Она рассказала мне, как решила стать разведчицей.

— Мой отец был связан с вашим отрядом и выполнял поручения командования. Мне он ничего не говорил, но я кое о чем догадывалась, так как он часто встречался с незнакомыми людьми и отлучался из дому на несколько дней. Однажды он ушел и не вернулся. Уже потом нам рассказывали партизаны, что немцы схватили отца, связали колючей проволокой, избили и бросили в прорубь. Он так любил нас — маму, младшую сестру и меня... Вот я и решила его заменить. Медведев вначале принял мое намерение как шутку, ему не верилось, что я смогу быть полезной отряду, но меня поддержал Кузнецов. Это он уговорил командира отправить меня в Ровно и устроить на работу переводчицей. Я ведь неплохо владею немецким языком.

— А тебя не пугает работа разведчицы? — спросил я девушку.— Ты знаешь, что ждет тебя в Ровно?

— Да, знаю,— не задумываясь, ответила она.— Я ничего не боюсь. Я уже говорила об этом Медведеву, Лукину и вам скажу. У меня лишь одна мечта, одна цель — отомстить этим зверям за отца, отомстить за горе, причиненное нашей земле. И я не успокоюсь, пока не сделаю этого.

Правду говоря, мне не верилось, что эта невысокая, на первый взгляд нежная девочка, полуребенок, обладает таким мужеством и отвагой, такой настойчивостью в достижении цели, испепеляющей ненавистью к врагам и волей к победе над ними. Я вспомнил свою первую поездку в Ровно, Марийку Курильчук, разговор с ней. Она тоже хотела стать разведчицей, но ею руководили совсем иные

чувства. Она искала приключений, ее привлекала романтика подпольной работы. А разве в этом заключается смысл нашей борьбы? Из Марии так и не вышло разведчицы.

А Валя? Она шла в подполье совсем из других побуждений. И я от всего сердца желал ей стать настоящим борцом за освобождение родного края.

Выйдя на шоссе, связывавшее Ровно с Луцком, мы «проголосовали» первой попавшейся машине («проголосовали», разумеется, с колбасой и с бутылкой в руках: с пустыми руками шофер мог «не заметить») и через полчаса были уже в Ровно. В тот же день Левицкая помогла Вале найти квартиру по улице Торговой, 24. Хозяйка дома — Мария Козловская сразу же прониклась симпатией к своей квартирантке, и они стали хорошими приятельницами. Тут, в доме по Торговой, была наша явочная квартира, сюда приходили Николай Иванович Кузнецов, Шевчук, Струтинский и другие наши разведчики, здесь утраивались вечеринки с участием гитлеровских офицеров, агентов гестапо, и никто из окружающих, даже сама хозяйка и ее мать, не догадывались, с кем имеют дело.

Николай Иванович и Валя стали в Ровно хорошими друзьями — как разведчики и неразлучными «влюбленными» — как немецкий обер-лейтенант и хорошенькая «фрейлейн». Появление в Ровно рядом с Кузнецовым Вали Довгер способствовало укреплению положения советского разведчика среди гитлеровцев, увеличению числа его «друзей».

Ресторан «Дойчер гоф»

Однажды, когда мы въезжали в Ровно, Николай Иванович обратил мое внимание на большую цветную рекламу, в которой сообщалось, что «на главной улице города ежедневно и бесперебойно работает ресторан-люкс «Дойчер гоф».

— Этим предприятием нам не мешало бы поинтересоваться,— сказал он.

— Там — «нур фюр дойче». Всем остальным нужно иметь специальные пропуска. А таких, как мы, не пускают,— ответил я.

— Если бы гитлеровцы знали, кто мы, они не пустили

бы нас и в Ровно,— усмехнулся Кузнецов.— Но мы свободно разъезжаем по городу и неплохо чувствуем себя. Вам с Михаилом Шевчуком, известным коммерсантам, даже сам фюрер не запретит бывать в этом ресторане.

— Я охотно пойду туда, Николай Иванович, тем более что там можно хорошо пообедать.

— Живой устрицы ты не глотнешь, и не советую тебе заниматься таким экспериментом. Уверяю тебя, вкуснее украинского борща с пампушками и сибирских пельменей ты ничего не найдешь. А эти блюда лучше Марии Левицкой или Софьи Приходько вряд ли кто сумеет приготовить. Но в ресторане нас интересует не кухня, а его посетители и то, какие разговоры они ведут.

— Вы уже были там? — спросил я Кузнецова.

— Был. Но мне не хочется свой авторитет офицера «великого рейха» создавать в ресторанной обстановке. Терпеть не могу ресторанного бедлама и не хочу быть частым посетителем этого заведения. Только в исключительных случаях, когда этого будет требовать дело, я пойду туда. А вам советую стать завсегдатаями ресторана.

Попасть в «Дойчер гоф» было нелегко. Мало того, что на дверях висела табличка: «Только для немцев», не каждого и немца туда пускали. Даже сержантскому составу гитлеровского вермахта вход в ресторан был запрещен. А тут попробуй стать в нем своим человеком. Безусловно, если нам не удастся туда попасть, наша роль в разведывательной работе не уменьшится, но как отказаться от такого чудесного источника всевозможной информации!

Как же проникнуть в ресторан? Может, с помощью мужа Марии Левицкой — Феликса? Но ведь он всего лишь чернорабочий, и по его протекции можно стать тоже только истопником или кочегаром. Нет, Феликс не подходит...

И тут я вспомнил о пане Зеленко, моем старом знакомом, у которого я давно не был. Именно через него лежит путь в ресторан, через его хорошенькую сестричку панну Зосю и ее надоедливого поклонника оберштурмфюрера Фридриха Миллера. Не очень хотелось снова попасть в общество пана Зеленко, но другого выхода у меня не было. Да и Николай Иванович изъявил желание познакомиться с Миллером.

Пан Зеленко очень обрадовался, когда я переступил порог его заведения, поздоровался с ним и попросил панну Зосю пригласить оберштурмфюрера. Да он и сам не заставил себя ждать.

— Рад вас видеть,— расплылся он в улыбке.— Просто чудесно. У меня сегодня большое событие, и я не против немного повеселиться...

— Я тоже рад вас видеть, пан Миллер,— выпалил Зеленко,— и пан Курильчук вас спрашивал. Зося уже хотела идти за вами.

— Вы располагаете временем? — спросил меня Миллер.

— Посидеть с вами у меня всегда есть время,— ответил я.

— Очень хорошо!

Пан Зеленко засуетился, приказал накрывать на стол, но я остановил его:

— Не беспокойтесь, пан Зеленко. А не повеселиться ли нам не так, как обычно?

— У меня есть чудесная водка.

— Спрячьте ее до следующего раза. А сегодня предлагаю заказать стол в ресторане «Дойчер гоф». Два дня тому назад я сделал неплохую коммерцию и все расходы беру на себя. Что вы так смотрите на меня, пан Зеленко? Разве вам не нравится кубинский ром с лососинкой и телячья печенка?

— Нравится, нравится,— заспешил тот.— Но «Дойчер гоф»... Я еще там никогда не был... Туда не всех пускают...

— Надеюсь, перед нашим уважаемым паном Миллером дверь ресторана сама открывается, и он окажет нам эту небольшую услугу. Оркестр и певица будут исполнять заказы панны Зоси и пана Фридриха...

— Господа, со мной — хоть к самому гаулейтеру! — хвастливо воскликнул Миллер.

Не прошло и часа, как мы зашли в ресторан. Оберштурмфюрера тут хорошо знали. Метрдотель любезно проводил нас на второй этаж, предложив свободный столик на балкончике. Отсюда хорошо было видно все, что происходит в зале.

Мое внимание привлекли дыры в потолке, и я принялся их рассматривать. Гестаповец заметил мое удивление.

— Это фронтовики ведут себя не совсем культурно,— немного смутясь, объяснил Миллер.— Они часто пытаются тут устраивать скандалы, и мы имеем с ними мороку.

И в этот вечер не обошлось без скандала. В ресторан вошли два офицера, как оказалось, из проезжавшей через Ровно части. Поскольку свободных мест не было, администрация отказалась их обслужить и предложила им оставить зал. Тогда офицеры, не стесняясь в выражениях, начали кричать, что фронтовики кровь проливают, а тыловые крысы только и знают, что пьют. Появились фельджандармы, и на первом этаже поднялся скандал.

Как нам объяснил Миллер, все произошло из-за того, что за одним из столиков сидел не офицер, а обыкновенный обер-ефрейтор. Я и сам удивился, увидев, как он сосредоточенно хлебает солянку, держа на поводке огромную овчарку. Обер-ефрейтор да еще с собакой в таком ресторане? Это было для меня непонятным.

— Откуда он тут взялся? — спросил я Миллера.— И почему пустили собаку?

— Вероятно, это сын какого-то князя или графа,— вставил пан Зеленко.— А эти офицеры просто плохо воспитаны.

— Нет, господа,— сказал Миллер,— он не сын князя. Но он не обычный ефрейтор, и его собака не обычная. Тут не раз уже из-за него поднимали шум, особенно фронтовики... Откуда им знать, что это сам дрессировщик собак герра гаулейтера. У него в Кенигсберге собственная псарня, где выводят разные породы собак. К тому же он заядлый охотник.

— Гаулейтер, вероятно, держит псарню из чисто коммерческих соображений,— произнес пан Зеленко, рассматривающий все с точки зрения коммерческой выгоды.

Меня заинтересовал рассказ Миллера о пристрастии Коха к собакам. «Недаром Николай Иванович в поисках путей к Коху завязывает все новые и новые знакомства среди немецких чиновников и офицеров,— подумал я.— Нет, разговор надо продлить. За эту ниточку надо цепко держаться».

Между тем Миллер продолжал:

— Гаулейтер держит псарню из соображений не коммерческих, а...— он посмотрел, какое впечатление произведут на нас его следующие слова,— государственных.

У нас, в Германии, собаки несут большую службу. Нет такого объекта, требующего охраны, где не было бы наряда вооруженной охраны с собаками. Гаулейтер говорит: «Охранника-человека можно подкупить, а охранника-пса, да еще дрессированного,— никогда... Я больше верю псам...» Золотые слова! Даже самого герра Коха охраняют собаки и на квартире, и в...

Гестаповец замолчал, очевидно опомнившись, что говорит лишнее.

Чтобы не прервать разговора, я еще раз высказал свое возмущение по поводу того, что фронтовиков из-за какого-то дрессировщика не пустили в ресторан.

— Что ни говорите, герр Миллер,— сказал я,— но, по-моему, в таком первоклассном ресторане собакам не место.

— Возможно, вы правы, но Шмидт — так фамилия обер-ефрейтора — ходит сюда не по собственной инициативе. Он мог бы зайти сам, без овчарки, и съесть ту порцию солянки и гуляша, которую он получает здесь бесплатно. Но он водит сюда овчарку для тренировки. Гаулейтер утверждает, что личная собака должна быть все время среди арийцев, тогда она лучше будет отличать немцев от остальных. Вот в чем весь секрет дрессировки собак. Я, правда, мало в это верю. Животное остается животным. Но гаулейтер в этом убежден. К тому же для собаки тут готовят специальное блюдо...

Мне так и не удалось познакомить Кузнецова с Миллером: гестаповца неожиданно перевели в Белоруссию, и его след затерялся. Но благодаря его протекции я стал постоянным посетителем ресторана «Дойчер гоф». Ресторан был подходящим местом для получения всевозможной информации о моральном духе гитлеровской армии.

От ефрейтора Шмидта до гаулейтера Коха

По прибытии в город Валя устроилась продавщицей в магазине для фольксдойче, но вскоре с этим местом ей пришлось распрощаться: в таких магазинах разрешалось торговать только лицам немецкого происхождения. Спустя некоторое время Валя получила вызов на биржу тру-

да. Мы хорошо знали: этот вызов угрожает нашей разведчице отправкой в Германию. Отказаться было невозможно, а возвратиться в отряд — значило бы выйти из игры, необходимой и для Николая Ивановича, и для всех нас.

Оставалось попытаться подсунуть кому-либо из работников биржи труда крупную взятку и таким образом купить для Вали необходимую должность в городе.

Но к этому нам прибегать не пришлось. Когда я рассказал Кузнецову о том, что в ресторане «Дойчер гоф» видел обер-ефрейтора Шмидта — дрессировщика собак Коха, Николай Иванович в тот же вечер отправился в ресторан и, заметив обер-ефрейтора с овчаркой, подошел к его столику.

Собаковод, увидев офицера, схватился было и стал по команде «смирно», но благодушный офицер-фронтовик спокойно предложил:

— Сидите, сидите, господин обер-ефрейтор, я специально подсел к вашему столику. Я большой любитель собак и когда вижу такого красавца, как ваш...

— О! Мне очень приятно! — с восторгом произнес собаковод.— А я думал, что только мой хозяин неравнодушен к этим животным. Оказывается, есть настоящие офицеры, которые понимают вкус в этом деле. Мне приятно, если не возражаете, с вами познакомиться. Личный собаковод гаулейтера обер-ефрейтор Оскар Шмидт,— выпалил он.

— Очень приятно, очень приятно,— хладнокровно ответил Николай Иванович.— Обер-лейтенант Пауль Зиберт.

Наш разведчик, не нарушив ни единого правила в поведении с низшим чином, буквально пленил собеседника своим разговором. Николай Иванович называл породы собак, их назначение с таким знанием, как будто, по меньшей мере, был владельцем псарни.

Обер-лейтенант и обер-ефрейтор нашли общий язык, и не только в этот вечер, но и позже их можно было видеть вместе за столиком.

Так состоялось знакомство обер-лейтенанта Пауля Зиберта с обер-ефрейтором Шмидтом. Советский разведчик приступил к выполнению очень сложного и ответственного задания — организации убийства фашистского палача Эриха Коха. Через Шмидта Кузнецов позна-

комился с адъютантом гаулейтера майором фон Бабахом и с другими подручными «наместника фюрера» на Украине. Николай Иванович всегда очень тонко вел себя с новыми знакомыми, каждый шаг у него был рассчитан и продуман во всех деталях. Он умел завоевывать симпатии тех, кто мог ему быть полезен, причем не был настойчивым, не надоедал им, а действовал очень осторожно, не вызывая ни малейшего подозрения. И всегда не Кузнецов высказывал нужную ему идею, а тот, кто мог и должен был воплотить ее в жизнь.

Нет, не обер-лейтенант Пауль Зиберт, а сам майор фон Бабах почти каждый вечер назначал свидания, сам адъютант гаулейтера знакомил советского партизана все с новыми и новыми представителями рейхскомиссариатской аристократии. Эти встречи происходили и в ресторане «Дойчер гоф», и в офицерских казино, и на квартире фон Бабаха, и даже в домике, где жила наша разведчица Валя Довгер.

Собаковод гаулейтера Шмидт «по совместительству» стал посыльным между майором фон Бабахом и обер-лейтенантом Зибертом. Он справлялся с новой ролью, вероятно, лучше, чем со своими основными обязанностями, так как после каждой встречи с обер-лейтенантом в его кармане появлялись банкноты.

Навязчивость фон Бабаха вызывала у Николая Ивановича подозрение.

— Возможно, эта хитрая фашистская бестия что-то замышляет против нас,— говорил Кузнецов.— Может, он догадывается, что имеет дело не с обыкновенным немецким офицером. Он очень опасный человек, недаром Кох держит его при себе.

Как-то фон Бабах сказал Кузнецову:

— А я тебя Пауль, уже давно знаю.

Николай Иванович удивленно посмотрел на майора:

— Это откуда же?

— Боже, какая у тебя короткая память! Еще до войны мы с гаулейтером не раз ездили в леса под Кенигсбергом на охоту. Это было, не помню точно, но, кажется, в тридцать четвертом или тридцать пятом году. Там, в имении князя Шлобиттена, мы и познакомились с твоим отцом Отто Зибертом, бывшим управляющим этим чудесным хозяйством. Не так ли, господин обер-лейтенант?

— У вас феноменальная память, господин майор! —

восторженно воскликнул Кузнецов. И тотчас же, чуть склонив голову, грустно добавил: — Но моего отца, мир праху его, уже нет. Он умер в 1936 году. Управляющим у князя Шлобиттена после смерти отца стал я... Долго мне не пришлось управлять, так как вскоре я пошел в армию, а там школа офицеров... фронт. А относительно моей памяти?.. Что ж, сдаюсь,— Николай Иванович, улыбаясь, поднял руки,— возможно, мы и встречались. Но к нам, в эльбинские леса, приезжало так много охотников, так много людей гостило у князя, что у меня в то время даже выработался рефлекс безразличия, какого-то равнодушия.

— Тебе и сейчас все нипочем. Мне бы твои заслуги перед фатерландом, я бы не проматывал здесь, в Ровно, отцовские деньги, а завел бы на этих плодородных землях хозяйство. Рабочих рук тут хватает. И у тебя есть хороший опыт.

Кузнецов не спешил с ответом. Он прошелся по комнате, а потом категорически заявил:

— Я уже думал об этом, господин майор, и, возможно, сделаю так, но не сейчас. Враг еще не разбит, я должен исполнить долг немецкого офицера до конца.

Подобные разговоры между фон Бабахом и Паулем Зибертом возникали часто. И Николай Иванович всегда задумывался: «Что таится за словами гитлеровца? Не испытывает ли он меня? Удастся ли его обойти и с его помощью проникнуть в резиденцию Коха? Какую версию придумать, чтобы сам фон Бабах предложил мне пойти на аудиенцию к гаулейтеру?»

И тут возник новый план.

...Как-то после сытного обеда майор фон Бабах предложил Паулю Зиберту пойти на пляж позагорать и искупаться.

— Не искушайте меня, герр майор,— ответил Кузнецов.— Сегодня я должен пойти к своей невесте. У нее маленькая неприятность, и нужно ей помочь.

— А что именно?

— Валя получила повестку из гебитскомиссариата о выезде в Германию.

— Жаль, что тебе придется с ней расстаться. Она очень приятная девушка. Ты не пытался сходить в гебитскомиссариат?

— Там ей уже отказали,— огорченно ответил Николай Иванович.

— Если ты сможешь поручиться за нее, я попробую устроить ей встречу с шефом. Для гаулейтера такие вопросы — пустяк.

Кузнецов только и ждал этого предложения, но согласиться сразу же он не мог.

— Не знаю, удобно ли беспокоить господина гаулейтера, хотя, откровенно говоря, девушку мне очень жаль. Бандиты замучили ее отца за то, что он по происхождению немец. Я даже знал старика. Он был порядочным человеком, этот Довгер. И только за то, что в его жилах текла немецкая кровь, он поплатился жизнью.

— Если она действительно немецкого происхождения, ей обязательно нужно помочь,— расчувствовался фон Бабах.— Через гаулейтера ей можно оформить документы фольксдойче, только надо найти надежных свидетелей, которые бы поручились, что она из немцев.

— Вы, господин майор, золотой человек. Ваша идея чудесна! Я от нее в восторге! Как только Валя Довгер получит удостоверение фольксдойче, на следующий же день она станет фрау Валентина Зиберт. Приглашаю вас на свадьбу, господин майор! Что же касается поручителя, то я первый готов им быть.

— Если у тебя серьезные намерения относительно Вали, то стоит побеспокоить не только гаулейтера, но и самого фюрера. Между прочим, хозяину не надо говорить о свадьбе. Просто: идет речь об исправлении несправедливости, допущенной по отношению к человеку немецкого происхождения.

— Я вам буду благодарен за это всю жизнь.

Николай Иванович рассказал нам об этом разговоре с фон Бабахом в тот же день.

— Знаете,— сказал он,— я думал, что план сорвется. Сначала шло гладко. Мой майор говорит: «Давай заявление, гаулейтер хоть завтра его подпишет». А потом как начал меня штурмовать вопросами, как завелся: почему я выбрал себе именно Валю, разве не найдется какой-то богатой немецкой фрейлейн, как это воспримут в имении, когда я вернусь...

— А ты действительно ему говорил о женитьбе? — спросила Валя.— Еще, чего доброго, свадьбу придется справлять.

— А что было делать? Я разыграл из себя безумно влюбленного. Если этот фон Бабах организует нам встречу с Кохом, мы не то что свадьбу, а черт знает что устроим!

Валины щеки зарделись.

— Оставь шутки! — серьезно сказала она.

— А почему не пошутить? — ответил Кузнецов.— В этом ничего плохого нет. Шутка подбадривает, если хочешь, придает человеку силы. А нам надо быть бодрыми, не падать духом. Впереди у нас, Валюша, очень сложная операция. Через пару дней пойдем к Коху. Он будет говорить с тобой. Фон Бабах сказал, что гаулейтер лично принимает всех, кто хлопочет о документах фольксдойче: хочет убедиться, имеет ли он дело с патриотом «великого рейха» или с проходимцем, мечтающим о привилегиях и пайке. Мне придется обождать в приемной, пока Кох не позовет меня для подтверждения твоего происхождения. Боюсь только, как бы все не сорвалось: фон Бабах сказал, что гаулейтер снова собирается в Кенигсберг.

В этот вечер наша группа собралась у Ивана Приходько, чтобы обсудить план уничтожения Эриха Коха. Мы договорились обо всем. Решили, что я буду кучером Пауля Зиберта и его невесты Вали Довгер, а Михаил Шевчук, Жорж Струтинский, Иван Приходько и другие товарищи будут вблизи резиденции, чтобы в случае необходимости прийти нам на помощь.

Но где раздобыть хороший фаэтон? Сначала думали взять лошадей и повозку в отряде. Но времени было мало, а отряд— далековато. К тому же у партизан не было порядочного экипажа.

Мне, как опытному коммерсанту, поручили купить или одолжить фаэтон в городе. Я немедленно кинулся на поиски, так как на следующий день фон Бабах сообщил Паулю Зиберту, что все идет как по маслу, пропуск к Коху заказан и теперь успех будет зависеть от того, в каком настроении окажется во время аудиенции гаулейтер.

А мои поиски фаэтона были пока безуспешными.

— Придется идти пешком,— сказала Валя.— Все равно фаэтон нам едва ли пригодится. Я не собираюсь бежать после того, как пущу пулю в лоб этому сатрапу.

— О чем ты говоришь! — воскликнул Кузнецов.— Ты

даже не имеешь права думать об этом. Не забывай: задание лишь в том случае будет выполнено, если все пройдет благополучно и мы вернемся в отряд. А фаэтон нам понадобится не для того, чтобы бежать, а чтобы уложить оружие. Понимаешь, как все будет? Мы с тобой — в приемной Коха, выходит фон Бабах и приглашает тебя в кабинет. Ты идешь с майором, а через минуту без разрешения вхожу я, ты сразу же выходишь, я расправляюсь с Кохом и моим «другом» и быстро иду за тобой вниз. На улице мы садимся в фаэтон. Гнидюк ждет нас в полной боевой готовности. А дальше обстановка подскажет, что надо делать.

— Нет, в Коха буду стрелять я,— не соглашалась Валя.

— Оставь, Валя. Из твоего пистолета можно только воробьев пугать, а не стрелять в фашиста на расстоянии. Ты не успеешь раскрыть сумочку и вытащить свою игрушку, как окажешься в руках майора фон Бабаха. А вернее всего, тебе придется распрощаться с сумочкой в бюро пропусков.

Вале ничего не оставалось, как согласиться с Кузнецовым.

Среди извозчиков у меня был знакомый Вацек. К нему крепко пристала кличка «Сакраменто», так как в пьяном виде (а трезвым Вацек бывал очень редко) он часто употреблял это слово. У этого извозчика были отличные кони и фаэтон, и я решил взять их на 31 мая — день, на который были заказаны пропуска в резиденцию Коха.

Получив от меня пятьдесят марок, Вацек низко поклонился и подобострастно произнес:

— Я к вашим услугам, мой сладчайший пан. Не то что на день, но даже на год я готов с вами ехать куда угодно, хоть к партизанам.

Так мы подготавливали эту серьезную операцию. Никому и в голову не приходило, что может произойти с каждым из нас в случае неудачи. Ни у кого не было ни малейшего колебания — только ненависть к врагу, причинившему столько горя нашему народу.

Мы разыскали и подробно изучили план резиденции Коха, разработали десятки возможных вариантов завершения операции, тщательно проверили все оружие. В городе были заложены мины, которые должны были взорваться, как только будет убит сатрап. Все наши люди

были предупреждены о времени операции. Условились, куда кто должен явиться после нее.

А на квартире у Вали Довгер шли последние приготовления. Николай Иванович несколько раз переписывал заявление на имя рейхскомиссара Украины с просьбой «проявить богом данную его превосходительству милость и не дать восторжествовать несправедливости, берущей иногда верх над правдой». «Мне, Валентине Довгер, немке по происхождению,— говорилось дальше в заявлении,— отец которой замучен бандитами за принадлежность к арийской расе, приходится сидеть без работы и хлеба или же вместе с русскими и украинцами ехать на работу в Германию...» Заявление заканчивалось так: «Все вышеприведенное может подтвердить письменно или устно офицер немецкой армии, кавалер двух орденов Железного креста обер-лейтенант Пауль Зиберт, уроженец Восточной Пруссии, сын бывшего управляющего имением князя Шлобиттена под Кенигсбергом. Еще раз прошу, надеясь на Вашу милость, великодушие и справедливость. Да поможет нам бог! Хайль Гитлер! Валентина Довгер».

Когда Пауль Зиберт прочитал это заявление фон Бабаху, тот восторженно воскликнул:

— О, после такого заявления никто не откажет фрейлейн в просьбе.

30 мая на квартиру Вали пришел Шмидт и принес записку от фон Бабаха: «Обер-лейтенанту Паулю Зиберту. Завтра в 14.00 прошу прибыть в рейхскомиссариат. Только без опозданий. Гаулейтер готов принять Вас и Вашу невесту. Пропуска готовы. С уважением. Майор фон Бабах».

— Что-то очень уж майор беспокоится о нашей встрече с Кохом,— сказал Кузнецов.— Не готовит ли этот хитрец нам сюрприз: устроит гестапо контроперацию и возьмет живьем всю группу. Вот будет скандал!.. Но нет — он просто заранее предвкушает удовольствие от нашей благодарности за услугу. Понимает, что влюбленный офицер, бывший управляющий богатым прусским имением, щедро его отблагодарит, и поэтому так старается. Ну что ж, герр майор, лелейте сладкие надежды. Обер-лейтенант Пауль Зиберт действительно собирается щедро за все расплатиться. До встречи, фон Бабах! До встречи, герр гаулейтер! Итак, завтра в четырнадцать...

Аудиенция состоялась

— Как с фаэтоном? — спросил Николай Иванович, когда 31 мая я зашел к Вале.

— Все в порядке. В двенадцать подкатит сюда. Только как быть с кучером?

— А разве ты не сказал ему, что нам нужен лишь экипаж?

Не успел Николай Иванович закончить свой упрек, как из-за окна донеслось громкое «тпр-р-ру».

— Что ж, устраивай своего Сакраменту,— бросил мне Кузнецов,— а мы начнем собираться, вот-вот подойдет Шмидт.

Я позвал Вацека в комнату, пригласил к столу и поставил перед ним полную бутылку.

— Пейте, пан Вацек, это вам не какая-нибудь вонючая самогонка, а настоящая водка-монополька.

— Дойче эрцойгнис,— пробормотал кучер, успевший до этого где-то порядком нализаться.— О! Гут, гут...

Не скрывая удовольствия, он опрокинул подряд несколько стаканчиков и через полчаса уже спал крепким сном. А мы занялись фаэтоном. В ящик под передним сиденьем положили пять противотанковых и несколько обыкновенных гранат, два автомата.

— Ого, какие запасы! — смеясь, сказала Валя Кузнецову.— Ты, вероятно, собираешься воевать из фаэтона, как из дота.

Но Кузнецову было не до шуток. Продолжая заниматься снаряжением, он деловито ответил:

— Ничего, ничего. Все может пригодиться. Жаль только, что не помещается больше — ящик маловат.

...Вот уже и двинулся наш экипаж к резиденции Эриха Коха. На заднем сиденье — обер-лейтенант армии «великого рейха». Все на нем блестит: погоны, ордена, пуговицы. Он строен, подтянут. Выражение лица сосредоточенное, торжественное. Взгляд устремлен вперед. Лишь изредка голова его поворачивается влево, и взгляд несколько теплеет. Это глаза обер-лейтенанта встречаются с глазами девушки в черной юбке и такой же черной кофточке. Девушка, как и ее сосед, выглядит весьма торжественно.

У ног «молодых» лениво улеглась огромная овчарка.

Ее хозяин — обрюзгший ефрейтор с мешками под глазами — сидел лицом к обер-лейтенанту и девушке и сопел, обдавая их хмельным перегаром.

Важно и гордо, как и надлежит извозчику, везущему знатных лиц, восседал я на козлах.

Можно себе представить, как были натянуты наши нервы. Ведь за всей этой внешней парадностью скрывалось огромное напряжение и волнение. Мы едем на очень ответственную операцию. Вскоре должно произойти событие, о котором заговорят все газеты земного шара, а в фашистском логове подымется страшная паника.

Мы ехали по главной улице, как настоящие хозяева этого красивого украинского города, а все надписи на домах на немецком языке и сами гитлеровцы, стучавшие железными подковами по тротуарам, казались нам мусором, который необходимо выбросить вон. И сделать это должны мы. Именно нам поручила это Родина, наш славный народ. Русский, белоруска и украинец — дети единокровных советских братьев — идут, возможно, на смерть ради жизни других. Нет, в такие минуты человек не может быть бессильным. Он становится крепче, у него вырастают крылья, и никакие другие мысли не руководят его действиями, кроме мыслей о святом долге перед Родиной.

Вблизи резиденции Коха замечаю Мишу Шевчука, Жоржа Струтинского и Ивана Приходько, чуть дальше уверенно прохаживаются по тротуару неразлучные Николай Куликов и Василий Галузо.

«Держитесь, друзья,— читаю в их глазах.— Вся Родина с нами».

Я говорю им тоже одними глазами: «Не волнуйтесь, хлопцы. Все будет в порядке».

Без слов понимаем мы друг друга, потому что сердца наши и мысли настроены на одну волну.

...Гаулейтер выбрал для своей резиденции двухэтажный дворец с колоннами в глубине сада, обнесенного высокой оградой и обтянутого колючей проволокой. У массивных ворот стояли часовые, тщательно проверявшие пропуска у каждого, кто должен был пройти во дворец или въехать во двор.

Подъехав к воротам, мы сразу же увидели майора фон Бабаха, вышедшего нам навстречу.

— А я уже беспокоюсь,— забыв поздороваться, ска-

зал он.— Думаю: хоть бы не опоздали. Гаулейтер собирается к отъезду в Кенигсберг.

— Хайль Гитлер! — приветствовал его Кузнецов.

— Хайль Гитлер, герр обер-лейтенант. Получайте пропуска, и пойдем в резиденцию. Экипаж поставьте во дворе, в тени.

В наши планы не входило заезжать во двор (ведь без специального разрешения охрана не выпустит фаэтон назад), но отказать адъютанту было невозможно, пришлось принять его предложение. Получив пропуска, Николай Иванович и Валя в сопровождении фон Бабаха пошли во дворец, а я остался в саду, на козлах экипажа. Должен признаться, мое самочувствие в те минуты было не из приятных. Мне казалось, что, возможно, фон Бабах приготовил для всех нас западню.

Как медленно тянется время! Взад и вперед снуют немцы — военные и штатские. Каждый раз они как-то подозрительно посматривают и на фаэтон и на меня. А может, их взгляды только кажутся подозрительными? Ведь мозг мой был настолько напряжен, что малейший скрип окна или двери, возглас внутри дворца казались долгожданным выстрелом.

За воротами появился Шевчук. Он не спеша прогуливается по тротуару, держа в руках пышный букет.

А вот Жорж Струтинский. У этого руки в карманах...

Они на месте, мои друзья. Я вижу их, я чувствую биение их сердец. И это придает мне бодрости, слегка успокаивает до предела натянутые нервы.

— Все обойдется хорошо... Все будет в порядке,— шепчут губы.

Это я — хлопцам. Это я — себе. Это я — матери моей.

Нет, не знает она, где теперь ее Микола. И отец не знает. И братья.

«Помнишь, Грицю,— обращаюсь мысленно к старшему брату,— как я мальчишкой помогал тебе крутить ротатор, из которого вылетали небольшие листочки бумаги? Не знал я тогда, о чем именно писалось на этих листках. Уже потом, когда тебя забрали и посадили за решетку, узнал я, что ты подпольщик. И не обычный, а член окружного комитета КПЗУ [1]. Выходит, я уже и тогда был подпольщиком».

---

[1] *КПЗУ* — Коммунистическая партия Западной Украины.

Было это в 1932 году. А через год пришла в нашу семью еще одна тяжелая весть: военный трибунал приговорил брата Ивана к казни, как члена Польской коммунистической партии.

Иван! Иван! Сколько слез выплакали тогда глаза нашей мамы, сколько здоровья отняла у нее, у отца, у всех нас, троих младших братьев, эта весть, пока мы не узнали, что тебе даровали жизнь!

И не было ни в отцовских, ни в материнских словах укоров ни тебе, ни Грицю за то, что с вами случилось. Они не упрекали и меня, когда в тридцать седьмом ворвались в нашу хату жандармы и повели меня в тюрьму. Я не был тогда ни коммунистом, ни комсомольцем, но, когда 7 ноября над нашим селом алым пламенем вспыхнули знамена, дифензива не без оснований заинтересовалась мной.

Дали мне тогда два года тюрьмы, на пять лет лишили прав (помню, как я не мог понять, чего меня лишили, ведь никаких прав у меня не было). За решеткой я видел и слышал от других, как расправлялись с политическими заключенными жандармы польской охранки. Под ногти загоняли иглы, лили в ноздри керосин со смолой, по колено ставили в ледяную воду и держали так целыми сутками, били березовыми прутьями...

И вот теперь, стоит лишь раздаться за стенами этого дворца выстрелу, я могу попасть в руки гестаповцев. Но нет! Я уже не беспомощный мальчишка, у меня есть оружие, и, пока я могу его держать, врагам не удастся меня схватить. Живым не сдамся!

А может, еще найдется выход? Присматриваюсь к воротам. Они лишь на засове. Можно будет попытаться их открыть и вовсю погнать лошадей.

Вероятно, об этом думал и Шевчук, так как он все время продолжал курсировать возле ворот (дескать, назначил тут свидание с девушкой) и даже начал что-то спрашивать у часового.

Время шло, а выстрела все не было. Прошло полчаса, час. Наконец спустя примерно час двадцать минут открылась дверь резиденции, и я увидел довольное, улыбающееся лицо Кузнецова. Он нежно держал под руку Валю, а позади, что-то говоря и тоже приветливо улыбаясь, шел фон Бабах.

Вот так неожиданность! Ничего не случилось! Кох

остался жив! В чем дело? Неужели Николай Иванович мог струсить? Нет, этого не может быть. Кузнецов не такой! Вероятно, случилось что-то непредвиденное и очень важное.

Тем временем обер-лейтенант Пауль Зиберт очень вежливо попрощался с майором Бабахом, с радостным, сияющим лицом галантно подал руку Вале, и та молча села возле него. Майор что-то сказал часовым, еще раз обменялся любезностями с Кузнецовым, перед нами открылись ворота, и я галопом погнал лошадей. Увидев нас, хлопцы снялись со своих постов.

Вечером на квартире у Вали встретились четверо: она сама, Кузнецов, Шевчук и я. Если во всех других случаях нам приходилось обо всем рассказывать Николаю Ивановичу, то в этот раз в роли экзаменаторов оказались мы.

— Коха видел?

— Видел.

— Почему не стрелял?

— Не было возможности.

— Не может быть! — вырвалось у Вали.

— Вы лучше выслушайте и рассудите сами, верно я поступил или нет.

— Нечего оправдываться! — оборвала Кузнецова Валя. И уже обращаясь к нам: — Вы представляете, ребята, меня первой пустили к Коху. Он спрашивает: «Чем вы можете доказать свою принадлежность к фольксдойче?» Говорю: «У моего отца были документы, но бандиты уничтожили и их и отца». А он на меня как закричит! А собаки, лежащие рядом, как залают! Тут Бабах — а он стоял позади меня — и говорит: «Там в приемной находится офицер, который подтверждает, что знает фрейлейн и ее отца».— «А ну, позовите ко мне этого идиота!» Меня увели, а вот он (Валя на миг обернулась к Кузнецову, сердито взглянула на него и снова отвернулась) зашел в кабинет. Я сидела в кресле как на иголках, впившись глазами в дверь кабинета Коха. «Ну же, ну,— думала я,— скорей, скорей стреляй!» Офицеры, ждавшие аудиенции у гаулейтера, пытались со мной шутить, но я ничего не соображала. Так продолжалось около часа. Какие только мысли не лезли в голову! Наконец открывается дверь, и выходит он. Сияющий подходит ко мне и протягивает заявление с резолюцией Коха.

Вот оно, читайте, что советский разведчик вымолил за час у палача вместо того, чтобы выпустить в него целую обойму!

И сама прочитала вслух:

— «Оставить в Ровно, оформить документы фольксдойче, устроить на работу в рейхскомиссариате. Кох».

— Но пойми, Валя, ты же была в кабинете и видела, что стрелять не было никакой возможности. Это все равно, что всем нам покончить жизнь самоубийством, ничего не сделав,— оправдывался Кузнецов.

— Все равно надо было стрелять,— настаивала Валя.— А так что о нас скажут? Трусы! Видели Коха, и никто не пустил ему пулю в лоб.

— Необходимо все это хорошо обсудить,— спокойно сказал Миша Шевчук, всегда остававшийся уравновешенным и сдержанным.

— Поймите меня правильно, товарищи,— продолжал Николай Иванович,— выстрелить, возможно, и удалось бы, но убить Коха — вряд ли. Представьте себе: между Кохом и мной лежат две здоровенные овчарки, вероятно отлично выдрессированные Шмидтом. В любую минуту они готовы броситься на человека и загрызть его.

— Испугался собак,— снова вмешалась Валя.

— Нет, не испугался. Но разведчик всегда должен действовать наверняка, разумно. А поднять шум и дать возможность врагам затянуть на шее петлю — глупо.

Валя что-то пробормотала, однако вслух своих мыслей на этот раз не высказала.

— Но послушайте далее,— продолжал Кузнецов.— Значит, между нами две здоровенные овчарки. Позади меня — два гестаповца, фиксирующие каждое мое движение. Если бы я выхватил пистолет, не знаю, успел ли я выстрелить, но то, что мне успели бы скрутить руки, это я знаю наверняка. Я уже не говорю, что рядом со мной стоял мой «приятель» майор фон Бабах. К тому же расстояние между мной и Кохом было таким, что стрелять в упор, не целясь, было бы также бессмысленно. Вот почему выстрела не последовало.

Мы согласились с Николаем Ивановичем. Обвинять его в трусости у нас не было никаких оснований, да никто из нас и не думал об этом.

Было еще одно обстоятельство, помешавшее осуществлению нашего замысла. Обстоятельство сугубо раз-

ведывательного характера, которому мы в то время не сумели дать надлежащей оценки.

— Понимаете,— рассказывал Кузнецов,— когда я зашел в кабинет, все мои мысли работали в одном направлении: прикончить гада. Но сразу сделать это было невозможно, необходимо было завязать с Кохом разговор. А ведь встретил он меня недружелюбно. Даже глаз не поднял, пыхтел, как кузнечный мех, а лицо налилось кровью.

«Я удивлен,— процедил он,— что вы, офицер немецкой армии, обиваете пороги гаулейтера и хлопочете о какой-то девушке сомнительного происхождения. Вам что — делать нечего?»

«Не смею возражать вам, ваше превосходительство, но девушка, за которую я ручаюсь, немецкого происхождения. Я знал ее отца и видел документ, удостоверяющий, что Довгер родился в Баварии и остался тут со времени первой мировой войны. Я, как немецкий офицер, не могу согласиться с тем, чтобы человек арийского происхождения был отдан в руки несправедливости. Я люблю Валентину Довгер, но не чувство привело меня сюда — долг преданности фюреру и любовь к Германии, к нашей великой нации».

«О, я слышу достойный ответ! — произнес Кох, поднял глаза и уставился на меня.— Но поймите, фюрер и мы в целом не очень рады этим фольксдойче. В их жилах течет не чистая арийская кровь. А то, что мы даем им некоторые привилегии, так это наша политика — надо же на кого-то опираться! Никакие там фольксдойче, украинцы, русские и поляки нам не нужны как автономные нации, хотя об этом мы и много говорим. Нам нужно жизненное пространство и дешевые рабочие руки. Вот почему и ваша фрейлейн получила повестку на работу в Германию».

«Я понимаю вас, господин гаулейтер, но фрейлейн Довгер имеет больше заслуг перед фатерландом, чем те, которые уже пользуются правами фольксдойче. Этого нельзя не принять во внимание».

«Оставим ее, господин обер-лейтенант, скажите лучше, кто вы, из какой части».

Я уж было,— продолжал Кузнецов,— хотел полезть в карман, чтобы достать и показать Коху свою офицерскую книжку, но гаулейтер махнул рукой и произнес:

«Не надо документов. Скажите так».

«Я — обер-лейтенант Пауль Зиберт. Родился в Восточной Пруссии. Мой отец — Отто Зиберт — управлял имением под Кенигсбергом. Сейчас воюю на Восточном фронте. После ранения получил временный отпуск с передовой и занимаюсь эвакуацией раненых офицеров с фронта, а на восток сопровождаю военные грузы». Эту хорошо выученную фразу я отрубил как по-писаному. И понимаете, когда Кох услышал ее, его лицо прояснилось.

«Так, оказывается, вы мой земляк, господин Зиберт!» — не без удовольствия воскликнул он.

И тут на помощь пришел фон Бабах.

«Господин гаулейтер,— сказал он,— мы охотились в имении, в котором управлял отец Зиберта. Я прекрасно знал старика. Он был очень порядочным человеком».

«Зиберт... Зиберт... А, припоминаю, припоминаю,— протянул Кох.— Это очень похвально, что мой земляк такой патриот и так выслужился перед фатерландом и фюрером. Скажите, пожалуйста, за что вы получили свои ордена Железного креста?»

«Первый — за Париж, второй — под Харьковом».

«А где вас ранило?»

«При попытке форсировать Волгу».

«Любопытно знать, господин обер-лейтенант, какое впечатление произвела на солдат и офицеров наша неудача с форсированием Волги?»

«Вполне нормальное, герр гаулейтер. И солдаты и офицеры верят в нашу победу и в гений фюрера».

«Это меня радует. Иначе и быть не может. Кое-кто начал высказывать недовольство после волжской катастрофы, появились разговоры о втором фронте, о том, чтобы мы пошли на перемирие. Но гений фюрера, его дальновидность и настойчивость не дали возможности совершить эту глупость. Не будет второго фронта в этом году, не будет его и в следующем, никогда не будет! Американцы не такие дураки, чтобы открыть второй фронт, когда наши войска на берегах Волги. Об этом фюрер хорошо информирован, можете так и сказать офицерам на Восточном фронте. А что касается неудач...— Тут Кох поднялся, подошел к карте, висевшей на стене, лицо его снова налилось кровью, и он начал орать: — Фюрер готовит большевикам хороший сюрприз. Не такой, как под

Москвой, и не такой, как на Волге. О нет! Это уже не то! Это что-то небывалое в военной стратегии. Это будет последний удар, от которого полетят к черту и второй фронт, и большевизм! Русские еще узнают, что такое немецкая армия, немецкая техника!»

Вы понимаете, что это значит? — Глаза Николая Ивановича заблестели.— Это же не лепет пьяного офицерика о какой-то воинской части. Это же военная тайна о новом наступлении немецких войск. «Фюрер готовит сюрприз»! Где? Когда? Необходимо любой ценой выведать у Коха. Он же, к счастью, оказался довольно болтливым: сам начал излагать планы немецкого командования.

«Через полтора месяца большевики узнают вкус наших «тигров» и «пантер». Они еще не знают как следует немецкой техники. Ничего, тут они ее испытают. Фюрер долго советовался с нами, где нанести генеральный удар, и наконец решил. О, мы снова убедились в гениальности фюрера: Курск, Орел — тут, в самом центре России, мы пойдем на прорыв, и ничто уже не остановит наших войск. Ничто! Вы понимаете, обер-лейтенант?» — выкрикнул Кох и еще раз ткнул пальцем в кружочек на карте, где было написано: «Курск».

Вот что дала, товарищи,— продолжал Николай Иванович,— моя сегодняшняя аудиенция у Коха. Если бы кто-то меня даже и заставил после услышанного стрелять в гаулейтера, если бы и представилась такая возможность, я бы этого не сделал. Выданная им тайна стоит десятка голов таких сатрапов, как Кох. Ведь скоро предвидится грандиозное наступление гитлеровских войск в районе Курска и Орла. Фашисты пустят в ход новую технику. «Тигры», «пантеры» — мы еще не знаем, что это такое, но ведь можно приблизительно догадаться, что это или танки, или самоходные орудия. Надо идти в отряд и передать разговор с Кохом в Москву. Время не ждет.

Но Валя восприняла это сообщение по-своему:

— И все же ты меня не убедишь, что слова этого головореза ценнее его головы. А если он тебе наврал, если он хотел немного потешиться, подбодрить немецкого офицера-фронтовика? Боюсь, что его откровенность была пустой болтовней.

— Нет, Валя! Этого не может быть. Видела бы ты,

как он говорил, с какой яростью и злостью тыкал он пальцем в карту. Орел и Курск на ней обведены красными кольцами. Нет. Кох не врал. Просто, то, о чем он все время думал, на что возлагал самые большие надежды, вырвалось исподволь, и он уже не мог сдержаться.

Всю ночь составляли мы подробнейший отчет обо всем, что произошло 31 мая 1943 года в резиденции Эриха Коха. Потом мы отправили пакет в отряд, а оттуда его содержание было передано в Москву.

Откровенно говоря, мы с Мишей Шевчуком и Валей Довгер не совсем осознавали, сколь важными были сведения, услышанные Николаем Ивановичем от Коха. И лишь тогда, когда из сообщений Советского информбюро мы узнали о разгроме большой группировки гитлеровских войск под Орлом и Курском, о провале операции «Цитадель», мы поняли, сколь дальновидным был Николай Иванович.

★

РАДИ ЧЕЛОВЕКА

С. АНАНЬИН

Весь мир знает о подвиге разведчика космоса Константина Петровича Феоктистова, но мало кому известно, что первый подвиг он совершил в Великую Отечественную войну как разведчик-доброволец органов государственной безопасности. Подвигу комсомольца Кости Феоктистова и его боевых товарищей и посвящен очерк участника описываемых событий.

Люди ли фашисты?

В субботу 13 июня 1942 года полно было ребятишек в городском пионерском саду на проспекте Революции — главной улице Воронежа, старинного русского города, колыбели российского флота.

Было...

Около семи часов вечера к городу прорвался фашистский бомбардировщик. Первый вражеский самолет над Воронежем — фронт проходил в ста пятидесяти километрах, в соседней Курской области.

Огромное, свистящее и визжащее вдруг западало с неба на малышей.

Еще, и еще, и еще...

Качнулись, брызнув оконными стеклами, тяжелые каменные дома.

Казалось, все жители города кинулись на проспект, к саду, к тому месту у Михайловских часов, где только что, несколько минут назад, был пионерский сад.

И остановились.

Новые взрывы. В зоопарке. Также полном ребятишек...

Медленно опускались вскинутые выше крыш земля, куски растерзанных яблонь, груш, черные ветки сирени и еще что-то.

Когда провиднелось, люди осторожно, на цыпочках, вступили на вздыбившуюся землю — не наступить бы невзначай!

Иных разговоров, как о зверстве фашистов — бессмысленном, диком,— не было.

С удовлетворением сообщали друг другу, что вражеский самолет удалось сбить западнее Воронежа, под Касторной.

Подавленные увиденным, молча сидели в Брикманском саду, что неподалеку от их домов, друзья по школе Костя Феоктистов и Валя Выприцкий. Они закончили 9-й класс средней школы № 2 по улице Ленина, но Валя в прошлом году, а Костя лишь две недели назад. Валя, русый, голубоглазый, был выше Кости почти на голову и старше на два года — недавно, в мае, ему исполнилось восемнадцать. Костю влекло к Вале то, что его другу посчастливилось: мечтал быть военным и, как началась война, вступил в истребительный батальон города, созданный управлением НКВД. А вот ему, как и другим одноклассникам, не повезло. Отказали даже давнему другу Виктору Козлову. Ну, ростом тоже небольшой, а какой крепкий. Как высеченный из камня! Тяжело сейчас шестнадцатилетним! А этот бандитский налет...

— Никак не верится,— взволнованно заговорил Костя,— что это мог сделать человек. Нет! Человек такого не смог бы сделать! И впервые, Валя, мне подумалось: да люди ли эти фашисты? Значит, правда, что фашисты ведут войну на истребление, что они сознательно поставили своей целью уничтожить как можно больше людей?

— А ты в этом сомневался?

— Сомневался — не то слово. Не знаю, как яснее выразить свою мысль. Воспитали нас такими, что ли, но и ты и я, вообще советский человек и мысли не допускает, чтобы нам захватывать чужие земли, убивать людей. Когда в сентябре прошлого года мы с мамой получили похоронку о гибели брата Бориса — он закончил Сумское артиллерийское училище за несколько дней до войны,— я решил, что погиб Боря, так сказать, в честном бою, что ли. А сейчас подумалось: а может быть, во

время боя фашистская пуля и не убила Бориса, а только ранила? А когда наши были вынуждены отступить — это было где-то в районе Минска,— подошел к Борису, живому, только раненному, фашист, спокойно так вытащил пистолет и пристрелил, беспомощного. И Бориса, и других раненых. Они же нечеловеки, могут! Бросать бомбы на ребятишек! Это страшно, Валя!

— Страшно! В истребительном батальоне, на занятиях, нас познакомили с «Памяткой немецкому солдату». Ничего человеческого в ней не найдешь. Вот послушай, что требует Гитлер от своих офицеров и солдат, запомнил почти дословно. Он требует, чтобы каждый солдат для своей личной славы убил ровно сто русских. Требует убивать всякого русского, советского, не останавливаться, если перед ним старик или женщина, девочка или мальчик. Требует уничтожить в себе жалость и сострадание и не думать: мол, за него думает он, Гитлер. В одном из публичных выступлений, с которым нас тоже познакомили, Гитлер призвал — это я запомнил дословно: «Истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов». И еще запомнилось сверхциничное заявление Гитлера: «Мы варвары, и мы хотим быть варварами. Это почетное звание». И ты прав: раненых они добивают. Сам видел...

— Сам, говоришь? — пытливо взглянул на друга Костя.— А где ты мог видеть? Ты что-то скрываешь. Куда ты исчезал в конце сорок первого года и весной этого года? Вернулся — будто подменили тебя. Посерьезнел. Не доверяешь? Думаешь, проговорюсь?

— Да из тебя слова не выколотишь! — засмеялся Валя.— Это сейчас ты разговорился. Верю тебе, как самому себе, а сказать пока не имею права. Не обижайся. И извини: надо в истребительный батальон. Дисциплина прежде всего.

— Завтра я зайду к тебе.

— Ох и упрямый ты! Хорошо, до завтра.

В этот вечер Костя повидал друзей-одноклассников Виктора Козлова, Бориса Лачинова. Разговор все о том же: что делать? В армию шестнадцатилетних не берут, в истребительный батальон тоже не взяли. Позавидовали Вале Выприцкому — и постарше и рослый.

— Ну что делать, Валя? — спросил Костя, когда они

встретились на другой день.— Тебе хорошо — нашел свое место. А нам куда?

В голосе Кости чувствовалось такое отчаяние, что Вале стало жалко друга.

— Поклянись, что, пока жив, никому ни слова.

— Клянусь!

И Валя поделился своей тайной.

Когда началась война, он кинулся в военкомат, но там отказали — еще возраст непризывной. Пошел в управление НКВД, что на улице Володарского, 39. Не сразу, правда, но упросил взять разведчиком. Прошел специальную подготовку и в составе разведывательно-подрывной группы был направлен на Украину, в Ворошиловградскую область. Матери сказал, что едет в военное училище.

Вернулся через месяц, в декабре 1941 года. Опять учеба, в том числе прыжки с самолета — на ладонях до сих пор мозоли от строп, и в апреле 1942 года опять на Украину. И насмотрелся, что творят гитлеровцы над советскими людьми!

— Воронежское управление,— пояснил Валя,— уже немало заслало в гитлеровский тыл, в различные области разведывательно-подрывных групп и сейчас засылает. И разведчики очень нужны.

— Значит, можно попытаться? — обрадовался Костя.

— Я тебе ничего не говорил. Помни о клятве.

На другой день Костя пошел в управление НКВД.

С просьбой послать в разведку в управление обращалось немало воронежцев — и молодых и пожилых. А тут небольшого роста парнишка. Учиться ему, а не воевать. Капитан государственной безопасности Василий Юров, к которому попал Костя, не колеблясь, отказал, добавив, что на территории Воронежской области немецко-фашистских войск нет и управление в разведчиках не нуждается. Посоветовал пойти в клуб имени Дзержинского, разыскать там Антона Ивановича Башту и попроситься в истребительный батальон управления НКВД.

Антон Иванович внимательно выслушал Костю, сказал, что не возражает, но в батальон принимают только комсомольцев.

Вскоре Костя опять был у Башты подал ему новенький комсомольский билет.

— Поздравляю с вступлением в комсомол и в истре-

бительный батальон,— тепло сказал Башта.— Ты молодец. В такое тяжелое время, когда наша Родина в беде, никому нельзя быть в стороне, иначе ты не человек.

По дороге домой на Рабочий проспект Костя не раз вытаскивал из кармана пиджачка удостоверение в красной обложке, вытвердил наизусть:

«УНКВД по Воронежской области
Истребительный батальон гор. Воронежа
Удостоверение

Предъявитель сего тов. ФЕОКТИСТОВ Константин Петрович является бойцом 2-й роты истребительного батальона гор. Воронежа при УНКВД по Воронежской области и имеет право ношения и хранения винтовки и финского ножа.

Действительно по 31 декабря 1942 года».

Печать батальона, подписи командира, комиссара.

Маму, Марию Федоровну, успокоил, нарочито небрежно сказав:

— Так — военная учеба, помогать чекистам вылавливать вражеских сигнальщиков, если будут подавать световые сигналы фашистским самолетам, охранять склад с боеприпасами в Ботаническом саду...

Впрочем, Мария Федоровна, активная общественница, в недавнем прошлом депутат райсовета и горсовета, и не расспрашивала, лишь грустно вздохнула, вспомнив погибшего на фронте старшего сына, Бориса, мужа, Петра Павловича, человека мирной профессии — был главным бухгалтером рыбтреста, а сейчас где-то под Сталинградом, минером.

В батальоне Костя встретил своего учителя математики Андрея Константиновича Шишкина. Андрей Константинович, ныне командир взвода, и обрадовался и встревожился: Костя — лучший его ученик, фактически его помощник, помогал отстающим, даже старшеклассникам, определенно талантлив — нередко предлагал свое, оригинальное решение той или иной задачи. И классная руководительница Анастасия Михайловна Павлова, преподаватель русского языка и литературы, ревниво говорила, что Костю, настоящего отличника, больше тянет к математике и физике. Учиться бы Косте, а тут эти проклятые фашисты!

Эта встреча учителя и ученика была одной из последних: через два месяца, в сентябре 1942 года, начальник Придаченской оперативной группы УНКВД Петр Ельчинов проведет бойцов истребительного батальона по понтонному мосту в район Чижовки, Андрей Константинович погибнет в боях за родной город, и не только он... Не покинет своих бойцов раненый Антон Иванович Башта.

А потом на Москву...

Официальная эвакуация населения Воронежа была проведена еще осенью 1941 года, когда немецко-фашистские войска вторглись в соседнюю Курскую область. В первую очередь эвакуировали семьи военнослужащих, работников предприятий, учреждений. Спешно, днем и ночью, демонтировали крупные заводы и вывозили оборудование в восточные районы страны. Фашистские самолеты бомбили поезда с эвакуированными восточнее Воронежа, а сам Воронеж не трогали. Линия фронта так и осталась в Курской области. Той же осенью, ближе к зиме, Красная Армия выгнала фашистов из Ельца. Вражеские самолеты перестали появляться, и дальнейшая эвакуация населения фактически прекратилась. Несмотря на запрещение, возвращались ранее выехавшие. Вернулись из Актюбинска и Феоктистовы. В январе 1942 года областная газета «Коммуна» запестрела объявлениями о возобновлении занятий в некоторых учебных заведениях, о том, что предприятиям требуются работники всех специальностей. Поговаривали, что возвращаются театр драмы, оперетта.

А 28 марта 1942 года в ставке Гитлера состоялось совещание, посвященное подготовке к наступлению на всех фронтах, и Гитлер объявил:

«Начало операции — под Воронежем... Начать у Воронежа...»

5 апреля 1942 года Гитлер подписал директиву № 41 штаба верховного главнокомандования, совершенно секретную, только для командования. Гитлер похвалялся результатами «зимней кампании в России» и ставил главную цель перед своими войсками в «летней кампании».

«Цель заключается в том, чтобы окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров». И уточнялось: «Главная операция на Восточном фронте. Ее цель... разбить и уничтожить русские войска, находящиеся в районе Воронежа, южнее его, а также западнее и севернее реки Дон. В связи с тем что необходимые для этого соединения будут поступать только постепенно, эта операция распадается на ряд последовательных, но связанных между собой ударов, дополняющих друг друга. Поэтому их следует распределить по времени с севера на юг с таким расчетом, чтобы в каждом из этих ударов на решающих направлениях было сосредоточено как можно больше сил как сухопутной армии, так и в особенности авиации... Началом всей этой операции должно послужить охватывающее наступление или прорыв... в направлении на Воронеж. Цель этого прорыва — захват города Воронежа».

Удар на Воронеж получил условное название операция «Блау». Ее подготовку и проведение Гитлер возложил на командующего армиями «Юг» фельдмаршала фон Бока.

Это была одна из самых подготовленных наступательных операций немецко-фашистских войск. Захвату Воронежа Гитлер придавал очень большое значение. Немецко-фашистские войска, мечтал фюрер, через Воронеж «охватили бы Москву с юго-востока, а в дальнейшем также с востока». По приказу Гитлера для захвата Воронежа, который намечалось взять с ходу, и дальнейшего продвижения на Москву и Кавказ стягивались в мощный кулак несколько немецко-фашистских армий усиленного состава, обеспеченных самой новейшей военной техникой: 4-я танковая, 2-я полевая, основные силы 6-й полевой, 4-я воздушная, 2-я венгерская армии. Всего около сорока дивизий, в том числе шесть танковых и пять моторизованных. Свыше тысячи танков. Еще больше самолетов. Основные силы немецко-фашистских войск концентрировались на стыке правого фланга 40-й армии и левого фланга 13-й армии Брянского фронта. А на весь Брянский фронт во всей 420-километровой полосе обороны было на ходу всего 380 средних танков Т-34 и 186 тя-

желых КВ. И самолетов значительно меньше, и зенитной артиллерии.

В самом Воронеже полевых войск не было. Воронежский гарнизон в основном состоял из бойцов-чекистов: 41-й полк НКВД, два батальона 287-го полка оперативных войск НКВД, два батальона 233-го конвойного полка НКВД, один батальон 125-го полка НКВД по охране железнодорожных сооружений. Это были малочисленные части, вооруженные лишь винтовками да ручными пулеметами. Кроме того, в Воронеже был небольшой учебный центр командного состава Юго-Западного фронта, два эскадрона учебного запасного кавалерийского полка.

С мая въезд в город был категорически запрещен. Требовался специальный пропуск. Жителям рекомендовали уезжать.

28 июня 1942 года к Воронежу прорвалась группа фашистских бомбардировщиков. Это со стороны Курска началась операция «Блау».

Был создан Воронежский боевой участок, костяком которого стали бойцы-чекисты.

30 июня немецко-фашистские войска перешли в наступление со стороны Волчанска, и операция по захвату Воронежа стала называться операцией «Брауншвейг».

До 1 июля вражеские самолеты бомбили Воронеж утром и вечером, в одни и те же часы. С 1 июля перерывы в бомбежке были уже небольшие — от часа до двух, причем налетало уже по сотне и больше самолетов. Город уничтожался продуманно, квадрат за квадратом, начиная с западной части, и прежде всего Центральный район. Он расположен на правом берегу реки Воронеж, на горе, откуда хорошо просматриваются левобережный район — Придача, железная дорога Воронеж — Ростов. По Центральному району проходит железнодорожная линия Курск — Воронеж — Москва (далее она идет через Железнодорожный район, Отрожки, также отделенный от центра города рекой Воронеж).

С 4 июля налеты усилились. Одна волна «юнкерсов» — сотни две — почти тотчас же сменялась другой, третьей. В этот и следующий день смертоносный груз сбрасывало на город до двух тысяч самолетов. Воронеж горел огромным незатухающим костром, и особенно Центральный район (уцелело всего восемь процентов зданий, в основном в правобережной части, на склоне го-

ры). Связь с 40-й армией прервалась. Стало известно, что немецко-фашистские войска двигаются к Воронежу, но где они — никто не знал.

4 июля, днем, в разведку направили группу чекистов Воронежского управления НКВД во главе с капитаном государственной безопасности Алексеем Чепцовым. Разведчиков заверили, что немцы еще далеко, за Доном. Но когда спецмашина на предельной скорости влетела в редкий Шиловский лес, примерно в одиннадцати километрах от Воронежа, чекисты попали под шквальный огонь пулеметов. Шофер успел остановить машину, но, как только выскочил из кабины, его прошило автоматной очередью. Часть разведчиков стала пробираться в сторону Воронежа: надо было как можно скорее сообщить, что в этом районе гитлеровцы уже переправились через Дон. Остались Анатолий Павлюкевич, Мухеник и автор этих строк, чтобы попытаться уточнить обстановку. Погиб Мухеник. Уже недалеко от города нас задержали и чуть не расстреляли свои же бойцы, приняв за гитлеровских шпионов.

В ночь на 5 июля заместитель начальника управления НКВД майор государственной безопасности Иустин Прошаков доложил тревожные сведения разведчиков обкому партии, командованию Воронежского боевого участка. По указанию обкома партии с рассвета 5 июля и до позднего вечера сотрудники управления разыскивали в подвалах жителей и предупреждали, что надо уходить немедленно. Бомбежка в этот день была особенно сильной, и мало кто мог выйти из города.

В это время подоспевшая 232-я Сибирская стрелковая дивизия уже вела бой на западной окраине Воронежа (благодарные воронежцы одну из улиц назовут улицей Героев-сибиряков, воздвигнут им памятник). Заняли линию обороны бойцы подразделений НКВД. Узенькая цепочка чекистов заняла линию обороны в западной части города — от реки Воронеж, от ВОГРЭСа, до аэродрома на Задонском шоссе. Чекисты поклялись: «Умрем, но будем держаться до последнего!» А к Воронежу уже спешило подкрепление из Ельца и других мест.

Бойцы истребительного батальона, находившиеся последние две недели на казарменном положении, вооруженные лишь винтовками, еще 4 июля получили приказ выйти из города в одиночном порядке, сбор в селе Анна.

Костя, с разрешения командира, побежал домой, беспокоясь, жива ли мама. Бежать под бомбежкой пришлось почти через весь город. Успокаивал себя тем, что под полом сеней их кирпичного одноэтажного домика есть глубокий погреб, добротно вырытый отцом. Но если прямое попадание?!

Жива! Фашистские летчики пока не уничтожили этот район, и улица Рабочий проспект — немощеная, неровная, заросшая травой — почти не пострадала.

Выходили вместе с друзьями, Сухоедовыми, проживавшими напротив. На тележку положили наскоро собранные вещи, самое необходимое. Костя и его друг Борис Сухоедов с трудом вытолкнули тележку в гору, к Транспортной улице. За ними с узелками шли Мария Федоровна, родители Бориса. Костя чувствовал себя виноватым перед матерью: осенью прошлого года они эвакуировались в Актюбинск, он пытался удрать на фронт — Мария Федоровна поймала его на станции и дала слово вернуться. И вот вернулись!..

Шли в сплошном потоке людей, также спешивших воспользоваться кратковременным перерывом в бомбежке и выйти из пылающего города на левый берег, на Придачу, и дальше, на восток. Прошли Брикманский сад на Транспортной, вышли к мосту через железную дорогу. Идти надо было проспектом Революции до Петровского сквера, от него влево по улице Степана Разина, круто спускавшейся к реке, к Чернавскому мосту. А впереди, над проспектом Революции, опять повисли тучей фашистские самолеты. Успеть бы!

Чернавский мост тогда соединялся с Придачей дамбой длиной более километра, шириной метров пятнадцать и высотой три — пять метров. По краям дамбы, слева и справа, росли древние дубы — дамбу построили еще в XVIII веке. Вот тут-то и налетели фашистские истребители. Конечно, было отлично видно, что на дамбе женщины, дети, старики. На бреющем полете фашисты летали вдоль дамбы и расстреливали людей из пулеметов, пока не кончились патроны.

Уцелели немногие. Среди них Феоктистовы и Сухоедовы. Уже без тележки, побросав то самое ценное, что надеялись спасти, измученные донельзя, заночевали за Придачей, в поле. Потом через Новую Усмань добра-

лись, уже 6 июля, до Рождественской Хавы. Все ближайшие села были до отказа забиты воронежцами.

Еще дорогой, когда миновали Придачу, Костя упрашивал Бориса Сухоедова:

— Давай вернемся в Воронеж драться с этими проклятыми фашистами! Ну, Боря...

Борис Сухоедов, старше Кости на полтора года, и сам рвался на фронт. Показывая на родителей, отвечал:

— Вот отведем в безопасное место...

7 июля, на другой день, как пришли в Рождественскую Хаву, Костя исчез. На столе приютивших их хозяев Мария Федоровна, уходившая поискать что-нибудь поесть, нашла Костину записку. Костя кратко извещал, что ушел на фронт.

Через день на фронт ушел и Борис Сухоедов.

За советскую Родину!

Так случилось, что Костя, еще не выйдя из Рождественской Хавы, увидел пропылившийся грузовик, и как раз на дороге в сторону Воронежа. В кузове грузовика были военные в чекистской форме. Среди них Костя заметил капитана государственной безопасности Василия Юрова. Юров также узнал Костю.

— Теперь-то не откажете? — спросил, поздоровавшись, Костя и, не дожидаясь ответа, подпрыгнув, схватился за борт грузовика, подтянулся и перемахнул в кузов.

— Ловко! — одобрительно заметил один из чекистов.— И далеко тебе ехать, паренек?

— В Воронеж. К вам, в управление.

— В Воронеже уже фашисты, дружок.

— Костя приходил к нам проситься в разведчики,— пояснил Юров.

— Ну, в разведчики — это еще надо подумать, а в хозяйстве может помочь. Родители где?

— Отец на фронте, а мама... Наш эшелон с эвакуированными фашисты разбомбили на станции Графская...

— Значит, погибла мама?

— Что вы! — даже испугался Костя.— Жива. Только мы... растерялись... Возьмите. Все равно буду на фронте.

Уговорил.

Чекисты возвращались в район Воронежа для выполнения специальных заданий. С каждым километром все отчетливее слышался грохот боя. Встречались спешившие на восток люди, останавливали машину и тревожно говорили, что немецкие танки уже прорвались на Придачу и идут сюда... Машина пошла медленнее, часа через три въехала во двор дачи Юго-Восточной железной дороги в поселке Сомово. Здесь, под Воронежем, в Сосновке, как называется эта часть Сомова, уже действовал штаб Центральной оперативной группы НКВД, специально созданной на Воронежском боевом участке для разведывательной работы за линией фронта. Группа значилась как войсковая часть № 3051. Ее командиром был капитан государственной безопасности Василий Соболев, его заместителем — бывший пограничник Николай Беленко, парторгом группы — лейтенант государственной безопасности Валериан Матвеев. Здесь же, в Сосновке, расположились краткосрочные курсы, где обучались разведчики, а в Отрожке и на Придаче — разведывательные группы, подчинявшиеся сомовскому штабу. Оперативные группы управления НКВД, имевшие разведывательные и контрразведывательные функции, уже действовали во всех районах Воронежской области, ставших фронтовыми или прифронтовыми, и за семь месяцев частичной оккупации области выявили и обезвредили немало гитлеровских шпионов, диверсантов, террористов, добыли ценные разведывательные сведения.

Костя говорил чекистам, что хорошо знает город, и просил взять его разведчиком. В тот же вечер с группой чекистов, направлявшихся на Придачу, он пришел в Отрожку, крупный железнодорожный узел Воронежа. Станцию почти непрерывно бомбили фашистские самолеты. Все пути были забиты горевшими вагонами.

Так Костя попал в оперативную группу младшего лейтенанта государственной безопасности Михаила Назарьева. Группа размещалась на станции в деревянном домике линейного отделения милиции. Потом она перешла в более спокойное место — на Пионерскую, 36.

Назарьев не спал несколько ночей. Положил на колени полевую сумку, вытащил блокнот, карандаш и, слушая Костю, делал записи.

— Разведка — не приключение, а очень опасный и тяжелый труд,— резко сказал он.

— Понимаю.

— Убить могут. Фашистам наплевать — взрослый ты или подросток.

— Знаю. Все решил. Не пугайте.

«Немногословен»,— подумал Назарьев и пытливо посмотрел на Костю.

Простой костюмчик темного цвета мальчикового покроя, воротник белой рубашки выпущен на воротник пиджачка, брюки короткие, не по росту, хромовые не новые ботинки, носков что-то не видно; волосы темные и густые, гладкие, уши большие и верхняя часть оттопырена. Говорит, родился 7 февраля 1926 года в Воронеже. Значит, сегодня ему ровно шестнадцать лет и пять месяцев. Золотые у нас ребята! Некоторые по своей инициативе уже ходили в разведку.

— Ну, если твердо решил, слушай, какая обстановка в городе, что надо будет выяснить и как безопаснее и лучше.

А обстановка сложилась очень тяжелая.

Немецко-фашистским войскам не удалось захватить Воронеж с ходу. Линию нашей обороны в Курской области они прорвали, использовав значительное численное превосходство и превосходство в технике, но красноармейцы, отступая к Воронежу, сопротивлялись отчаянно. На подступах к городу придержала фашистов 232-я Сибирская стрелковая дивизия, укомплектованная в основном молодыми и еще не обстрелянными бойцами. Сдержали свою клятву бойцы-чекисты подразделений НКВД, прозванные гитлеровцами за упорное сопротивление и бесстрашие «фанатиками НКВД». Многие из них погибли, но вместе с сибиряками они задержали немцев в Центральном районе города, не пропустили на левый берег. На помощь чекистам и сибирякам подоспели полевые войска, с марша вступившие в бой со стороны Отрожек. Шли кровопролитные уличные бои уже в районе областной больницы, Сельскохозяйственного института.

Назарьев пояснил, где находятся наши части и где гитлеровские, что, по сведениям разведчиков, фашисты пока не трогают население — не до него; передвижение по городу днем свободное, исключая такие-то улицы; в городе немало ребят, разыскивающих своих близких, и

меньше вызовет подозрений, если Костя не будет таиться, а в случае задержания скажет, что ищет маму: мол, потеряли друг друга, когда немцы бомбили город. Линию фронта безопаснее перейти левее поселка Отрожка — между селом Отрожки и Придачей, переплыв реку напротив Архиерейской рощи, уже захваченной фашистами. В этом месте наших войск нет, гитлеровцы не так бдительны, держат небольшие силы.

Инструктаж длился долго. Михаил Назарьев с удовлетворением заметил, что Костя слушает очень внимательно, вопросы задает дельные.

Несколько часов можно было поспать, но сон не шел. Ночью вместе с Кузнецовым, помощником Назарьева, Костя был на берегу реки. Для переправы место очень удобное: здесь река делает крутой поворот, подходит к самой Архиерейской роще вплотную.

Следуя совету Назарьева не таиться, Костя дождался рассвета. Поплыл бесшумно. Как пригодилась игра «в рули» с товарищами по школе: требовалось хорошо и быстро плавать, неслышно поднырнуть и схватить за ногу. Сначала отставал от ребят, но — такой уж характер! — специально приходил один потренироваться и наловчился.

Автоматная очередь полоснула воду неподалеку. Как захотелось нырнуть поглубже и уйти под водой назад! «Не таиться!» Заставил себя приподнять руку, как бы говоря: «Вижу, что стреляете!» — и поплыл нарочито шумно, не таясь.

Стрельба прекратилась.

На берегу, за деревьями, офицер и солдаты. Подсчитал: десять — двенадцать. Сказал, как задумали, что в городе осталась мама — «муттер, муттер». Черт их знает — поняли или нет! Офицер что-то приказал солдату — вот когда пожалел, что мало внимания уделял изучению языка! Солдат повел к высокой железнодорожной насыпи, проходившей неподалеку. Костя успел рассмотреть, что в Архиерейской роще немцев действительно немного, как и говорил Назарьев. В подвальной части общежития заметил четыре пулеметных гнезда. По насыпи в сторону Отрожек прошло пять танков. С насыпи было видно Березовую рощу. И там танки. Пять... восемь... Кажется, десять. Замаскированы ветками.

Сердце стучало уже не так громко.

Спускаясь с крутой насыпи, чуть не наступил на труп красноармейца. Совсем молодой...

У входа в Ботанический сад — городской парк культуры и отдыха — встретился куда-то спешивший офицер. Солдат доложил ему. Офицер на ходу сказал что-то раздраженно. Вроде как приказал куда-то отвести.

Солдат повел Костю вверх по улице Ленина. На каждом шагу следы боев. В доме, где размещалось 4-е отделение милиции, и в других уцелевших домах гитлеровцы оборудовали в подвальной части пулеметные гнезда. Прошли мимо Костиной школы. Во дворе полковая пушка. Свернули на Транспортную улицу. У входа в Брикманский сад часовой, в саду много людей. Задержанные, что ли?

Конвоир что-то сказал часовому, толкнул Костю за решетку сада и ушел.

В саду знакома каждая тропка: ведь сад почти рядом с домом. Прислушался к разговорам, как советовал Назарьев. Люди говорили, что делается в городе,— это важно, надо запомнить! Значит, по улицам пока можно ходить свободно. Порадовало, что все с ненавистью говорят о фашистах, верят, что их скоро прогонят.

Запомнив, что в саду гаубичная батарея, Костя известной ему лазейкой выбрался из сада, правильно рассудив, что прежде всего надо добраться до своего дома: если задержат, скажет, что здесь живет.

Издали увидел высокий тополь, растущий у калитки. Дом уцелел. Торопливо вошел. Немцы уже успели изгадить комнаты, на полу валялись пустые бутылки от французских вин. Откуда французские вина? Потом, когда Костя доложит, окажется, что в разведке мелочей нет: для захвата Воронежа Гитлер одну из армий перебросил из Франции.

На улице разговаривали незнакомые женщины. Костя услышал:

— Фашисты говорят, будто Турция и Япония объявили нам войну, что Ленинград взят и война будет закончена через месяц.

— Брешут,— сказал Костя.— Не верьте им, и другим передайте, чтобы не верили.

Улица Урицкого забита мотопехотой — не менее полка, в Первомайском саду через узорчатую железную ограду увидел танки: два около ограды, выходящей на

проспект Революции, два около летнего театра, один у ресторана... У конфетной фабрики на Кольцовской четыре пушки... Как много надо запоминать разведчику! Записывать нельзя!

С невольным любопытством и со страхом вглядывался в гитлеровцев, но они не обращали на него никакого внимания, и это успокоило. Жалко было тех, кто не успел выйти на левый берег и сейчас ютился в подвалах, в немногих уцелевших домах. Все хмурые, явно голодные. И самому есть хочется. Не прозевать бы наступления комендантского часа, чтобы до шести часов вечера обойти как можно больше улиц.

Вечером дворами, развалинами, уже опасаясь попадаться на глаза врагам, добрался до прибрежных улиц, круто спускающихся к реке. Они пострадали мало. Здесь крупных частей гитлеровцев не было. На улицу Цюрупы вход запрещен — висит фанерное объявление; там у здания военкомата заметил офицеров в эсэсовской форме. Их особенно надо опасаться.

Как учили, залег в развалинах дома поближе к берегу, высмотрел, где по берегу шагают патрули, рассчитал, сколько времени проходит, когда солдаты расходятся в разные стороны и опять встречаются, и, когда стемнело, по-пластунски к реке, потом лугом на Придачу, оттуда в Отрожку.

Приятно было — Михаил Назарьев обнял за плечи, тепло сказал:

— Спасибо, Костя! Очень ценные сведения! Страшно было?

Искренне ответил:

— Страшно.— И торопливо добавил: — Привыкнуть можно.

Назарьев невольно рассмеялся, вытащил из полевой сумки бумагу, попросил подробно описать все, что он видел, слышал.

— А вот это представляет интерес? — спросил Костя.— На доме санчасти управления НКВД и на некоторых других уцелевших каменных домах я видел надпись мелом по-немецки: «Ахтунг! Нихт анбреннен!» «Внимание! Не поджигать!» Как это понять?

— Очень важная деталь. Не обратил внимания, есть немцы в таких зданиях?

— Есть. Похоже, штаб подразделения.

— Вот и важно поэтому. А надпись понимай буквально. В гитлеровском приказе «О поведении войск на Востоке» сказано, что сохранять только те здания, которые используются в военных целях, а остальные уничтожать. Мол, никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения.

Как потом установили разведчики-чекисты, фашисты, ограбив ненужный им дом, поджигали его. В захваченной после освобождения Воронежа брошюре немецкого военного корреспондента Густава Штебе «Наступление на Воронеж и оборона Воронежа» говорилось: «Город, как таковой, не представляет собой в настоящее время никакой ценности. Нужны будут десятки лет, чтобы его вновь отстроить и начать новую жизнь». Но советские люди восстановили Воронеж за несколько лет.

Назарьев порадовал Костю, сказав ему, что 7 июля подписан приказ о создании Воронежского фронта, что к Воронежу подтягиваются новые полевые войска.

11 июля бойцы 233-го полка НКВД, наступая со стороны Отрожек, выбили немцев из Архиерейской рощи. Несколькими днями позже представитель Ставки Верховного Главнокомандования оставит командиру части НКВД, выбившей гитлеровцев из района Сельскохозяйственного института, такую запись:

> «В трудный, напряженный боевой период для Воронежа по уничтожению фашистских захватчиков лично вам и всем бойцам, командирам и политработникам частей НКВД Военный совет выносит благодарность.
>
> Уничтожайте захватчиков до последнего...
>
> Родина ваших боевых заслуг никогда не забудет».

Из двух тысяч бойцов-чекистов в живых осталось около двухсот. На левый берег гитлеровцы не прошли. Взбешенный Гитлер снял с поста фельдмаршала фон Бока. Через несколько дней он будет вынужден повернуть значительную часть войск вдоль западного берега Дона, вправо от Воронежа, на Сталинград.

Однако оборонявших Воронеж было меньше, чем гитлеровцев, не хватало и военной техники. К Воронежу подтягивались новые полевые войска, но почти тотчас же направлялись вдоль восточного берега Дона, к Сталинграду. Защитники Воронежа понимали лишь одно: сдер-

жать фашистов на Московском направлении, и ни шагу назад, чего бы это ни стоило.

Командованию Воронежского фронта нужны были ежедневно разведывательные сведения, иначе малыми силами сдержать врага трудно. Центральная оперативная группа НКВД пополнилась новыми чекистами, переброшенными из других фронтовых районов. Возникла новая разведывательная группа в освобожденном районе Сельскохозяйственного института. Ее возглавили Михаил Назарьев, Семен Погорельцев. Расположилась она на даче имени Пушкина. Оперативная группа в Отрожке обновилась. Здесь и в Сосновке по-прежнему обучались и отдыхали разведчики, ожидая новых заданий.

Костя настойчиво просил опять послать его в разведку. А его настойчивости и тогда хватило бы на десяток человек.

20 июля Костя вместе с разведчицей Валей, молодой красивой женщиной, пробрался лугом со стороны Придачи к домику Петра Первого. Домик находился на берегу реки, на «ничейной» земле. Здесь с 1696 по 1711 год Петр строил первые на Руси парусные корабли. Из развалин домика хорошо просматривался правый берег, теперь чужой. Выбрав удобный момент, разведчики переправились через реку в Центральный район города.

У Вали, ставшей разведчицей также добровольно, было особое задание — разыскать некоторых наших разведчиков, заранее оставленных в городе, и получить собранные ими разведывательные сведения. Через несколько дней Валя уже перебралась благополучно на левый берег, до окопов наших солдат осталось всего несколько шагов, и тут ее догнала вражеская пуля. Встречавший Валю заместитель начальника Центральной оперативной группы Николай Беленко заплакал. На окровавленной груди, под кофточкой, обнаружили очень ценные разведывательные сведения. Задание Валя выполнила. До захвата гитлеровцами Центрального района Валя работала под Воронежем учительницей.

Костя вернулся благополучно, также выполнив свое задание. В Отрожке две неожиданные и приятные встречи. Сначала с Антоном Ивановичем Баштой. Антон Иванович по-детски обрадовался, увидев Костю живым, невредимым, а потом упрекнул: почему не пришел на сборный пункт в село Анна? Узнав, что Костя стал раз-

ведчиком и уже дважды ходил в разведку, уважительно пожал руку. Он-то, занимавшийся разведкой в тылу врага еще в гражданскую войну, отлично знал, что это такое — быть разведчиком. Башта сказал, что истребительный батальон пока помогает бойцам поредевшего 125-го полка НКВД охранять отроженские железнодорожные мосты через реку Воронеж, что фрицы бомбят мосты по нескольку раз в день, так как по ним переправляются и бойцы, и танки, и артиллерия, а попасть никак не могут; зато в батальоне ежедневно вдоволь свежей рыбы. Пригласил на уху.

Вторая встреча — со школьным другом Валей Выприцким в оперативной группе НКВД, на Пионерской. Оказалось, что Валя тоже разведчик этой группы, не раз бывал в оккупированной части Воронежа. Обстоятельства так складывались, что ему никак не удавалось выяснить судьбу родных. Только вчера ему удалось вместе с другим разведчиком попасть на улицу Урицкого, но гитлеровцы их задержали, заставили копать траншею, совсем недалеко от его дома. И вдруг по улице идут мама, Екатерина Павловна, и сестренка, одиннадцатилетняя Галя. Так сердце и упало: значит, не успели уйти от фрицев! Кинулись к нему, но он успел приложить палец к губам и сам отвернулся: мол, мы не знакомы. Так и прошли мимо, встревоженные...

Друзья попросили, чтобы в разведку их послали вместе.

24 июля вместе с сопровождавшим их чекистом Александром Кононовым перешли отроженские мосты, вскоре с насыпи свернули вправо, в лес Сельскохозяйственного института, переходящий затем в Ботанический сад. То и дело приходилось ложиться: гитлеровцы обстреливали этот район из орудий, снаряды рвались, казалось, совсем рядом. Пока добрались до Сельскохозяйственного института, все были обсыпаны землей. Здесь недавно шли кровопролитные бои. От здания института остались одни стены. На фасаде крупные дыры от снарядов, он весь изрешечен пулями, а скульптура Ленина над главным входом не имела ни одной царапины.

Пошли дальше, к линии фронта, проходившей внизу, через Ботанический сад. Дорогу уже показывал сержант в каске. С его помощью друзья благополучно проползли заминированный участок — значительно правее входа в

Ботанический сад и, используя где кустарник, где овраг, оказались за линией фронта, в Троицкой слободе. Здесь знакома каждая тропка.

Когда дворами отошли подальше, на стенах домов, на заборах увидели объявления, отпечатанные типографским способом. Содержание одинаковое:

«Все гражданское население обязано немедленно покинуть город Воронеж. Разрешается только минимальный багаж. Население собирается на южной окраине города, откуда оно будет отправлено через Дон. Распределение населения происходит по плану западнее Дона. Приказам жандармерии нужно обязательно подчиняться. Исключения невозможны.

Местный комендант».

— Боятся фрицы русских людей! — заметил Валя.— Когда был здесь прошлый раз, мне рассказывали, что кое-кто из жителей уже начал прихлопывать фашистов. Эх, стукнуть бы хоть одного, да нельзя нам! И никто к ним на службу не идет добровольно. Разве что из-за куска хлеба. Профессор Покровский, знаменитый глазной врач, предпочел демонстративно нищенствовать в селах западнее Воронежа. Среди интеллигенции вербует предателей некто под кличкой «Богдан», подчиняется немцу Шульцу, а среди остальных какой-то Зайдель. Да, говорят, охотников не находится. Пойдем, надо торопиться.

Люди не хотели уходить. Гитлеровские офицеры и солдаты силой выгоняли их на улицу. Все молча тянулись с тощими узелками, как выяснилось, за маслозавод, где был основной сборный пункт. Там людей разбивали на колонны, во главе каждой ставили транспортфюрера и под конвоем гнали за Дон, в село Хохол Хохольского района Воронежской области. В Хохле — центральный сортировочный пункт. Молодых, здоровых гонят куда-то дальше. Как рабов...

Прошли Рабочим проспектом мимо дома Кости — он еще стоял, зияя разбитыми окнами, потом дворами на улицу Урицкого — Вале не терпелось повидать родных.

Костя остался на улице, а Валя вбежал в дом. Вернулся через несколько минут, расстроенный.

— Пока все живы,— ответил он на молчаливый вопрос Кости.— Идут на сборный пункт, иначе...

Добротные ботинки Валя отдал дедушке, на ногах теперь старенькие брезентовые туфли.

Испугались и остановились поодаль, увидев на проспекте Революции, у входа в Первомайский сад, виселицу. Старик в фуфайке и брюках железнодорожника. Через дорогу, у Дворца пионеров, проволокой за горло к столбу прикручена молодая женщина.

— Как похожа на нашу разведчицу Иру Плохих,— тихо сказал Валя.— Сволочи!

Молча дошли до Кольцовского сквера, взволнованные, готовые на все, чтобы отомстить гитлеровцам. По дороге у встречавшихся жителей узнали, что гитлеровцы лютуют вовсю. В Петровском сквере изрезали ножами группу пленных красноармейцев и потом уже добили, почти на каждой улице расстрелянные женщины, дети...

Как-то стало легче, когда в Кольцовском сквере увидели могилы фашистов. Насчитали сто сорок крестов и сбились со счета. А поди под каждым крестом по десятку! Так их, гадов!..

Узнали, что расстреливает жителей и вешает карательный отряд, расположившийся в доме № 92а на улице Карла Маркса, а также тайная полевая полиция — ГФП, которую все называют гестапо; она заняла дом № 35 на Студенческой улице.

Выяснив немало ценного, разведчики вернулись в Троицкую слободу. Обратный переход был намечен в том же районе, удобном тем, что здесь много оврагов, кустарника. А с той стороны, в случае чего, должны прикрыть огнем. Оставалось пройти совсем немного, и вдруг наткнулись на гитлеровских солдат. Они прятались за кирпичной стеной разрушенного дома и, как показалось Косте и Вале, даже обрадовались им. Сунули в руки лопаты и знаками показали, что надо углубить находившийся рядом окоп.

— Боятся нашего снайпера, гады! — сказал Валя и, не таясь, прыгнул в окоп. Костя за ним.

Валя был значительно выше Кости. Встав на цыпочки, он выглянул из окопа проверить, наблюдают ли за ними гитлеровцы, и тут же раздался выстрел. Валя опустился, будто ноги его вдруг стали ватными, и упал на бок. Костя с ужасом кинулся к нему. Пуля попала другу в лоб. Голубые Валины глаза помутнели.

С огромным трудом Костя, не думая, что и его гит-

леровцы могут пристрелить, вытолкнул тело друга из окопа, вылез сам. Взяв Валю под мышки, отнес подальше. Другу уже ничем нельзя было помочь, и Костя кинулся в кусты. Вслед раздались автоматные очереди.

...Вернулся Костя ночью, перейдя линию фронта в другом месте — напротив Придачи. Переплыв реку, почти всю дорогу, несколько километров, бежал, но так и не согрелся. Била нервная дрожь.

Попросился опять в разведку, но ему твердо сказали: «Отдохни».

В разведку пошел 1 августа. Вдоль высокой дамбы пробрался в район Чернавского моста, реку переплыл незамеченным. До рассвета прятался в развалинах дома. Дворами стал подниматься вверх, в направлении проспекта Революции, и тут его задержал солдат. Повел в сторону военного городка.

На проспекте Революции, на площади 20-летия Октября, на улице Кирова новые виселицы. На груди повешенных фанерные листы с надписью по-русски: «Несмотря на приказ, я вернулся в эвакуированную область и наказан за непослушание и шпионаж». Из жителей никого не видно.

Солдат привел Костю в военный городок, где было много людей. Прислушиваясь к разговорам, сам задавая вопросы, Костя выяснил, что сюда согнали жителей западной части города, подлежащих эвакуации в последнюю очередь; из восточной части все уже выселены, и вступил в силу приказ: кого обнаружат, расстреливать на месте. Люди говорили, что гитлеровцы было посчитали город уже своим, назначили бургомистром какого-то Михайлова, вышел один номер газеты «Новая правда», без фамилии редактора, но наши не пустили их дальше, на левый берег, и гитлеровцы стали грабить город, вывозить все ценное, поджигать уцелевшие дома. Сломали и вывезли на металлолом бронзовый памятник Петру Первому. В школе № 29 на улице 20-летия Октября создали, по их словам, «гражданский госпиталь», куда якобы для лечения свезли несколько сот больных, инвалидов, стариков, женщин, детей. А вскоре Циммерман и Золя, помощники начальника карательного отряда СД Августа Бруха, расстреляли часть людей во дворе школы. В числе расстрелянных профессор Вержбловский, врач Мухина, больной взрослый сын профессора Пучковского...

Никто тогда не знал, что остальных 450 человек, в том числе 35 детей, гитлеровцы в конце августа отвезут в Песчаный лог и расстреляют там. Об этом уже после освобождения Воронежа расскажет чудом спасшаяся Анна Федотовна Попова.

Ночью Косте удалось скрыться. Реку переплыл в том же месте.

Сообщенные Костей сведения представляли большую ценность. На другой день некоторые крупные огневые точки были подавлены артиллерией и «кукурузниками», как называли легкие самолеты, бесстрашно летавшие бомбить гитлеровцев. Прояснилось также положение населения, судьба которого всех тревожила.

«Расстрелян фашистами 11 августа 1942 года»

Посылать разведчиков в город было уже значительно сложнее, опаснее. И другие разведчики подтверждали, что гитлеровцы, обнаружив кого-либо из жителей, расстреливают на месте. А воевать без разведчиков — воевать вслепую, сознательно идти на то, чтобы жертвовать жизнью сотен бойцов. Если немецко-фашистским захватчикам до сих пор не удалось прорваться на левый берег, в этом, конечно, большая заслуга и разведчиков. Обстановка требовала не только во что бы то ни стало не пустить дальше немецко-фашистские войска, но и выгнать их за Дон. Командование Воронежского фронта готовило наступление, и разведывательные сведения были нужны как воздух. Подходившие войска в основном занимали позиции на флангах города с таким расчетом, чтобы взять гитлеровцев в клещи. Разведчики-чекисты ежедневно ходили в разведку, а вот возвращались далеко не все. Война есть война.

В ночь на 11 августа 1942 года после тщательного инструктажа в разведку пошли Костя Феоктистов и Юрий Павлов. Задание — разведать правобережную часть города: от Архиерейской рощи, опять захваченной гитлеровцами, и дальше, в направлении Чернавского моста. Юра Павлов чуть помоложе Кости, не раз ходил в разведку и показал себя смышленым, находчивым. До за-

хвата Центрального района Воронежа он проживал в правобережной части, отлично знал там все улицы, переулки, и это помогало ему проскальзывать мимо гитлеровских постов.

Переплыли реку ночью, держа направление на Архиерейскую рощу. К берегу подплыли бесшумно, не обнаружив себя, в реке пережидали, когда патрулировавшие солдаты пойдут в разные стороны, и, уже зная, где безопаснее пройти, благополучно проскользнули через рощу к первым домам. До рассвета скрывались в воронке от снаряда, а когда рассвело, стали разведывать этот район.

Оказалось, что немцы подбросили новые части и к роще, и в район стадиона «Динамо» и Ботанического сада. Дворами пошли параллельно берегу. Собственно, «пошли» — не то слово: где ползли, а где перебегали. Костя — впереди, Юра — сзади, метрах в двухстах.

Выяснилось, что в правобережной части, от улицы Оборона Революции и дальше, в направлении Чернавского моста, гитлеровцев стало также значительно больше. Посты на берегу усилены. На перекрестке улиц Анатолия Дурова и Крестьянской, Средне-Смоленской и Солдатского переулка, на улице Сакко и Ванцетти и в других местах появилась артиллерия. У Терновой церкви — два шестиствольных миномета. В ограде Успенской церкви — дальнобойные и зенитные орудия, шестиствольные минометы. На колокольне бывшего Митрофановского монастыря — наблюдательный пункт: оттуда отлично видно все, что делается на Придаче...

Жителей — никого.

Самое сложное — перебегать бесчисленные улицы, круто спускающиеся к реке. Хорошо, что неширокие.

Когда Костя перебегал Средне-Смоленскую улицу, он услышал хриплый крик:

— Хальт! Хенде хох! (Стой! Руки вверх!)

И по-русски:

— Стоять!

Остановился.

Эсэсовец с двумя солдатами. И еще три солдата-автоматчика, стреляя, бегут туда, где Юра.

Юра успел шмыгнуть во двор дома.

«Молодец,— обрадовался Костя.— Смышленый парень, удерет, не впервые!»

Эсэсовец что-то сказал солдатам и сам пошел в сторону видневшегося перекрестка — там улица Сакко и Ванцетти пересекает Средне-Смоленскую. Солдаты подбежали к Косте, подтолкнули его: мол, пошли.

«Куда? — тревожно подумал Костя.— Если эсэсовец на перекрестке повернет налево, значит, на улицу Цюрупы, где эсэсовцы. Если направо — там, на Девичьем рынке, виселица».

Эсэсовец повернул направо.

От перекрестка к Девичьему рынку небольшой подъем. Прошли сгоревшую районную библиотеку, полностью разрушенный дом, у третьего дома, налево, от которого сохранились стены первого этажа, эсэсовец остановился, о чем-то порассуждал, махнул рукой и вошел во двор.

Солдаты подвели Костю к полукруглому погребу. На месте входа в погреб зияла яма. Солдаты поставили Костю на самый край ямы, спиной к ней. Эсэсовец встал в двух шагах от него, напротив.

Костя торопливо стал говорить, что он живет здесь, в городе...

— Врьешь! Врьешь! — прервал его эсэсовец и потянул руку к кобуре пистолета.

Потянул медленно, а пистолет выхватил быстро и сразу выстрелил.

Больно ударило в подбородок слева...

Юра Павлов вернулся в Отрожку на другой день, на рассвете 12 августа. Сказал, что Костю расстреляли фашисты, слышал выстрел.

...Падая в яму, Костя инстинктивно повернулся, и полусогнутые руки смягчили удар.

Живой!

Уцелел!

Только бы не шевельнуться!

Притвориться мертвым!

Что-то тяжелое ударилось рядом с головой, так что невольно вздрогнул.

Потом рассмотрел: большущий камень.

В голову целил, гад! Не попал!

Сколько же так лежать? Дышать трудно. Затекли руки, ноги.

Только бы не шевельнуться!

Если рот не закрывать, кровь вытекает, дышать легче.

Наверху тихо. Рискнуть?

Поднялся с трудом. Кружилась голова. Огляделся. Яма с одной стороны отвесная, с другой спуск в погреб.

Вздрогнул: в погребе трупы.

Встал на камень, брошенный эсэсовцем, выглянул. Никого.

Лег на то же место и так же, как лежал.

Почему-то решил, что вылезти можно через час, и стал отсчитывать секунды, минуты, не замечая, что считает очень быстро.

Двадцать минут... Сорок... Шестьдесят!

Пора!

Прислушался.

Тихо.

Встал на камень, выглянул.

Никого.

Как вылез — потом и рассказать не мог.

Через пробитую снарядом кирпичную стену дома виднелась улица. Туда нельзя, заметят. В соседнем дворе или в следующем — разве в горячке запомнишь! — в сторону Девичьего рынка увидел большой деревянный ящик. Приоткрыл крышку, перевалился на высохший мусор. Крышка захлопнулась негромко, а показалось — выстрелила.

«Пережду здесь, пока не стемнеет. А сейчас часов пять, не больше. Глоточек бы воды!»

Кровь на груди, до подбородка и не дотронешься, сочится из шеи справа.

Стянул с себя рубашку — оторвать кусок не хватило сил, обмотал вокруг шеи.

Пить!

Ящик деревянный, а будто огненный.

Да когда же стемнеет?!

...Когда очнулся, не сразу поверил, что наступила долгожданная темнота.

Скорее к реке. Дворами, конечно.

До берега идти минут десять. Решил, что за полчаса доберется, а добрался лишь к рассвету. Залег в чьем-то саду, в кустах. А когда совсем рассвело, увидел неподалеку солдат. Один из них наигрывал на губной гармошке какую-то мелодию. Чужую, тревожную.

Это была популярная в то время в фашистской Германии песня:

Если весь мир будет лежать в развалинах.
К черту! Нам на это наплевать!
Мы все равно будем маршировать дальше,
Потому что сегодня нам принадлежит Германия,
А завтра — весь мир!

Пришлось пролежать весь день, боясь шелохнуться.

А вечером гитлеровцы стали пускать осветительные ракеты. Опять задержка. И польза есть. При мертвенно-бледном свете ракет Костя высмотрел, где по берегу патрулируют автоматчики. Вот они сошлись. Вот расходятся. А ну-ка подсчитать, сколько пройдет минут, пока опять сойдутся...

Кажется, правее улица Коммунаров. Узенькая здесь. От нее, чуть правее, шагов пятнадцать, идет к реке заросшая травой канава...

Опять расходятся. Пора!

Вот она, канава-спасительница!

Не останавливаясь, вполз в реку, проплыл под водой, сколько хватило сил.

Вода освежила, стало легче. Но почему не глотается?

Кажется, уже на середине реки. Доплыть во что бы то ни стало! Обязан доплыть! Обязан!

Рук не вынимал из воды, чтобы не было всплесков. Повторял про себя: «Ждут! Ждут! Ждут!..»

...На рассвете 13 августа 1942 года начальник штаба 6-й краснознаменной стрелковой дивизии позвонил в штаб Центральной оперативной группы НКВД и сообщил, что на Придачу возвратился наш разведчик Костя Феоктистов, раненный, находится в разведбатальоне дивизии. В разведбатальон спешно выехал на «газике» парторг группы лейтенант государственной безопасности Валериан Матвеев.

— Жми на всю железку! — торопил он шофера.— Молодец! Молодец!

— Стараюсь! — откликнулся шофер.

— Костя молодец! Понимаешь, вернулся!

Командир разведбатальона уже выписал на Костю карточку, как на раненого бойца батальона.

Обнялись. Валериан Матвеев хотел расспросить

Костю, как же он уцелел, но увидел окровавленную тряпку, обмотанную вокруг Костиной шеи, и не решился.

— А Юра вернулся? — еле выговорил Костя.

— Вернулся, живой!

Бережно поддерживая, Валериан Матвеев отвез Костю в медсанбат дивизии, в поселок Сомово. В медсанбате установили, что пуля попала в подбородок слева и вышла из шеи справа, ниже уха на три пальца.

Костя просил пить, а не мог глотать, и врач заподозрил, что прострелен пищевод, сказал, что надо срочно отвезти в эвакогоспиталь.

На том же «газике» Матвеев привез Костю в госпиталь, находившийся примерно в тридцати километрах от Сомова, в селе Макарье Рождественско-Хавского района, в помещении церкви. Кровати заменяла щедро настланная солома.

— Просто чудо! —удивленно сказал врач, осмотрев Костю.— И пищевод цел, и даже челюсть не разбита, все зубы целы. Будешь рассказывать товарищам, и не поверят.

— А мы дадим Косте справку с печатью, что он был расстрелян фашистами 11 августа 1942 года,— засмеялся Валериан Матвеев, обрадовавшись, что серьезной опасности нет.

— Пить! Хочу пить!

Через резиновую трубку врач влил Косте два стакана питательной жидкости. Костя повеселел и хотя с трудом, но рассказал, что с ним произошло, доложил Матвееву о результатах разведки —кратко, самое важное. Из штаба Центральной оперативной группы НКВД ежедневно звонили в госпиталь, справляясь, как чувствует себя Костя. Три дня отвечали, что кормят через резиновую трубку, а на четвертый порадовали, что уже сам может есть жидкую пищу. Но добавили, что продержат не менее месяца, раньше нельзя выписывать.

А Костя появился через две недели. Признаться, чекисты растерялись. Костя, улыбнувшись, доложил:

— Удрал! — И добавил: — Попить. Уже могу.

Евгения Левикова, Зинаида Исаева кинулись в кухню за кипяченой водой. Врач Федоров тревожно повторял:

— В медсанбат! Немедленно! Немедленно!

Минут через десять медсестра, та самая, что оказы-

вала Косте первую помощь, ахая и охая, торопливо сняла пропылившиеся бинты.

— Отстегала бы тебя,— говорила она, заботливо дезинфицируя чуть затянувшиеся раны на подбородке и на шее,— да вроде неудобно лупить разведчика. Ну, ну, не кривись. Больнее было, когда фашист тебя расстрелял. А шрамы останутся на всю жизнь. Гордись ими. Почетные. За Родину кровь пролил...

В медсанбате и разыскала сына Мария Федоровна. Она уже побывала и в Макарьевском эвакогоспитале и там узнала о подвиге Кости.

— Мама! — обрадовался и испугался Костя.

Совсем мальчишеское лицо. Уши еще больше оттопырились. Оттого, что похудел. Вспомнилось: в детстве насильно заставляла пить козье молоко, специально купила козу... А глаза...

Глаза не мальчишеские. Взрослого человека, много испытавшего.

Прижался, как когда-то давным-давно в детстве, тихо сказал:

— Не сердись, мама... Щадить себя — человеком не станешь.

За мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны, Президиум Верховного Совета СССР наградил Константина Петровича Феоктистова орденом Отечественной войны I степени.

★

БЕЛЫЕ ПРИЗРАКИ

С. СТРЕЛЬЦОВ

Зимой 1941 года в штаб гитлеровских частей стали поступать донесения военной разведки — абвера о том, что линию фронта с советской стороны регулярно переходят хорошо вооруженные группы лыжников в белых маскировочных халатах, переходят и исчезают, как «белые призраки», несмотря на все попытки задержать их или хотя бы напасть на след...

Дополнительные сообщения абвера гласили о том, что эти «белые призраки» появляются и в небе: «Целыми группами и в одиночку падают они на советскую территорию, занятую войсками фюрера, и тоже исчезают, не оставив следов».

Но вскоре оккупанты стали чувствовать реальные действия «белых призраков»: следовали неожиданные, один за другим, удары, приводившие врага в трепет, ночью и днем настигали фашистов пули народных мстителей, взлетали на воздух склады боеприпасов, шли под откос вражеские эшелоны. В то же время на Большую землю регулярно передавались ценнейшие разведывательные сведения.

Это действовали «белые призраки» — чекистские разведывательно-подрывные группы, переброшенные в тыл врага.

В годы Великой Отечественной войны мне пришлось быть одним из «белых призраков» и действовать в тылу врага в зоне Брянских лесов (1942—1943 гг.), а затем на оккупированной врагом территории Волыни, бывшей Галиции, Польши, Восточной Пруссии, в районе Пинских болот и в других местах (1943—1944 гг.).

В своих записках мне хочется рассказать о тех наи-

более ярких эпизодах из героической летописи борьбы чекистов в тылу врага, в которых мне приходилось участвовать лично или слышать рассказы моих боевых товарищей.

Лицом к лицу

Нас было семнадцать, переброшенных через линию фронта в тыл врага. Сюда мы прошли по лезвию бритвы — иначе не назовешь вынужденный наш маршрут по фашистским минным полям, сквозь кинжальный огонь немецких пулеметов и минометов.

Командиром нашей чекистской группы был капитан. Звали его Евгений Иванович. Требовательный и строгий, человек проницательный, с жизненным опытом, Евгений Иванович в большом и сложном деле борьбы с оккупантами стремился личным примером воспитывать в подчиненных отвагу, присутствие духа и выдержку.

Однажды капитан ознакомил нас с планом предстоящей операции: выйдя из Брянских лесов, мы должны были перебраться через Десну, затем форсировать другой водный рубеж — реку Судость и пройти лес у села Воробьевка. Отсюда рукой подать было до цели — до железнодорожной станции, которую нам предстояло взорвать.

С вечера мы тщательно проверили состояние оружия, снаряжения и подрывной техники, удобнее переложили продуктовый НЗ, еще раз прошлись циркулем по карте. Перед сном посидели у костра и спели любимую песню: «Я уходил тогда в поход, в суровые края...» Улеглись спать, довольные, что все готово и утром ничто не помешает нам в намеченный час выйти к Воробьевскому лесу.

Отряд еще спал, когда мы, покинув лагерь, шли по свежевымытой лесной дорожке, оставляя заметный след на траве, покрытой серебристым налетом росы. Местами, в низинках, клубился туман, и болотная сырость проникала даже сквозь обувь. В лесу, будто из-под земли, вырастали перед нами избушки и домики, чудом уцелевшие в этой местности, где еще недавно гремели бои.

К концу дня мы перебрались через Десну, а вечером подошли к утопавшему в зелени, удивительно красивому при свете луны селу Евдоколье, за которым на расстоя-

нии полутора-двух километров лежала река Судость. Справа, в нескольких километрах от того места на другом берегу, где мы должны были высадиться, находился районный центр Погар, а слева — большое село Сопичи. К нему и направились сейчас два лучших наших разведчика — Александр Агарков и Кромский.

Они возвратились к полуночи.

Агарков доложил:

— Под вечер в Сопичи прибыл эскадрон гитлеровцев. На вооружении у кавалеристов три станковых пулемета и миномет. Они рыскали по селам в поисках партизан. Пробыв недолго в Сопичах, фашисты направились в районный центр. Перед уходом,— добавил Агарков,— они допросили старосту села и потребовали дать им в проводники полицая «из самых надежных»... Получив проводника, гитлеровцы уехали, но, возможно, они вернутся туда утром или даже к рассвету.

Днем, намечая маршрут, мы рассчитывали к полуночи быть на другом берегу Судости, но, когда, пользуясь одной только лодкой, мы перебрались через реку, было уже около двух часов короткой июньской ночи.

Перед тем как тронуться в путь, командир предупредил:

— Обстановка, товарищи, в связи с появлением карателей сложилась серьезная. Даже от самой незначительной стычки с противником мы сейчас должны уклониться и ни в коем случае не обнаруживать себя преждевременно. От этого зависит успех выполнения задания. А в случае чего... больше, товарищи, выдержки... больше выдержки!

Предупреждение командира было не лишним, хотя мы и сами знали: у подрывников или разведчиков обычно свои задачи, и они не должны ввязываться в бой с противником, идя на выполнение задания. Конечно, не трусость заставляла разведчиков при встрече с противником уклоняться от боя, скрываться в кустах. Каждый понимал, что случайный бой осложнит обстановку, насторожит оккупантов. Заставит их усилить охрану объектов, важных для нас с точки зрения разведки или диверсии.

...Обвешанные оружием, держа в руках длинные бамбуковые палки — все, что осталось от нашего лыжного хозяйства, с которым переходили линию фронта, мы

шли, как обычно, гуськом, выдвинув вперед, метров на двести, скромный — в два человека — дозор. Начинало светать. Перед нами раскинулось открытое поле. Мы прошли с километр, перевалили через бугор, стали спускаться в лощинку, вышли на ровное чистое место... и наткнулись на гитлеровцев. Справа, метрах в ста от дороги, у разрушенного небольшого сарая догорали костры, паслись стреноженные лошади гитлеровских кавалеристов и стояли пулеметы. Каратели группами спали возле костров. У одного из костров мы увидели часовых. Один из них, стоя на коленях, держал обеими руками палку и помешивал ею в котле, другой стоял, широко расставив ноги: одну руку он держал на автомате, висевшем на шее, в другой была трубка. Солдат курил и, не отрываясь, глядел на нас.

«Обнаружены... Задание провалено... Сейчас — бой!» — пронеслось в голове.

Мы продолжали идти четким, размеренным шагом. Вот уже оба часовых стоят и смотрят в нашу сторону.

Высокий подошел к костру, растормошил кого-то из спящих. Тот медленно встал и, потягиваясь, протирая глаза, вслед за немцем направился к нам. Он был в одежде, обычной для жителей этого края.

«Тот самый... из полицаев... «самый надежный»,— вспомнилось донесение разведки.

Я оглянулся. Лица товарищей были бледны, но как сверкали глаза! Руки наши тянулись к оружию, а ноги... в них, казалось, по пуду веса, они будто прирастали к земле и в то же время были невесомы, не слушались: огромных усилий стоило не побежать, не помчаться в поисках удобной позиции. Тут, на открытом месте, мы не смогли бы найти ямку, ложбинку, холмик, где можно было бы залечь и, приняв навязанный бой, дороже продать жизнь... Однако — мы хорошо понимали это! — попытка прибавить шаг или свернуть в сторону усилила бы подозрение фашистов, вызвала бы их тревогу, а затем и бой. Это, видимо, понял и наш головной дозор. Так вот почему он не предупредил нас. Малейший шаг дозорных назад поднял бы на ноги карателей.

Не сговариваясь, мы все, как один человек, продолжали идти «спокойным», размеренным шагом...

И случилось то, что должно было случиться в такой ситуации: у одного из семнадцати нервы сдали...

Это был замыкающий Ковалев. Сделав движение в сторону, он обогнал шедшего впереди чекиста и устремился вперед. Идя теперь сбоку, рядом с цепочкой, Ковалев все прибавлял и прибавлял шагу... Еще секунда, и он побежит, а фашисты сразу поймут, что тут что-то не то... Обогнав товарищей, Ковалев поравнялся с командиром.

— Ку-у-да?! — сдавленным голосом произнес Евгений Иванович и, прохрипев: — На место! — выругался. Затем, на глазах у немцев, капитан протянул Ковалеву кисет с табаком.

Зловещее «на место!», брань в устах выдержанного, всегда тактичного капитана, кисет сделали свое дело: Ковалев, опомнившись, отсыпал из кисета махорки, замедлил шаг и занял свое место в цепочке.

Короткая летняя ночь кончилась. Стало светло, хорошо были видны лица гитлеровца и полицая, ненавистные лица врагов, направлявшихся к нам. Метрах в сорока от нашей дорожки они замедлили шаг, остановились. Указав трубкой в нашу сторону, часовой сказал спутнику несколько слов. Пристально разглядывая нас, полицай сделал три-четыре шага вперед, обернулся и что-то ответил. Часовой утвердительно кивнул головой и стал разжигать трубку. И полицай, не спуская с нас глаз, закурил...

Капитан шел, стиснув зубы, искоса глядел по сторонам, и крупные капли пота катились у него по лицу. Я понимал тактику нашего боевого командира и друга: он знал, что товарищи верят ему, глядят на него и в эти невероятно трудные минуты сделают все, что сделает он сам...

Мы прошли еще километр, еще полтора... шли, ожидая с минуты на минуту боя и не понимая, почему фашисты не открывают огонь, почему кругом стоит тишина, хлещущая по нервам. Взошло солнце. Враги остались далеко позади, и мы потеряли их из виду.

Через несколько дней я держал в руках донесение старшего разведчика Александра Агаркова. Разведчик писал, что в тот вечер, когда мы, переправившись через Судость, встретились с гитлеровскими карателями, они, перед тем как выехать из села Сопичи, потребовали у старосты проводника из самых надежных полицаев. Но полицаев в селе не оказалось (они участвовали в

карательной операции в другом конце района), и староста послал в качестве проводника одного из местных жителей; его-то в поле мы и приняли за местного полицая.

Когда часовые увидели нас, наше «спокойствие» сбило их с толку. «Партизаны не вели бы себя так спокойно в непосредственной близости от немцев»,— решили они. А «полицай», увидев нас, догадался, кто мы такие... Когда часовой спросил: «Вер ист дас? Кто ест этот мужчины?», колхозник, желая спасти советских людей и зная, что ему грозит смерть, если фашисты разоблачат обман, ответил:

«Это полицаи... Они ловят партизан».

«О-о, полицай, я тоже так думаль! — воскликнул фашист.— Хотелось просиль для мой трубка... табак, чтобы быль табак...»

— Да-а... дело было б для всех нас табак, догадайся каратели, кто вы,— усмехнувшись, рассказывал колхозник и добавил: — А командир, видать, у вас, хлопцы, с выдержкой...

Как-то, после войны, я рассказал легендарному партизанскому командиру Ковпаку о нашей встрече с гитлеровскими кавалеристами под селом Сопичи.

— Да-а-а...— протянул Сидор Артемьевич,— правильно той дядько сказав: як що б не выдержка ваша, було бы там у поли для вас дило табак... Коли б не выдержка ваша... да-а-а... А ось главное ты мени не сказав: як же фамилья того командира, ну, чекиста того... Евгения Ивановича?

— Фамилия? Мирковский, Евгений Иванович Мирковский.

— Постой, Мирковский? Це не той, що зничтожив гитлеровский правительственный кабель связи под Житомиром?

— Он самый, Сидор Артемьевич, а кабель тот шел из Берлина в Киев.

— Ну да! Именно так! Так я ж того знаю чекиста, Евгения Ивановича! Добре знаю. О-о-орел! Орел — ничего не скажешь!

С Ковпаком я был согласен.

С Евгением Ивановичем Мирковским пришлось мне встретиться и в другой обстановке, не менее напряженной и сложной.

Было это в партизанской дивизии, которой командовал Петр Петрович Вершигора, в 1944 году, во время ее рейда по оккупированной фашистами польской земле. Дивизия Вершигоры громила гитлеровские тылы. На коммуникациях врага работали партизанские минеры. Кавалеристы и стрелковые роты атаковали гарнизоны и заставы противника. День и ночь действовали разведчики.

Помню, как под деревней Марьевкой нас обстреляли вражеские цепи. Комдив приказал двум нашим ротам уничтожить противника. Бой начался километрах в полутора от деревни. Гитлеровцы нажали, и несколько недавно пришедших в отряд партизан, не выдержав натиска врага, побежали. Впереди, увлекая за собой остальных, мчался с перекошенным от страха лицом высокий парень в вышитой косоворотке. Он бежал и кричал:

— Фашисты!.. Эсэсовцы!..

Вдруг из ворот стоявшей на отшибе крестьянской хаты выбежал человек с маузером в руке. Это был капитан Мирковский, действовавший со своим чекистским отрядом неподалеку от партизан.

— Стой! — крикнул он.— Стой! Куда от фашистов бежишь?

— Фашисты! Эсэсовцы! — продолжал кричать парень во всю силу своих легких.

— Эсэсовцы? Не может быть! И много их, этих эсэсовцев? — спросил капитан.

Парень не уловил иронии.

— Ой много, товарищ капитан, много! — едва переводя дыхание, лепетал он.

— Товарищи! — закричал вдруг Мирковский, обращаясь к стоявшим у ворот партизанам.— Много эсэсовцев! Третий день за ними гоняемся — и ни одного не видели, а тут только бей их! Кто со мной бить эсэсовцев? Вперед, ребята! — весело кричал капитан, не двигаясь с места.

Парень в косоворотке оторопело смотрел на Мирковского. Больше всего его поразили глаза капитана: они сверлили его насквозь и... смеялись.

И тогда парень повернулся к бежавшим вместе с ним партизанам и с криком: «За мной, бить фашистов! Вперед! Ура!» — помчался, прыгая через пни и кочки, к полю боя. За ним последовали его товарищи.

Через несколько месяцев мы были уже далеко от Марьевки. Штаб дивизии расположился в большом красивом селе. Стояла весна, теплынь. Кое-где в хатах были открыты окна.

Под вечер мы с начальником штаба дивизии Василием Войцеховичем шли по улице и вдруг услыхали звучавшие в крайней хате аккорды баяна и песню:

Шел отряд по бережку,
Шел издалека.
Шел под красным знаменем
Командир полка...

Мы подошли поближе. Заглянули в окно. В комнате было много народу — минеры, кавалеристы, разведчики. В центре, с баяном в руках, сидел запевала — наш старый знакомый... парень в косоворотке. Впрочем, на сей раз он был в гимнастерке с белоснежным подворотничком, строгий, подтянутый, а на его груди сияла новенькая медаль «За отвагу».

— Видал? — подтолкнул меня локтем Войцехович и усмехнулся.— А поет как! Ну прямо... Козловский.

Подошли к околице. Замаскированное стогом сена, стояло орудие. Светились в темноте огоньки партизанских цигарок, где-то раздавался приглушенный смех девчат.

Вдыхая полной грудью заметно посвежевший воздух, мы постояли, прислушались. В вечерней тишине отчетливо слышалось:

Хлопцы, чьи вы будете,
Кто вас в бой ведет?
Кто под красным знаменем
Раненый идет...

Мы продолжали свой путь. Войцехович сказал:

— Вот что значит вовремя сказанное слово... Представляешь, что было бы с этим парнем, если бы не оказался вблизи Мирковский... Удивительный народ, должен тебе сказать, наши чекисты. Железное самообладание, выдержка, а патриоты какие!.. С ними на любое задание можно идти — надежный народ!

Мера мужества

Произошло это одной теплой сентябрьской ночью 1943 года в оккупированном немецко-фашистскими войсками городе Овруче Житомирской области, на Украине.

В этот день немецкая администрация и командование гитлеровских частей по случаю какого-то торжества созвали на праздник офицеров из ближайших гарнизонов. Праздник совпал с приездом из Берлина группы гестаповцев. Прибыли они в Овруч с заданием разработать и осуществить мероприятия по ликвидации активно действовавшего в этих краях соединения чекистских отрядов. Командовал соединением Виктор Карасев, ныне Герой Советского Союза.

Гости начали прибывать еще до наступления темноты, а вскоре смех, музыка, пьяные выкрики гитлеровцев стали разноситься над притихшим городом. Играл оркестр, фашисты веселились... И вдруг сполохи багрового пламени озарили город, и чудовищной силы взрыв расколол тишину: это взлетело на воздух здание крупного немецкого штаба и гебитскомиссариата, под развалинами которого нашли свою смерть более двухсот гитлеровских офицеров-карателей.

Эту сложную операцию осуществила группа бесстрашных народных мстителей во главе с чекистом Карасевым. В операции участвовали инструктор-минер, парторг соединения Евгений Ивлиев с группой подрывников и колхозный активист комсомолец Григорий Дьяченко. Помогали чекистам и другие местные жители.

Недалеко от Овруча, на краю обширного лесного массива, расположилось небольшое село Малая Черниговка. На окраине села в скромном деревянном домике жила семья Григория Дьяченко. В 1933 году Григорий, закончив семилетку, остался работать в колхозе. Великая Отечественная война застала его на военной службе. После тяжелых боев с немецко-фашистскими захватчиками воинское подразделение, в котором служил Дьяченко, попало в окружение. В течение двадцати суток Григорий с группой верных друзей маневрировал в тылу врага, совершая внезапные боевые налеты на небольшие гарнизоны противника. Они поставили себе целью во что

бы то ни стало пробиться к линии фронта, перейти ее и соединиться с частями Красной Армии.

В открытой степи, на тропинке, которая вилась между хлебами, группа наткнулась на засаду. Бой перешел в тяжелую рукопашную схватку. Силы оказались неравными — гитлеровцев было впятеро больше. Советские воины были схвачены и брошены в концлагерь. Вскоре, выдержав нечеловеческие пытки и издевательства, Григорий Дьяченко и его товарищи бежали из лагеря; преодолев путь, полный лишений, тревог и опасностей, Дьяченко достиг родных мест и оказался наконец в Малой Черниговке.

Прослышав о том, что в Житомирской области действуют отряды советских партизан, Григорий сообщил отцу о своем намерении связаться с партизанами и встать на путь беспощадной борьбы с оккупантами. Но как и где встретиться с партизанами? Где их найти?

Дьяченко знал, что о том же мечтал и Василий Федосеенко, бывший красноармеец, бежавший из фашистского плена. Друзья решили приложить все усилия, чтобы разыскать партизан и одновременно готовить почву для боевых операций против гитлеровцев.

По роду своей работы слесарь Федосеенко часто ремонтировал водопровод в здании Овручского гебитскомиссариата, где познакомился с работавшим в котельной истопником Яковом Захаровичем Каплюком. Вскоре Федосеенко встретился и с разведчиком Алексеем Батяном из соединения отрядов Карасева, действовавшего под Овручем.

Тщательно проверив Дьяченко и Федосеенко, чекисты установили с ними связь. Просьба друзей дать им возможность с оружием в руках действовать вместе с бойцами отряда была отклонена. Чекисты дали им понять, что, оставаясь в Малой Черниговке, они могут принести гораздо больше пользы...

Первое задание, полученное Дьяченко от Карасева, сводилось к тому, чтобы наладить связь с истопником гебитскомиссариата Яковом Каплюком.

Разведать обстановку и установить, возможна ли встреча с Каплюком, Дьяченко, по совету Карасева, направил в Овруч верного человека — проживавшую в Чернигове «тетю Шуру» — связную партизан Александру Пашко. Одновременно для связи с Каплюком Дьяченко

с согласия чекистов направил в Овруч свою жену, Марию Корнеевну. Она должна была выполнить и второе задание — установить, возможен ли провоз взрывчатки в Овруч: чекисты намеревались взорвать здание гебитскомиссариата и гитлеровского штаба.

Каплюк встретил «тетю Шуру» настороженно, и встреча эта не дала желанных результатов: истопник опасался провокации со стороны гитлеровцев. Однако после свидания с женой Дьяченко Каплюк заколебался и дал согласие встретиться с ее мужем.

— Каплюк,— сказала Дьяченко мужу, возвратившись домой,— опасается, как бы фашисты не узнали о его связи с партизанами. Ему тогда будет обеспечена петля!

Очередная встреча с Каплюком состоялась на его квартире, куда Григорий Дьяченко пришел вместе с женой.

Оказалось, что Дьяченко хорошо знают жену Каплюка, Марию Ивановну: ее родственники живут в том же селе, где проживает и семья Дьяченко, и Мария Каплюк часто бывает в Малой Черниговке.

— Видел не раз вас в Черниговке,— улыбаясь, говорит Дьяченко,— но не знал, что вы жена Каплюка.

Завязался оживленный разговор, вспомнили общих знакомых, и Каплюк, «оттаяв», дал понять Дьяченко, что согласен помочь в борьбе против фашистов.

Договорились о том, что через несколько дней Дьяченко познакомит Каплюка с товарищами, которые подробно проинструктируют его.

О результатах встречи доложили командиру. Карасев принял решение, и вот уже в Малой Черниговке, в квартире Дьяченко, чекисты беседуют с Каплюком. Истопник подробно рассказал им, как охраняется штаб, описал подходы к зданию гебитскомиссариата (там же находился и фашистский штаб), расположение его входов и выходов.

Через три дня по просьбе Карасева Каплюк представил чекистам план котельной, схему ограждения дома, местонахождение караульных постов.

Однако Карасев все еще соблюдает осторожность: он ничего не говорит Каплюку о конкретной задаче — взрыве гебитскомиссариата и гитлеровского штаба.

Григорий Дьяченко между тем получил от чекистов

документы, разрешающие свободный проезд в город Овруч, и в том числе — удостоверение полицая.

Прибыв на встречу с Яковом Каплюком в Овруч, Дьяченко не застал его дома. Григорий беседовал с его женой, Марией Ивановной Каплюк, которая охотно согласилась помогать «тем, кто ведет борьбу против проклятых фашистов», и обещала выполнить любое задание.

Прошел еще день, и Каплюк на велосипеде приехал к Дьяченко в Черниговку. Здесь его снова ждали чекисты.

На этот раз Карасев задал Каплюку прямой вопрос: готов ли он помочь чекистам взорвать здание гебитскомиссариата?

Подумав, Каплюк ответил:

— Спасибо за доверие, товарищи. Думаю, с заданием справлюсь.

Возвратившись домой, Каплюк не смог скрыть своего волнения от жены, но ничего не сказал ей.

Мария Ивановна приготовила еду; перекусив с дороги, Каплюк ушел на работу. Догадываясь о том, что муж получил какое-то задание, Мария Ивановна по возвращении его с работы стала просить рассказать ей, в чем дело.

Он признался, что ему поручили взорвать здание гебитскомиссариата, причем заметил, что осуществить это будет очень трудно, так как здание усиленно охраняется немцами — всех входящих и выходящих из здания людей проверяют на караульных постах. Затем в раздумье Каплюк произнес:

— А не посоветоваться ли мне со своим напарником — кочегаром? Но, с другой стороны, я его еще недостаточно знаю...

Мария Ивановна отсоветовала мужу связываться с кочегаром.

— Если об этом будет знать хоть один посторонний человек,— сказала она,— мы будем болтаться на виселице...

— Что же делать? Необходимо помочь товарищам, но как доставить взрывчатку ко мне в котельную?

Жена ответила:

— Я перенесу ее сама, а помогут мне дети. Твое дело — хорошо спрятать ее в котельной...

Каплюк согласился.

Чекисты доставили взрывчатку Григорию Дьяченко

в Черниговку. Получив указание Карасева, в воскресный день Дьяченко запряг лошадь, посадил на подводу жену, старушку мать и повез на базар продукты: молоко, масло, яйца, картошку.

На телеге, под продуктами, лежала взрывчатка.

Благополучно прибыв на базар, Дьяченко стал торговать. Однако искушенным наблюдателям бросилась бы в глаза одна деталь: за свои продукты Дьяченко заламывал такую цену, что среди покупателей не нашлось ни одного, кто согласился бы платить втридорога...

К концу дня к нему подошел Яков Захарович Каплюк. Восседая на возу, Григорий Дьяченко напевал:

...Ой, при лужку, при лужке,
При широком поле,
В незнакомом табуне
Конь гулял на воле.

Песня служила паролем, она означала: «Все в порядке. Взрывчатку доставил».

Каплюк подошел ближе, посмотрел на продукты и, приценившись, громко сказал:

— Знаешь, друг, я у тебя продукты закупаю все сразу, оптом... с одним условием...

— А чего тебе?

— Завези продукты ко мне на квартиру!

Дьяченко для вида начал ломаться, куражиться и наконец согласился.

Въехали во двор к Каплюку. Закрыли ворота. Сгрузили и спрятали взрывчатку.

Затем семья Дьяченко отправилась к себе в село. Так повторялось несколько раз. Но наступил день, когда нужно было решить окончательно, как доставить взрывчатку в котельную здания фашистского штаба. Задача была не из легких: гитлеровцы тщательно охраняли свой штаб. Решили осуществить план Марии Каплюк. Муж ее часто работал круглые сутки, не выходя из котельной целую неделю подряд, и она носила ему туда обед.

Чтобы доставить взрывчатку и обеспечить взрыв штаба, Мария Ивановна решилась на опаснейший маневр: сделать это должны были ее дети — пятилетний Вова и четырехлетний Виталик. Мария Ивановна сшила

детям широкие пиджаки с внутренними карманами вокруг пояса для толовых шашек, по типу охотничьего патронташа. Перед тем как идти в котельную, Мария Ивановна, замирая от страха — а вдруг фашисты в пути остановят! — брала дрожащими руками толовые шашки и обвешивала ими детей. После этого они выходили из дому.

И вот по улице, переполненной гитлеровцами, полицаями и соглядатаями, двигалась невысокого роста худощавая женщина; в одной руке она держала узелок со скромным обедом для мужа, а в другой — ручку Вовки, который тащил за собой Виталика, рассуждавшего вслух: «Я папке яблочко дам... Я папке яблочко дам...»

Так, целый месяц, изо дня в день, эта женщина, рискуя своей жизнью и жизнью своих детей, доставляла опасный груз.

В это же время чекисты готовили мину для взрыва. Сконструировал мину отважный минер Евгений Ивлиев. Он произвел расчеты необходимой силы взрыва, разработал схему подсоединения проводничков к взрывателю, не забыл, для гарантии, об установке второго, дублирующего взрывателя. Оставалось создать надежный электрочасовой замыкатель, который сработал бы точно в назначенный день и час. Здесь Евгению очень пригодился и собственный боевой опыт, и советы друзей-подрывников — Миши Минаева, «Марата» (Блицау), Михаила Жарко.

Еще и еще раз проверив механизм, чекисты убедились: работает безотказно. Командир соединения Карасев был доволен: мина не подведет.

— Не сомневайтесь, будильничек наш зазвенит на всю округу,— шутил Ивлиев.

Полученную от чекистов мину с часовым механизмом Яков Захарович Каплюк заложил вместе с толом, который в момент взрыва мины должен был взорваться от детонации. Еще и еще раз проверив, правильно ли установлен в мине взрыватель, надежно ее замаскировав, Каплюк распрощался с охраной и, объяснив свой уход желанием проведать семью, сел на велосипед и уехал; к тому времени Мария Ивановна с детьми уже находилась в надежном, безопасном месте, в лагере у чекистов.

...Сейчас семья Каплюк проживает в том же городе

Овруче. Закончив в Одессе Технологический институт имени Ломоносова, Виталик и Вова, ныне инженеры, работают в Минске. Григорий Васильевич Дьяченко руководит одним из колхозов в Житомирской области.

В этом факте, думается нам, нашло свое выражение величие советских людей, их высокий патриотизм: в условиях страшного, невыносимого гнета фашистской оккупации патриоты нашей Родины в интересах ее безопасности, не дрогнув, шли на самопожертвование.

И каждый раз, думая об этом и об операции, проведенной чекистами в Овруче, о помощи, оказанной местными жителями, я вспоминаю слова, прочитанные мной в книге «Дзержинский»:

«...Люди были тогда как тени, а дела их были как скалы!»

«Руссише миод»

В одном из сел, затерявшихся в зоне Брянского леса, свирепствовал гитлеровский комендант Отто фон Фогель, каратель и палач, зверь и садист, от жестокости которого страдало население всей округи.

Комендант окружил себя охраной: насколько он был лют, настолько был хитер, подозрителен и увертлив. Всюду ему мерещились народные мстители: за каждым домом, казалось ему, стоит партизан с автоматом, то ему чудилось, что в окно летит граната, то он кричал, что ему подсунули отравленные хлеб и мясо. Свой животный страх он переливал в жестокую месть, и много людей погибло от его руки. Подобраться к фашистскому извергу, чтобы разделаться с ним, партизанам долго не удавалось.

В одну из темных осенних ночей в нашу чекистскую разведывательную группу, действовавшую в тылу врага, была сброшена на парашюте разведчица Лида, небольшого роста чернявая девушка.

Комсомолка быстро снискала любовь и уважение товарищей; вскоре о ней узнали в других отрядах. Лида была отважна, скромна, приветлива, неплохо знала немецкий язык и очень хорошо пела; часто, бывало, возвратившись с задания, к нам в землянку под вечер приходили разведчики, и Лида, стараясь не потревожить ра-

неных (их у нас было двое, и лежали они тут же, в землянке), напевала вполголоса:

> На позиции девушка
> Провожала бойца.
> Темной ночью простилася
> На ступеньках крыльца...

Это была любимая песня Лиды, пела она с чувством, с большой теплотой. Перед боями мы не раз собирались вокруг нее, слушали ее пение и отдыхали душой.

Как-то вечером к землянке, в которой размещалась наша группа, подъехал верхом на коне бравый парень в кубанке — это был переброшенный в Брянские леса из Москвы чекист Мирон Голубь, теперь уже начальник разведки одного из партизанских соединений. Приехал к нам Голубь за помощью: просил отпустить на несколько дней Лиду для проведения, по его словам, несложной, но по замыслу очень важной операции.

Наконец-то партизаны нащупали слабое место карателя Фогеля: разведка узнала, что он любит... мед.

Собрав пасечников, комендант под угрозой смерти приказал доставить ему по бочонку «руссише миод».

Любовь фон Фогеля к меду и решили использовать партизаны.

Они нашли большой крепкий кувшин. Один из партизанских минеров искусно сделал мину большой взрывной силы натяжного действия, с тонким проводочком, подходившим к взрывателю. Мину опустили на дно кувшина, наполнив его до самого верха медом. Теперь, чтобы мина сработала, надо было всего лишь — всего лишь! — зацепить чем-нибудь, хотя бы обычной столовой ложкой, утонувший в нижней части кувшина проводок. И это, по замыслу партизан, должен был сделать сам Отто фон Фогель в день Нового года, который уже приближался.

Вручить коменданту «подарок от населения» должны были старик с внучкой; так оно выглядело естественней!

Деда партизаны нашли быстро, а за «внучкой» приехали к нам.

— Отпустите, пожалуйста, Лиду! — просил Голубь.— Им с дедом надо только дойти до немецкой заставы и сразу домой, сразу домой! — убеждал он нас.— Переда-

дут кувшин часовым и обратно... Отпустите, прошу вас, Лиду, другой такой подходящей девчонки не подберем!

— Хватит, не агитируй! — сказали мы.— Дело тут непростое, надо обдумать, да и с Лидой поговорить...

— Лида согласна! — воскликнул Голубь.— Я уже с ней говорил!

— Успел! — засмеялись мы.— Ну и разведчик! Если Лида согласна, не возражаем. Поможем. Выкладывай план операции в подробностях!

...Стояло ясное морозное утро, когда высокий и худой, в поношенной одежде старик с внучкой, держа в руках большой кувшин с медом, вышли к опушке леса; отсюда уже было недалеко и до немецкой заставы.

Пройдя шагов сто, они услышали грозный окрик на немецком языке:

— Хальт! (Стой.)

Два будто из-под земли выросшие гитлеровца в маскировочных халатах направили оружие на деда и внучку.

— Куда идете?

— К господину коменданту,— ответила по-немецки Лида.— Люди послали нас передать подарок, сегодня же Новый год...

— Что это у вас?

— Это мед, попробуйте!

Солдаты переглянулись: о любви коменданта к русскому меду в гарнизоне знали все.

Один из часовых, приподняв тряпицу, которой сверху был накрыт кувшин, ковырнул пальцем мед, облизнул его и сказал:

— Вкусно! Давайте подарок! Передадим! Сами убирайтесь отсюда! Живо! Беги, Карл, в землянку,— приказал он второму немцу,— позвони по телефону коменданту! Сообщи о том, что мед ему принесли от населения... Он будет рад. Он очень любит руссише миод.

Передав немцу кувшин, дед и Лида быстро, все ускоряя шаг, направились к опушке леса.

Неожиданный окрик: «Хальт!», автоматная очередь, свист пуль над головой и вторая очередь из автомата, вспоровшая густую тишину спящего зимнего леса, заставили их остановиться.

— Хальт! — кричал подбегавший немец.— Хальт! Комендант требует доставить вас вместе с медом к нему.

Комендант говорит: «Мед отравлен!» Айда в комендатуру! Пошли!..

— Итак, господа офицеры,— сказал фон Фогель,— я устрою для вас новогодний спектакль... Этих двоих (он указал на деда и Лиду, сидевших на лавке под охраной солдат) я заставлю кушайт отравленный миод, который подослали мне партизаны. Посмотрите, как они бледны! Как у них дрожат руки! Я угадаль, миод отравлен! Хаха! Отто фон Фогель перехитрил партизан! Они, а не я, будет кушайт этот миод!.. Полицай, давайт им ложку, пускай кушайт миод...

Воцарилось молчание.

— Полицай, почему они не хотель кушайт миод? — потянулся комендант к кобуре пистолета.

— Почему не едите мед? — грозно спросил начальник полиции.

— Дедушку отпустите, и тогда я буду есть мед! — сказала дрожащим голосом Лида.

— Доннер веттер! [1] — закричал комендант.— Она хотела его спасайт... Я так и знал... Миод отравлен... Полицай!..

— Господин начальник полиции,— сказал дед,— делайте со мной, стариком, что хотите, но, пока не отпустите внучку, и я до меда не дотронусь. Господом богом прошу, отпустите внучку домой!

— Цум тайфель! [2] — Фон Фогель свирепо глянул на полицая: — Заставляйт их кушать! Ахтунг, геррен официрен! [3]

...Самым трудным было начать... Самой страшной оказалась первая ложка меда.

Старик и девушка ели быстро, демонстрируя хорошее качество меда...

— Довольно! — загремел комендант, ударив кулаком по столу.— Зольдатен, гонит их в шея! Они весь миод поест! Тут нет отрава! Я ошибался. Господа официрен, у нас будет сегодня прекраснай десерт на завтрак, настоящий руссише миод... Часовые, выбросайте их за дверь!

Сердце, казалось, разорвется, лопнет, не даст добежать до леса... Старик, изнемогая, два раза падал. Лида его поднимала, тащила на себе.

---

[1] Гром и молния!
[2] К дьяволу!
[3] Внимание, господа офицеры!

На краю поляны, у старой березы, опушенной снегом, остановились перевести дух: бежать больше не было сил...

И тут — будто гром грянул с чистого зимнего неба — по лесу раскатилось громкое эхо и взвился огненно-черный столб, который отчетливо был виден из-за деревьев.

— Дедушка! У-рр-а-а-а! Мина взорвалась! У-рр-а-а! — хлопала Лида в ладоши, танцуя на снегу.

— Спасибо тебе! От народа спасибо! — взволнованно сказал старик и, взглянув на девушку, спросил дрогнувшим голосом: — Зеркальце у тебя, дочка, есть?

— Зеркальце? — Лида смутилась, чуть покраснела.— Есть!

Вздохнув, дед тихо сказал:

— Глянь на себя, голубка!..

Платок, какой обычно носят девчата, сбился почти на затылок, а в густой шапке черных с темно-синим отливом волос резко выделялась седая прядь...

Но молодость остается молодостью... И опять в своей землянке мы услышали знакомую песню:

И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек.

...Прошло много лет. И вот недавно Лида со своим сыном приехала к нам в гости. Встречали их на вокзале. После горячих приветствий Лида взяла из рук сына солидный сверток.

— Нате, держите подарок! Держите, держите, не возражайте!

Лида заставила меня взять в руки подарок, и я едва не уронил его — настолько он оказался тяжелым!

Лида засмеялась:

— Что, тяжелый? Подарок-то ведь со смыслом...

— Да что здесь?

— Дома, дома узнаете, а пока держите крепче!

Приехали домой. Гости умылись с дороги. Все сели за стол. Развернули сверток и увидели... большой крепкий кувшин, доверху наполненный чудесным, душистым медом...

Новелла с эпиграфом

Старый большевик, чекист Ян Карлович Берзин, бывало, говорил:

«Советский разведчик должен иметь горячее сердце патриота, холодный рассудок и железные нервы».

Вот какие слова я взял бы эпиграфом к этой новелле!

...Это было в Брянском лесу весной 1943 года. Немцы готовили наступление на Курской дуге, а под боком у них расположился партизанский край — соседство не из приятных! И гитлеровское командование приняло решение о полном разгроме партизанских отрядов Брянского леса.

День и ночь шла бомбежка отдельных участков Брянского леса. Наступая целыми дивизиями, стянутыми с фронтов, каратели применяли тяжелую артиллерию, устраивали засады, минировали лесные тропы, мосты и колодцы. Кольцо вокруг партизан сжималось. Не утихали бои в чащобе леса и на дорогах, политых черной вражеской кровью.

В партизанском отряде «Народные мстители», который находился в замкнутом кольце, кроме бойцов было много стариков, женщин и детей.

Гитлеровцы напирали со всех сторон. Бомбили от зари до зари. С грохотом взрывались снаряды и мины, с шумом падали вокруг столетние деревья, свистели пули.

В страхе кричали дети, плакали женщины, стонали раненые. Есть было нечего. На исходе были патроны, но партизаны, мужественно перенося все лишения, продолжали сражаться с врагом. А враг все наседал и наседал. Уже три ночи не спали командиры. Организуя оборону, они не прекращали поисков возможностей выйти из окружения карателей. По «звездному маршруту» в разные стороны ушли разведчики. А кольцо врага продолжало сжиматься... Вот уже остался лишь небольшой «пятачок»...

Ночью прибыла одна из разведывательных групп. Она обнаружила мостик через глубокий непроходимый овраг. Спастись отряду можно было только перебравшись по мостику через овраг и, оторвавшись от противника, уйти в большое болото, куда каратели, конечно, не доберутся.

Но сумрачно лицо командира отряда Бориса Хлюстова. Разведчики сообщили ему, что, по словам сына полицая, мост заминирован. Возможно, он и соврал, да как проверишь, тем более что парень улизнул от разведчиков...

С наступлением рассвета возобновились атаки фашистов. Шквал минометно-артиллерийского огня снова обрушился на партизан. Уже слышны крики: «Рус, сдавайся!»

— Надо проверить мост,— твердо решил командир.

Но как это сделать? Пустить на мост лошадь или корову? Их нет в отряде: партизаны съели их во время фашистской блокады. Кому-то из людей надо идти на заминированный мост, сделать по нему первый, а может быть, и последний шаг... Кому?..

Сосредоточенны лица партизан... Горят глаза... Нервы на пределе...

— Слушай, Борис! На мост пойду я,— сказал Семен Ильичев — один из чекистов, переброшенных в тыл врага из Москвы (выполнив разведывательно-подрывное задание, он не ушел из оказавшегося в беде партизанского отряда и третьи сутки вместе с партизанами отбивался от наседавших гитлеровцев).— Не нравится мне что-то история с исчезновением сынка полицая. Уж не подослан ли он к нам фашистами, чтобы посеять панику?.. Подорвусь на мине,— продолжал Ильичев,— займете с отрядом круговую оборону, подпустите врага вплотную, откроете огонь и поведете людей на прорыв... Пройду через мост невредимым — значит, история с минированием была провокацией и отряд без потерь выйдет к Седому болоту... Да гляди веселей, командир, веселее гляди! Чекисты на то и чекисты, чтобы воевать на переднем крае! А вот махорку мою ты возьми... На вот, держи! Всю, всю бери, всю! Она мне, пожалуй, теперь ни к чему...

Передал махорку, обнялись. Ильичев повернулся и пошел на мост...

Я был первым, кому Ильичев рассказал эту историю, рассказал через... двадцать лет, да и то вскользь, мимоходом, нехотя.

У старой сосны

Вот что рассказал мне коммунист Қасым Қайсенов, который в годы минувшей войны трижды уходил в тыл врага на выполнение специальных заданий:

— Надо было забросить группу разведчиков на территорию захваченной тогда гитлеровцами Западной Украины, в район Карпатских гор.

На задание шло семь человек. Все мы в переделках бывали не раз, хорошо знали друг друга, уверены были один в другом и очень гордились тем, что нашей группе поручили выполнить за линией фронта еще одно важное дело...

Все мы: и командир группы — коренастый, немногословный, чуть медлительный Саша Ткаченко, и тоненькая, смешливая, с вздернутым носиком Зина-радистка, и Володя Кумко — «Зинкина тень», как шутя товарищи называли черноглазого стройного парня, одного из лучших подрывников, да и другие ребята были охвачены одним желанием — поскорее вступить в дело. Однако штаб почему-то задерживал вылет...

Стояли солнечные летние дни, вечера были теплые, ясные... Мы сидели на берегу возле костров, глядели на огоньки и ворошили прутиком пепел, под которым лежала картошка. С реки тянуло прохладой, было слышно, как плескалась в воде, у самого берега, рыба, и совсем, казалось, близко рассыпались на горизонте цветные гирлянды далеких ракет. Хотелось молчать. Но порой мы пели... пели о том, как

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза...

или о тонкой рябине — эту песню обычно затягивал Вовка-минер, и все мы хорошо знали, для кого он поет,— это была любимая песня Зины.

И вот пришел наконец час, когда мы оказались в самолете. На линии фронта машина попала под огонь фашистских зениток. Летчикам удалось вывести «дуглас» из-под огня, но правильный курс был потерян. Пришлось прыгать в сплошном тумане прямо на лес. Несколько часов ушло на то, чтобы отыскать друг друга... Собрались

не все: пропала Зина-радистка, а с ней — рация, секретные шифры.

Поиски радистки шли всю ночь, а когда стало светать, мы увидели Зину висящей на большой одинокой сосне, что чудом держалась на самом краю пропасти. При падении парашют Зины зацепился за верхушку дерева, стропы захлестнули Зинины руки, старые ветви могучего дерева, будто щупальца, схватили радистку... Уже три часа висела она так, с поднятыми кверху руками, а мы, обнаружив ее, не в состоянии были ей помочь: высокая, метров двадцать, сосна не имела внизу сучьев. Ствол ее, голый, гладкий, в два обхвата, был тверд, как камень, и ни один наш топорик, а тем более нож, не мог справиться с ним. Но мы не теряли надежды — взбирались, лезли, один метр, два, падали и снова лезли и снова падали, двое из нас чуть не сорвались в бездну.

Выбившись из сил окончательно, садились на землю, усталые, потные, злые, и не знали, что предпринять... Вовка-минер волновался больше всех... Глаза его, кажется, так и спрашивали: «Братцы, ведь мы снимем с дерева Зину? Она не погибнет? Нет?»

Что можно было ответить на этот вопрос... Все средства уже перепробованы! Отворачиваемся и молчим.

«Фашисты с собаками! Целый отряд! Идут на прочес леса! Движутся к нашей высотке!» — сообщили появившиеся внезапно дозорные.

И Зина сверху заметила гитлеровцев, да как закричит: «Ребята, фашисты идут! Стреляйте в меня! Не оставляйте фашистам живой! Я трусиха — под пытками все расскажу! Скорее, стреляйте скорее! Я трусиха...»

Мурашки бегали по спине... Ноги подкашивались от этого крика.

Что делать?..

Нас горсточка, а гитлеровцев целый отряд. Давать им бой было бессмысленно, последовал бы неминуемый разгром группы. Оставить им Зину на растерзание тоже нельзя было.

А Зина плачет и кричит:

«Вовка-минер! Ты чего медлишь? Ты же клялся в любви!.. Фашисты близко... Стреляй же! Стреляйте в меня, голубчики, братики!»

Яростный лай собак становился слышнее, и командир группы отдал приказ взорвать сосну...

А когда лучший наш подрывник Вовка-минер трясущимися руками закрепил взрывчатку у сосны, сверху донеслись слова Зины: «Прощайте, това...»

Раздался взрыв, и сосна рухнула в пропасть. Мы стояли молча, сняв шапки, и слезы бежали и бежали по нашим щекам. Затуманенными глазами каждый, не отрываясь, смотрел туда, куда только что упала старая сосна с радисткой.

Командир Саша Ткаченко, «железный Сашко», как его называли товарищи, тыльной стороной ладони вытер скупую мужскую слезу и сумрачно сказал: «Вечная слава тебе, героический наш человек!»

Затем, надев шапку и подтянув автомат, Сашко скомандовал: «За работу, хлопцы! Пошли!»

Через два дня взлетел на воздух мост в тот момент, когда по нему проходил эшелон с фашистской живой силой и техникой. Это был первый наш ответ за героическую смерть боевого товарища.

★

НА СТЕПНОЙ СТАНЦИИ

В. ЩИПКОВ

Никогда не думал я, что всю жизнь посвящу работе в органах государственной безопасности. После окончания железнодорожного техникума меня призвали на действительную военную службу. Попал в авиацию. Начал учиться в Энгельской школе военных летчиков. Не закончив ее, по комсомольской путевке пришел на работу в органы НКВД. Довелось мне работать и на тихой степной станции Верхний Баскунчак.

Начальником оперпункта транспортного отдела НКВД на этой станции был Владимир Акифьев. Он на четыре года старше меня. До органов НКВД работал в управлении Рязано-Уральской железной дороги старшим экономистом по труду и заработной плате. В конце 1938 года комсомол направил его в органы государственной безопасности.

На станции Верхний Баскунчак мы и познакомились. Долгие годы работали вместе...

И в наши тихие края пришла война. Она была совсем рядом, на противоположном берегу Волги...

В начале августа 1942 года, во время моего дежурства по районному отделу НКВД, раздался телефонный звонок:

— НКВД? Алло, это НКВД?

— Да-да! Вам кого? — спрашиваю я.

— Начальника.

— У телефона оперативный уполномоченный сержант государственной безопасности Щипков.

Слышу взволнованный голос:

— Товарищ Щипков, говорит директор совхоза-104.

Срочное дело... На полях совхоза приземлился парашютист. Не знаю чей. Может, наш, а возможно, шпион. Приезжайте!

— Встречайте у конторы. Выезжаем...

Доложил Акифьеву. И через несколько минут после этого короткого телефонного разговора красная «пожарка» мчалась по дороге в совхоз.

Ехали молча. Одни и те же мысли беспокоили и Акифьева и меня: если наш человек, то зачем ему спускаться на парашюте? Вот если самолет потерпел аварию — тогда, конечно, другое дело, парашют необходим... А если враг? Фашисты-то уже к Волге рвутся. Ни у Акифьева, ни у меня, в общем-то, почти никакого опыта. Ни разу еще не видели живого шпиона или диверсанта. Тут и задумаешься...

Через станцию часто проходили переполненные составы, главным образом с эвакуированными. Вот и недавно, в конце июля, пришло сразу несколько составов.

Лето в Заволжье было щедрым. Война и все ее беды еще не докатились сюда в полной мере. Мясо, масло, молоко, хлеб, арбузы... Голодным не будешь. И тишина стоит.

Многие из эвакуированных решили остаться в этих местах. На станции в ожидании транспорта, чтобы добраться до колхозных и совхозных усадеб, скопилось большое количество беженцев со своим домашним скарбом.

Все пространство вокруг станции к ночи превращалось в большую постель. Мерцали звезды. Из степи доносились запахи скошенной пшеницы и полынка.

И вдруг, едва люди заснули,— фашистские стервятники! Они стали утюжить станцию, лагерь беженцев. Поднялась паника, степь огласилась криками и стонами... Этого не забыть... Что, если кто-то сообщил врагу о скоплении людей?..

Едва машина остановилась у конторы совхоза, как подбежал директор.

— Вон где опустился! — Он показал рукой в степь, над которой сквозь облака пробивались лучи солнца.

— Что там? — поинтересовался Акифьев.

— Наш чабан живет. Казах. У него парашютист и приютился. Говорит, до вечера. И будто тоже казах.

— А как же вы узнали? — спросил я.

— Чабан послал ко мне паренька.

«Пожарка» помчалась в степь, оставляя за собой черный шлейф пыли.

О конспирации нечего было думать. Все как на ладони: хоть на машине, хоть верхом — все равно видать. Степь ровная, как стол. Поэтому оставалось только спешить. И шофер «газовал»!

Показалась юрта. Машина подрулила к ней. Навстречу вышел пожилой казах. Гостей встретил шуткой:

— Ничего не горит, а тут пожарники... Степь только горит немножко. Такой жара!

— Да, жарко,— согласился Акифьев и тихо спросил: — Где?

Чабан жестом руки показал на овчарню.

— Там! Спит парашют. А может, не спит — просто так лежит. Кто его знает.

В тени у овчарни лежал на животе мужчина в простой, как у чабана, одежде.

Мы осторожно приблизились к нему. Акифьев встал у головы, я — у ног. Кончиком ботинка дотронулся до ноги незнакомца. Тот резко повернулся и сел, прищурив и без того узкие глаза от солнечного света, ударившего ему в скуластое лицо. Двое простоватых парней в штатском не испугали его.

— Чего надо? — тоном человека, не вовремя разбуженного, спросил он.

Вместо ответа Акифьев скомандовал:

— Руки вверх! — и навел пистолет.

— Вы что, ребята? С ума, что ли, спятили от жары?

Говорил он почти без акцента, четко. Интеллигентное лицо. На вид лет сорок — сорок пять.

— Руки вверх! — повторил я.

Незнакомец, видя, что с ним не шутят, медленно поднял руки.

— Вы за кого меня принимаете? Ошиблись, ребята.

— Ошиблись — извинимся. Время военное,— ответил Акифьев и, обращаясь ко мне, сказал: — Вася, посмотри, что у него там в карманах.

Я провел рукой по карманам. Вынул документы.

— Опустите руки. Но... ни-ни! — предупредил Акифьев и спросил: — Фамилия?

— Наранов.

— Имя?

— Шараб.

Во время краткого опроса Наранов довольно бойко рассказал, что работал чабаном в Новоузенском районе Саратовской области, недавно поссорился с управляющим отделения и в поисках работы приехал сюда. Помогает чабану пасти овец.

— Зачем неправду говоришь! — воскликнул чабан, приблизившись к Наранову.— Нехорошо неправду говорить. Ты оттуда пришел! — Он показал пальцем вверх.— Зачем пришел — вот и скажи начальникам.

Наранов метнул в сторону чабана недобрый взгляд и опустил голову.

— А что у тебя там? — спросил Акифьев, показывая на мешок, торчавший из соломы.

— Шамовка, белье...— ответил Наранов и подтянул мешок к себе.

— Дай-ка сюда! — Я направился к Наранову, но Акифьев уже выдернул мешок.

В мешке оказалась не только «шамовка», но и карта местности, парабеллум, немецкая портативная радиостанция и взрывчатка...

Допрос продолжался в помещении оперпункта. Наранов дал о себе иные сведения. До войны работал журналистом в Элисте. Был мобилизован в армию. Воевал недолго.

Когда оказался в плену, ему предложили учиться в специальной школе. Согласился. Прошел полный курс. Выброшен для выполнения специального задания — диверсии на станции Верхний Баскунчак.

Станция — в степи. Вокруг ни одного промышленного или военного объекта. Какие могут быть диверсии?

Чтобы понять причину особого интереса гитлеровского командования к ней, надо вспомнить обстановку лета 1942 года.

Многие тогда, слушая сводки Совинформбюро, впадали в горькие раздумья о судьбах страны: вторично пал Ростов, оставлен Харьков, врагом заняты Краснодар и Ставрополь; фашистские дивизии рвутся к Сталинграду, к Волге; «юнкерсы» и «мессершмитты» бомбят саратов-

ские заводы и железнодорожный мост через Волгу. Стальные артерии, ведущие к Сталинграду были уже перерезаны, а дорога Казань — Сталинград тогда еще только вводилась в строй.

Все подкрепления Сталинградскому фронту в живой силе и технике, боеприпасах и продовольствии могли осуществляться только по железной дороге Саратов — Астрахань, через Красный Кут на Верхний Баскунчак. Там начиналась ветка до станции Паромная, что находится на левом берегу Волги, почти напротив Сталинградского тракторного завода.

И соль... Озеро Баскунчак давало стране соль. Ее ждали на фронте и в тылу, пекари и фармацевты, предприятия химии и животноводческие фермы.

Гитлеровцы почти ежедневно и даже по нескольку раз в день бомбили степную узловую станцию, полагая, что составы из Саратова с техникой и боеприпасами попадают на Паромную только через нее. Они не знали, что задолго до войны здесь существовали другие пути, которые позволяли следовать до Паромной... Об этом неведении врага свидетельствовала и карта, отобранная у задержанного диверсанта.

От станции уже ничего не осталось, а фашисты все бомбили ее, не раз выводили из строя все пути, но грузы, несмотря на это, все шли и шли к Сталинграду...

Наранов показал, что вместе с ним были выброшены в районе станции еще два диверсанта. Один из них в форме старшего лейтенанта, другой в форме капитана. Диверсионная группа получила специальное задание вывести из строя путевое хозяйство узловой станции, оборвать подход к Волге...

Мы начали поиск остальных диверсантов. Если верить Наранову, они были где-то здесь, рядом. Малейшее промедление, и диверсия на новой ветке может совершиться. Искать, искать, искать! Без отдыха, без сна! Все железнодорожники нами были оповещены о выброске диверсантов, ориентированы в приметах.

На третий день в оперпункт позвонил начальник разъезда 412-го километра. Он сообщил, что к нему на разъезд пришел человек в форме старшего лейтенанта, отдал пистолет и взрывчатку. Сидит и ждет, когда за ним

приедут из НКВД. Начальник разъезда был так взволнован, что спотыкался на каждом слове.

— Скорее приезжайте... Не могу работать,— молил он.

Я доложил о звонке Акифьеву. Он тут же выехал на место происшествия на дрезине.

До разъезда было совсем недалеко. Акифьев вернулся вскоре вместе со старшим лейтенантом, назвавшимся Лисиным.

На допросе Лисин рассказал, что был выброшен в числе трех диверсантов. Приметы одного сходились с приметами Наранова. Третий — старший группы, в форме капитана — убежденный враг; в случае чего — живым сдаваться не намерен.

— Это орешек покрепче будет,— сказал Акифьев.— Одним нам с ним, пожалуй, не справиться. Надо подключить больше людей.

Решили привлечь к розыску и Лисина. Знает в лицо. Пришел с повинной, не подведет.

Акифьев снял трубку телефона и попросил райком партии. К телефону подошел секретарь райкома Николай Александрович Навозов. Акифьев доложил ему о задержанных и поиске «капитана». Навозов одобрил наш план.

Не мешкая, мы направились в поселковый Совет, на станцию, пригласили коммунистов.

— Товарищи, помогите!.. Диверсант рядом! — говорили всем. И люди понимали опасность, выходили на свои посты.

Началась беспокойная ночь. Не только мы не сомкнули глаз. Не спали десятки людей: одни, кто постарше, сидели с цигаркой у своих землянок, а помоложе — находили всевозможные срочные дела, чтобы пройти из конца в конец поселка, оказаться будто ненароком на путях станции, около локомотивного депо, всюду вглядываясь в темноту ночи и прислушиваясь к каждому шороху.

Ночь прошла без результатов. О «капитане» никаких вестей. И лишь утром к нам прибежал железнодорожник:

— Скорей на базар! Там какой-то капитан матросам заливает... про немцев. Не он ли?

Акифьев и я вместе с Лисиным бросились на пристан-

ционный базарчик. Там, в толпе матросов, военный в форме капитана что-то говорил. Моряков можно было узнать по выглядывавшим из-под гимнастерок тельняшкам [1].

— Это он! — шепнул Лисин.— «Капитан»...

Мы с Акифьевым подошли ближе, прислушались. «Капитан» расхваливал образцовый порядок на оккупированной территории. Моряки стояли настороженные и, видимо, старались разобраться что к чему.

Акифьев с одной стороны, а я с другой подошли сзади к «капитану» и схватили его за руки.

— Вы арестованы! Оружие!

— Чего налетели? В чем дело? — зашумели моряки.

Лисин, бледный как полотно, закричал:

— Братишки! Это диверсант!

— Какой он диверсант? — заступился было за «капитана» один из моряков.

— Клевета! — заорал «капитан».— Честного командира опорочить решили!

— Руки ему опустите,— настаивал доверчивый моряк.

— А вы посмотрите, что у него в мешке,— предложил Лисин.

Двое моряков развязали вещмешок «капитана», вытряхнули. На землю вывалилась карта, парабеллум, тол... Между тем мне удалось одной рукой вынуть из кармана «капитана» немецкий пистолет. Поняв, кто перед ними, моряки заговорили по-другому:

— Ах, гад! Заливал нам тут! — вспылил и доверчивый, замахиваясь.

— Сучий сын! Я гляжу, к чему он клонит!

— Вот паразит!..

Нам едва удалось отвести самосуд. В конце концов моряки помогли довести «капитана» до оперпункта.

★

---

[1] Фашисты особо охотились за матросами, зная их отвагу и храбрость. Советское командование, стремясь оградить моряков от излишнего внимания врагов, переодевало их в пехотную форму. Моряки делали это без особого энтузиазма и, конечно, оставляли под гимнастерками тельняшки. Один из пунктов, где переобмундировывали моряков, находился в районе станции Верхний Баскунчак.

ЗАГОВОР НЕ СОСТОЯЛСЯ

А. ЛУКИН

В доме сестер Лидии Лисовской и Марии Микоты по улице Легионов, 15, в котором разведчик партизанского отряда Д. Н. Медведева Н. И. Кузнецов (Пауль Зиберт) снял небольшую комнату, продолжалась обычная жизнь. Все так же вечерами гремел патефон, лилось вино, все так же ревниво косились друг на друга поклонники Лиды и Майи (так называли сестер их друзья). Одни уезжали, появлялись другие. И вот однажды к ним вошел высокий офицер лет двадцати восьми. Его редкие черные волосы разделял безукоризненный косой пробор, небольшие светлые глаза смотрели умно и настороженно.

Учтиво поклонившись, он отрекомендовался:

— Штурмбаннфюрер[1] фон Ортель.

Кузнецов, приветливо улыбаясь, пожал протянутую ему сильную руку. Этой встречи он искал давно. Штурмбаннфюрер фон Ортель был самым таинственным человеком в Ровно.

Что делает в Ровно этот внешне невозмутимый, с незаурядным умом эсэсовский офицер? В том, что он разведчик, и большой, Кузнецов не сомневался. Прежде всего, фон Ортель в свои двадцать восемь лет был явно молод для звания штурмбаннфюрера СС. Он мог получить его только за какие-то особые заслуги. В то же время фон Ортель, чувствовалось, обладал немалым опытом.

Никто не знал, где он служит и связан ли вообще с каким-нибудь учреждением в городе. Держался он абсо-

[1] Звание штурмбаннфюрера СС соответствовало чину майора в армии.

лютно независимо. Несколько раз Кузнецов имел повод убедиться, что Ортель, не занимая вроде бы никакого официального поста, пользуется в гестапо и СД огромным влиянием. Не нуждался в деньгах. В отличие от узколобых офицеров вермахта он обладал эрудицией, остроумием. Прекрасно знал литературу, разбирался в музыке.

Нужно было разгадать этого таинственного гитлеровца, узнать его настоящее лицо, практическую деятельность, связи, намерения.

За продолжительное время работы во вражеском тылу Николай Иванович научился довольно легко и быстро разбираться в характерах своих многочисленных «друзей» — гитлеровских офицеров и нащупывать слабые стороны каждого. С фон Ортелем держаться нужно было предельно осторожно. Кузнецов понимал, что ничего пока не подозревающий штурмбаннфюрер не оставит без внимания ни одного неверного слова или жеста. Поэтому в отряде решили, что Николай Иванович никогда не будет пытаться заводить какую-нибудь игру с фон Ортелем, предоставив событиям развиваться своим чередом. Это была единственно правильная линия поведения, в чем, в конце концов, и убедились.

Однажды в присутствии Кузнецова фон Ортель подозвал в ресторане человека, судя по одежде, местного, заговорил с ним на чистейшем... русском языке. Разговор, довольно пустячный, длился минут десять. Ничем не выдав себя, Кузнецов внимательно слушал и поражался: заговори с ним фон Ортель, скажем, где-нибудь на улице Мамина-Сибиряка в Свердловске, он никогда не подумал бы, что это иностранец. Штурмбаннфюрер владел русским не хуже, чем Кузнецов немецким.

— Откуда вы знаете русский? — Задавая этот вопрос, первый за всю историю их знакомства, Кузнецов ничем не рисковал.

— Давно им занимаюсь, дорогой Зиберт. А вы что-нибудь поняли?

— Два-три слова. Я знаю лишь несколько десятков самых нужных фраз по военному разговорнику.

— Могу похвастаться, что говорю по-русски совершенно свободно. Имел случай не раз убедиться, что ни один Иван не отличит меня от своего компатриота. Разумеется, если на мне будет не эта форма...

Фон Ортель откровенно расхохотался, а Кузнецов покосился на серебряное шитье и прочее убранство эсэсовского мундира.

— Вы производите впечатление человека, который умеет хранить секреты,— продолжал уже серьезно фон Ортель.— Так уж и быть, признаюсь, что имел случай перед войной два года прожить в Москве.

— Чем же вы там занимались?

— О! Отнюдь не помогал большевикам строить социализм.

— Понимаю...— протянул Кузнецов,— значит, вы разведчик?

— Не старайтесь выглядеть вежливым, мой друг. Ведь про себя вы употребили другое слово: шпион. Не так ли?

В знак капитуляции Кузнецов шутливо поднял руки:

— От вас невозможно ничего утаить. Действительно, именно так я и думал. Простите, но у нас, армейцев, эта профессия не в почете.

— И зря,— ничуть не обидевшись, сказал эсэсовец. — При всем уважении к вашим крестам, могу держать пари, что причинил большевикам больший урон, чем ваша рота.

О содержании этого разговора командование отряда сочло необходимым поставить в известность Москву.

Постепенно Пауль Зиберт убедился, что фон Ортель, несмотря на кажущуюся привлекательность, человек страшный, враг хитрый, коварный, беспощадный. По-видимому, эсэсовец привязался к несколько наивному и доверчивому фронтовику, проникся к нему доверием, а потому и перестал стесняться совершенно.

Поначалу Кузнецова изумляло, с какой резкостью, убийственным сарказмом отзывался фон Ортель о руководителях германского рейха. Геббельса и Розенберга он без всякого почтения называл пустозвонами, Коха — трусом и вором, Геринга — зарвавшимся лавочником. Подслушай кто-нибудь их разговор — обоих ждала бы петля. А фон Ортель только хохотал:

— Что вы примолкли, мой друг? Думаете, провоцирую? Боитесь? Меня можете не бояться. Бойтесь энтузиастов без мундиров, я их сам боюсь...

Перед Кузнецовым раскрывалась отвратительная сущность человека, страшного своей безыдейностью, опустошенностью. Для него не существовало никаких убе-

ждений. Он не верил ни во что: ни в церковные догмы, ни в нацистскую идеологию.

— Это все для стада,— сказал он как-то, бросив небрежно на стол очередной номер «Фелькишер Беобахтер»,— для толпы, способной на действия только тогда, когда ее толкает к этим действиям какой-нибудь доктор Геббельс.

— Но почему же вы так же добросовестно служите фюреру и Германии, как и я, хотя и на другом поприще? — спросил Зиберт.

— А вот это уже деловой вопрос,— серьезно сказал фон Ортель.— Потому что только с фюрером я могу добиться того, чего я хочу. Потому что меня удовлетворяют и его идеология, хотя я в нее не верю, и его методы, в которые я верю. Потому что мне это выгодно!

Безусловно, на отношениях фон Ортеля и Зиберта сказывалось то немаловажное обстоятельство, что фронтовой офицер ни в чем, по существу, не зависел от штурмбаннфюрера СС, не обращался к нему никогда ни с какими просьбами, даже самыми пустячными, самыми незначительными.

И если фон Ортель был действительно заинтересован в привлечении боевого офицера к каким-то своим делам, то он, фон Ортель, должен был первым чем-то проявить свое расположение.

И штурмбаннфюрер сделал это.

...Никто из сотрудников рейхскомиссариата не знал с достаточной достоверностью, что входит в круг служебных обязанностей майора Мартина Геттеля. Никто не мог похвастаться, что был у него не то что дома, а в служебном кабинете.

Геттель не впускал в него даже уборщицу и сам возился с веником и совком.

Большую часть рабочего дня кабинет долговязого «рыжего майора», как его называли, был закрыт, а его хозяин бродил, вроде бы бесцельно, по служебным помещениям, болтая с коллегами. Но и более высокие чины, если не случай совсем уж крайней необходимости, избегали обсуждать что-либо с Геттелем, делиться с ним по каким-либо вопросам.

Однажды майор добился разрешения у невесты Пауля Зиберта Вали Довгер проводить ее домой. Она не очень хотела этого, но считала, что не стоит озлоблять офицера,

который мог серьезно осложнить положение делопроизводительницы рейхскомиссариата из фольксдойче[1].

Дорогой Геттель преподнес Вале несколько дежурных армейских комплиментов, потом с грустью признался в одиночестве. Валя знала, что теперь последует предложение провести время в ресторане, и приготовилась уже было ответить, что выходит по вечерам редко и только в сопровождении жениха, как вдруг поняла, что ее спутника интересует вовсе не она, а именно ее жених.

— Все-таки многое несправедливо в нашем мире,— жаловался Геттель,— стоило только гауптману Зиберту приехать в Ровно, как он сразу встретил такую прелестную девушку. А я сижу здесь бог знает сколько и не завел ни одного интересного знакомства.— Майор печально вздохнул.— Скажите, пожалуйста, как это ему удалось?

С самым беспечным видом Валя пересказала основательно разработанную «историю» своего знакомства с женихом.

Не приживись за Геттелем репутация соглядатая, его расспросы можно было принять за чрезмерное любопытство, и только. Но что на самом деле скрывалось за ними? Обычная подозрительность профессиональной ищейки или серьезное подозрение? Немаловажное значение имело и то, кому докладывал Геттель. Одно дело, если он осведомляет обо всем неладном кого-либо из высших чиновников рейхскомиссариата, другое дело — абвер, и уж совсем скверно — если гестапо или СД.

Валя понимала: в любом случае нужно немедленно предупредить Кузнецова.

Между тем они подошли к дому Вали. Прощаясь, «рыжий майор» выразил надежду, что фрейлейн Валентина устроит ему при случае встречу с Зибертом.

Валя обещала.

В тот же вечер девушка подробно, не пропуская ни малейшей детали, передала Николаю Ивановичу содержание встревожившего ее разговора.

---

[1] На приеме у рейхскомиссара Коха Кузнецову удалось добиться освобождения Довгер от угона в Германию. После этого Довгер была принята на работу в канцелярию рейхскомиссариата как фольксдойче — местная жительница немецкого происхождения. (См. об этом в воспоминаниях Н. Гнидюка «Медведевцы в Ровно», опубликованных в этом сборнике.)

Командованию отряда было над чем задуматься. С одной стороны, кроме расспросов Геттеля, ничто не давало основания полагать, что Зиберт выслежен и разоблачен. Иначе не гулять бы ему по улицам Ровно, а сидеть на Почтовой, 26, где размещалось гестапо. С другой стороны, могло быть и так, что гитлеровцы «зацепили» его, но не имеют серьезных доказательств, что перед ними советский разведчик, и выжидают. Наконец, имела право на существование и третья, самая правдоподобная, версия, что Мартин Геттель вел непонятную игру пока самостоятельно, до поры до времени никого в нее не посвящая.

Тщательно взвесив все «за» и «против», в отряде склонились в пользу третьей версии и рекомендовали Кузнецову пойти на встречу с Геттелем, не теряя, разумеется, благоразумия.

Вот тут-то фон Ортель и сделал шаг, который в условиях фашистской Германии, где соглядатайство было нормой поведения, следовало расценить как высшее проявление дружбы и доверия.

— Я хочу дать вам добрый совет, Пауль,— сказал штурмбаннфюрер Зиберту наедине,— вернее, не вам, а вашей невесте. Последнее время ей оказывает всяческое внимание майор Геттель.

Зиберт оскорбленно выпрямился:

— Ревновать фрейлейн Валентину, мою невесту, к майору...

— Успокойтесь, Пауль. При чем здесь ревность? Речь идет совсем о другом. Я ваш друг и именно поэтому желаю фрейлейн Валентине держаться подальше от Геттеля. Я встречал этого парня в «доме Гиммлера» на Принц-Альбрехтштрассе. Прикажете разъяснить, что это значит?

Разъяснений не требовалось. Вся Германия содрогалась при одном упоминании этого адреса. На Принц-Альбрехтштрассе, 8, в Берлине размещалось главное управление гестапо и СД. Значит, Геттель действительно гестаповец!

Николай Иванович теперь не сомневался, что, раз Геттель завел разговор о нем с Валей Довгер, он непременно попытается прощупать и других его знакомых. Этот прогноз подтвердился уже на следующий день: «рыжий майор» вызвал к себе Лидию Лисовскую.

— Должен вас предупредить,— начал он,— что содер-

жание нашего разговора строго конфиденциально и не имеет никакого отношения к факту нашего личного знакомства. Вы поняли меня?

Лидия поняла.

Удовлетворенно кивнув, Геттель продолжал:

— Что известно вам или вашей сестре о гауптмане Зиберте?

Пожав плечами, Лидия рассказала все, что считала нужным. Следующий вопрос Геттеля был довольно неожиданным:

— Не говорил ли Зиберт вам что-нибудь об Англии?

Лидия недоуменно переспросила:

— Об Англии? Никогда! Почему он должен говорить со мной об Англии? У нас достаточно других интересных тем для бесед.

Геттель был упрям:

— В таком случае, может быть, он употреблял иногда в разговоре английские слова?

Лидия рассмеялась:

— Но я не знаю английского языка... Насколько мне известно, Пауль говорит только по-немецки... Правда, он знает несколько десятков польских и украинских слов. Но их знают все немецкие офицеры, кто здесь служит...

Геттель задумался. Наконец он пришел к какому-то решению:

— Я попрошу вас сделать следующее, фрейлейн. Попробуйте как-нибудь в разговоре с Зибертом случайно употребить словечко «сэр». Приглядитесь, как гауптман прореагирует на такое обращение, и доложите мне.

Дав понять, что разговор окончен, Геттель встал и рявкнул:

— Хайль Гитлер!

Теперь уже все стало ясно. Сам того не ведая, майор Мартин Геттель раскрыл свои карты. По-видимому, он решил, что гауптман Пауль Вильгельм Зиберт является... английским разведчиком, агентом пресловутой Интеллидженс сервис.

В штабе поняли, конечно, почему Геттель, подозревая Зиберта в шпионаже, не пытался задержать его, а стремился к личному знакомству. По-видимому, майор, по роду службы достаточно хорошо информированный о положении на фронтах, понимал, что гитлеровская Германия войну проиграла, что близкий крах неизбежен, а вме-

сте с ним неизбежна и расплата за преступления, совершенные фашистами и лично им на советской земле. И Геттель решил, видимо, заранее войти в контакт с английской разведкой, чтобы, переметнувшись на ее сторону, уйти от возмездия.

Он логично рассчитывал, что «английский шпион» Зиберт оценит его молчание по достоинству и замолвит за него, майора Геттеля, несколько добрых словечек перед своим начальством в Лондоне. А там — не все ли равно, кому служить, Германии или Англии, лишь бы спасти свою шкуру. Не он, Геттель, первый, не он последний... А коли так, следовательно, Геттель не мог ни с кем из своего начальства поделиться подозрениями о личности гауптмана Зиберта.

Было решено: Пауль Зиберт пойдет на встречу с майором Геттелем, чтобы использовать сложившуюся ситуацию в интересах советской разведки.

Встреча, к которой так стремился гестаповец, состоялась 29 октября на квартире Лидии Лисовской. Геттель держался чрезвычайно дружелюбно, всячески старался показать свое расположение к новому знакомому, расточал комплименты в адрес невесты гауптмана.

— Фрейлейн Валентина — всеобщая любимица в рейхскомиссариате,— с умилением говорил он.— Предлагаю тост за ваше счастье, Зиберт!

Когда выпили несколько рюмок, Зиберт встал и, словно эта мысль только что пришла ему в голову, предложил:

— А не встряхнуться ли нам сегодня как следует по поводу знакомства, господин майор? — И, смеясь, добавил: — Если вы гарантируете, что моя невеста ничего не узнает, то мы можем превосходно провести время в обществе двух очаровательных дам...

Офицеры распрощались с Лисовской и вышли из дома. При виде Зиберта невысокий, коренастый шофер-солдат услужливо распахнул дверцу автомобиля.

— Николаус! — Зиберт неопределенно помахал рукой.— Едем, маршрут обычный.

Струтинский[1] нажал на стартер, и машина мягко тронулась с места.

---

[1] *Николай Струтинский* — разведчик партизанского отряда Д. Н. Медведева — часто выполнял роль шофера Н. И. Кузнецова.

Пауль Зиберт вез Геттеля на квартиру надежного человека, подпольщика Леонида Стукало. Но рядом с его домом что-то случилось, собралась толпа, прибыла уголовная полиция. «Этого не хватало! — с досадой подумал Кузнецов.— Придется срочно перестраиваться». Он приказал Струтинскому ехать по другому адресу: улица Легионов, 53.

— Мы возвращаемся? — с удивлением спросил Геттель.

— Нет, просто я хотел заехать за одной дамой, она живет здесь, но в последний момент вспомнил, что в это время она должна быть уже у подруги,— сказал Кузнецов первое, что пришло в голову.

...Роберт Глаас был ничем не примечательным сотрудником «Пакетаукциона» — весьма характерного оккупационного учреждения, специально занимающегося отправкой в Германию посылок с продовольствием и вещами, награбленными гитлеровцами у населения. Глаас считался ревностным служакой, хотя и не хватающим звезд с неба. У начальства был на хорошем счету.

Генерала Германа Кнута, второго заместителя рейхскомиссара Украины Эриха Коха, начальника «Пакетаукциона», должно быть, хватил бы апоплексический удар, если бы он узнал, что этот скромнейший из его подчиненных — старый голландский антифашист-подпольщик, связанный с советской разведкой и оказавший ей уже много серьезных услуг.

На его-то квартиру и решил ехать Кузнецов после того, как отпал дом Леонида Стукало.

Глаас встретил неожиданных гостей приветливо. Быстро накрыл на стол. Кузнецов снял портупею с кобурой, велел Струтинскому повесить ее на гвоздь за шкафом, предложил разоблачиться и Геттелю. Нехотя майор тоже освободился от оружия.

— Мои приятельницы, видимо, немного задерживаются,— улыбаясь, сказал Зиберт,— давайте выпьем пока, господин майор, чтобы не терять времени зря.

Геттель не возражал, и Николай Иванович налил в рюмки яичный ликер. Начался разговор с взаимными намеками, иносказаниями. Неизвестно, чем бы кончилась эта дипломатическая игра Пауля Зиберта с Мартином Геттелем, если бы Николай Струтинский не совершил

ошибки. Совсем небольшой. Пустячного промаха: он без разрешения подсел к общему столу...

Майор Геттель осекся на полуслове. Немецкий солдат, к тому же поляк, никак не мог позволить себе сесть за офицерский стол, даже если его и позвали бы. Подобной фамильярности не потерпит и кадровый английский офицер. А только им в представлении Геттеля был гауптман Пауль Зиберт.

Значит... Значит, Зиберт не агент Интеллидженс сервис! Но в таком случае кто же он? Неужели советский разведчик?! В глазах Геттеля мелькнул ужас. Он рванулся к портупее...

Через полминуты Геттель был скручен и крепко привязан к стулу. Побелевшего от страха майора непрерывно била нервная дрожь. На лбу выступили крупные капли пота.

По воле случая игра изменилась. Теперь Николаю Ивановичу не оставалось ничего другого, как, отбросив маскировку, просто допросить гитлеровского контрразведчика.

Пытаясь вымолить жизнь, Геттель рассказал все, что знал.

— Кто такой штурмбаннфюрер Ортель? — спросил Кузнецов.

— Этого я сказать не могу...

— Повторяю вопрос: кто такой Ортель? — Кузнецов повысил голос.

— Но я этого действительно не знаю! — истерически вскрикнул Геттель.— Это не известно никому!

— Даже доктору Йоргенсу, начальнику СД? — с иронией спросил Кузнецов.

— Даже ему! Я знаю только одно: у штурмбаннфюрера Ортеля огромные полномочия от Главного управления имперской безопасности в Берлине. Он имеет право, минуя все инстанции, лично связываться с группенфюрером СС Миллером и группенфюрером СС Шеленбергом.

Кузнецов чуть было не присвистнул: «Ого! Значит, фон Ортель действительно птица крупного полета».

— Каково же его официальное положение в Ровно?

— Не знаю. С нами он почти не имеет никаких дел. У него есть нечто вроде разведшколы на Дойчештрассе, 272. Под видом частной зубоврачебной лечебницы.

Два или три раза к нему приезжали из Германии какие-то люди. Иногда он увозил из гестапо к себе по собственному выбору арестованных. Никто из них обратно не вернулся. Для чего они были нужны фон Ортелю и что он с ними сделал, мне неизвестно.

Кузнецов видел, что Геттель не врет. Он понимал, что местные гестаповцы, судя по всему, ничего не знали о секретной деятельности Ортеля в Ровно. Ничего интересного майор больше рассказать не мог. И все же Николай Иванович задал ему еще один вопрос:

— Почему вы решили, что я англичанин?

— Никак не думал, не мог предполагать, что у русских могут быть такие разведчики,— мрачно буркнул Геттель.

На следующий день майор Мартин Геттель не явился в рейхскомиссариат. Не вышел он на работу и в последующие дни. Курьер, посланный к нему на дом, нашел пустую квартиру, в которой, судя по тонкому слою пыли на мебели, несколько дней уже никто не жил...

Кроме квартиры Лидии Лисовской, Зиберт и фон Ортель часто встречались в одном из самых популярных злачных мест города — офицерском казино на главной улице, именуемой тогда Дойчештрассе. Фон Ортель был неравнодушен к рулетке и картам, Зиберт же посещал это заведение потому, что там всегда толпилось много офицеров всех родов войск, от которых он узнавал немало ценных сведений.

— Знаете, Зиберт,— задумчиво сказал при очередной встрече фон Ортель,— вы мне чем-то глубоко симпатичны. О, не пытайтесь отшучиваться. Уверяю вас, что в этом подлунном мире отыщется не больше десятка людей, которым я симпатизирую.

Голос эсэсовца звучал проникновенно и искренне.

— Почему? — осведомился Кузнецов.

— А можете вы назвать мне хоть пяток наших общих приятелей, которых вам хотелось бы считать своими друзьями?

Кузнецов совершенно искренне ответил: «Нет».

Фон Ортель удовлетворенно засмеялся:

— Вот видите! Но бог с ними. Поговорим о вас. Скажите откровенно, вы, получивший от русских уже две пули, а от фюрера два креста, неужели вы еще рветесь на фронт?

Зиберт резко откинулся в кресле. Голос его стал сухим и строгим:

— Я солдат, господин штурмбаннфюрер. И мой долг — сражаться без раздумий за фюрера, немецкий народ и великую Германию!

Ортель укоризненно развел руками:

— Великолепно! Но, Пауль, зачем же так официально? Я ведь не ваш командир полка. И потом — почему вы думаете, что борьба с нашими врагами ведется только на фронте?

— Ну конечно, здесь в Ровно полно борцов с девчонками-комсомолками и инвалидами, за которыми мерещатся большевистские диверсанты! — В эту минуту Зиберт презирал собеседника.

Теперь нахмурился фон Ортель.

— Не говорите так легкомысленно, Зиберт. Партизаны — это очень серьезно, к нашему величайшему сожалению. И я не завидую тем, кому приходится ими заниматься. Но речь не о том. Я не считал бы себя вашим другом, если бы предложил вам заняться подобным делом.

Ортель умолк, задумавшись. Казалось, он что-то взвешивал.

Николай Иванович не прерывал молчания собеседника, понимая, что сейчас-то разговор и подойдет к самому главному, к тому, из-за чего, в сущности, и поддерживал он дружбу с этим опасным человеком.

Фон Ортель словно очнулся, вынул из кармана черного кителя плоский серебряный портсигар с впаянными в верхнюю крышку двумя золотыми молниями — эмблемой СС. Пауль Зиберт осторожно взял предложенную сигарету.

Прикуривая, он все время чувствовал внимательный, оценивающий взгляд фашистского разведчика. Закурили...

— Пауль,— очень буднично начал фон Ортель,— что вы скажете, если я предложу вам сменить амплуа? К примеру, стать разведчиком?

Николай Иванович чуть не поперхнулся голубым дымом египетской сигареты.

— Я?! Вы смеетесь, Ортель. Ну какой из меня разведчик? Я просто пехотный офицер. Вот уж о чем никогда не думал! Да, признаться, и профессия эта, при всем уважении к вам, мне никогда не нравилась.

Ортель дружески хлопнул Зиберта по колену, сказал с оттенком нравоучительности:

— Мой дорогой, пиво тоже с первого раза никому не нравится. Как говорят французы, всем по вкусу одни только луидоры [1]. Ну а что касается того, годитесь вы или нет для работы в разведке,— позвольте уж судить мне. Верьте моему слову — годитесь.

Если бы самоуверенный штурмбаннфюрер знал, какую святую истину изрекал он в ту минуту!

Ортель умел «обрабатывать» собеседников. Он понимал, что сказал слишком много, что нужно время для того, чтобы переварить столь неожиданное и многообещающее предложение, и перевел беседу на другую, вполне безобидную тему.

О состоявшемся разговоре Кузнецов немедленно доложил командованию отряда. Судя по всему, Ортель клюнул на Зиберта. Видимо, он умел разбираться в людях, если остановил свой выбор на гауптмане Зиберте, предпочтя его сотням офицеров, околачивавшихся в Ровно.

Штаб отряда предложил Кузнецову продолжить игру, не связывая себя, однако, какими-либо определенными обязательствами.

— Постарайтесь выяснить,— напутствовали в лесу Николая Ивановича,— в какое конкретное дело хочет втянуть вас этот благодетель. Учтите, что не исключена возможность и провокации; будьте предельно осторожны, не переиграйте.

Кузнецов вернулся в Ровно.

Первой, с кем он встретился, была Майя Микота. И не случайно. Ортель явно выделял веселую, обаятельную девушку из всех, кто бывал на вечеринках в доме Лидии Лисовской. Он ухаживал за ней, но не слишком серьезно. Пожалуй, он относился к ней с некоторой снисходительностью, но не зло. Одним словом, вел себя так, как иногда взрослые мужчины ведут себя с очень молоденькими девушками. Майя и впрямь была хороша — в ту пору ей исполнилось семнадцать. Тем не менее девушка умело пользовалась слабостью штурмбаннфюрера и, невинно флиртуя, вытягивала из него немало ценной информации. Фон Ортель доверял Майе, больше того, матерый разведчик всерьез обучал ее хитрым приемам шпионского ре-

[1] *Луидор* — старинная золотая французская монета.

месла. Благодаря этому обстоятельству командование отряда получило некоторое представление о методах подготовки немецких шпионов.

Фон Ортель был честолюбив и возлагал на свою ученицу большие надежды. Он дал ей кличку «Мати». Самой Майе это ни о чем не говорило: Мати так Мати, не все ли равно, как числиться в секретной карточке фон Ортеля? Но в отряде, узнав об этом, немало смеялись. Дело в том, что так звали знаменитую немецкую шпионку времен первой мировой войны — танцовщицу Мати Хари. Видно, штурмбаннфюрер фон Ортель и впрямь намеревался далеко шагнуть с помощью нашей маленькой Майи!

Николай Иванович встретился с Микотой днем. Во время прогулки девушка успела рассказать ему обо всех ровненских новостях. На прощание сказала:

— Кстати, мой шеф собирается куда-то уехать.

— Фон Ортель?

— Да. Он был очень доволен чем-то, говорил, что ему оказана большая честь, что дело очень крупное...

— Куда?

Майя только пожала плечами:

— Не сказал...

— Майя, постарайтесь восстановить в памяти все подробности разговора, все детали, намеки. Это очень важно!

Девушка и сама понимала, что это важно, но только качала головой:

— Я спрашивала, не говорит. Вот разве что... Нет, вряд ли это имеет значение: обещал мне привезти, когда вернется, персидские ковры.

Кузнецов был взволнован. Интуицией разведчика он чувствовал, что между приглашением сотрудничать в разведке и предполагаемым отъездом фон Ортеля есть какая-то связь. Персидские ковры? Вряд ли это случайно. Они тоже имеют какое-то отношение к операции, в которой Ортель, судя по всему, должен сыграть не последнюю роль.

Прощаясь, Кузнецов попросил девушку:

— Постарайтесь вытянуть из него как можно больше. Прикиньтесь расстроенной его отъездом, намекните, что вы к нему неравнодушны. Запомните каждое его слово, каким бы пустячным оно ни казалось на первый взгляд.

Распрощавшись с Майей, Кузнецов поспешил в отряд... А вскоре в Москву полетела очередная шифровка.

Гауптман Пауль Зиберт не смог больше встретиться с фон Ортелем. Как только он вернулся в Ровно на свою обычную квартиру, в доме № 15 по улице Легионов, взволнованная Майя Микота сообщила ему удивительнейшую весть: штурмбаннфюрер СС фон Ортель, по слухам, застрелился в своем кабинете «зубоврачебной лечебницы».

Кузнецов не сомневался в том, что самоубийцы вообще не существовало. Николая Ивановича волновало одно: почему фон Ортель так стремительно покинул Ровно, зачем ему надо было симулировать самоубийство? Причин могло быть только две: неожиданный вызов в Берлин или раскаяние в излишней откровенности с пехотным офицером. Во втором случае Кузнецову грозили серьезные неприятности.

Командование отряда приняло все необходимые меры для обеспечения безопасности Николая Ивановича.

...Странные события разыгрывались в последние дни ноября 1943 года в Тегеране. Один за другим исчезали неизвестно куда некоторые видные деятели местной немецкой колонии. Слуга одного из них, войдя, как обычно, утром в спальню хозяина с пачкой свежих газет, нашел лишь смятую постель и оторванную пуговицу от пижамы. Все костюмы висели на обычных местах в шкафу.

По ночам в разных уголках города вспыхивала вдруг короткая, но яростная перестрелка. Иногда тишину разрывал одиночный пистолетный выстрел. Правоверные мусульмане качали только в недоумении головами: шумным городом стал Тегеран!

В одном из домов по улице, ведущей к аэродрому, иранская полиция обнаружила трупы двух молодых мужчин неизвестной национальности, без документов. Опознать убитых не удалось, да никто к этому и не стремился. На их телах была одна особая примета: странные значки, вытатуированные под мышкой левой руки. Неторопливые тегеранские полицейские, разумеется, не знали, что такие значки, обозначающие группу крови, наносились на кожу эсэсовским офицерам...

Самолет С-54, неофициально прозванный «Священной коровой» [1], с президентом Соединенных Штатов Америки Франклином Делано Рузвельтом на борту пролетел из Каира над Суэцким каналом, Иерусалимом, Багдадом, над реками Евфрат и Тигр и, наконец, приземлился на тегеранском аэродроме. Уставшего после долгого пути, больного президента отвезли в посольство США, в двух километрах от города.

Группа, сопровождавшая Рузвельта на конференцию, включала примерно 70 человек. В нее входили личный советник Гарри Гопкинс, начальник личного штаба президента адмирал Леги, Гарриман, генералы Маршалл, Арнольд, Соммервелл, Хэнди, Дин, зять президента майор Джон Беттигер и другие.

На следующее утро — в воскресенье 28 ноября — к Рузвельту вошли взволнованные Гарриман и начальник секретной охраны президента Майкл Рейли.

Гарриман рассказал Рузвельту, что русские только что поставили его в известность о том, что город наводнен вражескими агентами и возможны «неприятные инциденты». В устах Гарримана это вежливое выражение означало «покушение».

— Русские предлагают вам переехать в один из особняков на территории их посольства, где гарантируют полную безопасность,— закончил Гарриман свое сообщение.

— Ну, а вы что скажете, Майкл? — обратился Рузвельт к начальнику своей охраны.

Мрачный Рейли пробурчал что-то похожее на совет принять приглашение.

В тот же день президент и его ближайшие помощники переселились на территорию советского посольства в центре Тегерана. Остальные лица, прибывшие с президентом, остановились в Кемп-Парке, где помещался штаб американских войск.

Английское посольство, где остановился премьер-министр Черчилль, располагалось в непосредственной близости от советского и тоже было взято под усиленную охрану.

...Примерно через месяц за тысячи километров от Тегерана в ровненских лесах получили запоздавшие московские газеты. С величайшим удовольствием дали Ни-

---

[1] От культа священной коровы в Древнем Египте.

колаю Ивановичу Кузнецову «Правду» от 19 декабря 1943 года. Содержание короткой заметки, аккуратно отчеркнутой красным карандашом, он пересказал Майе Микота в качестве компенсации за так и не привезенные ей персидские ковры.

Текст гласил:

«Лондон, 17 декабря (ТАСС). По сообщению вашингтонского корреспондента агентства Рейтер, президент Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что он остановился в русском посольстве в Тегеране, а не в американском, потому что Сталину стало известно о германском заговоре.

Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организован заговор на жизнь всех участников конференции. Он просил президента Рузвельта остановиться в советском посольстве с тем, чтобы избежать необходимости поездок по городу... Президент заявил, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, как мы проезжали бы по улицам Тегерана».

★

С ТОГО СВЕТА...

Д. СМИРНОВ

Из Центра нам сообщили, что фашистская разведка забросила в глубокий тыл Советского Союза двух шпионов. Были указаны их клички, в какой разведывательной школе они обучались и места возможного их пребывания на нашей территории. В числе тыловых городов, где могли появиться шпионы, назывался и Омск.

Надо было принимать меры, чтобы срочно разыскать и обезвредить опасных лазутчиков. Однако не так-то легко это сделать, если неизвестно, какими документами снабдила шпионов гитлеровская разведка и какое конкретное задание они получили.

Один из крупных разведчиков прошлого века говорил, что розыск шпиона подобен розыску крупинки металла в огромной массе песка. Для точности надо бы добавить: песка, неизвестно где находящегося. Вот такую «крупинку» нам и предстояло разыскать, причем как можно быстрее.

Гитлеровская разведка старалась снабдить своих агентов безупречными документами: нередко шпионам выдавались настоящие документы советских людей, погибших на фронте или в концентрационных лагерях; иногда документы оформлялись на подлинных бланках, захваченных в советских учреждениях на оккупированной гитлеровцами территории; были случаи, когда шпиона забрасывали к нам в тыл с его собственными документами, но к ним обязательно присоединялись еще и какие-то липовые документы, объяснявшие пребывание его в данном районе, населенном пункте и т. д., и эти липовые документы всегда были оформлены на подлинных бланках советских учреждений.

В короткий срок нами была проделана огромная работа по розыску вражеских лазутчиков, и эта работа дала результаты.

Среди тех, кто обратил на себя наше внимание, оказался военрук одной из городских средних школ. Он незадолго до этого вернулся из действующей армии и, как значилось в его документах, был контужен. Медицинская комиссия по этой причине признала его негодным к дальнейшей службе. Родом он был издалека, из Пермской области. Почему он приехал именно в Омск? На этот вопрос ни у кого никаких сомнений возникнуть не могло: в Омске накануне войны он закончил пехотное училище; в Омске он женился, в Омске осталась его жена, когда его направили в действующую армию, она и теперь продолжала работать официанткой в том же пехотном училище.

Местная медицинская комиссия подтвердила то, что было сказано в справке, которую ему вручили в госпитале.

В средней школе, куда он устроился работать, он держался обособленно и об участии в боях рассказывал неохотно. Но, может быть, он был просто-напросто неразговорчивым или очень скромным человеком?

Одним словом, с формальной стороны личность военрука не вызывала ни у кого никаких сомнений. Напротив, радовались его возвращению и часто с удовольствием рассуждали: «Ведь вот как бывает на белом свете: жена получила похоронку, а он, оказывается, жив и даже приехал домой».

Правда, жена военрука, получив официальное извещение о его смерти, погоревала о нем, а затем, выждав, не будет ли еще каких-либо сообщений, вышла замуж за старшину пехотного училища. Старшина воевал, был серьезно ранен, признан негодным к службе в действующей армии. В 1942 году он приехал в Омск и поступил работать в пехотное училище, где познакомился с официанткой, молодой женщиной, потерявшей мужа на фронте, и женился на ней. Этот старшина пришел к нам в управление и рассказал:

— Это вполне понятно, что моя жена вернулась к первому мужу, возвратившемуся с того света. Я ее понимаю и, конечно, осуждать не могу. Разошлись мы по-хорошему, мирно. Такой уж случай — поторопилась человека

похоронить! Кто тут виноват? И, пожалуй, она верно сделала, что вернулась к первому мужу. Но я пришел рассказать не об этом. Вы только не подумайте, что я жалуюсь или наговариваю, что ли, на добрых людей. Заходил я к ним вчера... С военруком мы встретились тоже по-хорошему. Видимо, понимает, что вины моей нет. Конечно, я поинтересовался, как это ему удалось возвратиться с того света. Говорит, что контузили его, попал в госпиталь, откуда и вернулся в Омск, демобилизовавшись. Думаю: как же так? Из госпиталя, а сам загорелый, да и с виду не хворый! Видимо, все-таки из госпиталя вышел давненько. Госпиталь — не санаторий! Там не загоришь! Бледными мы выходили... По себе сужу. Но где же тогда был он после госпиталя? И если действительно был в госпитале, то почему не писал жене? Ведь она беспокоилась! Должен был это знать! И еще одна странная деталь. Примерно за месяц до его возвращения жена получила тысячу рублей почтой. Из Балахны. Спрашиваю: «Кто прислал?» Говорит: «Не знаю». И вот еще что: угостили меня чаем... Я сам был в госпитале, знаю, чем нашего брата снабжают на дорогу... Ну, пачка махорки, буханка черного хлеба да банка-другая консервов. Если повезет,. то и немного сахару выдадут, чтобы до первого станционного пункта снабжения хватило, не больше. Понятно, почему не балуют: трудно же с харчами. А этот навез из госпиталя и сахару и печенья! На дорогу, говорит, дали в госпитале, вот и доедаем. Врет ведь! А зачем? Стал меня провожать, смотрю — шинель словно специально на него сшита и новенькая. Заметил, что я на шинель уставился, пояснил равнодушно так: «В госпитале выдали». Думаю, и тут врет: меня и моих товарищей не так снаряжали. С чужих плеч получали! Если это несправедливость — одному все, а другим ничего — разберитесь. А может, тут что-то другое? А?

Госпиталь мы запросили. Получили любопытный ответ... Администрация госпиталя сообщала, что человека с такой фамилией в списках поступавших или выбывших нет. Но ведь непригодность его к военной службе подтвердила местная медицинская комиссия! Решили послать запрос в госпиталь еще раз: может быть, там допущена какая-то халатность?

Между тем военрук вел себя весьма странно: он явно нервничал, ходил угрюмый, своих коллег-учителей сторо-

нился, ничем не интересовался, даже событиями на фронте. По вечерам он редко выходил из дому.

Однажды, когда он возвращался домой, его остановил прохожий и попросил прикурить. Военрук с каким-то озлоблением бросил: «Отстаньте от меня!»

Складывалось впечатление, что военрук чего-то боится...

Предположений было много. Но ясно было одно: упускать военрука из виду нельзя, надо разобраться, что это за человек, и, если он окажется шпионом, не дать ему возможности действовать.

Все необходимые меры были приняты.

Вскоре Центр сообщил, что в Горьком арестован гитлеровский шпион Лапин, переброшенный в советский тыл самолетом. Лапин рассказал, что перебросили его вместе с напарником по кличке «Кириллов» и что «Кириллов» должен быть в Омске, где у него есть какие-то родственники.

Кириллов! Это же девичья фамилия матери военрука! Совпадение? Вряд ли.

Лапин сообщил и приметы Кириллова.

Всякие сомнения отпадали: прибывший с того света военрук средней школы и был гитлеровским шпионом по кличке «Кириллов».

Шпион мог узнать об аресте напарника и скрыться. Оставлять его на свободе было опасно и не вызывалось необходимостью. Сентябрьским вечером 1943 года был отдан приказ арестовать военрука.

В нашей чекистской практике это был не первый случай, когда предстояло столкнуться лицом к лицу с человеком, которого с полным основанием можно было считать изменником Родины, гитлеровским шпионом.

Арестовать преступника нелегко: нельзя надеяться на то, что его можно застать врасплох. Поэтому в любых случаях нужно готовиться к этой операции со всей серьезностью, стараясь предусмотреть все возможные неожиданности. В частности, надо знать точно не только дом и квартиру, где обосновался преступник, но и все входы и выходы в доме, а также расположение комнат в квартире, необходимо знать точно, в какой из комнат находится подлежащее аресту лицо, сколько в квартире дверей и куда они ведут, на каком этаже она находится, сколько окон и можно ли из них выпрыгнуть и т. д. Надо

учесть и повадки преступника, его физическое развитие, способность к вооруженному сопротивлению и многое другое. Надо знать, как войти в квартиру, чтобы не вызвать никаких подозрений у врага и не спугнуть его — иначе можно нарваться на пулю и упустить преступника.

Мы хорошо изучили домик на окраине Омска, в котором жил военрук, расположение комнат, кухни, окон. Когда рано утром мы подошли к нему, то уже точно знали, что военрук и его жена с прошлого вечера никуда не выходили. Еще раз проверили, не сможет ли преступник скрыться через какое-либо окно, расставили в наиболее опасных местах товарищей, причем так, чтобы их нельзя было увидеть из дома, если кому-нибудь понадобится выглянуть в окно.

В доме тихо. Видимо, еще спят. Пора входить.

С нами понятые, приглашенные для того, чтобы присутствовать при обыске.

Негромко стучим. В ответ раздается голос матери жены военрука:

— Кто там? Кто?

Отвечает одна из понятых, соседка,— так условились заранее.

Дверь открывает старая женщина.

«А где же он сам? — думаю я.— Может быть, уже догадался, что пришли за ним, и что-то предпринимает? Может, что-то уничтожает, если пришел к выводу, что бежать уже поздно?»

Быстро входим в дом и направляемся в комнату, где обычно спит военрук.

Он оказался на месте, в постели. Открыл глаза, вопрошающе смотрит на нас...

Объясняем, кто мы, предъявляем ордер на обыск и арест и предлагаем ему одеться и следовать за нами.

— Значит, вы — чекисты? — спрашивает военрук, не выражая никакого удивления.

Создается впечатление, что он словно ожидал нашего прихода.

Под подушкой кинжал...

— Для самообороны,— нехотя поясняет военрук.

Допрашивает его опытный следователь Николай Иванович Рыбаков.

Не раз он имел уже дело с подобного рода преступниками — гитлеровскими шпионами.

Как и следовало ожидать, военрук рассказывает легенду, разработанную для него гитлеровской разведкой. Явно теряется, когда следователь, выслушав его, спрашивает:

— Известна ли вам фамилия... Кириллов?

И он признается.

Так был пойман тот самый гитлеровский шпион, которого мы разыскивали. Он был заброшен в наш тыл с серьезным разведывательным заданием.

Окончив пехотное училище и попав на фронт, в сентябре 1942 года он действительно был контужен и доставлен в госпиталь. После излечения его направили в часть. На Брянском направлении группа бойцов попала в окружение, и военрук, трус по натуре, решил добровольно сдаться в плен.

Кроме того, он поверил еще и вражеским листовкам, в которых говорилось, что тем, кто сдается в плен добровольно, предоставляются все льготы и обеспечивается чуть ли не райская жизнь. На деле оказалось иначе, и хотя он рассказал все, что было ему известно и интересовало гитлеровцев, это не спасло его от концентрационного лагеря, условия в котором были отнюдь не райскими. В Борисовском лагере его вызвал на допрос офицер гитлеровской разведки, пронюхавший, что по специальности он радист. Изменник Родины поступил в гитлеровскую разведывательную школу, где ему дали кличку «Кириллов». Когда «Кириллов» окончил разведывательную школу, его забросили в тыл Советской Армии, но он не нашел в себе мужества прийти с повинной. Выполнив задание, он вернулся к гитлеровцам. Ради сохранения своей жизни он был готов выполнить любое задание врага.

Однако на этот раз гитлеровскому холую не повезло, впрочем, не ему одному! За очень редким исключением гитлеровские шпионы обязательно попадали в поле зрения органов государственной безопасности: ведь чекистам активно помогали бдительные советские люди.

★

ПРОВАЛ АКЦИИ «ЦЕППЕЛИНА»

А. БЕЛЯЕВ, Б. СЫРОМЯТНИКОВ,
В. УГРИНОВИЧ

Работая в архиве, мы обнаружили следственные материалы по делу террористов немецко-фашистской разведки Политова (Таврина) и Шиловой. Из этих материалов мы узнали о том, как в годы Великой Отечественной войны наши мужественные воины-контрразведчики при активном содействии советских патриотов раскрыли и предотвратили террористическую операцию фашистского разведывательного органа «Цеппелин», направленную против Верховного командования Советской Армии. Об этом малоизвестном эпизоде из летописи Великой Отечественной войны мы и решили рассказать нашим читателям.

I

Кабинет начальника восточного отдела 6-го управления Главного имперского управления безопасности фашистской Германии оберштурмбаннфюрера СС Грефе размещался на четвертом этаже небольшого особняка. Шум большого города сюда почти не проникал, и потому Грефе очень часто работал с открытыми окнами. В свободные от дел минуты он любил наблюдать за жизнью улицы и с удовольствием вдыхал медовый запах лип, приносимый легким ветерком.

Но в этот день Грефе было не до лип и не до свежего ветра. Меряя кабинет широкими, тяжелыми шагами, он старался снова и снова восстановить в памяти все подробности состоявшейся на днях беседы с начальником управления. Впрочем, это была даже не беседа, а инст-

руктаж, который закончился очередным заданием отделу и ему, Грефе, старому специалисту по России.

Начальник управления был необычайно сух и краток и все-таки, несмотря на это, успел наговорить много неприятного.

Германская армия не смогла выиграть битвы, на которую возлагались большие надежды. Под Курском были смяты и уничтожены лучшие танковые дивизии рейха. Последняя ставка фюрера на летнюю кампанию провалилась. Это в корне меняло многие стратегические планы вообще и планы разведки в частности. Обрисовав обстановку, начальник управления приказал Грефе разработать план террористической операции по уничтожению руководителей Ставки советского Верховного командования.

Выполняя этот приказ, Грефе успел уже сделать многое.

Хотя и вчерне, но был уже готов план операции, было обдумано ее техническое оснащение и даже подобрана кандидатура исполнителя. Его прибытия и ожидал с минуты на минуту Грефе.

Ознакомившись с биографическими данными будущего террориста, Грефе решил перед встречей с ним выслушать еще раз все данные об исполнителе многообещающей акции.

Он подошел к столу и нажал кнопку звонка. Дверь кабинета бесшумно открылась. На пороге появился молоденький зондерфюрер и замер в ожидании.

— Прочитайте мне еще раз дело Политова,— попросил Грефе.

Лейтенант быстро вышел, а через минуту снова появился в кабинете с объемистой папкой в руках. Он проворно открыл нужную страницу и начал чтение:

— «Политов. В период с тысяча девятьсот тридцать третьего по сороковой год проживал на Украине, в Ташкенте, в Башкирии под фамилиями Шило, Таврин и Серков. Перед войной, используя положение заведующего нефтескладом на станции Аягуз Туркестано-Сибирской железной дороги, прихватил крупную денежную сумму и, скрывшись от уголовного преследования, представив фиктивные документы, устроился следователем в Воронежскую прокуратуру...»

Грефе в знак одобрения кивнул головой, подумав про

себя: «К сожалению, сейчас русские уже перестали быть такими доверчивыми».

— «В ноябре сорок первого года,— продолжал читать зондерфюрер,— призван в армию, где был назначен командиром взвода, а затем командиром роты. В мае сорок второго года перешел на сторону немецкой армии. Во время допросов добровольно сообщил немецкому командованию ряд сведений, имеющих важное военное и политическое значение. В деле имеется письменное заявление Политова, в котором он обязуется служить немецкому командованию верой и правдой и просит назначить его на должность бургомистра одного из оккупированных советских городов. В сорок третьем году Политов направляется в Австрию, в школу по подготовке агентов германской разведки. В это же время он начинает тесно сотрудничать с гестапо. В период учебы помогает сотрудникам политической полиции обезвредить группу заговорщиков. (В деле имеется донесение Политова, в котором он указывает имена руководителей группы, а также лиц, подвергшихся их обработке.) Положительными качествами Политова, которые могут быть использованы в перспективе, следует считать: находчивость, умение быстро ориентироваться в сложной обстановке, ненависть к советскому строю, боязнь наказания за совершенные перед Советским государством преступления. Отрицательными качествами являются: алчность, карьеризм, полная беспринципность».

При этих словах Грефе снова кивнул головой и снова подумал: «Для нас теперь это скорее положительные качества».

Ровно в девятнадцать часов по берлинскому времени Грефе доложили, что прибыл Политов и ждет, когда его пригласят на прием. Оберштурмбаннфюрер разрешил ему войти. Политов появился в кабинете и вытянулся в струнку возле двери. Это понравилось Грефе. Он любил дисциплинированных людей.

Некоторое время Грефе молча рассматривал Политова, потом подошел к столу, сел в кресло и указал Политову на кресло напротив. Разговор начался без предисловий, так как Политов был обо всем осведомлен заранее. Оставалось уточнить лишь некоторые детали.

— Нам было бы желательно знать, господин Политов,— начал Грефе,— в какой области разведки вы хо-

тели бы получить задание: в экономической, военной или политической. Вопрос серьезный, и вы можете не торопиться с ответом.

— Господин оберштурмбаннфюрер, я предполагал, что вас это будет интересовать,— ответил Политов.— Я уже все обдумал и потому просил бы дать мне задание в области политической разведки.

Грефе согласно кивнул головой:

— В таком случае я хотел бы знать, что вы понимаете под политической разведкой?

— Сбор сведений политического характера, изучение настроений населения, политических ситуаций...— начал перечислять Политов.

Грефе поднял руку.

— Нет, господин Политов. Все гораздо конкретнее и труднее,— не дослушав своего собеседника, проговорил он.— Для нас сегодня политическая разведка означает физическое уничтожение военных и политических руководителей противника. В этом отношении, господин Политов, нам особенно приятно было узнать о том, что вы имеете связи с некоторыми ответственными лицами в Москве.

— Так точно. Имею, герр оберштурмбаннфюрер,— поспешно, не моргнув глазом, подтвердил Политов, хотя эти связи были явной мистификацией со стороны проходимца, рассчитанной на то, чтобы набить себе цену.

Грефе изобразил на своем лице что-то вроде улыбки.

— Мы всецело доверяем вам, господин Политов, и возлагаем на вас большие надежды,— продолжал Грефе.— У нас с вами одна цель — борьба с коммунизмом, и в эту борьбу вам предоставляется возможность внести свой достойный вклад. В соответствии с планом намечаемой операции вы будете переброшены по воздуху в район Подмосковья. Снимите там для себя квартиру, пропишитесь, изучите маршруты движения машин руководителей Ставки Верховного командования, а затем... сами понимаете, что затем...

Сказав это, Грефе пристально посмотрел в глаза собеседнику. Политов молчал.

— Конечно, это только общий план. Он состоит из тысячи деталей,— пояснил Грефе.— Изучение их будет проводиться со всей тщательностью. Вы ни в чем не будете испытывать недостатка. Вас снабдят всем необхо-

димым: документами, деньгами, средствами связи, самым совершенным, новым, особо секретным оружием, но в конечном итоге все сведется к выстрелу. Вы способны его произвести? — продолжая смотреть в глаза Политову, спросил Грефе.

— Да. Способен,— ответил Политов, выдерживая взгляд эсэсовца.

— В таком случае для конкретной подготовки мы направим вас в специальную команду разведоргана «Цеппелин». Для этого вам придется отправиться в город Псков. Желаю удачи, господин Политов,— закончил беседу Грефе.— Через некоторое время мы снова встретимся с вами и еще о многом поговорим.

2

Новый шеф — матерый разведчик штурмбаннфюрер СС Краусс — сразу же перевел Политова на легальное положение. Политов был прикомандирован в качестве инженера на один из заводов и, как частное лицо, снял квартиру в городе. Однако на заводе Политов появлялся редко. Все свое время он, как правило, проводил в обществе Краусса. Штурмбаннфюрер получил от Грефе специальную программу для подготовки Политова и систематически, изо дня в день занимался с ним.

Подготовка велась в нескольких направлениях: стрельба из личного оружия, вождение мотоцикла и автомобиля. В то же время Краусс внимательно следил за тем, как протекает личная жизнь его ученика.

— Не надо быть таким мрачным, господин Политов,— как-то сказал он ему.— Все идет хорошо. В Берлине довольны вами. Вольнее располагайте своим досугом.

На этот раз Политов не сразу понял, чего от него хотят.

— Человек не должен быть одинок. Это противоестественно,— философствовал Краусс.— Почему бы вам не обзавестись семьей?

«До этого ли тут?» — хотел было ответить шефу Политов, но, зная по опыту, что с ним ни о чем не говорят зря, угодливо согласился:

— В брак вступлю охотно. С кем прикажете?

— Но зачем же так? — изобразил обиженную мину Краусс.— Выберите сами себе подругу сердца. Мы постараемся лишь помочь вам обеспечить будущую жену.

Несколько помедлив, Политов подобострастно произнес:

— Если разрешите, герр штурмбаннфюрер, есть тут одна знакомая, работающая в швейной мастерской, которая обслуживает штаб частей германской армии, дислоцированных в Пскове, только я ее еще не очень хорошо знаю.

— О, это, если я не ошибаюсь, фрейлейн Шилова,— самодовольно заметил Краусс, как бы подчеркивая этим, что ни одна деталь жизни Политова не могла укрыться от внимания начальства.— Насколько нам известно,— продолжал он,— это дочь лица, осужденного коммунистами за, как они называют, антисоветскую деятельность. У вас есть вкус. Это очень хорошо,— сказал Краусс.— Считайте, что выбор ваш одобрен. Надеюсь, вы не станете возражать, если ваша будущая супруга освоит специальность радистки?

В самом начале ноября Политов оформил свой брак, а несколько позже руководство Главного управления имперской безопасности снова вызвало его в Берлин.

3

В это время начальником восточного отдела вместо Грефе был назначен Хенгельхаупт. Новый шеф был гораздо общительней Грефе. Во время первой же встречи он пригласил Политова в ресторан, где и провел с ним весь вечер. Беседа между ними носила непринужденный характер, хотя имела довольно конкретное направление. Хенгельхаупт старался убедить Политова в том, что неуспехи немцев на советско-германском фронте — это неуспехи временные, что рейх не исчерпал еще своих ресурсов и не сегодня-завтра в действие вступит новое, невиданное доселе по своей мощи оружие, которое не только сравняет силы воюющих сторон, но и остановит наступление русских.

Эта встреча имела и еще одну, пожалуй, самую важную цель: новый шеф восточного отдела хотел убедиться лично в преданности Политова третьему рейху. На про-

тяжении всего вечера Хенгельхаупт всячески прощупывал Политова. Время от времени наполняя рюмку своего собеседника то коньяком, то русской водкой, он настойчиво вызывал Политова на откровенность, задавая ему вопросы, вновь и вновь заставлял его рассказывать о себе.

В итоге он остался доволен и Политовым, и его настроением.

Поздно вечером, когда на десерт были поданы шампанское и фрукты, Хенгельхаупт познакомил Политова с программой пребывания в Берлине.

— Вас ожидает здесь много интересного,— сказал он.— Вы ознакомитесь с оружием, специально изготовленным по нашему заказу для вас, а также встретитесь с одним из самых выдающихся людей рейха.

Политов чувствовал, что немцы доверяют ему. Однако у него еще не было случая убедиться в том, что в нем заинтересовано Главное имперское управление безопасности.

— Обещаю вам также,— продолжал Хенгельхаупт,— что в самом скором времени мы пригласим сюда и вашу жену. Надеюсь, что совместное пребывание в Берлине оставит в вашей памяти приятное воспоминание.

Политов и это заявление принял как еще одно доказательство того, что в задании, которое ему поручалось, немцы заинтересованы самым серьезным образом.

На следующий день вместе с Краусcом и другими работниками отдела, которых Политов уже хорошо знал, он выехал на полигон, расположенный в пригороде Берлина. Бетонная лента дороги долго ныряла под мостами и путепроводами, пока не скрылась в густых зарослях акации. На всем пути следования машину ни разу не остановили, хотя в придорожных кустах Политов замечал патрулей и сторожевые посты эсэсовцев.

На полигоне прибывших встретил высокий майор с мясистым носом, одетый в форму технических войск. Он проводил их в длинное одноэтажное здание с окнами, заложенными кирпичом. Здесь Политову сначала на схемах, а затем и в подлиннике показали то, что, по мнению руководителей Главного управления, должно было наилучшим образом обеспечить выполнение задания.

— «Панцеркнакке»,— назвал технический майор это небольшое приспособление, состоящее из короткой трубы

диаметром миллиметров шестьдесят, ременных пристяжек, проводов и кнопочного включателя.— Безотказное оружие. Стрельба ведется реактивным снарядом кумулятивного действия. Имеет достаточную дальность полета снаряда и пробивную способность на уровне сорокапятимиллиметровой брони. Выстрел производится бесшумно из рукава пальто стреляющего,— давал объяснения майор.

— Это будет надежное оружие,— подтвердил Краусс и любовно погладил рукой небольшие черные, похожие на бутылки снаряды «Панцеркнакке».

— Когда можно испытать его в действии? — спросил Политов.

— Очень скоро,— заверил технический майор.— Мы работаем по плану. Все будет сделано в срок.

Вечером Политова снова принимал Хенгельхаупт, но на этот раз уже у себя на квартире. Уютная, оформленная в охотничьем стиле «берлога» шефа произвела на Политова потрясающее впечатление. Шеф показал Политову собранную им коллекцию ружей и намекнул на то, что после выполнения задания и возвращения в Берлин Политов может рассчитывать на такие же апартаменты.

Через три дня в Берлин приехала и Шилова. Поскольку Политов в это время был в отъезде, ее поместили в пансионате на Кюрфюрстендам, 55.

Политов побывал и на авиационном заводе, где конструкторы готовили для предстоящей операции специально сконструированный самолет «Арадо-332».

По плану руководства Главного управления имперской безопасности это должен был быть уникальный десантный моноплан, обладающий высокой скоростью и большим потолком полета. Самолет был оснащен новейшими навигационными приборами, благодаря чему он мог свободно летать как днем, так и ночью, а также совершать посадки в непогоду и на неподготовленную площадку ограниченных размеров. Последнее достигалось специальной конструкцией вездеходного шасси, смонтированного из двадцати гуттаперчевых колес. Самолет практически был готов, но в самый последний момент Политов вдруг заявил руководству, что ему нужен еще и мотоцикл, чтобы после приземления самолета он мог незамедлительно покинуть район посадки. Поэтому кон-

структоры должны были сконструировать еще и специальный, убирающийся в фюзеляж самолета трап, по которому Политов и его спутница могли бы легко выехать из самолета прямо на мотоцикле, едва самолет совершит посадку.

Политов остался доволен осмотром «Арадо». Руководство «Цеппелина» — тоже.

Прошло еще несколько дней, и Хенгельхаупт сообщил Политову, что его приглашает одно очень высокопоставленное лицо.

Осмотрев самолет, Политов окончательно убедился в том, что его акции поднялись очень высоко, но сейчас он терялся в догадках: кто та влиятельная особа, которая пожелала встретиться с ним? Как бы тесно ни было сотрудничество немцев с лицами, перешедшими на их сторону, оно всегда имело определенный предел, за черту которого Политов и ему подобные просто не допускались. Это проявлялось во многом, в том числе и в чопорности старших начальников. В конце концов Политов решил, что его примет кто-нибудь из руководителей военной разведки абвера, но действительность превзошла все его ожидания. В кабинет на Потсдамменштрассе, 28, его пригласил не кто-нибудь, а доверенный самого фюрера — штурмбаннфюрер СС Отто Скорцени. Это был прожженный делец от разведки.

Разговор получился живым. Скорцени охотно делился с Политовым своим опытом, объяснял, какими личными качествами должен обладать, с его точки зрения, террорист и как ему следует психологически готовить себя к совершению террористического акта. При этом Скорцени все время подчеркивал, что, если Политов хочет остаться живым, он должен действовать крайне решительно и смело и не бояться смерти, так как малейшее колебание и трусость наверняка погубят его. В подтверждение Скорцени рассказал случай из собственной практики.

Во время похищения Муссолини Скорцени перемахнул через ограду замка и очутился в двух шагах от стоявшего на посту карабинера.

— Если бы я замешкался тогда хоть на секунду,— вспоминал Скорцени,— то наверняка бы погиб, но я без колебаний прикончил карабинера, а затем выполнил задание и, как видите, остался жив.

Прервав на этом свой рассказ, Скорцени стал расспрашивать сам. Его интересовало, что знает Политов о Москве, об образе жизни советских руководителей, каким путем он думает установить связи с работниками, обслуживающими Ставку, как Политов собирается использовать свое оружие, какую роль отводит он в предстоящей операции Шиловой. Закончил беседу Скорцени неожиданным вопросом:

— Как вы считаете, господин Политов, возможно в СССР проведение такой операции, какую я так блестяще осуществил в Италии?

Нагловатый, самоуверенный тон, в котором вел беседу Скорцени, не понравился Политову. Рядом с этим матерым бандитом Политов выглядел щенком. Чтобы хоть как-нибудь поднять свой престиж в глазах присутствующих, Политов решился на дерзость.

— СССР — это не Италия, господин штурмбаннфюрер,— не очень громко, но достаточно твердо ответил он,— и сделать там то, что вы сделали в Италии, значительно трудней.

10 января 1944 года руководство 6-го управления решило перенести место подготовки Политова из Пскова в Ригу. В связи с этим 12 января 1944 года Политов покинул Псков. Сопровождавший Политова офицер СС устроил его в Риге в гостинице «Эксцельсиор» и предложил администрации закрепить за ним лучший номер. Кроме того, Политову была предоставлена квартира в одном из дачных пригородов Риги.

Шилова еще некоторое время находилась в Берлине, где обучалась работать на рации, практиковалась в обращении с радиоаппаратурой, в зашифровке и расшифровке документов, в составлении кодовых таблиц, донесений и схем.

Окончив учебу, она переехала в Ригу и поселилась вместе с Политовым.

4

Почти сразу же после прибытия в Ригу Краусс представил Политова двум новым инструкторам, которые должны были заниматься с ним ежедневно. Один из ин-

структоров, Палбицын, имел биографию, как две капли воды похожую на биографию Политова. В прошлом крупный уголовник, осужденный за изнасилования и убийства, он добровольно перешел на сторону немцев и, работая в органах разведки, очень быстро сделал карьеру. Палбицын получил звание гауптштурмфюрера и был назначен на должность начальника отдела 6-й северной команды разведоргана «Цеппелин».

Специализировался Палбицын в основном на изготовлении фальшивых документов, печатей, штампов, а также на экипировке и снаряжении агентов, засылаемых в Советский Союз.

Второй — П. П. Делле, он же Ланге,— попал на службу к немцам несколько иным путем. Это был типичный отпрыск старого дворянского рода, изгнанного из России революцией, убежденный монархист и лютый антисоветчик. Делле имел чин оберштурмфюрера СС и руководил гатчинской группой безопасности СД.

Как Палбицын, так и Делле с первого же дня приняли самое активное участие в подготовке Политова. К этому времени был уже окончательно утвержден план заброски Политова и Шиловой в советский тыл. Было решено, что Политов будет действовать под видом майора Советской Армии, получившего отпуск после тяжелого ранения. Учитывая это, новые наставники при подготовке Политова разделили между собой обязанности таким образом: Палбицын занялся с ним стрельбой и изготовлением документов, удостоверяющих личность Политова, а Делле детально разработал легенду о пребывании Политова на фронте, его ранении и лечении в госпитале.

В конце января Политова пригласил к себе Краусс.

— В вашей подготовке не должно быть ни малейших упущений,— сказал он.— Вам придется лечь в госпиталь и сделать пластическую операцию.

Политов ответил, что он готов.

— Но не хотелось бы, чтобы кто-нибудь об этом знал,— предупредил Краусс.— Даже вашу жену не стоит посвящать в эту историю. Что, если мы распространим слух о вашем срочном выезде на фронт?

— Думаю, что это ни у кого не вызовет никаких подозрений,— ответил Политов и в тот же вечер сообщил Шиловой о своей командировке в действующую армию.

Утром следующего дня к гостинице «Эксельсиор» была подана машина, которая якобы должна была отвезти Политова на вокзал. Политов попрощался с женой и отправился в путь. Но вместо вокзала очутился в немецком военном госпитале. Здесь под наркозом ему была сделана сложная операция, а спустя два дня в номер к Шиловой явился Краусс и сообщил ей о том, что Политов попал под бомбежку, получил ранения, но вовремя был доставлен в госпиталь и сейчас находится вне опасности. Об этом же были поставлены в известность и некоторые другие лица, имевшие контакт с Политовым, а спустя три недели эту версию подтвердил и сам Политов, вернувшийся из госпиталя.

Пока Политов находился в госпитале, его шефы продолжали работу. Палбицын, посоветовавшись с Крауссом, решил, что Золотая Звезда Героя Советского Союза повысит шансы новоиспеченного майора Советской Армии, и сделал соответствующий запрос в Берлин. Вскоре оттуда были получены орден Ленина и Золотая Звезда, принадлежавшие генерал-майору Советской Армии Ивану Михайловичу Шепетову, отличившемуся в боях 1941 года и замученному впоследствии в фашистских застенках.

Орден Красного Знамени, орден Александра Невского, два ордена Красной Звезды и две медали «За отвагу» Краусс и Палбицын нашли на месте. На право ношения всех этих наград были изготовлены соответствующие документы, а сам Политов отныне превратился в Таврина.

10 февраля в Ригу из Берлина прибыл уже знакомый Политову майор технической службы. Он привез изготовленное им дьявольское оружие. С этого дня Политов начал тренироваться в стрельбе из «Панцеркнакке». Привычную стрельбу из пистолетов заменило змеиное шипение реактивных снарядов. «Панцеркнакке» действовало безотказно. Снаряды метко попадали в цель и прожигали броню в 45 миллиметров.

Обнаружив это, Политов несколько воспрянул духом, ибо, как ни храбрился он, как ни старался продемонстрировать перед своими хозяевами свое бесстрашие и свою преданность, на душе у него было неспокойно. Уж кто-кто, а он-то отлично понимал, что одно дело — работать на оккупированной территории, другое — встретить-

ся со своими соотечественниками в советском тылу. Но если Политов боялся предстоящей операции, то в Берлине, напротив, уверовали в ее успех. На самом последнем этапе подготовки задание Политову было расширено.

Все тот же майор технической службы, совершив еще одну поездку в свою столицу, привез оттуда какой-то ящик. Внутри оказалась мощная магнитная мина с радиовзрывателем, позволяющим произвести взрыв по радиосигналу с расстояния в несколько километров.

— Это тоже очень хорошая вещь. На нее мы возлагаем свои главные надежды,— показывая мину Политову, сказал Краусс.— Как герой своего народа вы должны побывать на одном из торжественных собраний, где будут присутствовать руководители, и принести туда эту мину. Потом вы выйдете из зала и тем самым обезопасите себя. А все остальное сделает ваша супруга. В назначенное время она подаст радиосигнал, и торжественное собрание превратится в торжественные похороны,— захохотал Краусс.

— Все будет сделано,— заверил Политов, хотя и почувствовал, что вариант с миной еще более неосуществим для него, чем с «Панцеркнакке».

На этом подготовка Политова фактически заканчивалась. Доделать оставалось очень немного, а именно: сшить Политову и Шиловой форму, дать им возможность в течение нескольких дней обносить ее, хорошо спрятать в мотоцикле радиостанцию, оружие, деньги, запасные документы и всевозможные печати и подготовить мотоцикл к надежной технической эксплуатации.

Но тут Палбицыну пришла в голову еще одна идея. Он раздобыл по экземпляру газеты «Правда» и «Известия» и изготовил типографским способом новые номера газет, слово в слово повторявшие настоящие, с одним лишь небольшим изменением. В сфабрикованный номер «Правды» он впечатал очерк о подвиге, совершенном майором Тавриным, и тиснул его портрет. А в номере «Известий» подпечатал в Указе Президиума Верховного Совета Союза ССР о присвоении звания Героя Советского Союза рядовому, сержантскому и офицерскому составу Советской Армии фамилию, имя и отчество новоиспеченного майора. По мнению Палбицына, это должно было оградить Политова от всяких подозрений надежнее любых документов.

И еще одно мероприятие осуществил в эти дни Палбицын. Улучив момент, он, по заданию Краусса, в последний раз прощупал Политова. Оставшись как-то после занятий с Политовым один на один, Палбицын «разоткровенничался»:

— А дела-то у немцев швах. Похоже на то, что им придется отсюда удирать.

На это Политов ответил неопределенно:

— Нам-то что? Уйдем вместе с ними. Европа большая, места всем хватит.

— Не скажи,— гнул свое Палбицын и зашептал Политову на ухо: — Подумай лучше, не пора ли нам менять хозяев?

Политов понял цену этому разговору и сразу же пресек его.

— А по-моему, особых оснований для беспокойства нет,— отрезал он.— Неудачи на фронте — дело временное. Слышал, что Геббельс говорит о новом оружии? Немцы себя еще покажут.

— Дай бог! — сразу ретировался Палбицын и пожелал Политову успешно выполнить задачу.

5

Против фронта видимого всегда стоит видимый фронт. Против фронта невидимого — невидимый фронт. И хотя гитлеровцы самым тщательным образом скрывали работу своих разведывательных органов, советские чекисты имели о них достаточную информацию. Совершенно ясно, что и Рига, в которой было сосредоточено нёмало тайных сил противника, ни на минуту не выпадала из внимания советских разведчиков.

Политов так и не узнал, почему его перевели из Пскова в Ригу. Ему тогда лишь сказали, что в данных условиях это будет целесообразней, но что скрывается за этой туманной фразой, чем действительно вызван перевод, объяснять не стали, хотя оснований для перевода у руководства «Цеппелина» было более чем достаточно.

В новогоднюю ночь 1944 года советскими чекистами был похищен вместе с очень важными документами помощник начальника разведывательно-диверсионной шко-

лы обершарфюрер СС изменник Родины Лашков-Гурьянов. Эту необычайно дерзкую по своему замыслу операцию блестяще осуществили чекисты, возглавляемые старшим лейтенантом Георгием Пяткиным.

Задолго до самой операции они установили, что в окрестностях Пскова, в деревне Печки, находится гнездо разведоргана «Цеппелин» — школа по подготовке шпионов и диверсантов, засылаемых в советский тыл. Установив это, они взяли его под наблюдение. Вначале сведения о школе собирались в основном с помощью советских патриотов — жителей деревни и ее окрестностей. Позднее чекистам удалось направить в школу своего человека — лейтенанта Александра Лазарева, который быстро вошел в доверие к гитлеровцам и устроился охранником.

13 декабря сорок третьего года он переправил Пяткину записку:

«Намеченной цели достиг, ваше задание выполнено полностью, прилагаю схему постов «Ш», а также фамилии и их установочные данные. Жду ваших указаний на дальнейшие действия».

Из записки чекисты также узнали, что начальник школы майор СС Хорват и его помощник Лашков-Гурьянов живут в отдельных коттеджах, расположенных на расстоянии трехсот метров друг от друга, охраны особой около коттеджей нет, посты охраны территории школы были обозначены.

Пяткин поставил перед Лазаревым ряд новых задач и вскоре получил от него записку следующего содержания:

«Прилагаю декадный пароль, список руководящих лиц школы и др. В настоящий период вхожу в авторитет у командования, назначен командиром взвода охраны школы, имею обильные знакомства».

Занятое Лазаревым положение и представленная им информация позволили оперативным работникам запланировать захват документов и одного из руководителей школы. Выполняя план этой операции, Пяткин подготовил в помощь Лазареву трех «гестаповцев». Ими были партизаны — латыш Бицбул и два эстонца — Виллем и Иоханн.

В канун Нового года все трое выехали в Печки.

По первоначальному замыслу, предполагалось захва-

тить майора Хорвата. Но его неожиданно вызвали в Берлин. Поэтому чекисты переориентировались на Лашкова-Гурьянова.

Лазарев лично встретил «гестаповцев» у ворот школы и по их требованию препроводил всех троих в коттедж Лашкова-Гурьянова. Ровно в четыре часа утра «гестаповцы» вместе с Лашковым-Гурьяновым и чемоданами, туго набитыми документами, покинули школу. Командир взвода охраны Лазарев опять проводил их до шоссе. В школу он, разумеется, больше не вернулся.

В результате этой операции советские чекисты получили в свои руки исключительно ценные данные о подготовке гитлеровских разведчиков, а штурмбаннфюрер СС Краусс был вызван в Берлин и получил такую нахлобучку, от которой долго не мог опомниться.

Не менее активно работали советские чекисты в Риге. Так, в середине марта в одну из пошивочных мастерских, обслуживающих офицеров оккупационных войск Риги, прибыл эсэсовец. Он потребовал директора. Тот незамедлительно явился. Эсэсовец передал ему большой сверток отлично выделанных хромовых кож и вручил записку. В ней было сказано, что из этих кож надлежит самым скорейшим образом сшить мужское пальто и что фасон пальто и все мерки через день директору передадут дополнительно.

Директор заверил эсэсовца, что все будет сделано самым наилучшим образом, и после его ухода еще раз перечитал записку. Текст ее не вызвал подозрений, но подпись «штурмбаннфюрер Краусс» заставила насторожиться.

Через день в мастерскую действительно явился высокий круглолицый мужчина и попросил снять с него мерку для пальто. Директор лично обмерил пришедшего и, любезно разложив перед ним журналы новейших европейских мод, предложил выбрать фасон. Однако пришедший даже не заглянул в журналы.

— Сшейте мне по русскому образцу,— попросил он.

Директор не стал возражать. Он сказал, что через два дня пальто будет готово, и при этом вежливо попросил господина указать свой адрес, чтобы можно было доставить заказчику пальто на дом. Однако заказчик от этой услуги отказался и пообещал прийти за пальто лично. Точно в назначенный срок он снова явился в мастерскую и, примерив уже готовую вещь, неожиданно по-

просил несколько удлинить правый рукав, а на левой стороне пальто сделать два кармана.

Все это немедленно было выполнено, и посетитель, получив заказ, ушел. Вслед за ним из мастерской вышел мальчик-разносчик. Через час он уже знал, что новый клиент живет в «Эксельсиоре». Это также показалось любопытным. В названной гостинице останавливались только высшие немецкие офицеры.

С этого дня за Политовым стала наблюдать советская разведка, действовавшая в оккупированной Риге. Вскоре был точно установлен круг людей, с которыми он общался, места, где он бывал.

Несколько позднее, уже в июне, армейским чекистам из других источников стало известно, что на территорию СССР фашисты направляют агентурную группу Л. с задачей подобрать площадку для посадки специального десантного самолета. Военные контрразведчики дали возможность группе Л. благополучно высадиться в лесах Смоленщины, а когда она радировала в Берлин о том, что площадка для самолета подобрана, и указала ее координаты, чекисты обезвредили группу и устроили в районе площадки засаду.

Тогда, конечно, еще было не ясно, что пальто с удлиненным рукавом, группа Л. и другие отрывочные данные, поступающие из Риги,— звенья одной цепи. Но так или иначе, к приему нежданных посетителей все было готово.

6

Поздно вечером 5 сентября 1944 года на военный аэродром Риги приземлился самолет «Арадо-332». В него по специальному трапу закатили мотоцикл марки М-72 и закрепили в фюзеляже с помощью особого устройства. После этого к самолету подошли Политов и Шилова. Их провожали Краусс, Палбицын и Делле. Отлетающие были одеты в форму советских офицеров. На плечах у Политова красовались погоны майора. Шилова довольствовалась погонами младшего лейтенанта медицинской службы. Палбицын в последний раз осмотрел своих подопечных, поправил на груди у Политова ордена.

После этого Краусс отвел на минуту Политова в сторону и передал ему ампулу с ядом.

— Это на случай, если для вас и для вашей жены создастся безвыходное положение. Вы не должны попасть живыми в руки ЧК...

Политов болезненно поморщился, но уже в следующий момент решительно сунул ампулу в карман.

Как только дверь фюзеляжа закрылась за агентами и «Арадо» вырулил на взлетную полосу, Делле мрачно заметил:

— Два года тому назад эта операция имела на успех гораздо больше шансов.

Краусс кивнул:

— Я с вами согласен. Но мы и сейчас сделали все возможное для ее осуществления. По самым скромным подсчетам, эта затея нам стоит уже четыре миллиона марок.

Моторы «Арадо» заработали на полную мощность, разговор оборвался. «Арадо» взлетел и взял курс на восток.

Линию фронта самолет пересек в полной темноте. Где-то внизу, под самолетом, косяками ползли тучи и шел дождь. Об этом агентам сообщил бортрадист самолета. Он же информировал их и о прохождении маршрута. До места посадки оставалось всего лишь полчаса полета.

Вдруг темную толщу неба, словно меч, рассек искрящийся луч прожектора. Справа и слева от него желтым пламенем полыхнули разрывы зенитных снарядов. Пилот сразу же увеличил обороты винтов и повел машину вверх. Очередная серия разрывов легла в стороне. Но сверкающие щупальца прожектора подбирались к самолету все ближе и ближе. Самолет резко изменил курс. Однако и это не помогло. Вспыхнул второй луч прожектора, затем третий. «Арадо» взяли в клещи. Кабину самолета залило ослепительным светом. Она вся вдруг словно вспыхнула. Шилова, никогда не бывавшая в подобных передрягах, побледнела, Политов тоже почувствовал, как по спине у него побежали мурашки.

— Опустите жалюзи на окнах! — услыхал он голос командира корабля.

Политов немедленно повиновался, в самолете стало темно... Зенитные снаряды продолжали рваться и справа, и слева, и спереди, и сзади, и внизу, и вверху. Несколько осколков пробили фюзеляж. Пилот еще раз изме-

нил курс, и только после этого «Арадо» вышел из-под обстрела. Но пробиться к намеченному месту посадки уже не было возможности.

— Придется садиться на запасную площадку,— передал Политову командир корабля.

— Делайте, что хотите,— мрачно ответил Политов,— но постарайтесь сохранить нас и мотоцикл.

В три часа ночи самолет благополучно приземлился в Смоленской области. Политов немедленно спустил по трапу мотоцикл и, наскоро попрощавшись с экипажем, вместе с Шиловой скрылся в лесу.

7

Засада военных контрразведчиков, организованная у места предполагаемой посадки самолета, была готова к приему ночных гостей. Однако время шло, а самолет не появлялся. Старший сообщил об этом по радио в свой штаб. Работники штаба немедленно связались с командным пунктом противовоздушной обороны. Картина быстро прояснилась. Но теперь забеспокоился уже командный пункт.

— Что делать с нарушителем? — запрашивали с командного пункта.— Сейчас можем поднять в воздух перехватчики и сбить его.

Чекисты ответили, что желательно захватить самолет при посадке, и попросили командный пункт не выпускать нарушителя из-под наблюдения. Около трех часов ночи с командного пункта сообщили, что самолет пошел на снижение в районе Карманова Смоленской области. Чекисты немедленно поставили об этом в известность начальника Кармановского районного отдела НКВД. Последний, подняв по тревоге группу оперативных работников и офицеров военного комиссариата, устремился на перехват.

Однако, как ни спешила кармановская оперативная группа, поймать диверсантов на месте приземления она не смогла. Ей удалось лишь захватить самолет, который во время посадки повредил винты и взлететь уже не мог.

Оценив обстановку, чекисты быстро разбились на несколько поисковых групп и заняли места по дорогам. На рассвете на магистрали, идущей к Ржеву, одна из групп

заметила мотоцикл с коляской, на котором ехали двое военных: мужчина и женщина. Один из оперативных работников остановил их и попросил предъявить документы. Сидевший за рулем мотоцикла майор с Золотой Звездой Героя Советского Союза предъявил удостоверение личности и отпускной билет. У младшего лейтенанта медицинской службы также все оказалось в порядке.

— Откуда едете? — спросил чекист.

Майор назвал пункт. От места встречи он находился километров за двести.

«Значит, ехали часа четыре. А ведь всю ночь шел дождь. А они сухие. Странно!» — подумал чекист и сразу заподозрил неладное.

— Вы выезжаете из прифронтового района. Вам необходимо отметиться в райвоенкомате,— заявил он.

Политов, ничего не подозревая, свернул в поселок.

Через час все было кончено. При обыске у террористов обнаружили семь пистолетов (разрывные пули к одному из пистолетов были начинены ядом, вызывающим мгновенную смерть), радиостанцию, «Панцеркнакке» и снаряды к нему, специальную мину, ручные гранаты, 428 тысяч рублей советских денег, 116 подлинных и поддельных печатей и штампов, десятки различных бланков, обеспечивающих изготовление многих документов, действовавших в СССР.

Так бесславно закончилась эта тщательно подготовлявшаяся фашистской разведкой акция.

Благодаря умелой работе советской контрразведки Политов и Шилова были обезврежены. Они получили по заслугам.

★

СЕРДЦЕ ЧЕКИСТА

Н. СОКОЛЕНКО

Иноземный «гость»

...1944 год. Еще грохочут идущие на запад советские танки. Еще рвутся артиллерийские снаряды в лесах и на полях, в предгорьях рек Черемош и Путилы, а красный флаг уже гордо реет над освобожденными Черновцами...

Осень. А на дворе теплынь. В обласканном солнцем селе Банилове пустынно. Все вокруг дышит покоем и тишиной. Лишь посредине улицы мирно копошатся две курицы да кое-где над крышами белых мазанок столбятся сизые дымки.

Но вот от крайней покосившейся хатки, покрытой свежей осокой, отъехала фира[1]. Это Иван Загарий собрался в луга за сеном. И хотя с ног валит усталость — до обеда всю крышу заново перекрыл,— он и не думает об отдыхе. «Треба сегодни же привезти, бо ще, чого доброго, лисовьи[2], как и у сосида, стожок спалять»,— подумал Иван, торопливо затягивая подпругу.

День в ту пору выдался необычный — ни ветра, ни облачка. И если бы не приглушенный расстоянием говор орудий, который докатывался и сюда, в это безлюдное село, можно и совсем забыть о войне... «Погода саме для рибалок»,— думает старик и, оглянувшись на синеющие вдали горы, где снова что-то тяжело ухает, небрежно крестится. Лошаденка вздрагивает и останавливается. Иван дергает вожжи, и колеса, поднимая пыль, снова однотонно скрипят.

---

[1] *Фира* — подвода.

[2] *Лисовий* — так называло местное население бандеровцев на Буковине, бандитов ОУН — организации украинских буржуазных националистов, возглавлявшейся ставленником немецкого фашизма Степаном Бандерой.

Солнце пригрело, разморило старика, незаметно подкрался сон. Когда открыл глаза, удивился: уже вечерело.

Лошадь стояла возле стожка и лениво жевала сено. А в нескольких шагах, поблескивая холодным серебром, тихо нес свои воды Серет. За рекой, на высоком правом берегу, завороженно притих лес, ярко расцвеченный осенними красками.

Иван, взяв вилы, окинул хозяйским оком стожок и сразу приметил непорядок: стожок покосился на сторону, кто-то выдернул из него несколько охапок сена. След вел к кустам ивняка.

«Чи не хлопци?» — подумал старик и поспешил туда.

Раздвинул кусты и глазам не поверил: сидит на охапке сена человек в гимнастерке и перебинтовывает ногу.

«Лисовий!» — мелькнуло в голове.

Хотел незаметно уйти, да незнакомец обернулся, и их взгляды встретились.

— Може, помогти чим, добрый человек? — не растерялся Иван.

Незнакомец поднялся. Прихрамывая, вылез из кустов и скороговоркой, хрипло заговорил:

— Беда стряслася, дед, от своих отстал. Чуешь, бухают? То наши уже на Шурдене воюют. А я тут... Осколком ногу зацепило...— И, приметив около стожка порожний возок, а на старике заплатанный кожушок, уже спокойнее, даже развязно добавил: — Может, старина, до Шурдена подкинешь? В долгу не останусь. Мне до своих во как треба! — и ребром ладони провел под подбородком.

Старик Загарий поскреб под шапкой и с сожалением вымолвил:

— Гм... А как же сено-то? Худоба без корма останется...

— Христом-богом прошу! — взмолился незнакомец.— Хочешь, часы дам?

Снял с руки часы, протянул старику:

— Подвезешь — твои будут!

— Ну, давай...— сдался старик и, изобразив на лице довольную мину, спрятал трофей в карман.— Тоди будемо собираться,— проговорил он и деловито зашагал к фире, чтобы набрать сена.

Раненый тоже приковылял к стожку, присел на сене.

— Если ехать не по шоссе, а проселочной дорогой? Ближе не будет? — спросил.

— Ни, шляхом куды ближе,— прогудел старик.— Та мени одинаково, куды скажете...— Вынул из кармана часы, хитро усмехнулся: — За такий трофей не тильки до Шурдена, а и до самой Польши довезу.

— Вези проселочной! — решил раненый.

— Проселочной так проселочной. Я на все согласный.

— Вот такой разговор по мне,— ухмыльнулся незнакомец.

Загарий, кинув на фиру остатки сена, подошел к незнакомцу.

— Готово! — сообщил он весело и добавил услужливо: — Опирайся, добрый человек, на мене и залазь на возок.

Тот взглянул на воз:

— Ты что, старик, сдурел? Как я там усижу? Забыл, что с раненым едешь? Ну и жадный ты, как я посмотрю. Часы забрал да еще сено хочешь домой везти. А я что, кататься с тобой буду?

Лицо его вдруг стало жестким и злым. Тихо, но с угрозой процедил:

— А ну, скидай!

— Та я ж для вас...— забеспокоился старик.— Думал, до мене заглянемо, повечеряемо.

— Поехали быстрей,— резко сказал незнакомец.— Да в села не заезжай. Время дорого. А меня сверху побольше сеном прикрой, мерзну от потери крови...— И, поудобнее укладываясь на дне повозки, как бы между прочим буркнул: — А если кто ненароком остановит — про меня ни слова.

На землю быстро опускались густые сумерки. Кусты, лошадь, принимая причудливые, фантастические формы, исчезали во тьме. От реки потянуло свежей прохладой.

Иван прикрыл раненого, как тот сам пожелал, целой копной сена. Потом веревкой сено сверху пристегнул и крепко узел затянул.

— Так липше буде. Нихто не здогадаеться: сино везу, та и усе! — лукаво усмехнувшись, он причмокнул и дернул за вожжи. Лошадка тронула с места. Поехали.

На темном небосводе робко показались первые звезды.

Старик Загарий, изредка посматривая на звезды, незаметно свернул на восток и промолвил:

— Вот уже и дорогу короче нашел. Скоро и в Шурденах будемо...

И, пряча усмешку в усы, запел тоскливую гуцульскую песню.

Из-под сена послышался приглушенный голос:

— Ты чего похоронную затянул? И так тошно!

Настала тишина. Кажется, стало еще темнее.

«Нет, не мог я ошибиться»,— подумал старик, вглядываясь в ночь.

Лошадь уже не бежит. Изредка похрапывая, она медленно поднимается в гору. Незнакомец молчит.

«Уснул»,— решил старик и прислушался.

Тем временем дорога снова пошла под уклон. Колеса закрутились быстрее. Навстречу надвигалась черная громада. «Сторожинец!» — признал Иван.

В городе — ни одного огонька.

Старик легонько ударил кнутовищем лошаденку по крупу. Вскоре возок сворачивает к воротам двухэтажного кирпичного дома.

За воротами фира скрипнула и остановилась.

— Приехали! — подал голос Загарий.

К возу подошли два вооруженных пограничника. Передний посветил фонарем.

— Принимайте подарок, товарищи! — облегченно вздохнул крестьянин и почему-то провел рукавом по лицу, хотя оно вряд ли могло вспотеть в такую свежую, прохладную ночь.

Пограничники быстро обрезали веревку и свалили сено на землю.

Со дна повозки поднялся человек. Волосы всклокочены, на плечах сено. Оглянулся вокруг и все понял. Метнул на крестьянина злобный взгляд, свесил ноги с возка, развел руками и попробовал ухмыльнуться. Вдруг перевернулся через голову, одним махом соскочил с повозки и, охнув, кинулся в глубь двора.

— Стой! Руки вверх! — И короткая автоматная очередь расколола тишину.

— Не стреляй...— хриплым, слезливым голосом попросил беглец.

Деваться ему некуда.

Иван Загарий, показывая чекистам часы и рассказы-

вая о том, где и как он встретил лисового, возмущенно говорит: «Советская власть нам свободу и землю дала, а он мне, проклятый сукин сын, трофей сует! Думал за часы купить!»

— Молодец, товарищ, вы правильно поступили,— благодарит крестьянина заместитель начальника Черновицкого управления НКВД майор Алексей Иванович Меняшкин.

Обыскав задержанного, чекисты нашли у него только половину мужской расчески. На допросе он твердил лишь одно: «Красноармеец я! От своих отстал!» Он назвал номер воинской части и перечислил всех командиров, которые служили в ней. При проверке все совпало, и не было, казалось, никаких улик. Задержанный грозил, что пожалуется на чекистов, и, повысив голос, возмущенно кричал: «Безобразие! До чего дошли: своих хватают!» Но чекисты продолжали работу: майор Меняшкин послал на то место, где Иван Загарий обнаружил лисового, оперативную группу, которая должна была тщательно осмотреть все вокруг.

Результаты осмотра превзошли все ожидания: пограничная собака Буй отрыла под кустами завернутое в немецкое обмундирование удостоверение личности на имя Иосифа Кригера. С фотографии смотрело лицо задержанного в форме гауптштурмфюрера СД. Рядом лежали парабеллум, боевые патроны, микрофотоаппарат с непроявленной пленкой и две зашифрованные записки, спрятанные в гильзе. На кителе гауптштурмфюрера красовались два Железных креста.

— Однако ж важную привез нам птицу Иван Загарий! — восхищался Меняшкин.— Здорово перехитрил он прожженного фашистского разведчика, что тебе Иван Сусанин! Обязательно напишу рапорт, чтобы наградили его.

Когда найденные вещественные доказательства предъявили «красноармейцу», он тут же потерял всякое самообладание.

Стремясь «чистосердечностью» признаний вымолить себе жизнь, Кригер рассказал, что пробирался он на Шурден, чтобы попасть в лагерь банды Лугового. Перед ним стояла задача увеличить эту банду до полка и после этого ударить по коммуникациям наступавшей Советской Армии с тыла. Кроме того, он должен был с находящим-

ся там же инструктором диверсионной фашистской разведшколы «Меструпп-24», которого именовали «Мазепой»[1], формировать группы диверсантов и забрасывать их в восточные районы Украины.

На допросе Кригер никак не мог поверить тому, что доставлен он был в НКВД простым крестьянином.

— Я больше чем уверен,— исподлобья поглядывая на значок почетного чекиста, поблескивающий на груди майора, утверждал шпион,— что перехитрил меня не простой крестьянин, а ваш опытный чекист.

— Как плохо знаете вы советских людей, господин гауптштурмфюрер! — заметил Меняшкин.— Таких помощников у нас тысячи, сотни тысяч! В этом сила советской разведки!

Получив ценные сведения от Кригера, Меняшкин распорядился отправить шпиона вместе с вещественными доказательствами в управление государственной безопасности в Черновцы.

В разведку

Получив от Кригера устный и вещественный (половинку расчески) пароли для встречи с Мазепой, начальник Черновицкого управления государственной безопасности подполковник Николай Антонович Решетняк дал указание послать на связь с Мазепой нашего опытного разведчика.

Встреча с Мазепой так и не состоялась. Инструктор фашистской разведки, не дождавшись связного, бежал с отступавшей гитлеровской армией на запад. Разведчику все же удалось установить точную дислокацию банды Лугового.

В сентябре 1944 года банда Лугового была основательно потрепана чекистскими отрядами, но главарю банды удалось бежать в немецкий тыл.

Из показаний взятых в плен бандитов и захваченных документов выяснились подробности подрывной деятельности агента фашистской разведки Лугового.

В период оккупации гитлеровской армией западных

---

[1] «Мазепа» — кличка обер-лейтенанта немецко-фашистской разведки Видемана.

областей Украины Луговой вместе с руководителем фашистской разведывательно-диверсионной школы «Меструпп-24» Пулуем создали в Шепоте (в районе Шурдена) и в селе Плоском Путильского района школы по подготовке диверсантов-лазутчиков. Эти школы укомплектовывались уголовниками и бандеровцами из банды Лугового. Окончившие такие школы диверсанты засылались в тылы наступающей Советской Армии со шпионскими, диверсионными и террористическими целями. Все задания Луговой получал от гитлеровцев через инструктора-разведчика обер-лейтенанта Мазепу. Фашисты рассчитывали с помощью бандеровцев удержать этот важный горный участок фронта. За диверсии, террор и военную разведку в тылу Советской Армии Луговой получал от гитлеровцев деньги, оружие, боеприпасы, обмундирование и продукты питания.

Чекисты, зная, с кем имеют дело, стали готовиться к решающим схваткам с жестоким и коварным противником.

...В небольшом кабинете поздним осенним вечером собрались оперативные работники управления госбезопасности. Коренастый, с волевым открытым лицом и посеребренными висками начальник управления разъяснял своему заместителю Михаилу Сергеевичу Новожилову задачу предстоящей операции. Тут же рядом, щуря темно-синие, молодо поблескивающие глаза, стоял среднего роста тонколицый блондин — старший лейтенант Иннокентий Павлович Геркулесов. Чуть поодаль — на голову выше его — худощавый лейтенант Владимир Константинович Борисенко.

Прокладывая на карте красную линию от Черновиц — через села Лужаны, Зеленив, Вашковцы — к райцентру Вижницы и дальше, через горный перевал Немчич и села Усть-Путилу и Дихтинец, подполковник замкнул райцентр Путилу в кольцо.

— В этих, недавно освобожденных от фашистских захватчиков горных селах,— говорил он,— мы обязаны не только оказывать населению всемерную помощь в восстановлении Советской власти, но и решить другую неотложную задачу: организовать борьбу с оуновскими бандами, сформированными фашистской разведкой на Буковине.

Выяснено,— продолжал подполковник,— что два бан-

дитских вожака из лагеря Лугового Степан и Федор вместе с сотней Наливайко пошли в рейд на северо-восток,— подполковник провел на карте стрелку через Черный лес,— вот сюда, на Подолию. Группа бандитов, не приняв боя, бежала на юго-запад, где примкнула к другим бандам, о численности и местонахождении которых нам пока ничего не известно. Чтобы выяснить, где и какие сформированы банды, всем нашим оперативным работникам, хотя их пока что очень мало, нужно будет немедленно выехать в районы действия банд. Больше тянуть нельзя! А потому вы, Михаил Сергеевич, подберите людей и выезжайте в Путилу сегодня же!

Последние слова подполковника прозвучали как приказ.

— Скоро уже утро,— подумал вслух Николай Антонович, взглянув на часы, чиркнул спичкой и, глубоко затянувшись папиросным дымом, продолжал: — Нужно заехать в село Милиево к лейтенанту Калине и взять у него данные по Вижницкому району. В Путиле вас ожидает старший лейтенант Державин. Там же встретитесь с заместителем начальника облуправления НКВД майором Меняшкиным. Алексей Иванович Меняшкин — вдумчивый, талантливый чекист, до назначения на Буковину работал начальником одного из райотделов НКВД города Москвы. Кроме того, с Меняшкиным в Путилу прибыли еще несколько оперативных работников. В случае необходимости можно будет привлечь на помощь «ястребков»[1]. Таким образом, наберется человек тридцать. А это уже сила. В то же время не забывайте, товарищи, что на вашу оперативную группу возлагается не преследование, не разгром обнаруженных банд, а глубокая и тщательная разведка.

Подполковник еще раз подошел к карте:

— А в Кицмань, Вашковцы, Заставну и Сторожинец завтра же пошлем еще несколько оперативников. Только собрав подробные сведения, мы сможем развернуть массовые операции по разгрому банд. Думаю, каждый из вас понимает, что успешное выполнение сегодняшней задачи зависит не от количества участников, а от умения и находчивости наших разведчиков. Так что, Михаил

---

[1] *«Ястребки»* — добровольные вооруженные группы, формировавшиеся из местного населения для борьбы с вражескими лазутчиками.

Сергеевич, больше трех оперативных работников брать вам, пожалуй, не следует...

Майор Новожилов согласился с подполковником и тут же решил, что с ним поедут старший лейтенант Геркулесов, лейтенант Борисенко и старый друг капитан Большаков, который бывал в этих районах еще до войны.

Когда план действия был разработан, подполковник Решетняк утомленными от бессонницы глазами обвел всех присутствующих:

— Что ж, если задача ясна, действуйте!

Совещание закончилось. Подполковник, задерживая в своей широкой ладони руку Новожилова, предупредил:

— Будь осторожен, Михаил Сергеевич, если что — сразу давай знать.— И, распрощавшись, добавил: — Двадцать третьего жду!

Новожилов пришел домой, когда забрезжил рассвет. Наскоро поев, заглянул в детскую. Раскинув ручонки, спокойно спала златокудрая дочурка Анжелика. Осторожно подошел, поправил одеяло, склонился над спящей и чуть слышно прикоснулся губами к выпуклому лобику ребенка. Потом на цыпочках вышел и бесшумно прикрыл за собой дверь. В прихожей Новожилов накинул шинель, взял автомат и уже около дверей, целуя жену, ободряюще промолвил:

— Голову не вешай, Аделя, дней через пять вернусь!

Провожая взглядом бодро зашагавшего мужа, Аделина Антоновна с грустью подумала: «Вот и сегодня даже сапоги не снимал. И так всегда, только пять минут дома...» Закрыла дверь, вошла в комнату и прилегла на диван, но уснуть так и не смогла — сердце вдруг заныло в тревоге...

Майор Новожилов быстро пересек одну улицу, другую и вышел на Кобылянскую. Нигде — ни души. Город еще спал...

«Шакалы»

Ночная тьма уступала рассвету. Откуда-то потянуло плесенью и запахом прелого мха. Туман редел и, клочьями отрываясь от земли, тянулся вверх. Сквозь белесомутные ветви стали различаться призрачные тени огром-

ных деревьев, через минуту-другую выступили из хмари мокрые серые стволы громадных смерек[1] и берез.

На опушке из-под корневища вывороченной бурей березы показалась военная фуражка с тризубом[2], затем — узкоглазое, обросшее рыжей щетиной лицо. Наконец появились костлявые плечи, и на поверхность выполз худой, невзрачный человек. Отряхнулся и вдруг протяжно завыл шакалом. Постоял, прислушался... В ответ, как эхо, отозвался один, потом другой, третий «шакал»...

Со всех сторон с автоматами на шее, с гранатами у пояса на поляну выходили бандиты. В зеленом немецком френче с ремнями артиллерийского снаряжения, перекрещивающимися на груди, в такого же цвета брюках, заправленных в хромовые сапоги, к ним подошел узкоглазый. На шее у него висел немецкий автомат, в правой руке он держал кизиловый гуцульский топорик, в левой — библию. Это был главарь банды Старый.

Метнув из-под сдвинутых бровей недобрый, мутный взгляд, Старый прогнусавил:

— Слава героям!

— Героям слава! — вразнобой отозвались бандиты.

— К молитве приготовьсь!

Старый снял фуражку, и все обнажили головы, нестройно повторяя за главарем слова молитвы.

— Так помоги нам, боже, в борьбе с большевиками! Аминь! — уже дружней закончили бандеровцы.

— А теперь за работу,— распорядился Старый.— В колыбах[3] зиму не пересидите, надо поторапливаться бункера[4] строить.

Бандиты разобрали пилы, топоры, лопаты и разбрелись. На поляне начали рыть котлован. Рядом пилили деревья.

К Старому подошел здоровенный детина — брат четового[5] по кличке «Штудер» — и что-то тихо зашептал. Оба отошли к вывороченной березе.

---

[1] *Смерека* — разновидность ели, растущая только на Буковине (по виду напоминает сибирскую пихту).

[2] *Тризуб* — эмблема украинских буржуазных националистов.

[3] *Колыба* — шалаш.

[4] *Бункер* или *схрон* — тщательно замаскированное подземелье, в котором укрывались бандеровцы.

[5] *Четовой* — командир подразделения в бандеровском лагере.

— Друже, со стийки[1] пришел Мотыль,— докладывал Штудер,— говорит, на Путилу проехал «виллис» и в нем несколько энкеведистов.

— Хорошо, Штудер, покличь Мотыля, а сам бери со склада голубой чемодан, что передал Луговой от Мазепы. С ним немедля иди на скалу Острыва и подорви ее,— приказал Старый. Припав к фляге, он отпил три глотка и, злорадно усмехнувшись, прогнусавил: — Мы подготовим им встречу.

Штудер тихо свистнул. Из-за деревьев появился смуглый, длинношеий Мотыль.

Старый потянул тонкую проволочку, и под корневищем старой березы открылся лаз. Оба спустились вниз, и лаз захлопнулся.

В подземелье горела немецкая карбидная лампа. Посредине стоял дощатый, грубо сбитый стол, над которым, опустив голову, дремал лысый человек. Заметив Старого, человек неуверенно поднялся, приложил руку к непокрытой голове и простуженным голосом еле вымолвил:

— Ничего, друже, не домогае, мабуть, серйозна хвороба...

Старый покосился на больного, в глазах его появилась злость. Сорвал ее на Мотыле:

— Ну чего глаза таращишь, докладывай, що на стийке видел!

— Рапортую послушно, друже провидник! Вчера меня посылал Штудер в Дихтинец, чтобы на гору Буковинку вышли на стийку Микитчук Онуфрий и его брат Алексей. Оба они, сказавшись больными, идти отказались. Возвратившись, я доложил об этом Штудеру, и он послал на стийку меня. После обеда, около четырех, по дороге на Путилу проехал «виллис». Возле хутора Тарночки машина остановилась, из нее вышли четверо, но кто, я не рассмотрел — далеко очень! Вечером, когда меня сменили, я спустился в Липовцы и у Совы узнал, что ехали энкеведисты. Один из них, коренастый такой, майор, расспрашивал Сову про банды. Но тот отбрехался, сказав, что тут тихо и спокойно...

Когда связной выложил все, Старый блеснул налившимися кровью глазами и срывающимся голосом, как шакал, протявкал:

---

[1] *Стийка* — пост, дозор.

— Уже недолго осталось, скоро услышат про нас! — Скрипнул зубами и приказал Мотылю, ткнув пальцем в потолок: — Подожди там!

Когда лаз закрылся, Старый снова загундосил:

— Пиши, Лебедь, штафету! [1] — И стал диктовать: — «Крыге... Срочно! Нарушив телефонно-телеграфную связь, выходи к нам на подмогу...» — и, оглянувшись по сторонам, зашептал над самым ухом Лебедя.

Тот, кивнув в знак согласия, стал писать другую штафету.

— «Боярину... Прошу выйти к скале Острыва...»

Когда оба грипса [2] были готовы, Старый подписал их, а под своей подписью проставил еще условный знак, затем он скрутил бумажки в тонкие трубочки, перевязал ниткой, открыл лаз и позвал Мотыля.

Промелькнула коричневая тень и, почти не задевая ступенек, соскользнула в схрон. Связной вытянулся перед главарем, ожидая указаний.

Старый отдал Мотылю обе записки:

— Одну штафету немедля передай Сове, другую доставь в село Дихтинец и передай Шуру.— Затем, переглянувшись с Лебедем, добавил: — На обратном пути прихватишь у старика Жуцидло курочку. А ежели дед, как его сын, будет перечить, попытается мешать, вразуми его, скажи, что по нему тоже удавка плачет!

В подтверждение своей угрозы Старый вытянул из кармана тонкую намыленную веревку с железным кольцом, зловеще потряс ею в воздухе и расхохотался.

— Лети, Мотыль! Одна нога тут, другая — там! Да смотри, чтобы с толком!

Связной выскользнул на поверхность, и длинные его ноги в синих обмотках, замелькав между деревьями, быстро исчезли.

Пять километров под гору, от лесного массива Ракова до Дихтинца, известной только ему одному дорогой бандит одолел меньше чем за час. И вот штафеты вручены...

Осталось выполнить вторую часть задания — раздобыть курицу. Когда Мотыль появился на хуторе Тарноч-

---

[1] *Штафета* — записка, которая передается по эстафете связным.
[2] *Грипс* — коротко написанное письмо (штафета) на небольшом листе бумаги, свернутое в трубочку и нередко зашифрованное.

ке и потребовал у Рудольфа Жуцидло курицу, хозяин не выдержал и раскричался:

— Не виддам, и так лисовики уже всих курей пожерли!

Тогда Мотыль, помня распоряжение Старого, пригрозил крестьянину, но и это не подействовало.

— Не дам, душегубы!..— продолжал кричать дед и, задохнувшись от горя и бессильной ярости, вдруг горько заплакал...

На шум прибежала соседка Мария Михайлюк. Пожалела старика и принесла свою последнюю курицу.

— На, бери, тащи своим иродам! А старика не трожь, горе у него... Вчера ночью дружки твои на огороде сына его удавкой задушили...

Всхлипывая, женщина ушла в свою усадьбу.

Мотыль сунул курицу в торбу и побежал в горы. Не успел он войти в тень пушистой смереки, как сильный взрыв расколол воздух.

«Никак обвал?» — подумал бандеровец. Он подождал минуту-две и, воровато оглядываясь, выбрался из зарослей на знакомую тропу...

Только вперед!

У здания управления госбезопасности стоял стального цвета «оппель-капитан». В машине на заднем сиденье разместились Иннокентий Павлович Геркулесов, Владимир Константинович Борисенко и Петр Федорович Большаков.

Михаил Сергеевич Новожилов сел рядом с шофером — старшиной Марком Романюком, оглянулся на трио, сидящее сзади, пошутил:

— Вижу, войско наше в сборе! Тогда поехали!

Мотор фыркнул, и машина, качнувшись, покатилась по гладкой каменной мостовой, выехала на центральную улицу и помчалась вдоль трамвайной линии, к Пруту.

Выехали на левый берег. Туман рассеялся. Засияло солнце. И вокруг все ожило. Поля, сады и лес на склонах горы Цецино расцвели всеми цветами радуги.

Михаил Сергеевич не выдержал:

— Красота-то какая! Вы только взгляните!

А машина мчится и мчится.

По обе стороны дороги, купаясь в лучах солнца, спешат навстречу то желтые, то ярко-красные кусты и деревья. И тишина вокруг, только монотонно гудит мотор и под колесами шуршит галька...

В селе Зеленив остановились. Решили передохнуть. Машину поставили в тени старых грабов, а сами уселись неподалеку от кручи и невольно засмотрелись вниз.

Жадно вдыхая настоянный душистыми травами горный воздух, Михаил Сергеевич почувствовал себя настолько единым с этим прекрасным миром, что не удержался и вслух счастливо произнес:

— До чего ж хороша жизнь!

К офицерам не спеша подошел старый гуцул с торбой в руках. Снял с седой головы островерхую смушковую шапку, поклонился:

— День добрый, сынки!

Положил торбу перед офицерами:

— Прошу вас, угощайтесь грушками. Смачни грушки.

— Присаживайтесь, отец, расскажите, как живете,— пригласил Новожилов, поздоровавшись.

Но старик будто и не слыхал. По всему видно, с горькими думами пришел сюда. Оперся на длинный посох, спросил:

— А чи скоро, сынки, войне конец? Неужели лихоліттю не видно краю?

Вот, оказывается, что так тревожило старого крестьянина.

— Скоро, скоро, отец! — уверенно ответил майор.— Теперь уже недолго ждать.

— Дай боже, абы поскорее. Пора и в нашем селе порядок наводить.

— А что за беда у вас, отец?

— Та не дают житья эти песьи головы. Вроде и свои люди, а хуже фашистов лютують. Палять, смерть сеют...

Старик тяжело вздохнул, смахнул трясущейся рукой с морщинистого лица непрошеную слезу:

— У Остапа, сусида мого, хату спалили за те, що сын его в Червону Армию пишов... Та що там казати... Каждой ночи чекаешь: затарабанят в двери и удавку на шею накинуть...

— А что это за люди? Откуда они?

— Один — поп-расстрига, другой — конокрад на всю

округу, а то — сыны галицьких куркулив...— он показал узловатым пальцем на горы.— Да все они одинаки, одним миром мазаны. Не люди, а звери,— и старик безнадежно махнул рукой.

— Ничего, отец, и тут Советская власть наведет порядок! — положил руку на плечо крестьянина майор.

— Дай боже, бо нема життя... Чого ж вы грушок не берете? — вдруг спохватился старик.— Ижте, на здоровье, будьте ласкавы!

Высыпал груши на траву, попрощался и степенно, неторопливо пошел в село.

Через несколько минут машина помчалась дальше.

К вечеру чекисты приехали в небольшой городок Вижницы, куда только что из Милиева перебазировался районный отдел управления госбезопасности.

Дом, в котором разместился райотдел, стоял на центральной улице слева, при въезде в город. Не то что стекол в окнах, даже дверей тут не было! Вокруг многие здания были либо разрушены, либо сожжены. Прошло лишь несколько дней, как закончился тут бой. Фашисты, отступая за перевал Немчич, старались уничтожить все, что попадалось им на пути.

Новожилов решил провести совещание оперативной группы вместе с работниками райотдела. О положении в районе доложил лейтенант Андрей Калина.

...Лейтенант рассказывал не спеша:

— Одновременно с наступлением наших войск и с приближением линии фронта к Прикарпатью в Вижницком районе, как нам теперь стало известно, гитлеровская разведка усиленно готовила шпионов и диверсантов из бандеровцев. Их забрасывали в одиночку и группами в тылы Советской Армии. А когда фашистов отсюда выбили, в лесных массивах горных перевалов Шурдена и Немчича остались офицеры-разведчики для руководства диверсионной работой. После чекистско-войсковой операции на Шурдене и разгрома банды Лугового некоторым бандитам удалось бежать в леса, которые прилегают к Берегомету, и влиться в банду Крыги, которая совершает диверсии и терроризирует население в горных селах. Не проходит ночи без убийств, поджогов, грабежей, а в Вижнице банды безнаказанно разгуливают даже среди бела дня. Местный житель Степан Иванюк все рассказал мне про Крыгу. Он знает его очень хорошо

(его настоящая фамилия Додяк), так как они односельчане. Во время оккупации Додяк не раз приезжал в село в форме полицая. Выслуживаясь перед гитлеровцами, он насильно гнал молодежь в фашистское рабство. Степан согласен хоть сегодня вместе со своими односельчанами помочь нам поймать Крыгу-Додяка, чтобы отплатить бандиту за все злодеяния, совершенные в здешних селах.

Закурив, Калина продолжал:

— Два дня назад я послал в горные села для разведки старшего оперуполномоченного Столярчука и партизана-разведчика Михася. Будем надеяться, что возвратятся они с ценными сведениями. А пока что, пожалуй, все...— И с сожалением добавил: — Уж очень сутки коротки, товарищ майор. Обернуться не успеешь, и день прошел. Ночь, люди спят, а мы, не снимая гимнастерок и сапог, глядишь, и утро встречаем. Не заметишь, как неделя, за ней вторая пролетели... А сегодня уже 19 сентября...

Майор, слушая сообщение начальника райотдела, что-то записывал в своей книжке, а когда лейтенант закончил, спросил:

— А почему вы все-таки решили перебазировать райотдел из Милиева сюда, в Вижницу, где бандиты разгуливают среди бела дня?

— Потому и разгуливали они здесь, товарищ майор, что нас не было! А стоило в селе только двум нашим работникам появиться, и они уже это село стали стороной обходить. Правда, ночью наглеют, как шакалы...

В комнату вошла секретарь райотдела сержант Мария Заволодько и напомнила об ужине. Наскоро перекусили и продолжили разговор. Подробно обсудив план дальнейших действий, договорились ехать в Путилу рано утром всей оперативной группой.

Однако, когда стали собираться в дорогу, неожиданно все изменилось: на рассвете на взмыленных лошадях прискакали старший оперуполномоченный Столярчук и партизан Михась.

Младший лейтенант Столярчук доложил:

— Местные жители села Берегомет сообщили, что банда Крыги прошла через Шепот, Лопушну и Берегомет. На своем пути бандеровцы убивали советских активистов, спилили все телефонные столбы и нарушили

связь на протяжении более двадцати километров. Несколько часов мы шли за бандой по пятам. На подходе к перевалу Немчич бандеровцы взорвали мост через Виженку, а другой, деревянный, около Ключей, подожгли и после этого повернули в сторону Усть-Путилы. Мы сообщили обо всем командиру погранотдела капитану Лебедеву и поспешили сюда.

— Обстановка, товарищи, усложняется, надо спешить!

И майор Новожилов решил изменить первоначальный план.

— Разделим оперативную группу на две. Вы, товарищ старший лейтенант,— обратился он к Геркулесову,— вместе со Столярчуком и Михасем берите тачанку и отправляйтесь к пограничникам. Как только получите подмогу, добирайтесь до Шепота. Побывайте в горных селах, поговорите с местными жителями, а когда соберете необходимые данные, немедленно возвращайтесь в Вижницу. Я вернусь через три дня, и тогда доложите!

Майор Новожилов, лейтенант Борисенко и капитан Большаков сели в «оппель», и майор обратился к шоферу:

— Давай, старшина, выжимай из своей бандуры все резервы, сегодня надо быть в Путиле!

Романюк повел машину по наскоро сбитому мосту через Черемош на Куты и дальше, через Станиславскую (ныне Ивано-Франковскую) область, окружной дорогой, вверх по левому берегу Черемоша, а затем — Белого Черемоша.

По дороге к Путиле чекисты еще издали увидели дым... Подъехали ближе: горело в Усть-Путиле. Переправы не было: мост разрушен. Стали искать брод. Поднялись выше и около гати, где берег был отлогим, остановились. Офицеры оставили машину и пошли вброд. Старшина вел машину следом, но вода залила мотор, и он заглох. Пришлось вытаскивать «оппель» на руках.

— Раз-два, взяли! — командовал Михаил Сергеевич, и машину дружно выкатили на правый берег.

Промокшие, уставшие чекисты снова сели в машину. Теперь уже ехали вниз, правым берегом Белого Черемоша, напрямик к Усть-Путиле. Другой дороги не было. Как только миновали поворот, машину окутал дым. Показалась горящая скирда, за ней с треском горели стодо-

лы[1] и небольшие приземистые домики. Дорогу преградил огонь.

Что делать? Куда ехать? Может быть, лучше повернуть обратно?

— Чего задумался, старшина? Полный вперед!

Машина рванулась и помчалась вдоль безлюдной горящей улицы. Справа с треском обрушилась крыша, среди грязно-желтого дыма взметнулся столб искр. Слева ярким факелом вспыхнула стодола. Дальше, за поворотом, среди дымящихся пепелищ одиноко торчали печные трубы. Домов двадцать как не бывало. Показалась церковь. Здесь дома еще были целы. У одного из них стояли две крестьянки. С причитаниями и плачем женщины рассказали, что под утро на село напали бандиты, подожгли здание сельского Совета, убили сторожа, секретаря и скрылись.

...На дворе стало смеркаться. Надо было торопиться. Дорога шла по берегу Путилы. По обе стороны, одетые в густые леса, поднимались горы. Впереди виднелся горный хребет урочища Ракова. Машина ехала очень медленно, вся дорога была в выбоинах и завалах. Не доезжая до села Дихтинец, у скалы Острыва, уже в темноте обнаружили огромный завал. Дальше проезда не было.

— Разворачивай, старшина, и подгоняй машину вплотную к скале. Придется здесь переждать ночь! — приказал майор.

Деревья и горы в наступивших сумерках слились в одну темную массу. Приближалась ночь.

— Вы отдыхайте, а мы с Большаковым подежурим,— распорядился Новожилов.

Он застегнул на все пуговицы шинель, сел около машины на камень и положил на колени автомат. Прислушался... Где-то в горах протяжно завыл шакал. «Что это, в такую пору, ранней осенью и вдруг шакалы воют? — подумал майор.— Да вроде и шакалов-то тут нет!» И майор стал всматриваться в темноту. Однако вокруг темно — хоть глаз выколи! Над самой головой ухнул филин, и снова настала тишина, лишь рядом, под ногами, не умолкая, бурлила река...

«Целых пять лет на колесах»,— думал майор. Но он не жалел, что избрал такую жизнь. Вспомнил свой род-

[1] Навес для сельскохозяйственного инвентаря.

ной Лихославль, как работал помощником машиниста депо станции Калинин, как в свободное от дежурства время подолгу просиживал над учебниками — готовился в Ленинградский финансово-экономический институт. Потом, в 1939-м, его направили на работу в органы государственной безопасности. И вот уже почти шесть лет он чекист...

Так переждали ночь, пришло утро. Белесый туман тихо сползал с гор и тонул в бурлящей реке. Было сыро и холодно. Окончательно продрогшие чекисты стали искать брод, но берега были крутые, река бурная, и перебраться на «оппеле» на другой берег было невозможно. Новожилов направился в село Дихтинец и попросил крестьян расчистить завал. Собралось человек десять, начали сбрасывать в реку камни, пообещали: «Через пару дней будет готово». Однако Новожилова это явно не устраивало.

— Вы, Борисенко, возвращайтесь со старшиной в Вижницу,— приказал он.— А мы с Большаковым пойдем пешком до Путилы.

И двое в серых шинелях поднялись на обломки скалы, перебрались через завал и растаяли в седом тумане...

У чекистов есть лишь одна дорога — вперед!

Засада

Вот и Путильский райотдел государственной безопасности.

Новожилов широко распахнул дверь и увидел, как на них удивленно уставился начальник райотдела Державин.

— Не ждал? — невольно рассмеялся Новожилов.

— Откровенно признаться, даже не слыхал, как вы подъехали,— смущенно проговорил Державин и выглянул в окно.— А где же машина?

— Там...— махнул майор куда-то в сторону.— За Дихтинцем осталась... А сюда мы «одиннадцатым» доехали.

— Да-а,— только и произнес старший лейтенант и с нескрываемым восхищением посмотрел на нежданных гостей, которые в полном боевом снаряжении — в шине-

лях и голубых фуражках, с автоматами на груди — стояли перед ним.

Отвечая на крепкие рукопожатия, не вытерпел и упрекнул:

— Но разве можно так рисковать! На сей раз вам просто повезло. Дорогу, по которой вы только что прошли, я хорошо запомнил. Сам на этой дороге однажды на банду напоролся. Без руки остался бы, если бы не вы, Петр Федорович! — обратился он к Большакову.— Посмотрите, доктор, как будто все в порядке?..

Петр Федорович Большаков, закончив Донецкий медицинский институт, до призыва на службу в органы НКВД работал хирургом. Он подошел к Державину, быстро и ловко разбинтовал его руку, осмотрел сквозное пулевое ранение левой ладони и сказал:

— Мне тут нечего теперь делать — рука чистая.— И, забинтовывая ладонь, добавил: — А тогда, признаюсь, побаивался: рана была очень запущена и загрязнена.

За окном кто-то проскакал и, поравнявшись с воротами, ловко осадил коня и спрыгнул на землю.

— Алексей Иванович Меняшкин,— с уважением произнес Державин.— Тоже один по селам разъезжает, чувствует себя, как в Подмосковье. Сколько ему ни говори — только все посмеивается. Готов, как и вы, со всеми бандеровцами в одиночку сразиться!

В этот момент на пороге появился майор Меняшкин. Окинув взглядом собравшихся, воскликнул:

— Ого, в нашем полку прибыло!

Меняшкин поздоровался с Новожиловым и, крепко обнимая Большакова, весело произнес:

— Сам хирург тут! Теперь никакая пуля не страшна!

Затем, усевшись поудобнее на скрипнувший под ним стул, он вынул из планшета карту.

Стихийно возникло оперативное совещание. Меняшкин рассказал страшную историю:

— Вчера это произошло. Ранним утром вместе с Державиным были мы в селе Плоском. Еще издалека увидели, что на околице что-то горит. Заспешили. У объятой пламенем избы металась старуха. Ее лицо было страдальчески искажено, глаза дико блуждали, и она громко причитала: «Родненькие мои! Что же это такое?! Брат брата убивает!» Тут столб дыма и огня взметнулся к хмурому небу: рухнула крыша... Старуха с воплем: «Сын-

ку мий коханый» — упала как подкошенная, судорожно забилась, стала рвать на себе седые волосы... Помешалась...

Выяснилось, что ее младший сын добровольно вступил в «ястребки», а старший — Дмитрий — был в банде эсбистом[1]. Дмитрий с несколькими бандитами пришел поздней ночью в село. Ворвавшись в свою родную избу, он застрелил своего младшего брата, а его жену и пятилетнюю дочку бандиты связали веревкой, облили керосином и вместе с избой подожгли. На пожар сбежались крестьяне, но бандиты обстреляли их и скрылись в горах. Эти предатели,— говорил майор,— хотят запугать людей, всех, кто к Советской власти тянется. Вы же знаете бандеровский девиз: «Наша власть должна быть самой страшной». Их слова не расходятся с делом. Эти изверги в борьбе с нами готовы применять любые методы, лишь бы заслужить одобрение тех, кто стоит за их спиной. Наши задачи ясны: мы должны обеспечить спокойную жизнь и мирный труд честных людей Буковины. Сейчас важно в наикратчайший срок добыть сведения о бандах, чтобы затем дать им решительный бой и навсегда покончить с бандеровским террором!

По предложению Новожилова в тот же день все оперативные работники обоих райотделов НКВД и управления государственной безопасности разъехались по селам. Снова побывав в селах Сергии, Плоском, Селятине, в горных хуторах, Новожилов и Меняшкин еще раз уточнили и перепроверили ранее собранные сведения.

Как-то Меняшкин и Новожилов, попав к ночи в одно из горных сел, решили заночевать в школе. Поздней ночью в дверь осторожно постучали. Новожилов приоткрыл дверь и осветил фонариком высокого человека.

— Я учитель...— шепотом произнес поздний гость.— Дело до вас есть...

Уже приближался рассвет, а учитель еще продолжал свой рассказ:

— Хочу совесть свою очистить, искупить вину перед народом,— говорил он.— Я член организации украинских националистов. Когда на Буковину пришла Советская власть, убежал в Румынию. Возвратился в сорок третьем,

[1] *Эсбист* — от букв СБ (служба безопасности бандеровцев), в нее националисты набирали самых жестоких палачей.

но оккупанты украинскую школу закрыли, и я перебрался в Черновцы, в надежде найти работу там. Работы не нашел, но встретился с местным руководителем украинских националистов, и он направил меня в одну из банд Прикарпатья. С того времени и состою в банде Степана. В сентябре 1944 года, когда в этих горных районах началось наступление Советской Армии, банда осталась в лесах горного хребта Ракова, а главарем ее стал житель хутора Тарночки по кличке «Старый», он же — «Черемшина». Сам Степан вместе с другой бандой, возглавляемой Федором, и несколькими своими дружками подался в Подолию, а затем все они возвратились в горы. Изощряясь в зверствах и творя страшные злодеяния, бандиты не останавливаются ни перед чем во имя одной цели — помешать укреплению Советской власти на Буковине.

Разгром вашими отрядами банд Лугового, Искры, Наливайко и Черноты, которыми руководили немецкие разведчики — обер-лейтенант Мазепа и поручик Кармелюк, окончательно убедил меня, что затее нашей пришел конец. Поверьте, я глубоко разочаровался в этой борьбе и решил помогать вам.

От учителя чекисты узнали настоящие фамилии, адреса и места укрытия бандитов. Особое внимание учитель просил обратить на главарей Старого и Крыгу, руки которых были обагрены кровью многих невинных советских людей.

Чекисты поблагодарили учителя и высказали надежду, что встреча эта не последняя.

Однако учитель не торопился уходить. Переступив с ноги на ногу, он сообщил:

— Прежде чем прийти сюда, я обо всем еще и написал.— И учитель выложил на стол несколько исписанных страниц.— Не скрою, думал, арестуете,— смущенно добавил он.

— Повинную голову меч не сечет! — ответил на это Новожилов.

Когда учитель ушел, Новожилов передал его записи Меняшкину:

— Спрячь, Алексей Иванович, к себе в планшет.

Закурил. Пуская колечки дыма, добавил:

— Приход учителя — событие знаменательное. Теперь недалек тот день, когда и другие бандеровцы убедятся в безнадежности борьбы с Советской властью.

...Оперативное задание было выполнено. Обстановка в горных районах прояснилась. Времени оставалось в обрез. И надо было готовиться в нелегкий и опасный обратный путь.

Меняшкин приехал в Путилу на «виллисе». Возвращаться решили той же дорогой втроем.

— Проскочим! — уверенно заявил Меняшкин.— Да и полученные от учителя сведения нужно проверить как следует, а это можно узнать лишь на месте, в Тарночке, поэтому другого пути для нас все равно нет.

...23 сентября в одиннадцать часов утра из ворот отдела НКВД выехал «виллис». Около столовой машина остановилась: заведующая Путильским районным отделом здравоохранения Евдокия Степановна Лебедева попросила подвезти ее до Вижницы. Теперь в машине было пятеро: майоры Меняшкин и Новожилов, капитан Большаков, врач Лебедева и шофер Гусько. Вслед за машиной на двух подводах выехали участковый милиционер Георгий Саук и оперативный уполномоченный Путильского райотдела НКВД Федор Щетенко.

Около скалы Острыва завал не был разобран: в тот день, когда крестьяне вышли расчищать проезд, их разогнали вооруженные бандиты, пригрозив: «Если сунетесь сюда еще раз, на первой же смереке вздернем!»

Чекисты вышли из машины и решили перебраться через завал пешком.

Шофера Гусько послали искать брод.

— Ты с машиной переправляйся через реку и ниже хутора Тарночки жди нас,— наказал Меняшкин и передал планшет с документами.— Береги как зеницу ока!

Первым двинулся Новожилов, за ним — Большаков, Лебедева и замыкающим — Меняшкин. Едва успел Новожилов добраться до середины завала, как из лесу щелкнул выстрел. За ним другой... С горы Солодивки раздалась пулеметная очередь.

Неравный бой

— Ложись! — скомандовал Новожилов. И все прижались к камням.

Не успел Гусько вывести машину на левый берег, как из-за кустов орешника в смотровое стекло ударила пуля.

Шофер круто повернул вправо, и «виллис», запрыгав по камням, помчался вдоль речки. А пули свистели, рвали железо капота, впивались в скаты. Шофер, спасаясь от губительного огня, снова повернул к реке, но на дороге стояла повозка. Объезжая ее, машина наскочила на большой камень, и мотор заглох. Гусько схватил планшет, сунул его за пояс и бросился в расщелину...

Около скалы Острыва все звенело и гудело. Захлебываясь, с горы Солодивки без умолку строчили два пулемета. Им вторила частая дробь автоматов. Злобные пули заставляли чекистов плотнее прижиматься к холодным камням. Новожилов с Большаковым очутились по одну сторону завала, Меняшкин — по другую, а безоружная Лебедева — где-то посередине.

Минут через пятнадцать стрельба прекратилась. Новожилов и Большаков подползли ближе к скале.

Меняшкин, оставив в камнях шинель и фуражку, пополз по кювету вдоль дороги. Он решил любой ценой выбраться на скалу. Незаметно, по-пластунски приближался он к неглубокому овражку. Прополз метров сто, оглянулся: завал остался за выступом скалы. Услыхал цокот подков — кто-то едет по дороге,— приподнялся и, увидев на подводе Щетенко, окликнул его.

Федор Щетенко спрыгнул с повозки, побежал к майору, но в эту минуту снова ударил пулемет. Поднимая пыль, пули защелкали по камням. Скатившись в канаву, Щетенко подполз к Меняшкину.

— Разве вам никто не передал о нападении банды? — хрипло спросил майор. Мозг пронзила тревожная мысль: «Неужели Гусько погиб? А планшет?..» Перед глазами, как в калейдоскопе, проплыли лица банильского крестьянина, учителя, и вдруг снова в зареве пожара ясно встало искаженное страданием лицо плачущей старухи...— Немедленно разворачивайте лошадей! Поезжайте в Путилу за подмогой! Мы пока втроем продержимся! — приказал майор.

Новая пулеметная очередь прошила подводу. Одна из лошадей жалобно заржала и повалилась, ломая дышло. Георгий Саук кинулся выпрягать вторую лошадь, но и у той была перебита нога. Тогда, схватив с повозки винтовку, он стал ожесточенно стрелять по лесу, откуда только что бил пулемет. Расстреляв все патроны, зло выругался и бросился к селу, куда уже бежал Щетенко.

...Лес молчал. Меняшкин немного переждал, поднялся на локти, осмотрелся. Впереди было открытое место. А дальше, в двадцати шагах — спасительный рубеж. Снова прислушался: под скалой тишина. «Живы ли? — и, изловчившись, приготовился.— Сейчас, друзья, я вас сверху прикрою! Только бы добраться до вершины скалы!» Оперся на руки, пружинисто подскочил, бросился вперед. И когда цель была совсем рядом — еще два-три шага, воздух прорезала пулеметная очередь. Обожгло кисть правой руки, расщепило ложе автомата, а затем невыносимая боль пронзила спину... Меняшкин, орошая землю кровью, беспомощно сполз на дно высохшего ручья.

Под скалой на бандитские выстрелы тоже больше не отвечали.

Бандеровцы зашевелились.

— Полезай, Мотыль, на скалу, посмотри, что там,— приказал Штудер.

Связной возвратился. Доложил:

— Ничего, друже, со скалы не видно...

— Тогда на, бери! — И Штудер сунул в руки долговязому парню гранату.— Швырни ее под скалу! Если только они живы...

Мотыль снова перешел речку, пробрался лесом по склону горы и бросил гранату под скалу.

Эхо взрыва раскололо тишину... Бандиты один за другим выползли из лесу и полезли к завалу.

...Новожилов почувствовал, как на плечи ему что-то навалилось. Обернулся. Сердце сжалось от боли, когда увидел тяжело раненного Большакова. С силой прижал к себе окровавленную кудрявую голову капитана, тревожно прошептал:

— Петро, что с тобой? Слышишь, братишка, не умирай!.. Слышишь? На, возьми! — Поднял с земли автомат, взял руку друга, вложил в нее приклад.

Большаков раскрыл глаза, крепко стиснул обеими руками оружие и, превозмогая боль, прошептал:

— Нет, гады, так дешево жизнь я не отдам!

Привстал из-за камня и выстрелил в приближавшегося бандита. Но силы оставили его. Автомат выпал из рук...

Майор подхватил падающего друга, осторожно опустил на камни. Большаков был мертв. Новожилов схва-

тил автомат. Почувствовал тепло приклада, которого только что касались руки Петра, и автомат задрожал в цепких пальцах. Новожилов стрелял только по видимой цели: экономил патроны. Вскоре ему обожгло левое плечо, затем — голову. От нестерпимой боли слепли глаза, но он все еще продолжал стрелять по бандитам короткими очередями.

И вот наступил момент, когда был израсходован последний патрон. Оставалась одна лишь граната. Новожилов залег за камень.

Снова наступила тишина, тишина обманчивая, тревожная.

Старый, сжимая в руках удавку, давал последние указания:

— Не стрелять! Взять живьем! Я сам прикончу!

Серо-желтые глаза бандита загорелись мрачным огнем. Приказал выпить всем еще по чарке самогона — «для храбрости».

Тем временем Новожилов, истекая кровью, торопливо уничтожал записную книжку, рвал зубами на мелкие клочки секретные документы и, пережевывая их, сплевывал между камнями.

В руки бандитов не должна была попасть ни одна фамилия тех, кто помогал советским чекистам обезвреживать врага.

За камнем, на завале слышалось сопение. Ползут... Вот слева стукнул о камни приклад винтовки, справа что-то звякнуло. И снова — лишь сопение... Бандиты карабкались с трех сторон. В десяти шагах остановились, закричали:

— Сдавайтесь!

— Чекисты не сдаются!

Новожилов собрал остатки сил, поднялся во весь рост.

— Смерть вам, презренные шакалы! — крикнул он и, рванув кольцо гранаты, шагнул вперед.

Раздался взрыв. За ним — вопли и проклятия. На окровавленных камнях корчились в предсмертных судорогах несколько бандитов. Новожилов, смертельно раненный, упал навзничь.

Оставшиеся в живых бандеровцы, опомнившись, как черные вороны, налетели на бездыханное тело майора. Еще несколько раз выстрелили ему в затылок: они боя-

лись его даже мертвого! Затем торопливо стащили с него сапоги, брюки. Втащили тело на камни и начали издеваться над мертвым...

Сердце чекиста

Откуда-то снизу доносился звук бурлящего потока: близко река. Меняшкину мучительно хотелось пить. Хотя бы глоток! Его тянуло к воде, но тело не повиновалось. Жадно хватая воздух, он снова впал в забытье...

«Где я? — С трудом открывая глаза, силился разглядеть что-то большое и темное, закрывшее солнце.— Неужто человек?» Меняшкин порывисто вздохнул и чуть слышно произнес:

— П-и-ить!..

Человек не подал воды, ушел. Да и был ли это человек?..

Алексей Иванович сделал усилие и перевернулся на спину. В лицо ударил солнечный луч, перед глазами поплыли желто-багровые круги, к горлу подступила тошнота. Собравшись с силами, снова лег на живот и потерял сознание...

Через некоторое время снова застонал... Поднял отяжелевшую голову и увидел в колеблющемся мареве хату. Радостно подумал: «Рядом, только руку протяни, живут люди». Пополз, оставляя за собой кровавый след. Боли уже не чувствовал. Только казалось, несет на спине осколок скалы, который при каждом движении плотнее и плотнее прижимал его к земле. Внезапно Алексей Иванович почувствовал, как его тело, набравшее было силу от нагретой солнцем земли, как-то сразу обмякло, ослабло, замерло. А в шелесте листьев раскинувшегося над ним старого граба он явственно услыхал нежный шепот: «Сыночек родной, кормилец ты наш...» Натруженная шершавая рука матери опустилась на вихрастую мальчишечью голову... Затем перед глазами поплыла широкая пыльная дорога. Он, босоногий парнишка, припав к стриженой колючей гриве, скачет на буланом коне, гонит табун в ночное... И вот уже родное село Ермиши, что на Рязанщине, с лохматыми ветлами промелькнуло мимо и осталось где-то позади...

1918 год. Умер отец... Под соломенной крышей в вет-

хой, покосившейся хате их осталось пятеро — один другого меньше. Нужда, голод. Алексей в доме остался за старшего, пас скот у ермишинского кулака-мироеда...

В ту короткую минуту Алексей Иванович в мыслях даже дома побывал, с женой поговорил: «Ты, Шурочка, прости, если что...»,— и уже, как наяву, обвила его шею ручонками, прильнула к небритой щеке самая младшая сероглазая дочурка. И он потрескавшимися от жажды губами, на которых запеклась кровь, чуть слышно прошептал:

— Галчонок, кровинка моя...

Но почему так шумит в голове? О-о, да это же море! Он же матрос славного Балтийского флота. На голове бескозырка, ветер развевает ленты... Он на палубе боевого корабля... И вдруг высокая ярко-красная волна взметнулась, обожгла ноги, плеснула в лицо, чем-то липким залепила глаза. Попробовал смахнуть с лица эту липкую пену, но внезапно жгучая боль сковала простреленную руку и возвратила его к действительности. Меняшкин приоткрыл отяжелевшие веки: небо, как парус при штиле, низко опустилось, сморщилось, затем покраснело и вспыхнуло огнем... В груди разлился жар. И тут вдруг набежала другая волна, накрыла с головой, придавила к земле, огромная и черная, как сама могила, и — унесла его в забытье...

Очнулся Алексей Иванович от острой боли. Застонал. Прислушался... За срубом послышались голоса. Сиплый старческий голос проскрипел:

— Там, сыны, за нашею хатою, хтось давно стогне...

Меняшкин вспомнил: засада, перестрелка, бой... Куда-то долго-долго, целую вечность, полз... Хотел подняться, но в спину полоснула острая боль, дошла до самого сердца. Алексей Иванович упал лицом в траву, глотнул запах сырой земли, сжал в левой руке пистолет, приготовился...

Долго ждать не пришлось. Из-за угла вышли двое, один с топором, другой с автоматом. «Бандиты»,— мелькнула мысль. Нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало — патроны все...

Высоко в горах завыл «шакал»: сигнал тревоги! Бандиты кинулись через речку, в заросли...

Селом Дихтинец на подводах и верхом мчались десятка три вооруженных людей. Один за другим соскочили

на землю и побежали к скале. Но живых бандитов и след простыл. Подступы же к скале были усеяны трупами бандеровцев.

Чекисты поспешили на вершину завала и в ужасе остановились: перед ними на громадном камне лежал изрубленный человек. В нем с трудом опознали Новожилова. Лицо майора с пустыми глазницами было истыкано ножами, в груди торчал оставленный убийцей топор. А рядом, на забрызганном кровью обломке скалы, горело в багряных лучах заходящего солнца вырванное из груди сердце мужественного чекиста. Казалось, оно еще билось, звало к отмщению! Несколько человек бережно подняли останки майора, отнесли на подводу.

Державин разделил людей на группы и послал на поиски остальных товарищей. Осмотрели камни, заросли, спустились к берегу реки. В расщелине скалистого берега Путилы нашли тело капитана Большакова с выколотыми глазами, с размозженным черепом и вырезанной на груди пятиконечной звездой, но Меняшкина, Гусько и Лебедеву найти не могли. Напротив хутора Тарночки, по ту сторону реки увидели остов сожженной автомашины, но ни мертвого, ни раненого шофера не было. Другая поисковая группа поднялась над Тарночкой в лес, встретила там девочку, которая пасла коз. Она рассказала, что в сторону горы Буковинки полчаса тому назад какие-то вооруженные люди провели женщину со связанными руками. Стало ясно: врача Лебедеву забрали бандеровцы... На околице Дихтинца, возле прилепившейся на склоне горы небольшой хаты деда Темного (слепого), обнаружили тело майора Меняшкина. Бандиты успели надругаться и над ним: ноги майора были перебиты, отрубленная левая рука с судорожно сжатым в ней пистолетом лежала поодаль в еще не застывшей крови...

Охваченные скорбью и гневом, стояли чекисты у повозок, на которых лежали истерзанные тела товарищей...

— Отомстим за злодейское убийство наших товарищей! — поклялись они.

Тишину опустившихся на землю сумерек расколол залп, застонали горы...

Так пали в неравном бою три отважных чекиста — коммунисты Михаил Сергеевич Новожилов, Алексей Иванович Меняшкин и Петр Федорович Большаков.

После скорбного сентябрьского дня недолго сеяли бандиты смерть на нашей земле. Им не удалось уйти от расплаты. Через двое суток шофер Гусько принес в Черновицкое управление государственной безопасности планшет майора Меняшкина. На основании документов, которые были спасены шофером, чекистам удалось установить настоящие имена и местонахождение многих бандеровцев. Логово бандитов, их явки, их стоянки были разгромлены, и на Буковину пришла пора, когда люди перестали бояться стука в дверь.

Три отважных героя-чекиста и врач Е. С. Лебедева, изуродованное тело которой было найдено на одной из бандитских стоянок, похоронены на кладбище в городе Черновцы. У надгробной плиты героев среди множества цветов под лучами весеннего солнца особенно ярко пылают распустившиеся пышные цветы беркулеса [1], привезенные с той самой скалы, где в неравном бою за Родину пали советские патриоты. В память о них 28 июля 1965 года, в день славного 25-летия воссоединения Северной Буковины с Советской Украиной, скала Острыва была названа скалой Трех Чекистов. 20 декабря 1968 года у скалы Трех Чекистов в торжественной обстановке был открыт памятник погибшим чекистам — девятиметровая мужественная фигура человека с обнаженным мечом. Памятник был сооружен на средства, собранные местным населением.

Сегодня их именами называют улицы городов, пионерские отряды и дружины. У скалы Трех Чекистов школьники проводят торжественные сборы, здесь повязывают алые галстуки юным ленинцам, вручают комсомольские билеты, а юноши, уходящие на службу в Советскую Армию, дают у скалы клятву верности отчизне.

Их подвиг увековечен в памяти народной!

★

---

[1] *Беркулес* — дикие горные примулы.

ЧЕРНЫЕ РЮКЗАКИ

П. ЛАСТОЧКИН

Очередное задание

В начале зимы сорок четвертого года война привела нас в Венгрию. Мы знали многое об этой стране благодаря ее великому поэту-патриоту Шандору Петефи. Мы восторгались ее героическим рабочим классом, добившимся большой победы в 1919 году. Вместе с тем нам было известно, что глава государства Хорти служил верой и правдой Гитлеру, а затем его сменил главарь нилашистов — Салаши, еще более верный пес фашистской Германии. Располагали мы и данными чисто профессионального характера: о разведывательных и контрразведывательных органах, о некоторых разведывательных и диверсионных школах, о деятельности гитлеровского обер-бандита, руководителя отдела диверсий германской разведки Отто Скорцени.

Мы — военные чекисты — основательно готовились, чтобы, вступив в эту страну, с честью выполнить любое задание нашей партии, Советского правительства и военного командования. Настроение у всех было отличное, боевое: героическая Советская Армия все дальше и дальше гнала врага, несмотря на его отчаянное сопротивление.

— Товарищ майор, вы следите за тем, когда будет освобождено село Янша? — спросил меня полковник Королев.— Учтите, дело там, кажется, серьезное, и оно поручено вам.

— Только что интересовался в штабе армии, товарищ полковник. Ответили, что примерно через неделю.

— Надо войти в это село вместе с передовыми ча-

стями. Возьмете с собой капитана Набатова, переводчика Оленина и шофера Клепикова. Не мало? Как думаете?

— Удастся напасть на след — попрошу подкрепление.

— И псарню с собой возьмете? — улыбнулся полковник.

— Обязательно.

— Парнас и Богема... Выдумал же им клички Оленин!

Мы уважали своего начальника. Человек он был смелый и решительный, что не раз доказывал в сложных боевых условиях. Сегодня полковник был в отличном расположении духа.

Наступала последняя фронтовая зима. Дел у нас было по горло. У нас имелись сведения, что в селе Янша размещена немецкая разведывательно-диверсионная школа. Начальник ее — махровый фашистский разведчик Краммер, о деятельности которого мы знали многое.

— Вам достанется с этой школой,— будто угадав мои мысли, сказал полковник Королев, и выражение его лица снова стало серьезным и сосредоточенным.— Крепкий орешек этот Краммер. Да ничего, мы ведь его уже бивали. А пока заканчивайте побыстрее дело с этим парашютистом. Он важен и для нас и для венгров.

На след парашютиста мои товарищи уже напали. Были установлены некоторые его связи, стало известно его задание: он должен был выкрасть техническую документацию одного важного изобретения. Пожарники иногда удивляются, что из объятого пламенем дома люди часто спешат вынести всякую рухлядь, а ценные вещи забывают. Гитлеровцы, в панике удирая из города, забрали всех лошадей, фаэтоны, телеги, даже сбрую, но забыли документы. Спохватившись, они решили заполучить их и с этой целью сбросили парашютиста, хорошо знавшего завод и людей, у которых находилась вся документация.

Наша гостья Каролина

Лейтенант Аркадий Оленин, парень молодой и веселый, утром восторженно крикнул:

— Смотрите, снег!

Мы вышли на крыльцо. Двор, деревья, крыши — все было покрыто чистым, свежим снегом.

— Здо́рово, товарищ майор, а? Не хуже, чем у нас в Москве.

— Что же, умоемся снежком, как, бывало, в России,— сказал я.

В соседнем дворе хлопнула калитка. За невысокой оградой показалась молодая черноволосая девушка в красной спортивной шапочке — наша соседка. Мы и раньше видели ее. Хозяйка, у которой мы остановились, говорила, что девушка живет одна и часто не бывает дома.

— Девушка, защищайтесь! — крикнул Аркадий и запустил в нее комком снега. Она рассмеялась, сказала что-то по-венгерски и тоже бросила снежком. Сначала как бы нерешительно, а потом все с большим азартом она включилась в игру. При этом Аркадий обменивался с ней короткими репликами.

— Хороша девушка! — сказал я, когда мы, возбужденные и бодрые, вошли в дом.

— Девушка как девушка.— Аркадий ответил нехотя, потом вдруг нахмурился и замолчал. Может, он вспомнил в эту минуту о другой девушке, которую отняла у него война? Ее звали Олей. Она была его однокурсницей в институте, добровольцем пошла на фронт и погибла в бою, когда наша часть прорывалась из окружения. С тех пор Аркадий долгое время был неразговорчивым, хмурым. А вообще нрава он был веселого, понимал и ценил шутку, отлично играл на аккордеоне и знал наизусть уйму разных стихов. С людьми он знакомился быстро и легко, наверное, потому, что вообще с первых же слов вызывал в них симпатию. Но все-таки я удивился, когда в тот же день вечером к нам робко постучалась и вошла девушка, наша соседка.

— Я Каролина. А где ваш молодой товарищ? — спросила она по-русски.

Она была в той же красной спортивной шапочке, в синей куртке с капюшоном. Немного вздернутый нос, серые глаза. Симпатичное и очень приятное лицо.

— Подождите немного, сейчас придет.

Через несколько минут пришли Набатов и Оленин.

— О, у нас гостья,— весело сказал Аркадий,— ну давайте чай пить.

Но девушка отрицательно покачала головой и сказала ему по-венгерски:

— У меня к вам серьезный разговор.

— Что-нибудь случилось?

— Да...

И Каролина горячо и сбивчиво стала рассказывать. Раньше они жили вдвоем с отцом, она училась в гимназии. Потом отец — он был врач — стал помогать партизанам и ушел в горы. Там, в одной из стычек с карателями, он был убит, девушка сначала жила одна, а перед нашим приходом стала жить у дяди Ласло, двоюродного брата ее матери. Хотела тоже уйти в горы, но это было нелегко... И вот в последнее время она стала замечать что-то неладное. К дяде приходят какие-то люди, приходят ночью, тайком. Однажды она видела, как он прятал оружие в своем саду. А недавно к нему снова приходил какой-то человек, и они говорили с дядей долго и громко. Самого незнакомца она не видела, но слышала его голос, басистый и грубый. Тот угрожал дяде. Речь шла о каком-то парашютисте. Дядя отказывался, говорил, что это рискованно, что у него совсем другая задача и он вовсе не намерен раньше времени рисковать своей шкурой. Но наконец дядя согласился. Дело, о котором они говорили, назначено в ночь на 7 ноября. Сегодня 6-е, значит, оно совершится этой ночью.

Лейтенант Оленин вопросительно посмотрел на меня.

— Продолжайте,— сказал я Каролине.

— Утром, когда я вошла в комнату дяди, чтобы прибрать ее, я обнаружила большой беспорядок: пустые бутылки на столе, полная пепельница окурков. А на стуле лежал черный рюкзак, в котором было что-то тяжелое. Я хотела убрать его, но дядя торопливо сказал: «Я сам»,— и вынес его из комнаты.

— Как фамилия вашего дяди?

— Корда.

Набатов многозначительно посмотрел на меня. Сегодня, докладывая мне о связях парашютистов, он говорил о некоем Ласло Корде, которого фашисты оставили в городе с заданием. И вообще, почти все, что рассказала девушка, нам было известно. Парашютиста, которому так и не удалось выполнить своей задачи, и его проводника сегодня ночью решено было задержать. Но о ночном пришельце мы слышали впервые.

— Вы говорите, что они разговаривали громко? Значит, дядя вам доверяет?

— Он не обращает на меня внимания. К тому же считает, что я многим ему обязана. Ведь если бы не он, то я как дочь партизана была бы арестована.

— Не упоминались ли в их разговоре какие-нибудь имена?

— Кажется, нет. Впрочем...— девушка помедлила.— Имена они не называли, но незнакомец смеялся над каким-то толстяком, от которого убежала с немецким офицером молодая жена. Он говорил, что этот толстяк — просто клад.

— Что вы еще слышали?

— Я все рассказала.

— А этот ночной гость не собирался прийти к дяде еще?

— Нет. Он сказал, что уезжает той же ночью.

— Почему вы не пришли к нам раньше?

— Я не решалась.

— Боялась нас? — с улыбкой спросил Аркадий.

Каролина совсем смутилась и ответила, что здесь всех пугали приходом русских и хоть она, конечно, не верила пропаганде и отец говорил совсем другое, но все-таки...

А сегодня она решилась. Хотела сказать днем, но нас не было дома.

— Вот что, Каролина,— сказал я,— вы сделали хорошо, что пришли...

Девушка посмотрела на нас и кивнула головой.

Ласло Корда знает не все

Поздно вечером того же дня был задержан сначала парашютист, а затем и Ласло Корда.

На допросе парашютист сначала пытался все отрицать: он просто шел ночью по улице, и вдруг его задержали. А то, что у него при обыске нашли пистолет, это к делу не относится: сейчас война, и оружие у него осталось с того времени, как он сбежал из венгерской армии,

убедившись в бесполезности сопротивления. И вообще, он честный мадьяр, ненавидит фашистов, а в этом городе живет временно, ожидая, когда русские освободят его родной Будапешт.

Это был человек высокого роста, с крупными чертами лица, на вид — лет тридцати.

Заметив, что мы недоверчиво улыбаемся, он замолчал и сразу стушевался.

Я приказал ввести Ласло Корду.

Этот был полной противоположностью своему сообщнику: среднего роста, брюнет, лет сорока пяти, с маленьким вздернутым носом на круглом румяном лице. Он тоже начал притворяться, что ничего не понимает, но вскоре увидел, что это бесполезно.

Парашютист рассказал, что он служил в войсках Хорти, был на фронте, а когда начальство узнало, что он уроженец этих мест, его научили прыгать с парашютом и выбросили в тыл. Ему поручили выкрасть документы на одном из заводов, но это оказалось очень трудным делом.

Хотя местные органы народной власти еще только формировались, повсюду уже был организован строгий контроль. Венгерские рабочие — настоящие хозяева страны — брались за дело серьезно и решительно.

Помочь парашютисту должны были Ласло Корда и еще один человек, вахтер заводоуправления. Этот человек тоже был нам известен.

Но кто же тот ночной гость, о котором нам рассказывала девушка? Ни парашютист, ни вахтер ничего о нем не знали. Оба утверждали, что они были простыми исполнителями, а их непосредственным руководителем был Ласло Корда.

Дядя Каролины признался: да, действительно, ответственность за успех операции возложена на него. Сначала, оставаясь в городе, он имел задание как следует обосноваться здесь, вести жизнь обыкновенного обывателя, наблюдать и мало-помалу привлекать к работе известных ему людей. Но вдруг явился один человек, который передал ему другое распоряжение и втянул его в эту дурацкую историю с парашютистом. Ласло Корда оказался человеком трезвым. Он отлично понимал, что игра проиграна, и теперь рассказывал все. Рассказывал неторопливо, деловым тоном.

Человек, приходивший к нему ночью? Настоящей фамилии его Корда не знает, знает только кличку — «Матиас». Так он сам назвал себя. Это мужчина лет пятидесяти, черноволосый, начинающий седеть, выше среднего роста, без полноты. Раньше Ласло Корда никогда с этим господином дела не имел, но, по-видимому, тот большой специалист и одно время был даже преподавателем разведывательно-диверсионной школы.

— Он сам говорил об этом?

— Упоминал в разговоре.

— Что передал вам этот человек?

— Он принес мне в рюкзаке портативную рацию и оружие. На случай, если сегодня ночью все кончится благополучно.

— Тогда?

— Тогда я должен был выполнять прежнее задание.

— Что вы знаете об одном вашем агенте, от которого убежала жена?

Ласло Корду не удивил этот вопрос. Он, видимо, решил, что мы знаем куда больше, чем он сам, и не пытался ничего скрывать. Но об этом человеке он ничего не знает. Правда, Матиас упоминал о каком-то толстяке, но он много выпил и под конец просто болтал. Что же касается его, Ласло Корды, то он готов рассказать все, но он не бог и знает далеко не все...

— Темпераментный гражданин,— сказал Набатов, когда задержанного увели.— Жаль, что он не бог...

Брусника

В штабе армии нам сообщили, что наступление начнется завтра. Перед нашим отъездом на передовую нас вызвал полковник Королев.

— Итак, в Яншу! — Он еще раз уточнил задание, посоветовал быть осторожными, внимательными.— Не исключено, что обнаружится связь между недавними событиями в этом городе и шпионской школой в Янше.

— Кстати,— спросил он,— как живет сейчас племянница этого Корды?

Как раз об этом я и хотел ему доложить. Дело в том, что Каролина вновь пришла к нам и попросилась на работу. Сказала, что умеет стирать, готовить обед и

вообще готова помогать во всем. Было видно, что наш отказ очень бы ее огорчил.

— Чем она объясняет свое желание работать у нас? — спросил полковник.

— Гитлеровцы убили ее отца,— сказал я.— К тому же они отняли у нее брата.

— А этот дядя?

— Он был ей чужим человеком. Жила у него на правах служанки.

— Значит, решили взять?

— Да. Будет у нас второй переводчицей. Правда, русский язык она стала учить совсем недавно.

— Ну что ж, хорошо,— сказал полковник.— Пока берите ее с собой.

...Дорога до Янши была не очень длинной, но времени на нее ушло порядочно. К вечеру прибыли в небольшой шахтерский поселок. Наш шофер Борис Клепиков остановил машину.

— Бабушка, где тут можно переночевать? — спросил Аркадий у проходившей мимо старушки. Она немного подумала и живо ответила:

— Можно и у нас. Вот в том доме, видите?

Дом оказался довольно просторным, а жили в нем всего двое — наша гостеприимная старушка и ее муж-бородач.

— Матерь божья,— удивлялась старушка, знакомясь с моими товарищами.— Ну и врали же нам! Говорили, что русские с рогами. А они вон какие — все молодец к молодцу, высокие да красивые.

— Ладно тебе, старая,— сказал хозяин дома.— Собирай-ка лучше на стол. Наслушалась всякой чепухи.

Старики оказались разговорчивыми. Мы узнали, как бесчинствовали здесь враги, как тяжело было в горах партизанам, сколько с приходом гитлеровцев появилось их приспешников. Но шахтеры не уронили своей рабочей чести: всегда помогали партизанам чем могли. Бок о бок с мадьярскими товарищами здесь сражались и русские.

Судя по тому, как нас угощали, мы были желанными гостями. Мне и капитану Набатову особенно понравился десерт — подсахаренная брусника. Аркадий тоже похвалил:

— Вкусная штука.

— Небось никогда не пробовал? — спросил Набатов.

— Не приходилось.

— А ведь у нас тоже в каждой деревне, когда наступает пора, женщины ходят за этой ягодой с ведрами и запасают на зиму.

Хозяйка была довольна, что угодила гостям.

— У нас, конечно, не как в ресторане,— сказал старый шахтер,— но добрым гостям всегда рады.

— Закрыт ресторан-то со вчерашнего дня,—сообщила старушка.— Сказывали, хозяин его убежал, осталась одна прислуга.

— Что он, русских испугался? — улыбаясь, спросил Оленин.—Так мы не кусаемся.

— Вряд ли убежал,— сказал старик.— Не такой он, этот Габор Кичи, чтобы свое хозяйство бросить. А вот жена его, красавица, уже не вернется. Уехала с каким-то немецким офицером.

— Совсем один остался наш Кичи,— вздохнула старуха.— Сын у него есть от первой жены, а где — никто не знает. Шалопай такой, что не дай бог!

— А как этот господин относится к немцам? — спросил я.

— До того, пока жена не сбежала, он с ними хороший был, а теперь ругает их последними словами. Злющий стал.

...На следующий день добрались до Янши. По дороге шли наши войска, сплошной колонной двигались танки, автомашины, повозки. Навстречу группами шли люди — это были те, кого угоняли фашисты. Шагали усталые, голодные, но радостные — они возвращаются домой.

У стен старого монастыря

Село Янша оказалось довольно большим. Расположено оно было в широкой долине, изрезанной полями и виноградниками; немного в стороне от него, на взгорье,— высокие каменные стены монастыря. Но где располагалась разведывательно-диверсионная школа, когда и куда она передислоцировалась?

Стоим на пепелище. Единственная немецкая часть размещалась в этом селе в одном из монастырских зданий, за высокой стеной. Покидая село, фашисты взорвали здание.

Возвращаясь из монастыря, встречаем прохожего.

— Вы житель этого села? — обращается к нему Аркадий.

— Можно сказать, да,— отвечает он.

— Почему «можно сказать»?

— Видите ли, я долго отсутствовал и приехал недавно.

Аркадий вежливо извинился, что помешал ему продолжать путь, но тот сказал, что время у него есть. Просто он идет от нечего делать в монастырь сыграть с одним монахом в шахматы и заодно выпить.

Это был уже пожилой человек, высокий, с поседевшими висками и густыми черными бровями. Большие мешки под глазами и покрасневший нос говорили о том, что этот человек не прочь выпить в любое время. Зовут его Ференц Бароши.

Служил в венгерской армии, был на фронте, на Дону. Отступив с гитлеровцами до Венгрии (о, гитлеровцы всегда ставили венгров под первый удар), бросил оружие и пришел домой.

— Рядовым воевали?

— Сначала рядовым, а потом командовал взводом... Солдат распустил на все четыре стороны,— улыбнулся он.— А вас, извините, тоже монастырь притягивает?

— А что, многих притягивает?

— Многих! — засмеялся случайный собеседник.— Не только страждущих и жаждущих. Летом сюда наезжают всякие дельцы.

С того места, где мы стояли, монастырь казался огромнейшим сооружением, а сельские дома — лачугами. Он подавлял их своей величиной.

— Красив пейзаж! — басил Бароши.

Он оказался словоохотливым. Стал рассказывать анекдоты из жизни монахов. Делал он это своеобразно: сначала до слез смеялся сам и только после этого начинал говорить.

Мы пропускали мимо ушей россказни Бароши, думая о своем деле.

Не очень прилежный ученик

Каролина поселилась в соседнем доме, где жила вдова с дочерью.

В тот же вечер Аркадий навестил Каролину. Там его встретили приветливо. Дочь хозяйки, черноволосая толстушка, оказалась ровесницей Каролины, и девушки быстро подружились.

— Знакомьтесь,— с улыбкой сказала Каролина.— Это Эдит. Предупреждаю: у нее есть жених. У них уже была назначена свадьба, но пока отложена. Учтите, очень ревнивый жених!

— Если не секрет, почему же не состоялась свадьба?

— Его взяли на службу немцы.

— Тогда боюсь, что его придется долго ждать,— засмеялся Аркадий,— его могут угнать очень далеко.

— Нет, его никуда не угоняли. Семерша совсем освободили,— сказала Эдит и тут же лукаво спросила Каролину: — А где вы познакомились?

— Они подвезли меня на машине, когда я шла сюда,— не моргнув глазом, ответила Каролина.

— А за это она обещала научить меня вашим народным песням,— добавил Аркадий, кивнув на стоящий у окна аккордеон.

Скоро выяснилось, что Аркадий ученик способный. Он быстро схватывал мелодию и, отлично зная венгерский, запоминал слова. Девушки пели, польщенные, что их песни так нравятся этому симпатичному русскому офицеру. Время шло незаметно. Аркадий играл мелодии Кальмана. Потом заговорили о литературе, о поэзии.

Проснувшись, плачет дитя больное.
Над люлькой мать
Запела песню — и смолк младенец,
И спит опять.
    Проснется ль с плачем —
    В душе кручина,
    Дитя невзгод,—
    Я запеваю за песней песню —
    Авось заснет!

— Чьи это стихи? — лукаво спросил Аркадий.

Девушки смутились.

— Это Шандор Петефи.

— Вы специально их заучили, чтобы поразить нас? — весело отпарировала Каролина.— Но вот придет Семерш, жених Эдит, и мы посмотрим, как вы знаете венгерскую литературу. Он учитель, и мы попросим устроить вам экзамен, согласны?

— Ну, вряд ли я его выдержу,— засмеялся Аркадий.— А когда он придет?

— С минуты на минуту,— ответила Эдит.

Действительно, скоро раздался стук в дверь. Вошел жених. Это был интеллигентного вида молодой человек, голубоглазый, с густой русой шевелюрой.

— Семерш, учитель географии,— представился он.

Пожимая ему руку, Аркадий обратил внимание, какая у него узкая и бледная ладонь. Движения Семерша были мягкими, неторопливыми.

Завязался общий разговор. Молодой человек охотно рассказывал Аркадию о здешнем крае, о том, как красиво здесь весной, когда цветут сады, сколько тут чудесных живописных мест.

— И как испоганили их фашисты,— грустно добавил он.

— У них здесь стояла воинская часть? — спросил Аркадий.

— Здесь была разведывательно-диверсионная школа,— ответил Семерш.

— Диверсионная? Это страшно, черт возьми,— произнес Аркадий, глядя на девушек.— И вы работали в этой школе по своей специальности?

— Я там учился...

На следующий день рано утром Семерш пришел к нам. Вел он себя свободно, с достоинством.

— Вы учились в разведывательно-диверсионной школе, находившейся в селе Янша? — спросил я.

— Иген[1],— ответил Семерш по-венгерски.

— Расскажите об этом подробнее.

Полгода назад, летом, в село приехал хортистский

[1] Да.

генерал. Разговор был неофициальным, они гуляли на берегу речки, гость расспрашивал учителя о здешних местах, восхищался их красотой. Потом заговорил о войне, о приближении русских.

«В открытом бою мы уже проиграли,— сказал генерал.— Но мы должны выиграть другими средствами».

И генерал рассказал, что для обучения приемам тайной войны — шпионской и диверсионной деятельности — у гитлеровцев существуют специальные школы.

«В одну из них мы рекомендовали вас, учитель Миклош Семерш»,— в упор посмотрев на молодого человека, сказал генерал.

— И вы не отказались? — спросил я Семерша.

— Это было бы вызовом,— ответил он.

В школу, когда она уже перебралась в Яншу, приехал Отто Скорцени, руководитель отдела диверсий,— здоровенный детина, похожий на бандита, с глубокими шрамами на грубом красном лице.

Он выступил перед слушателями. Чем дальше зайдут русские, тем вернее будет их гибель, говорил он. Новое немецкое оружие, тайные силы и особенно диверсанты сделают свое дело, и ни один русский не вернется на свою землю.

Скорцени с восторгом говорил о работе диверсантов.

«Парни! — кричал он, и его лицо еще больше наливалось кровью.— У вас будут бесшумные пистолеты, сильнодействующие яды, взрывчатые вещества, средства тайнописи. Вы будете перевоплощаться, как артисты, сегодня выдавая себя за старика, завтра за монаха, послезавтра за военного. Вы будете совершать подвиги. У вас будет все: деньги, вино, женщины».

Это звучало убедительно. Ему аплодировали.

На первых же занятиях их обучали, как применять синильную кислоту и другие мгновенные яды, подрывать важные объекты, как пользоваться портативной рацией и различными видами оружия, как устроить виселицу.

«Нет, это не мое амплуа»,— стал думать Семерш. Поделиться с кем-нибудь было нельзя: в школе учащиеся следили друг за другом.

Вскоре у Семерша тяжело заболела мать, ухаживать за ней было некому. Его стали периодически освобождать от занятий, а с передислокацией школы отчислили

совсем, но с условием, что, когда явится необходимость, он будет выполнять задания. Семерш согласился, а про себя подумал: «Черта с два. Поищите дураков в другом месте».

— Расскажите подробнее, кто был начальником школы, кто в ней преподавал, что вам известно о ее слушателях.

— Фамилии офицеров-преподавателей нам были неизвестны, а знали мы только их клички.

Семерш рассказал о распорядке занятий в школе, охарактеризовал нескольких преподавателей, назвал имена слушателей, с которыми был в одной группе.

— Нам ведь не все объясняли. К тому же я был не очень прилежным учеником и, к сожалению, знаю даже меньше, чем мог бы.

Семерш улыбнулся, попросил разрешения закурить.

— Я понимаю, что все равно это достаточный повод для того, чтобы меня арестовать. Но, честное слово, я сам хотел прийти к вам.

— Мы не собираемся вас задерживать,— сказал я.— Но просим пока никуда не уезжать и, если понадобится, прийти к нам еще.

— Понимаю,— кивнул молодой человек.— Я всегда к вашим услугам.

Аркадий на правах старого знакомого вызвался проводить Семерша домой. Мы с Набатовым остались вдвоем.

— Для очистки совести это, конечно, уже кое-что,— усмехнулся Набатов.— Но для дела маловато. И потом, я сомневаюсь, чтобы молодого человека, которого рекомендуют генералы, так любезно оставили в покое.

Через несколько минут пришел Аркадий. Он сказал, что, провожая Семерша, заходил к нему домой. Его мать действительно выглядит неважно, не встает с постели.

Черные рюкзаки

Утром капитан Набатов выехал для доклада к начальнику. После отъезда капитана меня не переставали мучить одни и те же вопросы: куда переехала школа? где ее слушатели? что утаил Семерш?

Нужна же, черт возьми, какая-нибудь ниточка!

От курения разболелась голова. Выхожу подышать свежим воздухом. Вдруг слышу голос:

— Можно к вам?

Оборачиваюсь и вижу Семерша.

— Дело есть? Пожалуйста,— нехотя отвечаю я.

— Нет, у меня ничего. Но, может, у вас есть какие-нибудь вопросы ко мне?

Смотрю на него и думаю: с чего бы это? Что его так беспокоит, почему он снова пришел к нам?

Мимо дома в сторону фронта движется поток автомашин. Навстречу группами и в одиночку вот уже третий день идут люди, освобожденные из фашистской неволи: поляки, мадьяры, украинцы, французы.

Вот идут три девушки-мадьярки в рабочих комбинезонах, какие у нас до войны носили шоферы. Одежонка легкая, но им жарко. Идут быстро, торопятся домой. Поравнявшись с нами, приветливо улыбаются. Идут двое пожилых мужчин, по виду украинцы, с котомками за плечами, еле-еле переставляя ноги. А за ними — совсем молодые, здоровые ребята. Разрумянились, идут легко. Одеты кто во что, но прилично и тепло: под куртками или демисезонными пальто — теплые жилеты. У всех пятерых за плечами черные рюкзаки. Оживленно беседуют между собой.

— Что так спешите? Покурите,— говорю им по-немецки.

— Боимся, невесты не дождутся, выйдут замуж,— отвечает по-мадьярски один из них, сняв фуражку и вытирая пот.

— Домой?

— Домой.

— Из каких краев?

— Гитлер угонял рыть окопы,— поясняет он. Остальные молчат, идут, не оборачиваясь.

— Как вы думаете,— спрашиваю Семерша,— правду сказал он или нет?

— Наверное, так и есть,— отвечает учитель.— Гитлеровцы многих угоняли и из нашего села.

— А вы никого из них раньше не встречали?

— Неужели я не пригласил бы к себе своего знакомого на чашку кофе? — отвечает он с ноткой обиды, глядя мне прямо в глаза.

Простившись с Семершем, возвращаюсь к себе.

Интересно, какие сведения привезет Набатов? Да, невеселая получится история. Налицо единственный человек, который учился в этой школе, и тот знает очень мало. Остальное неизвестно. Есть еще подозрительный толстяк, от которого убежала жена. Но кто он? Где?

— Товарищ майор, о чем вы разговаривали с этими молодыми людьми? — спросил Аркадий.

— Так, пустяки. А что?

— Они мне показались подозрительными. Слишком уж веселые, будто не с принудительных работ идут, а с воскресной прогулки.

— Молодые, вот и радуются.

Про себя я, однако, подумал: пожалуй, Аркадий прав — было в тех молодых людях что-то ненатуральное, картинное. И эти черные рюкзаки... А может, это пустая подозрительность?

Отворилась дверь, и к нам вошла Каролина.

— Я только что видела в селе подозрительных молодых людей,— сказала она.— За плечами у них были черные рюкзаки. Точь-в-точь такие, какой я видела у своего дяди.

— Довод, конечно, наивный. Но, может, действительно поговорить с ними? — сказал Аркадий.— Посмотреть их документы?

— Быстро в машину,— согласился я.— Едем.

Трудно было предположить, чтобы диверсанты шли «табуном», и вряд ли разведка могла дать им всем одинаковые рюкзаки. Но теперь мне вдруг вспомнилось, что один из тех парней как-то по-особенному взглянул на Семерша. Именно это и заставило меня спросить учителя, не знает ли он кого-нибудь из них.

Парней догнали быстро. Предложили сесть в машину.

— Мы арестованы? — спросил один из них.

— Нет. Вы идете от фронта?

— Да.

— Нам нужна ваша помощь.

Ночь без допроса

Этого высокого, угловатого, смуглого парня звали Шандор. Он понравился нам больше других. Была в нем какая-то вызывающая смелость и непосредственность,

граничащая с детской наивностью. На нас он смотрел свысока, даже презрительно.

— Итак, мы арестованы,— сказал он.— Позвольте узнать, за что?

— Надо выяснить кое-какие вопросы. Может, поужинаем вместе?

— А мои товарищи, где они?

— За них не беспокойтесь.

В течение ужина Шандор не проронил ни слова, о чем-то сосредоточенно думал.

— Как ужин? — спросил его Аркадий.

— Вполне европейский. Благодарю. А какие вопросы?

— Откуда вы знаете Семерша? — спросил я.

— Семерша? — Шандор старался держаться спокойно.— Допустим, я знаю его по разведывательно-диверсионной школе. Вас это интересует?

— Нас, собственно, интересует, с каким заданием перебросили вас через линию фронта?

— Я на этот вопрос ответить не могу. Во-первых, нас никто не перебрасывал. А если не перебрасывали, то и задания никакого не давали. Логично?

— Совсем нелогично, Шандор,— сказал Аркадий по-венгерски.— Раз вас учили, то должны были перебросить. А что же во-вторых?

— Вы мадьяр? — спросил Шандор, вместо того чтобы ответить.

— Я русский.

— Не верю. Вы слишком хорошо знаете наш язык. И все же нас не перебрасывали.

Другие сказали то же самое, а о Семерше лишь то, что нам уже было известно: освобожден из школы в связи с болезнью матери.

Ночевали мы в одной комнате втроем. Шандора уложили на кушетке, я лег на кровать, Аркадий — на большой стол. Мы не нарушили своего правила складывать одежду и оружие около себя на стулья. Правда, вторые пистолеты мы с Аркадием положили под подушки.

Все трое не спали. Аркадий ворочался с боку на бок. и уж, конечно, не потому, что было жестко. Шандор то и дело шмыгал носом.

Ночь на исходе, а меня не покидает мысль: «Не может быть все так просто и безобидно, как показывают

эти мальчишки». Только задремал, слышу, Шандор что-то забормотал.

— Что он говорит? — спрашиваю Аркадия.

— Интересуется, почему мы не спим.

— Почему вы не спрятали пистолеты, а положили на стулья? — вдруг, вскочив с кушетки, громко сказал Шандор.— Вы считаете меня глупым мальчишкой? Ошибаетесь. Убейте — ничего не скажу!

— Какая муха вас укусила, Шандор? — спокойно сказал Аркадий.

— Бейте меня! Вырезайте на спине пятиконечную звезду, отрезайте уши! Слышите, лучше убейте сразу и не мучьте меня! — истерично кричал Шандор.

— А ну, хватит истерики! Сейчас же ложитесь спать! — Аркадий принес ему стакан воды и лег снова.

— Все равно я ничего не скажу.

— Вы уже повторяетесь, Шандор. Мы лежим спокойно и ни о чем вас не спрашиваем,— возразил Аркадий.

— Но спросите.

— Непременно. Вы не ошиблись.

— Допрашивайте сейчас. Мне будет легче.

— Вы, молодой человек, в самом деле ведете себя, как ребенок,— вмешался я.

— Я и есть ребенок, к тому же гадкий трус. Сам все хотел рассказать вам, но хорошо, что одумался.

— Бывает,— безучастно заметил Аркадий.

Шандор лег и умолк. Лежали спокойно и мы. Но молчание, видимо, тяготило Шандора.

— Что же вы молчите?

— Боимся, чтобы вы не запсиховали снова,— ответил я, когда Аркадий перевел его вопрос.

— А вы знаете, что Семерш сказал вам неправду? Он фашист и оставлен здесь немцами.

— Вы неплохой парень, Шандор. Но очень интересно: своя неправда вас не тревожит, а чужая спать не дает,— сказал я.

— Почему вы так думаете, господин майор,— возразил он.— Это совсем не так.

Мы встали. Нельзя было дальше лежать, когда человек настроен говорить. Мы узнали, что диверсанты, закончившие школу, перебрасываются небольшими груп-

пами через линию фронта под видом репатриантов. Каждая группа имеет задание — взрывать мосты, склады с боеприпасами и продовольствием, минировать автотрассы и железные дороги. Гитлеровцы оставили диверсантам склады оружия и боеприпасов. Кроме того, они обещали в любой момент подбросить на самолетах все, что потребуется. Где находится это оружие, Шандор не знает. Ему сказали, что их группу снабдит оружием Семерш.

— Семерш?

— Да, Семерш, его немцы специально здесь оставили.

— Из чего вы заключили, что Семерш с этой целью оставлен в селе Янша? — спросил я.

— Вы мне не верите? Пожалуйста. Но знайте, ни одного человека из школы никуда не пускали. У моего друга Лайоша умер отец, и то не разрешили выехать даже на похороны. А тут у Семерша заболела мать, и его, заместителя начальника школы, отпустили совсем.

«Вот тебе и на! — подумал я.— Семерш был заместителем начальника школы!»

— Хорошо, Шандор, мы верим вам,— сказал Аркадий.

В ресторане Габора Кичи

Утром вернулся Набатов. Он привез приветы от наших товарищей и кое-какие новости. Мы информировали его о происшедшем, о показаниях Шандора. А он, в свою очередь, рассказал, что полковник, выслушав его доклад, поручил на обратном пути заехать в ресторан Габора Кичи и встретиться с его хозяином.

— Приехал я туда к вечеру,— продолжал рассказывать Набатов.— Когда вошел в зал, на меня сразу обратили внимание, видимо, советские офицеры появляются здесь не часто. Уже выбрал было один из столиков, как меня окликнули:

«Господин капитан!»

Я обернулся.

«Прошу вас сюда. Посидим как старые знакомые».

Это был Бароши. Тот самый Бароши, наш случайный собеседник, рассказывавший нам анекдоты о монахах.

«Решили заглянуть?»

«Голоден как черт. И вообще, я свободен до утра. Здесь есть гостиница?»

«Конечно. Могу устроить с полным комфортом. Хозяин — мой лучший друг. Правда, старина Габор?» — обернулся Бароши к подошедшему сюда толстяку хозяину.

«Номера почти все свободны»,— сказал тот, и его жирное лицо расплылось в добродушной улыбке.

«Угощаю я»,— сказал Бароши. Он уже немного выпил и был в отличном настроении. Через несколько минут хозяин принес заказ. Набатов пригласил его к столу. Но хозяин с улыбкой отказался от приглашения, сославшись на дела.

Набатов действительно был голоден. Чтобы не обидеть своего случайного знакомого, выпил немного сухого вина. Бароши пил много. Впрочем, держался он молодцом. Только серые, с масленым блеском глаза под густыми черными бровями свидетельствовали о том, что он изрядно выпил.

Бароши рассказал о хозяине ресторана. Этому толстяку всего сорок пять лет. Он только на четыре года моложе его, Бароши.

У этого человека была чудесная, изумительная жена, немка по происхождению.

И вот какой-то офицер в эсэсовском мундире подкатился к ней и стал ее обхаживать.

Бедняга Габор сначала не обращал на это внимания: сами понимаете, интересы коммерции заставляют иногда закрывать глаза на мелочи, но дело зашло так далеко, что в один прекрасный день, когда гитлеровцы удирали, его половина укатила вместе с этим мерзавцем.

«Какова история, а? Вы можете представить себе, как теперь ненавидит немцев этот толстяк! Он ведь совсем одинок, этот Кичи...»

«Но у него, говорят, где-то есть сын?»

«Сын? Да. Кажется, от первой жены. Но мой приятель никогда не любил о нем говорить. Наверное, балбес какой-нибудь».

«Значит, он у отца не бывает?»

«По-моему, нет».

Вскоре к столу снова подошел хозяин. Поговорили о том о сем. Бароши спросил его о сыне: вот, мол, господин капитан интересуется.

«Понятия не имею, где он сейчас может быть,— ответил Кичи.— Мы с ним серьезно поссорились, и с тех пор я его не видел».

«А из-за чего поссорились, если не секрет?»

«Он не хотел, чтобы я женился второй раз».

И Габор Кичи стал подробно рассказывать о своей второй жене, о том, как она сбежала.

Вот и все, что я смог узнать,— закончил Набатов свой рассказ о посещении ресторана Кичи.

— Надо поговорить с этим Кичи еще раз. Пригласить его к нам,— сказал Аркадий.

— А Бароши?

— Пожалуй, и Бароши кое-что может рассказать,— согласился я.

Забот прибавляется

Итак, Семерш был заместителем начальника школы. Он же — непосредственный руководитель диверсантов и должен снабжать их оружием.

— Выходит, вы можете солгать глазом не моргнув? — сказал я Семершу.

— Иген,— невозмутимо согласился он.— Но уверяю вас, что, когда я отрицал знакомство с этими парнями, у меня не было никакого умысла.

Чем больше мы присматриваемся к этому человеку, тем яснее становится его физиономия. В его мягком, вкрадчивом голосе иногда проскальзывают резкие нотки. Да, этот интеллигентного вида молодой человек с ускользающим взглядом может и рычать. Но сейчас, после того как он признался, что действительно был одним из руководителей школы, он больше молчит. Правда, он тут же заявил, что задание германской разведки выполнять не собирался.

— Думал жениться и жить, как все.

— Но к вам должны были приходить за оружием, вы должны были руководить этими людьми?

— Думаю, они не пришли бы,— уклонился он от ответа.

После длительных запирательств он назвал всех слу-

шателей школы: их было шестьдесят восемь человек. Он показал подземные склады с оружием, боеприпасами и продовольствием, спрятанные в горах. Они были замаскированы и заминированы.

Забот у нас прибавилось. Нашей небольшой группе все осилить было трудно. Требовалась серьезная работа с Семершем и другими задержанными. Нельзя было откладывать розыск и остальных диверсантов. В списке слушателей мы нашли фамилию Кичи. Знакомая фамилия. Может быть, этот Тибор Кичи и есть тот самый молодой шалопай, сын хозяина ресторана?

Перестрелка в лесу

— Кто устраивал в горах склады, перевозил туда оружие, боеприпасы, продовольствие, готовил жилые помещения, минировал? — спрашиваю Семерша.

Он молчит. Потом заявляет, что все это делали немцы, и только после долгих разговоров наконец сообщает, что все выполнялось руками двадцати трех русских военнопленных.

— Где они?

— Не знаю.

— Вы должны знать.

— Их расстреляли,— не глядя на меня, говорит Семерш.

Видя, какое впечатление произвело на меня это его признание, Семерш спешит оправдаться, уверяя, что к расстрелу русских он не имеет никакого отношения.

Доходим до чащобы. Путь преграждают мелкие сосенки. К нашему удивлению, Семерш без всяких усилий начинает отбрасывать их одну за другой. Только теперь мы понимаем, что это искусственная преграда.

Идем по следу Семерша.

— Мины,— показывает он. Наклоняется над одной, расчищает рукой снег.

«Дернет за проволоку, соединяющую мины, ему терять нечего»,— думаю я, но виду не подаю. Он утверждает, что сами склады не присоединены к этому заграждению. Позднее мы обнаружили иную схему минирования. В центральном складе было много тонн противотанковых мин, и они соединялись с теми, что были

расставлены снаружи. Не исключено, что именно здесь Семерш и рассчитывал отслужить нам панихиду.

Гитлеровцы заложили здесь на длительное хранение большое количество оружия, боеприпасов и продовольствия: от буханок консервированного хлеба, колбас и сушеных фруктов до наборов концентратов; от фаустпатронов, гранат и автоматов до охотничьих ружей.

— Зачем собрали сюда столько ружей? — спросил я Семерша.

— Нас ориентировали на длительную борьбу,— ответил он.— С ружьями мы могли выдавать себя за охотников. С ними можно было кормиться в лесу, если бы у нас иссякли запасы продовольствия.

Возвращаясь в село, мы оставили у складов до прибытия солдат капитана Набатова и с ним двух овчарок. Других возможностей мы не имели.

Набатов любил лес. Сколько раз мы слышали от него на Украине: «Они неравнодушны к степи так же, как я к лесу». Он понимал лес, наслаждался не только концертами птиц, но и его шумом, слыша в шуме и перешептывание деревьев, и сладкую музыку. Сейчас он радовался, что удалось остаться наедине с природой, заночевать в лесу, заранее предвкушал хороший отдых, в котором нуждался всю войну.

Он нашел в землянке ведра, чайники, разыскал родничок и не мог оторвать глаз от прозрачной воды. Возвращаясь к землянке, точнее, к рубленному из добротного леса домику в земле, он говорил про себя: «Возле этих корней в июне должны быть светлячки, а здесь, наверное, растут лесные фиалки, а тут — земляника с ее неповторимым вкусом и ароматом».

Овчарки не отступали от Набатова ни на шаг: не гонялись взапуски, как до этого, а ходили вместе с ним. На чугунной печке он быстро вскипятил чай, приготовил ужин.

В домике запахло жилым. Накормив Богему и Парнаса, он выпроводил их за дверь, а чтобы не замерзли и отдохнули с комфортом, бросил им одну перину.

Тепло, тишина и усталость сделали свое дело: Набатов сразу заснул богатырским сном. Он не услышал, когда зарычали собаки, не проснулся и когда они залаяли, он крепко спал после первых выстрелов в лесу, видя во сне какую-то перестрелку. Вскочил он, разбуженный бе-

зудержным лаем собак. Быстро набросив свой белый полушубок, взял автомат и вышел за дверь. Там было светло, как днем. Ярко светила луна, разрисовав белый снег причудливыми тенями. Собаки рвались, но он уложил их и приказал молчать.

— Стой, кто идет? — громко крикнул Набатов. Тут же раздались два выстрела, пули дзинькнули совсем рядом. «Кто бы это мог быть? Выстрелы одиночные, из пистолета. Но стреляют прилично»,— подумал он.

Решив выждать и сориентироваться, Набатов прислонился к двери в тени от дерева, направив автомат в сторону, откуда прозвучали выстрелы. Тишина. Но вот заскрипел снег. Собаки вскочили от волнения и злости, но не лаяли. Набатов увидел невдалеке трех человек, направлявшихся к нему во весь рост, «развернутым» строем.

— Стой, ни с места! Буду стрелять! — предупредил он. Но его слова не возымели никакого действия. Набатов повторил свое предупреждение по-немецки. И снова безрезультатно. Вот они приближаются к складу боеприпасов. «А что, если они знают об этом складе?» — мелькнула тревожная мысль. Дал короткую автоматную очередь вверх. Упало несколько сучков. Трое продвижения вперед не прекратили. Создалось впечатление, что они задумали окружить его. Однако Набатов был спокоен. За землянкой был ров, а здесь они как на ладони, в любую минуту он может уложить их без труда. Глаз еще никогда не изменял ему, а указательный палец всегда тверд при нажиме на спусковой крючок. «Расстрелять их — дело нехитрое,— думал он.— Надо взять всех живыми. Как будто и это не так уже трудно, судя по тому, что они не из умных, прут очертя голову». Он решил, если будет туго, стрелять по ногам. Только он подумал об этом, как все трое выстрелили и, сделав перебежку, легли за деревья, а потом стали приближаться к нему ползком.

Они уже миновали склад боеприпасов, левофланговый вылез к складу оружия.

— Ни с места, стреляю! — крикнул капитан еще раз. Результат был тот же: трое как будто его не слышали. Собаки рвались. Набатову все труднее становилось их сдерживать, потому что трое приближались все ближе и ближе, стреляя время от времени.

Набатов не решался дать волю собакам: они могли разорвать на части любого, а могли пасть и сами. Пустить собак он решил лишь в самом исключительном случае. А сейчас зорко следил за своими противниками, чтобы в нужную минуту сделать все, что потребует обстановка. Не решаясь ослушаться, собаки не вставали, но ползали взад-вперед по снегу.

Развязка наступила неожиданно и как-то несуразно. Один из троих, тот, что приближался к складу оружия, вдруг пополз назад. После короткого разговора последовал его примеру и второй.

«Ясно, о чем вы договариваетесь», — подумал Набатов, а когда третий поднялся и побежал, капитан поспешил за ним, еле удерживая собак. Дал очередь из автомата вверх. Человек упал. «С чего бы он свалился?» — недоумевал Набатов. То же повторилось и с другим. Третий вообще не поднимался, лежа вниз лицом. Собрать их вместе и привести в землянку не представило никакой трудности.

Поручив охрану задержанных собакам, Набатов вышел из землянки. Все так же ярко светила сквозь деревья луна, накладывая на белый снег причудливые тени. «И в наших родных краях в рождественские морозы такие же сказочные ночи»,— подумал Набатов. Он жалел, что происшествие не дало ему ни отдохнуть, ни насладиться кратковременным пребыванием в лесу, воспоминаниями юности, проведенной в таком же лесном краю, юности прекрасной, как весна, а потом такой суровой и неповторимой, героической и огневой.

Задержанные, как выяснилось позже, оказались парнями Матиаса, членами особого отряда. Увидев, что Семерш прошел с русскими офицерами в лес, и подождав его возвращения, они решили с наступлением темноты сходить по следу и узнать, куда он их водил. О складах им ничего не было известно. Встреча с Набатовым была неожиданной. Они признали, что «приняли не лучшее решение расправиться с ним и с этого начать выполнение полученного от немцев задания». Пожалели, что неэкономно расходовали патроны. Израсходовав их, пришлось принять решение уходить ни с чем восвояси, чтобы, пополнив запас боеприпасов, устроить в лесу засаду и захватить тех, кто пойдет по проторенному следу. Все трое были сынками крупных венгерских буржуа.

Кто такой Матиас?

Утром, не привлекая ничьего внимания, мы задержали старого Кичи. Прислуга еще спала, а дверь в квартиру хозяина находилась с другой стороны здания. Толстяк на наш негромкий стук открыл дверь и, узнав, что мы приехали за ним, стал торопливо одеваться. По дороге он молчал, видимо раздумывая, за что его могли задержать. Затем стал спрашивать у нас об этом, но мы отвечали неопределенно. Вскоре Габор Кичи пришел в себя и стал проклинать гитлеровцев. Снова заговорил о своей жене. «После того случая,— говорил он,— я стал слишком открыто проклинать фашистов, и они несколько раз угрожали мне расстрелом».

По его словам, дело дошло до того, что он закрыл свое заведение, вышел из партии «Скрещенные стрелы» и уехал в имение отца. Но власти заставили его открыть ресторан снова.

— Почему вы отошли от правительственной партии?

— Из идейных соображений. Ее лидер Ференц Салаши, придя к власти, стал проводить откровенно фашистскую политику. Страну наводнили эсэсовцы, начался разбой, как на большой дороге. Это было предсмертной агонией и немецких и венгерских фашистов.

Все это толстяк говорил торопливо, будто боясь, что его прервут. Но мы не мешали ему. Хотелось за время пути познакомиться с ним поближе.

Многие диверсанты нами были уже задержаны. В двух случаях нашим товарищам пришлось столкнуться с вооруженным сопротивлением. Но все обошлось благополучно.

— А вы знаете, что показал один из этих молодых людей? — сказал Набатов.— Он утверждает, что его начальником является вовсе не Семерш.

— А кто?

— Некий Матиас.

Итак, снова Матиас. Мне вспомнился тревожный рассказ Каролины, вспомнился ее дядя Ласло Корда, румяный здоровяк, который, «к сожалению, не бог и всего знать не может».

— Как его настоящая фамилия, кто он?

— Задержанный не знает или не хочет говорить. Утверждает, что еще ни разу с ним не встречался.

— А Семерша он знает?

— Да. Сначала он должен был войти в группу Семерша, но потом ему дали другое задание: перейдя линию фронта, связаться с Матиасом.

— Через кого?

— Через Тибора Кичи, сына хозяина ресторана.

— А где находится его сын?

— Об этом лучше всего знает отец.

— Он знает?

— Да. Встреча должна была состояться в ресторане.

Выходит, Матиас — руководитель самостоятельной, неизвестной нам группы. И тоже связан с выпускниками школы. Но правильно ли предположить, что он был там преподавателем? Почему ни Семерш, ни другие ничего о нем не говорили?

В комнату вводят Габора Кичи. На улице солнечный зимний день, свет слепит глаза, и он часто моргает, морщится. По всему видно, что за эти несколько часов он изрядно поволновался. Огляделся вокруг, узнал Набатова, но виду не подал.

— Где находится сейчас ваш сын Тибор Кичи? — спрашиваю я.

— Не знаю. Мы с ним поссорились, и с тех пор...

— И с тех пор вы принимаете в ресторане его друзей? — вежливо продолжил Аркадий.

— Его друзей?

— И своих тоже,— сказал Набатов.

Толстяк обернулся к капитану, встретился с ним глазами, и мы заметили, как он побледнел.

— Видит бог, я не виноват. И мой сын тоже не виноват,— торопливо заговорил он.— Это все Бароши...

Последние зимние дни

В тот же день наши товарищи взяли Бароши-Матиаса. Доставили его совершенно пьяным, и спрашивать его о чем-либо было бесполезно. Наутро, когда он проспался, мы спросили, кто такой Матиас; он, хмуро глядя на нас исподлобья, выдавил:

— Хорошо. Если вы что-то пронюхали, говорите.

— Говорить будете вы, Матиас,— сказал я.

На очной ставке Шандор признал его. Да, этот человек, фамилии которого он не знает, действительно, преподавал в школе. Он же был начальником школы после Краммера. Он ходил всегда в макинтоше и шляпе, но все звали его господином подполковником.

То же подтвердил и Семерш.

Потом заговорил и сам Бароши-Матиас. Выяснилось, что это фашист, один из доверенных людей Скорцени. Он руководил особой группой, составленной из самых отъявленных головорезов.

Через два дня за мной приехал шофер полковника Королева. Требовалось информировать члена Военного совета армии о завершении операции и об особой группе Матиаса, участников которой мы начали выявлять. Ликвидация этой группы была поручена капитану Набатову.

Война подходила к концу. Наша армия ушла далеко, к границам Австрии и Чехословакии. И каждый ее шаг вперед приближал долгожданную победу.

Возвратиться в село Янша мне не пришлось. Нам предложили завязать с разведкой противника радиоигру. Зная ключи, шифры, коды, оставленные Семершу и Бароши, детально изучив все их дела, я составил план, который тут же утвердили. Первый разговор должен был провести Семерш, сообщив хозяевам, что дела идут успешно, и одновременно доложить, что его коллега — имелся в виду Бароши — подорвался на минах. В связи с этим он должен был попросить совета, как помочь семье пострадавшего, надо было понимать — диверсантам. Семерш должен был заверить начальство, что самому ему ничего не требуется, а затем осведомиться, когда ждать дальнейших указаний.

Учитель согласился поговорить со своими хозяевами. Он тренировался целый день, все было отлично отработано.

При разговоре присутствовали полковник Королев и я. Семерша выслушали и спросили только об одном — откуда он говорит. Этого вопроса мы ожидали и ответ подготовили заранее: «Особняк на краю пропасти, в которой похоронено двадцать три. Мой коллега знает, о ком я говорю...» Это, видимо, прозвучало убедительно.

(Речь шла о расстрелянных военнопленных, строивших склады.)

Начальство предложило Семершу впредь вызывать его в установленное время и пользоваться шифром. Это дало нам возможность больше не прибегать к услугам Семерша, а действовать от его имени самим.

Занимаясь этим, я не переставал интересоваться, как работают мои товарищи в Янше. Однажды меня пригласил полковник Королев. Он долго перебирал какие-то бумаги на столе, как бы не замечая моего прихода, потом, посмотрев на меня, тихо сказал:

— Больше нет нашего Набатова... Погиб...

В первую минуту я не успел ничего сообразить.

— Погиб?!

— Только что сообщили,— хмуро ответил полковник.

Капитан Петр Набатов, наш Набатыч, погиб, пытаясь задержать Тибора Кичи, последнего из банды Бароши. Достойный отпрыск Кичи скрывался дольше других. Желая скорее закончить дело, Набатов сам взялся за поиски. Установил, где он находится, и когда, обнаружив его, Набатов хотел его взять, матерый враг выстрелил и убил бесстрашного капитана-чекиста.

...Ясная, звездная ночь. Морозно. Близится весна. Оказывается, и в этих краях зима сдает свои позиции не сразу. Рядом со мной стоит Аркадий. Он тоже поднимает воротник, внимательно вглядываясь в небо.

Сегодня мы ждем «гостей». Для них по краям поляны наши товарищи разложили костры — опознавательный знак.

Наконец слышится характерный гул, он нарастает, и мы различаем в небе самолет. Он летит без опознавательных огней и знаков. Сделав круг, самолет приземляется. Мы спешим к нему. Из самолета навстречу нам выходят люди.

— Здравствуйте, господа,— говорим мы.

Так мы встретились наконец с нашим старым заочным знакомым, бывшим начальником диверсионно-разведывательной школы в Янше Краммером, который прилетел, чтобы заменить Матиаса.

Но последняя фронтовая зима еще продолжалась.

Нас ждали очередные дела.

*

КАК БЫЛ НАЙДЕН ТРУП ГИТЛЕРА

И. КЛИМЕНКО

79-й корпус штурмует логово зверя

Вот уже тридцать лет прошло с тех пор, как наш народ одержал победу над фашистской Германией. Сравнялись окопы на полях ожесточенных битв, зажили раны на лицах городов и сел, но не подвластен времени великий подвиг советского народа. Память о нем навсегда сохранится в сердцах и сознании людей!

В минувшей войне особенно выделяется своими масштабами и высоким военным мастерством Берлинская операция. Она была достойным завершением нашей справедливой борьбы и ознаменовала собой позорный крах империалистических планов наших врагов.

Я был начальником отдела контрразведки 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии, и мне вместе с другими военными контрразведчиками посчастливилось принимать участие в Берлинской операции, воспоминания о которой свежи и поныне.

На подступах к столице гитлеровской Германии враг сосредоточил мощную группировку войск. В нее входили четыре армии из группы войск «Висла» и «Центр», что составляло 85 пехотных, танковых и моторизованных дивизий, а также несколько десятков отдельных полков и батальонов, поддерживаемых в основном истребительной авиацией, и, кроме того, отборные войска СС, а также 200 батальонов «фольксштурм».

Войска противника заняли заранее подготовленные оборонительные рубежи и укрепления. В самом городе для целей обороны использовались каналы и метро. В качестве опорных пунктов были приспособлены тысячи домов.

Учитывая сложный характер местности, наличие мощ-

ных укреплений и сильную группировку войск противника, советское командование тщательно готовило наши войска к штурму Берлина.

Нам, военным контрразведчикам, также приходилось много работать в войсках по подготовке решающего штурма. Наиболее важные контрразведывательные задачи мы решали совместно с командиром корпуса генералом Семеном Никифоровичем Переверткиным и начальником политотдела полковником Иваном Сергеевичем Крыловым.

К Берлинской операции мы готовились особенно тщательно и потому, что она была необычных масштабов, и потому, что понимали: она — венец победы, за ней — долгожданный мир.

Командир корпуса генерал Переверткин проводил разбор плана предстоящей операции с командирами всех степеней, вплоть до командиров рот. То же самое делали командиры дивизий генерал-майор В. М. Шатилов, полковник В. А. Асафьев и полковник А. И. Негода. Они проверяли готовность офицеров вплоть до командиров взводов. Начальник политотдела корпуса, все политработники дивизий и полков проводили партийные и комсомольские собрания и выступали на митингах, рассказывая солдатам о предстоящей операции и воодушевляя их.

Тщательно готовились к Берлинской операции и чекисты корпуса. Они изучали ориентировки Центра и соответствующие документы о разведывательных и контрразведывательных органах противника, продумывали свои действия по розыску и захвату нацистских главарей, деятелей разведок, важной документации. Решали и многие другие вопросы. Мы стремились идти на штурм фашистского логова не вслепую, а располагая определенными данными о разведывательно-диверсионных школах, их личном составе, тайной агентуре, предателях и активных пособниках врага, с которыми нам предстояло встретиться при освобождении городов и сел, при выполнении боевых оперативных заданий.

В период подготовки к Берлинской операции оперативные работники отдела часто выступали перед солдатами и офицерами, рассказывали им о провокациях и коварстве гитлеровцев, которые, чувствуя свою близкую гибель, были готовы на все. Чекисты учили советских воинов бдительности, постоянной готовности к любым неожи-

данностям, обучали их, как нужно обнаруживать и задерживать военных преступников.

Большая подготовительная работа велась и с контрразведчиками корпуса. Руководители отдела корпуса и начальники отделов контрразведки дивизий выезжали в воинские части и на местах разбирали задачи, которые предстояло решить в наступлении.

Чтобы оказывать повседневную помощь сотрудникам контрразведывательных отделов по выявлению и захвату военных преступников, шпионов, диверсантов и изменников Родины, мы создали целую сеть специальных оперативно-розыскных групп из числа наиболее подготовленных и способных для этой работы солдат и офицеров.

Основное внимание мы сосредоточивали на розыске агентуры противника, на обнаружении диверсионных групп, которые противник, отступая, оставлял в нашем тылу. В обязанность чекистов входило пресечение и других враждебных действий, которые могли помешать успешному выполнению ответственной задачи.

Кропотливо готовили мы розыскные группы: проводили занятия, уточняли маршруты движения, ставили конкретные задачи, проводили подробный инструктаж.

Наконец наступил долгожданный день... 16 апреля 1945 года началась знаменитая Берлинская операция. Люди, участвовавшие в ней, никогда не забудут этот день.

На рассвете 16 апреля тысячи орудий и минометов ударили по врагу. Плотность огня достигала на главном направлении 376 снарядов и мин на один гектар площади переднего края противника. Такого удара гитлеровские войска еще не испытывали и, конечно, не ожидали.

В полдень 22 апреля передовые части 3-й ударной армии ворвались на окраины Берлина. Первыми среди них были солдаты и офицеры 79-го стрелкового корпуса.

25 апреля наши войска, наступавшие севернее и южнее Берлина, соединились, окружив 400-тысячную группировку врага.

Фашистское логово было взято в кольцо. Шаг за шагом, от дома к дому пробивались к центру наши воины.

Все приходилось брать с боя. Противник вел огонь с чердаков и крыш, шла борьба за каждую лестничную клетку, за каждый этаж.

Гитлеровское командование использовало сохранив-

шиеся линии городской телефонной связи и, получая точные координаты о расположении наших войск, открывало по ним прицельный огонь.

В этой связи вспоминается такой случай. Заняв северную часть Берлина, наши части несли непомерно большие потери. Сначала никак не могли понять, в чем дело, но вскоре стало ясно, что кто-то направляет артиллерийский огонь из тыла. Это предположение подтвердилось, когда артиллерийскому обстрелу подверглось здание, в котором размещался отдел контрразведки корпуса.

Вот как это произошло. В подвале занимаемого отделом здания содержались пленные. Там оказался действовавший телефонный аппарат. Раздался звонок. К телефону подошел один из пленных. Неизвестный абонент стал расспрашивать у него, в каком районе он находится и есть ли в этом районе советские войска. Пленный оказался фашистом. Он сообщил своим все, что знал о расположении наших войск.

Мы тут же сообщили о случившемся командиру корпуса генералу Переверткину, который приказал командирам всех воинских частей принять необходимые меры, исключающие возможность использования противником городской телефонной связи для получения разведывательных данных о наших частях.

Иногда улицы и кварталы Берлина, взятые нашими войсками, неожиданно вновь ощетинивались, и снова начинался бой — это ударяли нам в тыл эсэсовские отборные части, пробравшиеся в занятый советскими войсками район неведомыми нам путями.

Однако, несмотря на все трудности и яростное сопротивление врага, наши войска быстро продвигались к центру города. Каждому хотелось первым ворваться в рейхстаг и водрузить знамя Победы.

Между тем оперативно-розыскные группы продолжали выполнять поставленные перед ними задачи. Каждый день отдел контрразведки корпуса отправлял в армейский фильтрационный лагерь 200—300 задержанных нацистов и других военных преступников.

Для контрразведчиков это была большая и кропотливая работа: каждого задержанного нужно было опросить, составить о нем обстоятельную справку и отправить в наш тыл. Оперативный и технический состав отдела работал день и ночь, почти не отдыхая, и все же не успевал

пропускать все прибывающий поток задержанных. Тогда решили создать еще два пересыльных лагеря в предместьях Берлина.

Весь день 28 апреля в частях корпуса формировались боевые группы из добровольцев — коммунистов и комсомольцев артиллерийских частей. Эти группы призваны были усилить партийное влияние в боевых батальонах 380-го и 756-го полков 171-й и 150-й дивизий, перед которыми была поставлена задача штурмовать рейхстаг.

Командовать боевыми группами было поручено офицерам-коммунистам штаба корпуса — адъютанту командира корпуса майору Михаилу Бондарю и адъютанту начальника штаба Владимиру Макову.

Формированием групп в основном занимался начальник политотдела корпуса И. С. Крылов.

По согласованию с командиром корпуса мы решили направить с этими группами и свои розыскные группы. Возглавили их командир взвода Панасюк, переводчик Гайдук, рядовые Богданов и Чураков — хорошие товарищи, не раз проявлявшие мужество и отвагу в боевых операциях. Прежде всего они должны были найти и захватить главных военных преступников, а также все ценные документы гитлеровской ставки.

Задания по розыску нацистских преступников имели и многие другие оперативные группы, которые работали в Берлине.

Почти все чекисты, за исключением тех, кто занимался проверкой задержанных подозрительных лиц или вел следственные дела, вместе с двумя-тремя солдатами, которых выделили для этого, занимались поиском нацистских главарей.

В те памятные дни, находясь в подразделениях, которые готовились штурмовать рейхстаг, я познакомился с героями известной «семейной батареи» и, со слов начальника политотдела корпуса И. С. Крылова, узнал интересные о ней подробности.

В начале войны полк, в котором служил командиром орудийного расчета ефрейтор Дмитрий Федорович Хохонин, был отправлен на фронт. Его жена Евдокия Борисовна продала дом, имущество и решила догнать мужа, но в условиях военного времени сумела доехать только до Ярославля. Здесь она была призвана в армию и направлена на Сталинградский фронт, где служила шофе-

ром, подвозила боеприпасы на передний край. Во время одного из рейсов Евдокия Борисовна была тяжело ранена. Лечилась в ташкентском госпитале. Выздоровев, окончила при госпитале курсы медсестер и была направлена на фронт под Старую Руссу. Здесь случайно встретилась со своим мужем, теперь уже командиром батареи, старшим лейтенантом.

Об этой встрече с женой Дмитрий Федорович рассказывал:

«В ту ночь, когда мы встретились с Дусей, наш полк вел бой под Старой Руссой. Ночь была морозной, дул сильный ветер. Прикрываясь рукой от снежной пыли, шел я с командного пункта полка к своей батарее. Вдруг увидел, что в стороне кто-то ползет по снегу и тащит раненого. Подхожу и спрашиваю: «Где ранило?» — «Известно где — на переднем крае»,— отвечает женский голос. Наклонился, вижу — женщина. От усталости еле дух переводит. Спрашиваю: «Из какой части?» — «Мы новгородцы, слыхали?» — говорит. «Слыхал,— ответил я.— Сам новгородец».

И все-таки первая узнала по голосу своего мужа Евдокия Борисовна.

В одном из боев был разбит миномет, и Дмитрий Федорович переживал его потерю. Евдокия предложила за свои деньги купить вместо одного миномета целую минометную батарею. Посоветовавшись, так и решили: на свои сбережения, а вернее — на деньги от продажи дома и имущества купить минометную батарею. С этим предложением обратились по команде, и вскоре на переведенные ими деньги поступили четыре миномета, с которыми они прошли путь от Старой Руссы до Берлина и принимали участие в штурме рейхстага. Евдокия Борисовна приобрела новую специальность: стала наводчицей и старшиной батареи.

А через двадцать четыре года в одесском Доме офицеров я вновь встретился с Евдокией Борисовной. Это была теплая встреча участников штурма рейхстага. Евдокия Борисовна живет в Одессе, пенсионерка. Часто выступает перед молодежью с воспоминаниями о том суровом и героическом времени, которому посвятила свои молодые годы.

Штурм рейхстага начался на рассвете 30 апреля. Только под вечер батальоны, которыми командовали

старший лейтенат Самсонов, майор Давыдов и капитан Неустроев, ворвались в рейхстаг. На его колоннах, фронтонах и в окнах заалели флажки. Вскоре красные флаги появились и во втором этаже. Комендантом рейхстага был назначен полковник Зинченко, который перенес туда наблюдательный пункт и наладил связь.

Было утро 1 Мая. Знамя Победы, врученное полку Зинченко Военным советом армии, реяло над Берлином. Его водрузили к исходу суток 30 апреля на купол рейхстага отважные разведчики нашего корпуса М. Егоров и М. Кантария. Группу бойцов, которая прикрывала их, возглавлял лейтенант Берест. Ниже, на крыше рейхстага, алое знамя взвилось еще раньше. Его водрузила группа добровольцев капитана Макова из батальона Неустроева.

Но и после этого в рейхстаге все еще лилась кровь. Больше суток продолжался бой внутри здания, и только в ночь на 2 мая из подвалов удалось выкурить последнюю группу эсэсовцев, примерно около 1700 человек.

В первый же день борьбы за рейхстаг на его стенах появились надписи. Это были имена солдат батальона Неустроева: «Гвардии старшина И. А. Кравченко, старшина В. И. Сурцев, старшина К. С. Сандул — полный порядок, мы в рейхстаге». 2 мая, когда бои были окончены, на стенах рейхстага стало тесно от разных имен, афоризмов, стихов.

В то время когда части нашего корпуса заканчивали бой за рейхстаг и имперскую канцелярию, соединения 5-й ударной армии, 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковых армий подошли к Бранденбургским воротам и имперской канцелярии с другой стороны. В наших руках были Потсдамский вокзал и Зоологический сад. Армии 1-го Украинского фронта громили врага в Халензе, Вильмерсдорфе и Вестенде. Успешно продвигались и войска, действовавшие севернее Берлина.

Гитлеровцы поняли, что сопротивляться бесполезно, и вот по радио мы услышали слова: «Внимание! Внимание! Внимание! Немецкое командование просит штаб русского фронта назначить время встречи для чрезвычайно важных переговоров». Теперь можно было ждать капитуляции. На рассвете 2 мая гитлеровцы начали сдавать оружие. Офицеры и солдаты нашего корпуса принимали пленных около Бранденбургских ворот.

Найти живого или мертвого!

Родина требовала от каждого из нас покарать Гитлера и его сподвижников за те злодеяния, которые они совершили на нашей земле и в других странах Европы.

Было ли такое задание? Да, было. Кто и когда дал такое задание — не знаю. Знаю только, что эта задача стояла перед каждым советским воином.

Я лично ощущал необходимость возмездия с самого начала Великой Отечественной войны, и это чувство не покидало меня всю войну, а душа пылала гневом все больше и больше.

С первых дней войны мне пришлось идти по ее дорогам и видеть те ужасы, которые навлек Гитлер на нашу землю.

Боевое крещение я получил под Ельней. Здесь впервые в жизни я увидел убитых и раненых, сожженные дома и целые деревни. Мое сердце как бы окаменело, и я стал воспринимать все это довольно-таки стойко, по-мужски. Однако вскоре произошел случай, который потряс меня до глубины души: я увидел обезумевшую женщину, бегущую через линию фронта босиком, без платка и в зимнем пальто. Мать держала за руки двух мальчиков шести и восьми лет. Как потом выяснилось, это была жена райвоенкома, которого немцы расстреляли у нее на глазах.

С трогательной нежностью отнеслись к детишкам солдаты: дали хлеба, сала, сахара, накормили обедом. Дети немного отошли, заговорили. Мать же была словно в забытьи. На попутной военной машине мы отправили их на восток, подальше от переднего края.

В 1941 году я четыре раза был в окружении, а в последний, пятый раз прошел тылами противника более 1000 километров и вывел из окружения 204 военнослужащих.

В тылу врага мы видели немало слез и горя. Видели последствия зверских расправ, которые чинили гитлеровцы над нашими советскими людьми. Нередко советских людей сгоняли в клуб или в церковь, обливали бензином и поджигали, а пытавшихся бежать тут же расстрелива-

ли из автоматов. Видели мы и повешенных фашистами советских патриотов, среди которых, судя по одежде, было немало военнослужащих. В одной из деревень, где-то в районе Сухиничей, виселица была устроена прямо под окном дома, хозяин которого тоже был среди казненных. Гитлеровцы приказали не снимать повешенных в течение недели. В доме оставались жена и дети казненного. Мы похоронили погибших товарищей, а не успевших бежать палачей тут же расстреляли.

А сколько горя пришлось нам увидеть, когда мы стали освобождать районы, занятые немцами, начиная от самого Подмосковья! Уходя, враг превращал в пепел наши деревни. Вступая в сожженные фашистами деревни, мы обычно встречали убитых горем, рано состарившихся женщин или горько плачущих на пепелище родных усадеб полураздетых старух.

Лютая ненависть к Гитлеру росла не по дням, а по часам.

Все мы прекрасно понимали, что дело не столько в Гитлере, сколько в империалистической сущности третьего рейха. И все же нам хотелось прежде всего поймать и покарать Гитлера. Поэтому и не было необходимости давать какие-то специальные указания на этот счет. Без слов и письменных указаний было ясно, что мы пришли в Берлин для того, чтобы покарать виновников войны.

Последние, новые данные о Гитлере мы получили уже в разгар наступления. 30 апреля утром наши подразделения были атакованы курсантами-моряками. Однако их отряд был стиснут клещами и разгромлен. Пленные, высокие как на подбор здоровяки в черных бушлатах и брюках-клеш, рассказали, что накануне их десант — 600 человек — перебросили из Ростока в Темпельгоф. Когда они преодолели маршем 5 километров и достигли рейхсканцелярии, им приказали построиться и ждать. Из бункера вышел Гитлер со свитой. Он вручил Железный крест подростку, который подбил фаустпатроном советский танк, а потом обратился с краткой речью к морякам. Он назвал их героями и надеждой нации, призванными спасти Германию в тяжелое для нее время. Фюрер приказал морякам бороться так, чтобы отбросить русских за Шпрее и не допустить захвата рейхстага и Бранденбургских ворот. Гитлер заверял, что продержаться нужно совсем недолго — вот-вот появится новое оружие необыкновенной

мощи и новые самолеты. Он заявил, что с юга уже подходит армия Венка и русские будут не только выбиты из Берлина, но и отброшены к Москве.

Когда Гитлер ушел, перед матросами выступил Геббельс. Он долго говорил о том же самом, что и фюрер,— о чудодейственном оружии и скорой победе, вдохновлял моряков, а в заключение крикнул: «Гитлер покажет еще свою силу!»

Еще и сейчас я как бы слышу слова начальника политотдела корпуса Ивана Сергеевича Крылова, который, перед тем как розыскные группы вместе с штурмующими логово фашистов войсками должны были ринуться в бой, говорил мне: «Найди, Иван Исаевич, его, проклятого, живого или мертвого, найди!» — «Найдем,— пообещал я Ивану Сергеевичу.— Хотелось бы, конечно, живым. Ну, хотя бы полуживым...»

...И вот розыскные группы уже в подземелье, под имперской канцелярией, на Фоссштрассе. Мы знали точно, что именно тут, в этом специальном бомбоубежище, и размещался штаб Гитлера.

Бомбоубежище Гитлера и его сообщников представляло собой длинный узкий коридор с бесчисленным количеством дверей с обеих его сторон. Мы насчитали 50 комнат. Тут же разместились узел связи, склад продовольствия, а с противоположной стороны — госпиталь и другие службы. С бомбоубежищем соединялся подземный гараж. Здесь же был и «фюрер-бункер», как называли немцы личное убежище Гитлера. Находился «фюрер-бункер» гораздо глубже, чем бомбоубежище, и железобетонные перекрытия были над ним толще. К «фюрер-бункеру» нужно было пройти довольно длинный и извилистый путь и спуститься вниз еще на 20 ступенек.

Попасть в подземелье рейхсканцелярии можно было из внутреннего изолированного двора с садом или из вестибюля, откуда вела вниз широкая пологая лестница. Из внутреннего двора был также вход в «фюрер-бункер».

Все эти детали мы изучили позже, а пока шли поиски главных фашистских преступников.

Розыскные группы ворвались в имперскую канцелярию с внутреннего двора. Здесь уже хорошо поработали наша артиллерия и авиация. Бойцы розыскных групп проверили все помещения. Из коридоров и комнат выходили военные и гражданские люди с поднятыми вверх ру-

ками. Лежали и сидели раненые. Слышались стоны. Время от времени завязывались короткие перестрелки.

В наших руках уже было немало служащих и прислуги из имперской канцелярии. Их тут же наскоро допрашивали. Нескольких человек держали при себе как опознавателей и «проводников» по этим лабиринтам.

Когда в отдел были доставлены те, кто лично знал Гитлера и Геббельса, я решил вместе с ними выехать на место.

С моим заместителем майором Быстровым около запасного выхода из «фюрер-бункера» мы почти сразу же обнаружили два обгоревших трупа — мужчины и женщины.

— О! Иозеф Геббельс и Магда! — воскликнул один из опознавателей.

Мы тоже без труда узнали в мертвеце наивернейшего пса Гитлера: он был таким, каким его изображали на карикатурах,— большая голова и маленькое узкоплечее туловище, одна нога подвернута...

Рядом с Магдой Геббельс лежал партийный значок старой нацистки (он отпал от обгоревшего платья) и портсигар, на котором было выгравировано: «От Гитлера».

Я приказал отправить трупы для опознания. Солдаты положили их на какие-то двери, которые валялись тут же, и втащили на грузовую автомашину с деревянной будкой.

В то же время разведчики внимательно осматривали каждый метр подземелья, в котором располагалась имперская канцелярия, они заглядывали во все уголки, обследуя все входы-тайники.

Гитлер занимал несколько комнат: его спальня, передняя, комната для совещаний, гостиная, комната Евы Браун. Две комнаты в «фюрер-бункере» принадлежали Геббельсу. Здесь же был кабинет другого верного пса Гитлера — Бормана, комната камердинера Линге, комнаты ординарцев, телефонная станция.

В трех хорошо меблированных комнатах жил министр иностранных дел Риббентроп. Он сбежал 20 апреля, взяв с собой пять разных паспортов и несколько чемоданов с продуктами. В тот же день исчез из Берлина Геринг.

В одной из общих комнат бомбоубежища фашистской верхушки солдаты розыскной группы нашли трупы де-

тей: на отдельных кроватях, укрытые одеялами, лежали пять девочек, от пяти до пятнадцати лет, и один мальчик, приблизительно трех лет.

— Это дети Геббельса,— сказали немцы.

Нетрудно было догадаться, что случилось: перед смертью Геббельсы отравили своих детей, а потом приняли яд и сами, распорядившись при этом сжечь их трупы. Однако одних догадок для разведчиков было недостаточно, нужны были доказательства.

Около 12 часов ночи — это было 2 мая — в сопровождении огромной толпы наших воинов солдаты контрразведывательного отдела пронесли трупы через двор тюрьмы. Бывшего рейхсминистра пропаганды положили на кафельную плиту, накрытую мешком, в кухне квартиры, принадлежащей начальнику тюрьмы.

Началась подготовка процедуры опознания трупов. Была создана специальная комиссия из представителей фронта, армии и корпуса, прибыли журналисты, в том числе Борис Горбатов и Мартын Мержанов, фотокорреспонденты. Мы отобрали больше двадцати опознавателей из тех, кто лучше других знал Геббельса и его семью.

Самые ценные сведения мы получили от личного повара фюрера Вильгельма Ланге, техника гитлеровского гаража Карла Шнейдера, технического администратора дома имперской канцелярии инженера Вильгельма Цима, а также от вице-адмирала Фосса. Фосс, кстати сказать, был взят в плен с помощью самих немцев. Переодевшись в солдатскую форму, он пытался пробраться к гроссадмиралу Деницу, чтобы передать ему личные указания Гитлера. Фосс спрятался в коровнике. Немцы, увидев его, решили, что по своему внешнему виду он мало похож на солдата. О своих подозрениях они и сообщили в нашу комендатуру. Так был пленен вице-адмирал Фосс.

В зале на столе лежал труп Геббельса. Другие трупы — на полу. Опознающих впускали по очереди в одни двери, выходили они в другие. В расстегнутой солдатской шинели, чуть хромая (он был легко ранен в ногу), Фосс подошел к столу. Увидев труп, адмирал, высокий и худой, сразу как-то сжался и опустил седую голову.

— Это Геббельс,— сказал он.— Человека, похожего на него, не найти во всей Германии... Никто другой не имел такой ноги...

Фосс опознал также труп Магды Геббельс, назвал имена всех детей.

После этого был составлен акт, который гласил:

«2 мая 1945 года в центре города Берлина в здании бомбоубежища германской рейхсканцелярии, в нескольких метрах от входных дверей подполковником Клименко, майорами Быстровым и Хазиным в присутствии жителей города Берлина — немцев Ланге Вильгельма, повара рейхсканцелярии, и Шнейдера Карла, техника гаража рейхсканцелярии,— в 17.00 часов были обнаружены обгоревшие трупы мужчины и женщины, причем труп мужчины низкого роста, ступень правой ноги в полусогнутом состоянии (колченогий), с обгоревшим металлическим протезом, остатки обгоревшего мундира формы фашистской партии, золотой значок, обгоревший...»

С каждым часом все яснее становилась картина последних дней жизни и позорного конца главарей рейха.

За 20 минут до самоубийства

Все, кто видел в последнее время Гитлера, вспоминали, что он превратился в немощного старика, хотя ему было всего лишь 56 лет. После покушения на него, которое было совершено 20 июля 1944 года, у него стала дрожать рука, а в последние дни — судорожно трястись голова и все тело.

Гитлер готовился улететь из Берлина. Он строил один план за другим, но ввиду стремительного наступления наших войск все его планы рухнули. Вначале Гитлер хотел перебраться куда-то в центр Германии, затем — в свой замок в Берхтесгадене, куда уже отправил большую часть своих приближенных и в том числе своего личного секретаря и врача. На аэродроме Гатов стоял поджидавший его самолет, но было уже поздно. Тогда он выбрал Шлезвиг-Гольштейн. Стали спешно оборудовать взлетную площадку у рейхсканцелярии, но самолеты, предназначенные для Гитлера, сожгла советская артиллерия. Вот тогда-то Гиглер и затеял свадьбу. Сначала по его распоряжению обвенчали обоих его адъютантов. Потом он устроил собственную свадьбу с Евой Браун. (В Бер-

лине Гитлер жил один, и нацистская пропаганда прославляла аскетизм фюрера.) Было это 28 апреля. Брак оформлял юрист из министерства пропаганды. Адмирал Фосс рассказал, что, когда в подземелье рейхсканцелярии стало известно о свадьбе фюрера, он усмотрел в этом что-то неслыханно новое, как новое оружие, как чудо, которого наконец дождались. Но, видимо, сам фюрер уже не верил ни в какое чудо. На свадебном ужине Ева Браун была в черном платье.

Первым, кто заявил, что Гитлер покончил с собой, был адмирал Фосс. Он узнал об этом из рассказов адъютантов фюрера. Фосс видел фюрера последний раз утром 30 апреля, за несколько часов до самоубийства. Тот позвал его и передал пакет, в котором было «отречение от престола» и сообщение о том, что Дениц назначается президентом Германии, а Геббельс — канцлером. Этот пакет Фосс обязан был доставить гроссадмиралу Деницу.

Техник гаража Шнейдер и инженер Цим ознакомили нас с другими подробностями. Они видели Гитлера минут за 20 до самоубийства. Во дворе имперской канцелярии выстроился весь медицинский персонал госпиталя специального бомбоубежища. Фюрер молча обошел строй сестер и врачей, заглядывая каждому в глаза, и, ничего не сказав, спустился в бункер. После этого прошел слух, что Гитлер покончил с собой.

Личный врач Геббельса Гельмут Кунц рассказал о том, как погибли дети рейхсминистра пропаганды. В ночь на 1 мая его вызвали в кабинет Геббельса, и сам Геббельс предложил ему умертвить детей. Врач посоветовал Геббельсу отдать детей и жену под защиту Красного Креста. Геббельс на это сказал: «К чему тут, доктор, Красный Крест, ведь это дети Геббельса!» Врач усыпил детей при помощи морфия и признался Магде Геббельс, что у него, наверное, не хватит сил дать яд сонным детям. После этого Магда вложила в рот каждому своему ребенку ампулу с ядом и стиснула им челюсти. (Экспертиза обнаружила осколки ампул во рту детей.)

Позднее от других задержанных гитлеровцев были получены показания, проливающие свет на другие детали. Семья Геббельса находилась в Потсдаме. За месяц до краха Геббельс забрал жену и детей в убежище. Геббельс хотел улететь из Берлина, но Гитлер задержал его, и тот остался: ведь Геббельса называли верной собакой

Гитлера! С каждой новой изменой сторонников Гитлера Геббельс продвигался на ступеньку выше к той заветной цели, о которой он мечтал всю жизнь, а мечтал он стать «вторым человеком» в империи. На следующий день после своей свадьбы, когда бойцы Советской Армии были уже у рейхстага, Гитлер передал Геббельсу пост рейхсканцлера рухнувшей империи. Геббельс принял высокий пост, чтобы через сутки отравиться. В последние дни Магда умоляла мужа вывезти детей на бронетранспортере и выехать вместе с ними самим, но тщетно — Гитлер удержал Геббельса. Перед смертью Геббельс распорядился сжечь свой труп.

Собаке — собачья смерть

3 мая закончили работу по опознанию трупа Геббельса и оформили акт. Один круг самоубийства замкнулся. Из показаний Шнейдера, Ланге, Фосса, Цима и других было ясно, что Гитлер тоже покончил с собой. Но где же его труп? Допросы многих чиновников и военных пока что ничего не дали. Нужно было продолжать поиски. Мы понимали, что если не найдем труп Гитлера, то мы никогда не будем иметь точных доказательств смерти того, кто причинил столько горя и страданий человечеству.

Под вечер 3 мая, взяв с собой Фосса, мы поехали в имперскую канцелярию. Адмирал обещал показать еще несколько запасных выходов из «фюрер-бункера». Ехали не спеша: пусть представитель флота при Гитлере собственными глазами убедится, до чего довел Германию его фюрер: ведь Фосс последнее время сидел в бункере и ничего не видел! Я наблюдал, как был взволнован Фосс при виде разрушенного, обезображенного, наполненного смрадом Берлина. «Как ужасно разрушен Берлин! Я не мог представить себе, что когда-нибудь увижу его таким! Пропала Германия!» — произнес адмирал.

Когда мы продвигались по темному подземелью, освещая его фонариками, Фосс нервничал, рвался вперед, ругался, натыкаясь на всякий мусор и отбрасывая его ногами. «Уж не решил ли адмирал последовать за Гитлером и Геббельсом?» — подумали мы: нам было известно, что в первые часы плена Фосс пытался перерезать себе вену, поэтому мы неослабно следили за ним. Показав нам

убежище Гитлера, Фосс вывел нас из бункера через запасный выход. При этом он сказал: «Вот отсюда, как говорили мне адъютанты фюрера, они выносили его труп, но где он может быть, мне неизвестно». Мы пошли в сад, пристально ко всему приглядываясь. В центре сада был большой цементный бассейн. Бассейн был сух. На дне его лежало около 40 трупов. Внезапно Фосс вскрикнул: «О! Гитлер!» Действительно, один из трупов — он лежал третьим справа — был очень похож на Гитлера: такие же, как у него, усики и чуб набок. На нем был синий бостоновый костюм. Но нам бросились в глаза заштопанные носки... Мы переглянулись: могли ли они принадлежать фюреру?

— Нет, нет! Это не он! — воскликнул в этот момент Фосс.

Опустились сумерки, и мы вернулись в штаб.

Утром следующего дня с группой солдат и немцами-опознавателями мы снова были во дворе имперской канцелярии. Решили лучше рассмотреть мертвеца с усиками, а также продолжить розыски. Но в котловане трупа уже не было. Я укорял себя за свою оплошность. Выяснилось, что ночью состоялась передислокация войск. Части, которые штурмовали логово врага, переброшены в северную часть Берлина, а их место заняла другая армия. Новый начальник распорядился перенести «труп Гитлера» в помещение для его опознания. Наряду с другими лицами на опознание «трупа Гитлера» был приглашен и советский дипломат А. А. Смирнов, который до войны работал в Германии и не раз встречался с Гитлером. Когда мы предложили опознавателям осмотреть мертвеца, то один из них заявил, что это и есть Гитлер, а пятеро утверждали обратное. Подошла очередь и нашего опознавателя. А. А. Смирнов, осмотрев труп, с уверенностью сказал: «Закопайте. Это не Гитлер». То же заявил и один из врачей Гитлера.

Чей это был труп — двойника Гитлера или кого-то другого,— судить трудно. Скорее всего, то был труп одного из тех маньяков фашистов, которые во всем, даже в манере носить усики, старались походить на фюрера. В те дни иностранная пресса подняла вокруг этого факта страшный шум. В среде иностранных журналистов появились всяческие легенды о двойниках Гитлера, о самом Гитлере и о его смерти.

Еще когда готовились к осмотру «трупа Гитлера», мы решили более тщательно обследовать то место, где нашли труп Геббельса. В саду, налево от входа в «фюрер-бункер», чернела воронка от бомбы или снаряда. В ней валялись куски бумаги, щепки, серые одеяла, а на дне лежал фаустпатрон. Солдат Иван Чураков стал спускаться в воронку и увяз сапогами в рыхлой земле, а когда высвободился, увидел засыпанные землей трупы.

— Тут трупы, товарищ подполковник! — закричал Чураков. Мертвецов было двое — мужчина и женщина. Я приказал вытащить их. По обгорелым лицам и обожженным телам нельзя было определить, чьи это были трупы. Из гуманных побуждений я распорядился завернуть трупы в одеяла, которые валялись тут же, и закопать их в воронке. Между тем это и были трупы Гитлера и Евы Браун, но убедились мы в этом только через неделю. В то время наше внимание было занято трупом, который вот-вот должен был стать предметом опознания авторитетной комиссии.

После того как «труп Гитлера» не был опознан, мы с еще большим напряжением продолжали думать о том, куда же мог деться настоящий труп фюрера. Вот тогда я и сообразил: «Не его ли закопали мы в воронке?» Обменявшись мнениями с капитаном Дерябиным, мы решили извлечь закопанные в воронке трупы и привезти их для опознания в свою часть.

Рано утром мы с Дерябиным и солдатами, участвовавшими в розыске Гитлера, погрузили на машину специально приготовленные длинные ящики и выехали в имперскую канцелярию. Солдаты быстро выкопали трупы и, перекопав землю рядом, нашли двух мертвых собак — суку и ее щенка. На ошейнике овчарки прочитали надпись: «Всегда с тобой». Трупы людей уложили в ящики, погрузили в машину и привезли в помещение для опознания трупов.

Тайна воронки раскрывается

Привезенные трупы нужно было опознать. Началась кропотливая работа по сбору доказательств всего того, что происходило в последние часы в «фюрер-бункере».

Снова розыски свидетелей, участников или очевидцев самоубийства и похорон Гитлера, снова бесконечные допросы, сопоставления показаний, их анализ. Наша работа осложнилась тем, что был получен приказ о временном перебазировании нашего корпуса в Гросс-Шенебек, что в сорока километрах к северу от Берлина. Ящики с трупами (хорошо, что они были прокопчены и не разлагались) взяли с собой с твердым намерением довести дело до конца.

В первом часу ночи, когда в отделе контрразведки корпуса, в домике на окраине уцелевшего городка Гросс-Шенебек, мы делились результатами своей работы с корреспондентом «Правды» Мартыном Мержановым, ко мне в кабинет вошел капитан Дерябин. Он сказал, что один из задержанных немцев заявил, что может дать ценные показания, но хотел бы разговаривать со старшим начальником. Мы приказали ввести немца.

Начали допрос. Этот допрос подробно записал Мартын Иванович Мержанов, и мне удалось его сохранить.

«— Я Гарри Менгесхаузен. Мне тридцать лет. Я полицейский, окончил две полицейские школы. Служил в частях СС.

— Где вы находились в последнее время?

— С 10 по 30 апреля 1945 года я проходил службу в должности командира отделения в имперской канцелярии. С моей группой, в которой было пятнадцать человек, я защищал имперскую канцелярию. Говоря точнее, мое отделение охраняло фюрера Адольфа Гитлера.

— Где может быть сейчас Гитлер?

— 30 апреля Гитлер и его жена покончили с собой, и в этот же день были сожжены и зарыты.

— Разве Гитлер был женат?

— Да, 28 апреля он женился на Еве Браун.

— Откуда вы знаете, что Гитлер и Браун были сожжены?

— Это я видел сам. В полдень 30 апреля я патрулировал в имперской канцелярии Я ходил по коридору от рабочей комнаты фюрера до Голубой столовой. В Голубой столовой входная дверь и окно были серьезно повреждены от бомбежек и артиллерийского обстрела. Я подошел к первому окну и начал наблюдать за садом. Вдруг я увидел, как штурмбаннфюреры Гюнше и Линге вынесли труп Гитлера. За ними кто-то нес труп женщины. Она

была в черном платье. Расстояние от Голубой столовой до выхода из бункера фюрера составляло около 60 метров. Я начал внимательно следить за происходящим.

— Ну и что же вы увидели?

— Адъютант Гюнше облил труп Гитлера и труп женщины, по всей видимости Евы Браун, бензином и поджег. Это было между 16 и 17 часами. Потом пришли два человека в форме СС и начали закапывать трупы. Они сначала занесли их в воронку, которая была поблизости от запасного выхода из бункера, и закопали. Затем они разровняли землю. Я это видел.

— По каким признакам вы опознали Гитлера?

— По форме. В ней я видел его накануне. Такой формы ни у кого не было.

— А что это за форма?

— Бежевого цвета френч с золотой свастикой на лацкане.

— А откуда там появилась овчарка?

— Она тоже была закопана в этой воронке. Мне рассказал Пауль Фенн, который ухаживал за собакой Гитлера Блонди, что собака и ее щенок были отравлены ядом».

В комиссию по уточнению места захоронения Адольфа Гитлера кроме разведчиков вошли топограф и фотограф. Взяв разрешение на въезд в город и вход на территорию имперской канцелярии у коменданта Берлина генерал-полковника Берзарина, мы вместе с Менгесхаузеном отправились к месту происшествия. Менгесхаузен сразу же привел нас к той воронке, в которой накануне мы нашли два трупа. Мы убедились, что из окна Голубой столовой действительно удобно наблюдать за всем, что делается у запасного выхода из «фюрер-бункера». Продолжив тут же допрос эсэсовца, мы кое-что уточнили. Менгесхаузен заявил, что адъютант Гюнше заметил его, подбежал и приказал заровнять могилу фюрера и его жены как можно аккуратней. «Я это сделал,— сказал Менгесхаузен,— как мог, так как боялся взрывов снарядов и мин». Один из снарядов, очевидно, упал рядом с могилой Гитлера, Евы Браун и их собак и образовал воронку, которая оголила ноги трупов. Менгесхаузен признался также, что Гюнше строго предупредил:

«Русские ни в коем случае не должны знать о том, что здесь произошло».

Розыск Гитлера разведчики закончили 13 мая. Кроме меня акт подписали старший следователь, он же переводчик, старший лейтенант Катышев, майор Глебок, фотокорреспондент младший лейтенант Калашников, рядовые Олейник, Чураков, Новаш, Мялкин, а также опознаватель Менгесхаузен. Акт гласил:

> «...Осмотром мест, указанных опознавателем Менгесхаузеном, была установлена правдивость его показаний... Тем более правдивы показания опознавателя Менгесхаузена, так как из названной им воронки 4 мая 1945 года нами были извлечены обгоревшие трупы мужчины и женщины и две отравленные собаки, которые другими опознавателями опознаны как принадлежавшие Гитлеру и его жене Ифе Браун, бывшему личному секретарю [1].
>
> Глазомерная съемка места обнаружения трупов Гитлера и его жены и фотоснимки мест, названных опознавателем Менгесхаузеном, к акту прилагаются.
>
> О чем и составлен настоящий акт в г. Берлине, имперской канцелярии».

Вот теперь дошла очередь и до злосчастных трупов. В этот же день ими занялось командование, а также медэксперты высших инстанций. Уже при внешнем внимательном осмотре все подтверждало, что это трупы Гитлера и Браун. При более внимательном осмотре получили новые подтверждения: убедительным доказательством были зубы мертвецов. Известно, что людей с одинаковыми зубами в природе не существует. Работники контрразведки армии и фронта разыскали профессора Айкена, который не раз лечил горло Гитлера, ассистентку профессора Блашке (который был его личным зубным врачом) Кете Хойзерман, личного зубного техника Фрица Эхтмана. Все они с большими или меньшими подробностями утверждали одно и то же: многие зубы Гитлера были или фарфоровыми или золотыми. Об этом же говорила и найденная история болезни Гитлера.

В имперской канцелярии, в зубоврачебном кабинете профессора Блашке разыскали рентгеновские снимки зубов Гитлера, их сравнили с зубами на челюстях трупа.

---

[1] Имя и род занятий указаны ошибочно.

Никакого сомнения: зубы найденного трупа принадлежали Гитлеру. Таким же путем был установлен и труп Евы Браун: Фриц Эхтман нашел золотую пластинку, которую он сделал собственными руками для зубного мостика в челюсти Браун.

Зубы Гитлера и материалы о их опознании мы приложили к остальным материалам расследования и отправили по инстанции. Сам я вместе с Менгесхаузеном выехал в отдел контрразведки армии для доклада.

Был воскресный солнечный, теплый день 13 мая. Начальника отдела контрразведки армии Мирошниченко на месте не оказалось, но его быстро разыскали, и уже вместе с ним мы еще раз допросили Менгесхаузена. Допрос, по существу, носил уточняющий характер: надо было разъяснить кое-какие места в протоколах.

Позорно закончили Гитлер и Геббельс. Изуродованный труп Гитлера эсэсовцы затолкали в воронку, где уже лежали дохлые псы, и наскоро присыпали мусором. Его ближайший соратник не удостоился и такой чести: обгоревший труп рейхсминистра бросили посреди двора. История совершила свой грозный и справедливый суд.

После окончания войны, как известно, начался Нюрнбергский процесс по делу военных преступников. Главари фашистского рейха были казнены, а их ближайшие помощники осуждены на длительные сроки тюремного заключения.

★

КОНЕЦ ШПИОНСКОГО ГНЕЗДА

Б. СЫРОМЯТНИКОВ

Для чекистов японский разведчик Минодзума был старым знакомым. В 1922 году он появился во Владивостоке в качестве помощника командира крейсера «Ниссин». Уже тогда, несмотря на скромный чин лейтенанта, Минодзума был одним из активных исполнителей плана превращения Дальнего Востока в японскую колонию. Особенно бурную деятельность он развил после того, как интервентам под натиском молодой Красной Армии пришлось покинуть Приморье.

Обосновавшись в городе Владивостоке в качестве самозванного представителя военно-морских сил Японии, Минодзума активно занимался шпионажем, подготавливая контрреволюционное выступление. Но как план колонизации Дальнего Востока был сорван Красной Армией, так и шпионско-заговорщическая деятельность Минодзумы и его подручных потерпела крах в результате настойчивой и самоотверженной работы дружного коллектива только что сформировавшегося Приморского отдела ОГПУ.

Заинтересовавшись личностью Минодзумы, молодые чекисты Ветошев (бывший конармейский разведчик), Вуколовин (тихоокеанский моряк) и Морев (смазчик паровозов), направленные партией в органы ЧК, оказались хитрее и проницательнее кадрового японского шпиона. Минодзуму поймали с поличным. Несмотря на явно преступный характер его деятельности, Советское правительство проявило максимум гуманности, ограничившись его высылкой в Японию.

Битый разведчик нашел приют в центральном аппарате военно-морской разведки Японии, где слыл специа-

листом по «русским делам». Предвкушая перспективу войны против СССР, он добился поста начальника военно-морской миссии в порту Сейсин оккупированной Кореи. Расположенный на подступах к Владивостоку, Сейсин стал опорным пунктом в подрывной деятельности против Тихоокеанского флота и Отдельной краснознаменной Дальневосточной армии.

День за днем Минодзума занимался сколачиванием шпионских групп из числа белоэмигрантов и засылкой их на советскую территорию; одну за другой посылал он в советские воды разведывательные шхуны, которые маскировались под корейские рыболовные суда. В погожие дни Минодзума взбирался на самые высокие сопки и наблюдал с помощью оптических средств за объектами советской обороны. Почти за четверть века своей шпионской деятельности Минодзума приобрел богатый опыт и добился больших чинов. К 1945 году он стал полковником и кавалером орденов «Восходящего солнца» и «Звезды сокровищ».

Однако дальневосточные чекисты умело организованной контрразведкой парализовывали подрывную деятельность самурая. Каждая разведывательная акция Минодзумы заканчивалась для него потерей шхуны и обученных лазутчиков. Но сам инспиратор шпионажа был недосягаем: он укрылся за развернутыми у советских границ частями Квантунской армии.

Наступил август 1945 года. Верный своим союзническим обязательствам, Советский Союз объявил войну Японии. 9 августа Советские Вооруженные Силы начали боевые действия против японских войск. И когда командование флотом наметило высадку десанта в порту Сейсин, руководство флотской контрразведки решило одновременно с ней осуществить операцию по захвату документов и личного состава сейсинской военно-морской миссии, и прежде всего матерого шпиона Минодзумы.

В группу захвата были включены контрразведчики капитан Н. Семин и лейтенант М. Крыгин. Это были опытные, смелые и волевые военные чекисты, неоднократно участвовавшие в трудных и опасных заданиях.

Настал день выхода морского десанта на выполнение боевого задания.

— Еще раз посмотрите по плану города кратчайшие подходы от пункта высадки к помещению миссии,— на-

путствовал Семина и Крыгина начальник флотской контрразведки.— Улицу, на которой расположена миссия, корейцы называют «Кисса Нагая». Дом довольно заметный: он расположен на холме. Опирайтесь на помощь местного населения, там у нас немало хороших друзей, а изгнание японских оккупантов — радостное событие для них. Под пули зря не лезьте, но и честь советского офицера держите высоко. А сейчас вам дается один час на сборы. В 7.00 вы должны быть на месте погрузки у пирса острова Русский. К этому времени мы будем там и представим вас командиру передового десанта. Ну что же, как говорят моряки, счастливого вам пути и три фута чистой воды под килем.

К 7 часам утра Семин и Крыгин были на пирсе. Здесь их представили командиру десанта Герою Советского Союза старшему лейтенанту В. Н. Леонову, прославленному разведчику-североморцу, недавно переведенному на Тихоокеанский флот.

— Я понимаю, Виктор Николаевич, что и у вас людей не в избытке, но все же прошу дать в помощь Семину и Крыгину группу ваших разведчиков,— сказал Леонову представитель контрразведки флота.

— Задача у нас общая, товарищ капитан первого ранга,— ответил тот.— Если овладеем с ходу Сейсином, можем тогда рассчитывать и на успех в захвате шпионского гнезда, так что будем действовать сообща.

Николай Семин сел на головной катер. Михаил Крыгин вышел на катере, который замыкал колонну отряда.

Увеличивая обороты, зарокотали моторы. Выстроившись в кильватер, катера устремились к выходу из залива...

Предчувствуя, что час расплаты близок, Минодзума метался по кабинетам миссии. Он понимал, что японцы проиграли войну. Порт Сейсин был самым основательным образом обработан советскими самолетами.

Прервалась связь с Токио и с Гензаном. Нужно было спасать свою шкуру, куда-то скрыться.

Прежде, когда военное положение Японии еще не было таким катастрофическим, Минодзума нередко хвастливо, с подробностями рассказывал сотрудникам миссии о своих заслугах в разведывательной работе против СССР. Не раз он им заявлял, что недалек тот день, когда к «сфере великого совместного процветания Восточной

Азии» будут присоединены Дальний Восток и Сибирь и лично ему будет принадлежать в этом немалая роль. Сейчас он мысленно ругал себя за свою болтливость: ведь теперь все это может обернуться против него.

Минодзума был практичным человеком, и его мысли сразу же направились на поиски реального выхода из создавшегося положения.

Надо сделать все возможное, чтобы не попасть в руки русских, решил Минодзума. Что касается американцев, он сумеет найти с ними общий язык, тем более что придет к ним не с пустыми руками. Он пригодится им не только как специалист по «русским делам», но и как опора в борьбе с происками марксистских элементов внутри самой Японии. Таков его основной козырь. Да и военная обстановка еще не совсем безнадежна. В районе Сейсина стоит еще целая японская дивизия. Пока она обороняется, он доберется до американцев.

Придя к этому заключению, Минодзума созвал своих сотрудников и обратился к ним с короткой речью.

— Не исключено, что мы вынуждены будем оставить Сейсин,— сказал японский разведчик.— Мы не можем допустить, чтобы материалы, которые являются важнейшей тайной его величества императорской армии, стали достоянием советского командования. Приказываю приступить к сожжению всех материалов. Как только все документы будут уничтожены, необходимо как можно скорее уходить на юг.

Отдав последние распоряжения, Минодзума заявил, что его вызывает начальство, сел на катер и отбыл в неизвестном направлении.

Оставшиеся в Сейсине японские войска были застигнуты врасплох и встретили наш десант беспорядочными, несогласованными действиями. Советские моряки в числе менее двухсот человек захватили основную часть Сейсинского порта, в районе которого находилось несколько тысяч вражеских солдат.

Однако десантникам пришлось трудно: сильный туман, благодаря которому десантники незаметно подошли к берегу, теперь сковывал их действия. В результате возник большой разрыв между передовым отрядом и основными силами. Убедившись, что на берег высадились лишь небольшие подразделения, японцы обрушили на них все свои силы.

В тяжелое положение попал взвод автоматчиков, с которым прибыл Михаил Крыгин. Их катер был замыкающим и, войдя в дымовую завесу, потерял ориентировку. Находившиеся на нем разведчики оказались далеко от главной группы. Таким образом, головной отряд распался на две неравные части, одна из которых действовала в рыбачьей гавани, а другая — на молу. Разъединенными оказались и наши контрразведчики.

Лейтенант Крыгин сражался вмесге с пятнадцатью автоматчиками против роты японцев. Треск выстрелов сливался со свистом пуль, во все стороны летели брызги раскалывавшегося бетона. Возглавлявший эту группу десантников парторг роты старший сержант Ушаков упал навзничь, широко раскинув руки. Лейтенант Крыгин в развевающемся плаще выбежал вперед:

— Слушай мою команду! Короткими перебежками к железнодорожной насыпи!

Надо было как можно скорее уходить из-под вражеского огня, во что бы то ни стало соединиться с основными силами отряда. Отстреливаясь, солдаты достигли железнодорожных путей. Но задерживаться нельзя было и тут. Крыгин прислушался. В некоторых кварталах поселка стрельбы не было. «Туда!» Стремительный бросок, и наши воины уже под защитой домов. Но и тут вражеские посты. Минута растерянности, и, придя в себя, японцы начинают бешеное сопротивление. Наконец путь расчищен. Крыгин приказывает экономить боеприпасы, стрелять только прицельно. Сам он уложил уже с десяток неприятельских солдат.

По его расчетам, шоссейная дорога рядом. А оттуда известен путь и к резиденции полковника Минодзумы. Далеко ли от нее сейчас Николай Семин? Мысли мелькают в голове с быстротой молнии. Прежде всего надо помочь главной группе закрепиться в порту и в городе. Вон в сторону рыбачьей гавани перебежала группа японцев. Конечно, надо немедленно атаковать ее, чтобы обезопасить от внезапного удара во фланг основную леоновскую группу...

Бой не затихал ни на минуту. Семь раз малочисленной группе Крыгина пришлось отражать ожесточенные контратаки противника. Выходили из строя бойцы. Иссякали боеприпасы.

Крыгин приказал бойцам отходить к рыбачьей гава-

ни, а сам, собрав у убитых товарищей патроны и гранаты, остался прикрывать отход. Когда защищаться стало уже нечем, Крыгин, превозмогая боль ран, выхватил из ножен убитого японского офицера саблю и зарубил ею еще одного врага. И в тот момент новая боль пронзила героя. Прошив книжечку партбилета, вражеская пуля смертельно ранила его. Какое-то время Крыгин смотрел в небо, и в его голове одна за другой быстро проносились картины его жизни... «Ах, да, бой... Бой был жестоким!.. Прорвутся ли наши к своим?..»

Медленно и боязливо приближались самураи к лежавшему без движения советскому офицеру. Убедившись, что он мертв, они с остервенением стали топтать его ногами, кололи мертвого штыками, и не было предела их бешенству и трусливой злобе...

В это время, когда группа лейтенанта Крыгина дралась на фланге, капитан Семин сумел добраться до помещения японской жандармерии и забрать там уцелевшие документы.

В первый день нашим контрразведчикам сделать большего не удалось. Высадка основных сил десанта задержалась, и отряд Леонова вынужден был временно отойти к сопкам. На другой день, как только в Сейсине высадились свежие подразделения нашей морской пехоты, сопротивление японцев в основном было сломлено, капитан Семин был уже в здании миссии полковника Минодзумы. Здесь от документов остался только пепел. Тщательный поиск документов все же продолжался, и он принес результаты. На дворе, в одной из куч мусора был найден листочек бумаги. Это было заявление одного из местных жителей с просьбой о приеме его на хозяйственную работу при миссии. С этого заявления и началось распутывание сложной паутины шпионской сети Минодзумы.

Расспросив местных жителей, разведчики нашли автора заявления. Это был кореец Пун Чже, жил он в Сейсине. Пун Чже рассказал о том, что накануне отступления японцев начальник миссии приказал всем сотрудникам бежать как можно дальше на юг страны. Как и куда скрылся Минодзума, он не знает, так как в последний день в миссии не был. Однако он высказал предположение, что некоторые сотрудники миссии далеко уйти не могли и скрываются где-то поблизости. Пун Чже расска-

зал, что в миссии работали двое русских из белоэмигрантов — мужчина и женщина. Последняя, по фамилии Скаковская, была как будто внучкой какого-то русского князя. Мать ее имеет небольшое имение в поселке Новина, что в 30 километрах от Сейсина. Скорее всего она уехала к матери.

Из беседы с Пун Чже выяснилось, что при осмотре японской миссии чекисты не заметили один флигелек, расположенный в глубине двора. Оказалось, что это жилое помещение служило местом отдыха Минодзумы. Было решено осмотреть флигель.

Разобрав диванчик в спальне Минодзумы, чекисты обнаружили в нем крупномасштабную карту Советского Приморья с нанесенной на ней диспозицией советских воинских частей, аэродромов, складов, укреплений, вплоть до отдельных огневых точек.

— Да, основательно поработал господин Минодзума,— сказал начальник оперативной группы капитан 3-го ранга М. В. Потехин, когда Семин положил ему на стол находку.— Ну что ж, карта послужит хорошим изобличительным документом. Главное теперь — найти и арестовать ее автора, Минодзуму.

...Розыск имения Новина не потребовал большого труда.

У крыльца господского дома чекистов встретила пожилая женщина в чепце.

— Вы гражданка Скаковская? — спросил ее Семин.

— Да, я Скаковская.

— Можем ли мы видеть вашу дочь?

— Конечно. Таня, тебя спрашивают,— плохо скрывая волнение, засуетилась старуха.

— Я прошу вас предъявить имеющиеся у вас личные документы,— обратился Семин к вышедшей женщине и прошел вслед за ней в комнату.— Кто вы такая?

— Я — Скаковская Татьяна Павловна.

— Ваше последнее место работы?

— Я работала техническим сотрудником в японском представительстве по охране морского района.

— Кто являлся начальником этого представительства?

— Полковник японских военно-морских сил Джундзи Минодзума.

— Где он находится в настоящее время?

— Мне это неизвестно.

— Расскажите подробно о вашей работе в японском представительстве в Сейсине.

Гражданка Скаковская оказалась неглупой женщиной. Она поняла, что с владычеством японцев в Корее покончено и что только откровенным признанием она может заслужить снисхождение у своих соотечественников.

Вот что узнали чекисты из рассказа Т. П. Скаковской.

Это было в июне 1943 года. Неожиданно пришел японский жандарм. Татьяна Павловна очень испугалась. Долго они ехали в закрытой машине. Затем слуга провел ее в кабинет полковника Минодзумы. Минодзума был очень любезен. Он сообщил, что хорошо знает семью Татьяны Павловны, поинтересовался, каковы ее познания по радиоделу, спросил, имеет ли она приемник и приходилось ли ей на слух записывать содержание радиопередач. Потом он заявил, что в то время, когда решается судьба цивилизации, никто не может оставаться в стороне, что ее семья почти все потеряла в России, когда пришли большевики. Он утверждал даже, что он почти ее земляк, поскольку ему часто приходилось бывать в Петрограде, на родине ее матери. Он рассказал, что тоже дворянин-самурай и тоже кое-что потерял, хотя у них и не было революции. Тут же он предложил ей работать в его миссии, подчеркнув, что она будет получать хорошее вознаграждение.

— Вы подходите для нашей работы, так как вы являетесь русской, а по социальному положению — дворянка,— сказал Минодзума.

Она согласилась. Тут же Минодзума предложил ей написать подробную автобиографию и продиктовал клятвенное обязательство, которое обязывало ее сохранять в тайне характер работы миссии. Первое время она оставалась дома. Затем за ней приехал жандарм и доставил ее в миссию. Туда же был доставлен и другой русский — Семен Тюков. Минодзума сказал, что пора приниматься за работу, и представил им офицера-японца по имени Фудзи, который должен был обучать новых сотрудников радиоделу и контролировать их работу. Скаковскую и Тюкова провели в помещение, где была установлена радиоаппаратура: они увидели два английских приемника и один японский. Новые сотрудники должны были перехватывать сообщения советских радиостанций и записы-

вать все сведения, которые касались положения в СССР, войны с Германией и отношения Советского Союза к Японии.

Нагрузка радистов по приему советских вещательных станций с каждым месяцем возрастала. Распорядок дня был напряженным. Ровно в семь утра они должны были докладывать Минодзуме о результатах работы предыдущего дня и сообщать программу советских передач на следующий день. Минодзума отмечал в программе те передачи, которые необходимо было записать. Записи радистов об успехах советских войск на фронтах, о выходе советских войск на границу с Румынией, об освобождении Одессы, о форсировании Днестра, о наступлении в Белоруссии приводили Минодзуму в бешенство. Поэтому его заявления, будто дела Японии неплохи и что она будет продолжать борьбу до полной победы, не производили уже никакого впечатления на сотрудников миссии.

Особый интерес проявлял полковник к тому, как проходили учения советских войск у восточных границ. Он требовал подробных записей разговоров между штабами, кораблями, самолетами и аэродромами; точной фиксации числа находящихся в воздухе самолетов, курса того или иного самолета, его позывных, содержания передаваемых команд. Иногда Минодзума сам подключался и прослушивал радиопередачи.

В начале апреля 1945 года Скаковская и Тюков перехватили немало закодированных разговоров советских авиационных подразделений. Расшифровка их показала, что на аэродромах в здешних местах появились советские торпедоносцы. Минодзума заявил, что об этом немедленно будет знать Токио и что его данные могут попасть на доклад императору.

Радиоперехват о капитуляции Германии привел Минодзуму в отчаяние, хотя на людях он старался казаться спокойным. Накануне он выступил с лекцией в Народном доме, где говорил о мощи Квантунской армии и ее готовности разбить любого врага.

Скаковская рассказала и о том, что ей было известно о засылке японских лазутчиков в Советское Приморье. Она не отрицала, что ей и Тюкову также предназначалась роль шпионов в советском тылу. Недаром Минодзума неоднократно требовал от них изучать детали совет-

ского быта, вживаться в них и часто подчеркивал, что это им пригодится.

Глава миссии выполнял еще и функции карателя, а его правой рукой был начальник жандармерии в Сейсине. Оба были беспощадны к корейским патриотам и тем лицам, которых они подозревали в симпатиях к СССР.

С помощью корейских друзей, а также найденных сотрудников японской миссии чекисты выявляли все новых и новых лиц, которые использовались Минодзумой в преступной деятельности против СССР. Тут были и адъютант Минодзумы Тахара, опознанный на одном из сборных пунктов японцев, и технические сотрудники миссии, и владелец «рыболовных» шхун, и члены их экипажей.

Чекисты оперативной группы работали слаженно и напряженно. Одни находились в непрерывных разъездах, отыскивая укрывшихся в глухих местах сотрудников миссии, другие беседовали с задержанными, все шире раскрывая картину подрывной деятельности против нашей Родины, третьи шли по пятам скрывшегося главаря шпионского гнезда.

Из рассказов лиц, знавших начальника миссии, выяснилось, что после побега из Сейсина Минодзума в течение пяти дней скрывался на квартире одного из сотрудников штаба гензанской военно-морской базы. Теперь на этот район было переключено главное внимание чекистов, которые занимались розыском Минодзумы.

Вскоре Минодзума был опознан и пойман на сборном пункте японских граждан, которых подготавливали к эвакуации на их родину.

Минодзуме было шестьдесят лет, и он прикинулся эдаким опустившимся стариком, однако уловки матерого разведчика не спасли его. И вот опасный военный преступник предстал перед советским следователем.

Минодзума быстро понял, что советской контрразведке известна вся его подрывная деятельность против Советского государства, и он решил добиться снисхождения у советского правосудия, спасти свою жизнь, разыграв самое глубокое раскаяние. Он попросил чистый лист бумаги и написал на имя начальника контрразведки Тихоокеанского флота следующий документ:

«Прошу принять следующее мое заявление.

В 1923 году при эвакуации японских войск из Совет-

ского Приморья я был оставлен с особой миссией в городе Владивостоке. С тех пор в течение 22 лет я занимался активной разведывательной работой, направленной против СССР, и за это неоднократно награждался японским императором. В результате неправильной и глупой политики японского правительства вся моя работа — работа разведчика — пошла насмарку. Напрасно было затрачено столь много энергии, труда и здоровья. По официальным статистическим данным, в Японии мужчина живет 45 лет. Мне уже 60. А это говорит о том, что жить мне осталось недолго. Поэтому прошу как можно великодушнее судить меня и строго не наказывать, ибо большого срока я не выдержу. В настоящее время я раскаиваюсь в моих прошлых действиях и готов дать правдивые показания по существу разведывательной работы Японии против СССР».

Показания Минодзумы и его подчиненных дали возможность советской контрразведке обезвредить целый ряд агентов разведывательных и карательных органов Японии на Дальнем Востоке.

За бесстрашие и доблесть в бою посмертно удостоен звания Героя Советского Союза Михаил Петрович Крыгин. Прах чекиста покоится неподалеку от места его последнего подвига, в братской могиле советских воинов на центральной площади портового корейского города Сейсина. Его именем названа одна из улиц во Владивостоке.

Боевой товарищ Крыгина Николай Иванович Семин был награжден орденом Красного Знамени, знаменитый моряк-разведчик Виктор Николаевич Леонов получил за свою смелость и находчивость в руководстве десантом вторую Золотую Звезду.

Новое поколение дальневосточных чекистов свято хранит и умножает славные боевые традиции своих отцов.

★

Наряд из Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР следует на контрольно-пропускной пункт в городе Москве. Ноябрь 1941 года (см. «Омсбон в обороне Москвы»).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 192 (8600) | Воскресенье, 13 июля 1941 г. | ЦЕНА 15 КОП.

УНИЧТОЖАТЬ ШПИОНОВ И ДИВЕРСАНТОВ!

Советский народ, поднявшийся на борьбу с фашистскими захватчиками, сплочен, как никогда. Пламенный патриотизм

ния войны, которыми пользуются фашистские гады.

Все это налагает на советских людей

Передовая статья «Правды».

Бойцы истребительного батальона задержали вражеских парашютистов, заброшенных в советский тыл для совершения диверсий (см. «Омсбон в обороне Москвы»).

Проверка документов патрулями Отдельной мотострелковой бригады особого назначения в городе Москве. Ноябрь 1941 года (см. «Омсбон в обороне Москвы»).

Группа оперативных сотрудников управления НКВД, активно действовавших в тылу врага на территории Орловской области. Слева направо: В. А. Засухин, И. Д. Сидоров, К. Ф. Фирсанов, Д. В. Емлютин, С. Ф. Горбунов, В. И. Суровягин, Н. Ф. Сапронов, И. С. Зайцев, Н. И. Селифанов, Г. М. Брянцев (см. «В поединке с врагом»).

ОРГАНЫ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ „АБВЕР“ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ

Схема немецко-фашистских разведывательно-диверсионных органов на советско-германском фронте.

Шпион гитлеровской разведки Деев, пойманный в городе Малоархангельске Орловской области. Шпион выдавал себя за психически ненормального человека. В мешке у него находилась портативная радиостанция. 1943 год.

Экипировка вражеских диверсантов, задержанных органами государственной безопасности.

Пачки советских денег, изъятые у фашистских разведчиков. Деньги предназначались для вербовки шпионов.

5
10
10

Центральный универмаг города Сталинграда, в подвале которого был пленен командующий 3-й немецко-фашистской армией фельдмаршал Паулюс (см. «Чекисты в обороне Сталинграда»).

Группа сотрудников Сталинградского управления НКВД, принимавших активное участие в обороне Сталинграда. Слева направо: Я. Я. Петрунин, И. А. Филиппов, А. И. Воронин, А. Литвинов, В. С. Соболевский, С. Н. Ашихманов, В. Е. Овчаров (см. «Чекисты в обороне Сталинграда»).

Омсбоновцы, награжденные за оборону Москвы. Кремль, февраль 1942 года (см. «Омсбон в обороне Москвы»).

Костя Феоктистов. 1942 год (см. «Ради человека»).

Разработка плана разведывательно-подрывной операции. Слева направо: подрывник Н. Я. Гетин, заместитель командира специальной группы по разведке Ф. В. Лопачев, заместитель командира по подрывной работе С. Н. Алфеев, командир специальной группы «Буря» Н. А. Михайлашев, разведчик Соловьев, комиссар группы Н. И. Жарихин, радист В. А. Грибов и подрывник В. И. Попов (см. «Невидимый фронт»).

Специальная группа «Буря» перед выходом на боевое задание. О готовности группы докладывает заместитель командира по подрывной работе С. Н. Алфеев (см. «Невидимый фронт»).

Вражеский эшелон с живой силой и техникой, подорванный бойцами оперативно-чекистских групп.

Допрос «языка» ведут командир специальной группы «Буря» Н. А. Михайлашев (стоит справа) и заместитель командира специальной группы по разведке Ф. В. Лопачев (сидит за столом) (см. «Невидимый фронт»).

Сеанс радиосвязи специальной группы «Буря» с центром. Слева — командир группы Н. А. Михайлашев, справа — радист В. А. Грибов (см. «Невидимый фронт»).

Подмосковные партизаны в разведке.

Народному Комиссару Государственной Безопасности Союза ССР

Учитывая успешную работу в тылу врага спецотрядов 4-го Управления Вашего Наркомата, действовавших под командованием т. т. Каминского, Матвеева, Шихова и оказавших существенную помощь фронту в деле разрушения Унечского и Гомельского железнодорожных узлов противника, мы просим оказать дальнейшую помощь Белорусскому фронту посылкой Ваших диверсионно-разведывательных отрядов для воздействия на перевозки и разрушения основных ж.-д. коммуникаций в тылу противника.

В интересах фронта наиболее актуальной задачей является вывод из строя ж.-д. линий противника: станции Старушки, Лунинец, Пинск, Бобруйск, Минск и Бобруйск-Старушки, а также получение разведданных о мероприятиях и действиях противника на этих участках.

В связи с намечаемой Вами выброской спецотрядов для действия в тылу врага на участке Белорусского фронта, мы просим учесть наши пожелания в этом отношении и ориентировать часть Ваших отрядов в самое ближайшее время на диверсионно-разведывательную работу в районах указанных выше ж.-д. линий противника.

Как и прежде, нами будет оказана необходимая помощь для переброски отрядов, связи с ними и успешного выполнения поставленных им задач.

Командующий войсками Белорусского фронта
генерал Армии РОКОССОВСКИЙ

24 декабря 1943 года

Дом № 75 по улице Франца Меринга в Одессе. Здесь находилась конспиративная квартира отряда В. А. Молодцова. В этой квартире в ночь на 10 февраля 1942 года Молодцов был схвачен фашистами вместе со своей связной Тамарой Межигурской и разведчиками отряда Яшей Гордиенко и Сашей Чиковым (см. «Всегда с народом»).

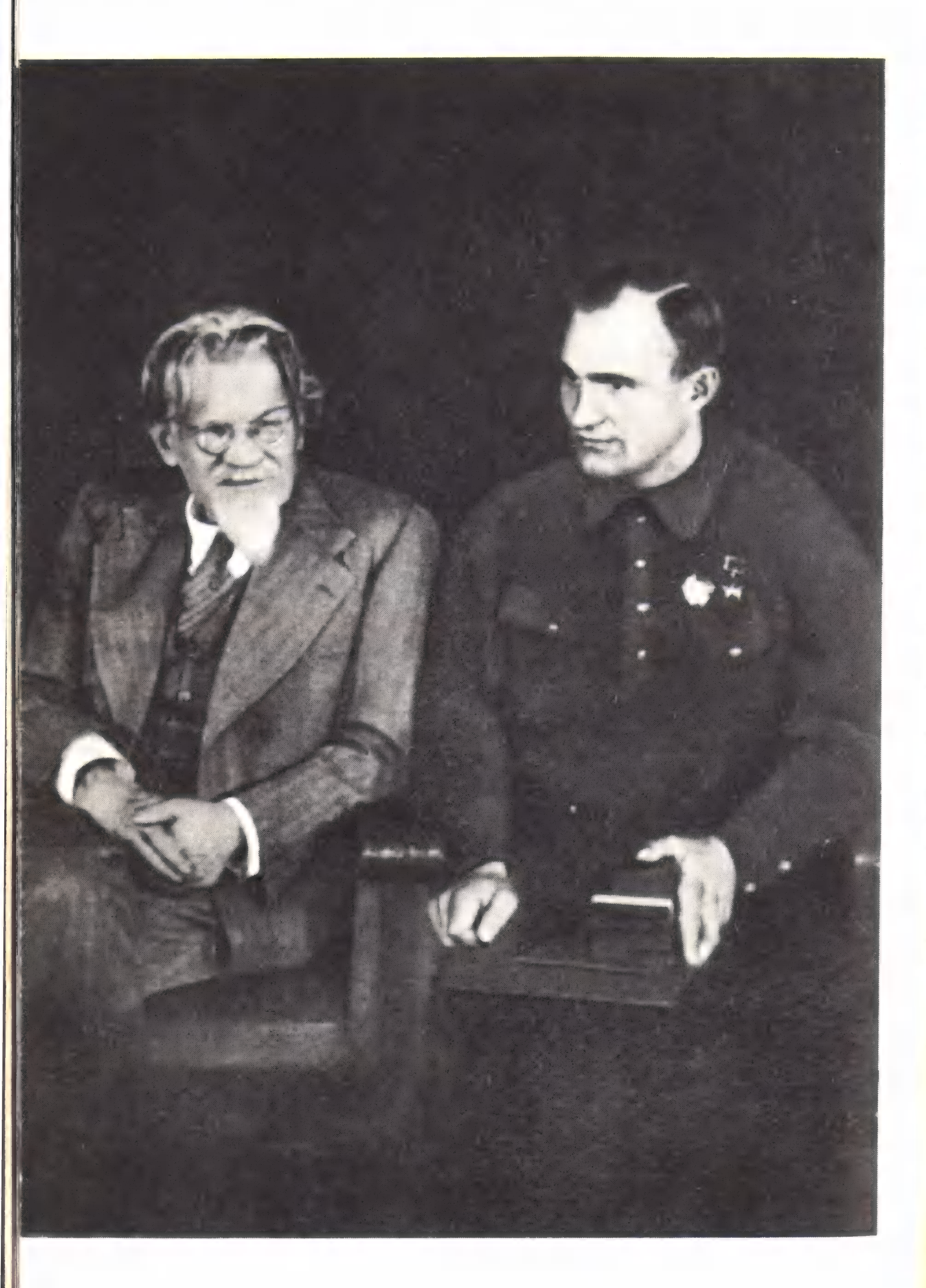

Колодец в катакомбах (см. «Всегда с народом»).

Тамара Шестакова (слева), В. А. Молодцов (Бадаев) и Тамара Межигурская во дворе тюрьмы румынской королевской разведки (см. «Всегда с народом»).

Один из входов в катакомбы в селе Нерубайском, где действовал отряд В. А. Молодцова. Экскурсию ведет бывшая связная Молодцова Г. П. Марцышек. Июль 1961 года (см. «Всегда с народом»).

М. И. Калинин и командир соединения партизанских отрядов в Брянских лесах Д. В. Емлютин в Кремле после вручения правительственных наград. 1942 год (см. «В поединке с врагом»).

Так зарождался партизанский отряд. Начальник Суржанского районного отдела НКВД Д. В. Емлютин выступает на митинге граждан района, призывая с оружием в руках бороться с фашистскими захватчиками. Лето 1941 года (см. «В поединке с врагом»).

Только что сформированный партизанский отряд в походе. Впереди командир отряда Д. В. Емлютин. Лето 1941 года (см. «В поединке с врагом»).

Командир партизанского отряда Герой Советского Союза Дмитрий Николаевич Медведев (см. «Медведевцы в Ровно»).

Выдающийся советский разведчик Николай Иванович Кузнецов перед вылетом в тыл врага, в партизанский отряд Д. Н. Медведева (см. «Медведевцы в Ровно»).

Письмо Н. И. Кузнецова брату Виктору перед отправкой в тыл врага.

24/VIII 42 Дорогой брату Витя!
(Досвидания), после победоносного окончания войны, Смерть немецким оккупантам!
Будь здоров, счастлив, желаю успеха в борьбе против немцев если окажусь в Москве то напишу до востр. центр. почтам.
(Жму[illegible]) твой брат Николай

Дом, где помещалась резиденция гаулейтера Эриха Коха в Ровно (см. «Медведевцы в Ровно»).

Слева направо: Н. Гнидюк, представитель фирмы «Тодт», эсэсовец Р. Шлезвинг, Н. Кузнецов, Я. Каминский, И. Приходько. Ровно. 1943 год (см. «Медведевцы в Ровно»).

Рекомендация в партию, которую дал Н. А. Гнидюку командир отряда Д. Н. Медведев осенью 1944 года (см. «Медведевцы в Ровно»).

Рекомендация.

Я, член ВКП(б) с 1920 года, п/б № 2081600, Медведев Дмитрий Николаевич знаю тов. Гнедюка Николая Акимовича с июня м-ца 1942 года по настоящее время.

Тов. Гнедюк в июне м-це 1942 года добровольно пошел во вражеский тыл где, будучи разведчиком оперативной группы НКГБ СССР, проводил большую работу по выполнению особых заданий в глубоком тылу врага и проявил при этом презрение к смерти и бесстрашие.

За образцовое выполнение боевых заданий в глубоком вражеском тылу тов. Гнедюк Н.А. награжден орденом Красной Звезды, медалью „Партизану Отечественной войны" 1-й степени и представлен к награждению орденом Отечественной Войны 2-й степени.

Рекомендую принять тов. Гнедюка Н.А. в действительные члены ВКП(б) и не сомневаюсь в том, что высокое звание члена Великой Партии Ленина он с честью оправдает как на работе, так и в бою.

Член ВКП(б) с 1920 года п/б № 2081600

11/X-1944 г.

г. Москва

[signature]

Заместитель начальника Черновицкого областного управления НКВД гвардии майор Алексей Иванович Меняшкин. Погиб 23 сентября 1944 года (см. «Сердце чекиста»).

Заместитель начальника Черновицкого управления государственной безопасности гвардии майор Михаил Сергеевич Новожилов. Погиб 23 сентября 1944 года (см. «Сердце чекиста»).

Открытие памятника трем чекистам, погибшим в борьбе с украинскими буржуазными националистами. Декабрь 1968 года.

Начальник санчасти управлений НКВД и НКГБ по Черновицкой области капитан Петр Федорович Большаков. Погиб 23 сентября 1944 года (см. «Сердце чекиста»).

Скала Трех Чекистов — место гибели А. И. Меняшкина, М. С. Новожилова и П. Ф. Большакова.

«Р
но
жо
се
ли
д

В:
о,
ш

Гр
об

Бе
по
щ
ко

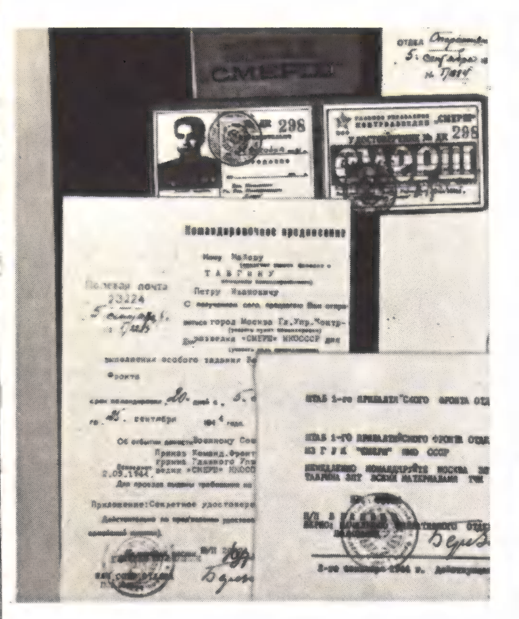
«Рельсовая война». Бойцы оперативно-чекистской группы готовят взрыв железнодорожного полотна, чтобы сорвать подвоз к фронту живой силы и техники противника (см. «Невидимый фронт»).

Взорванный партизанами мост. Еще одна вражеская коммуникация нарушена (см. «Невидимый фронт»).

Группа партизан после минирования объекта (см. «Невидимый фронт»).

Бойцы подрывной группы после выполнения боевого задания возвращаются на свою базу (см. «В поединке с врагом»).

Фиктивные документы, предъявленные Политовым (Тавриным) при его задержании (см. «Провал акции «Цеппелина»).

Фиктивные документы, предъявленные Шиловой при задержании (см. «Провал акции «Цеппелина»).

Сфабрикованные вырезки из газет о награждении Политова (Таврина) орденом Красного Знамени. Фотографии агентов немецко-фашистской разведки Политова (Таврина) и Шиловой (см. «Провал акции «Цеппелина»).

СЕКРЕТНО.

УДОСОВЕРЕНИЕ

Пред"явитель сего мл.лейтенант адм. службы ШИЛОВА Лидия Яковлевна, секретарь-машинистка О.К.Р. «СМЕРШ» 39-й армии, действительно следует гор. МОСВА-Главное Управление Контрразведки «СМЕРШ» НКО СССР, для выполнения работ связаных с командировкой Зам. Нач-ка ОКР«СМЕРШ» майора Таврина П.И. согласно приказа Командующего Фронтом за № 078/Р.

Срок командировки предусмотрен, как указано в командировачном предписании.

Удостоверение действительно при пред"явлении удостоверения личности серия ЯО за № 01024.

ОСНОВАНИЕ: Приказ № 079/Р и телеграмма ГУК «СМЕРШ» НКО за № 01024.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 1-Г О ПРИБАЛТ.ФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК /КУРАСОВ/

ециального задания Правительства

1. Майора Афонского
2. Подполковника Бел
3. Младшего лейтенан
Техника-лейтнанта

Указ Президиума В

О награждении орденами и медалям
и вольнонаемн

За отличное выполнение специального задания Правительства наградить:

ОРДЕНОМ СУВОРОВА ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ

Генерал-майора авиации Грачева Виктора Георгиевича.

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

Инженер-капитана Каменева Григория Ивановича.

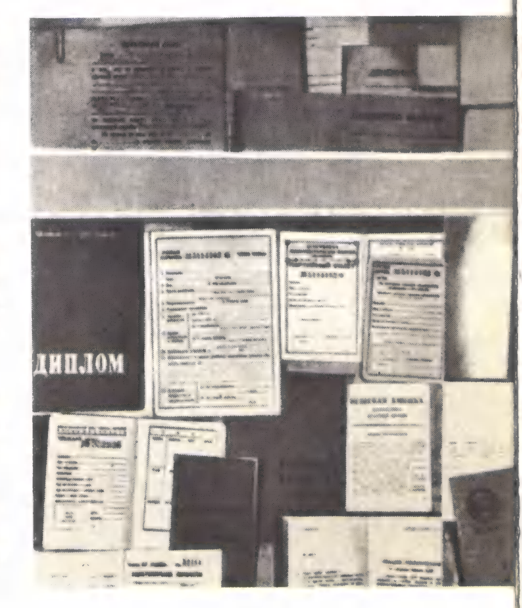
ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

1. Подполковника Асафьева Федора Вас
2. Капитана Веревкина Василия Степано
3. Майора Громова Александ... Николаев
4. Капитана Таврина Петра

ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕН

1. Гвардии майора Андрее
2. Младшего техника-лейт
3. Гвардии майора Бараб
4. Старшего лейтенанта
5. Капитана Браво Хозе
6. Капитана Вагапова И
7. Майора Воскресенско
8. Майора Евдокименко
9. Генерал-майора авиа... на.
10. Подполковника Зотова ... на Ивановича
11. Старшину Книгина Александра ... ндровича.
12. Старшего техника-лейтенанта Колесникова ... лаевича.
13. Капитана Котырева Михаила ... Колесникова Петра

Комплект букв с приспособлениями для набора, ручной металлический пресс для паспортов, металлические штампы полевых почт, оттиски печатей и штампов различных советских воинских частей, которыми были снабжены Политов (Таврин) и Шилова (см. «Провал акции «Цеппелина»).

Специальный аппарат «Панцеркнакке», которым был снабжен Политов (Таврин) для совершения террористического акта над представителями советского Главнокомандования (см. «Провал акции «Цеппелина»).

Автоматический пистолет и комплект отравленных разрывных пуль к нему, отобранные у Политова (Таврина) (см. «Провал акции Цеппелина»).

Незаполненные бланки советских документов, обнаруженные у Политова (Таврина) и Шиловой (см. «Провал акции «Цеппелина»).

А К Т

Места погребения труппов Адольфа ГИТЛЕРА
и его жены.

года, мая " 13 " дня. г. БЕРЛИН.

Мы, ниже подписавшиеся начальник отдела контр-
дки " СМЕРШ " 79 стрелкового корпуса подполковник
НКО, старший следователь отдела контрразведки " СМЕРШ "
релкового корпуса и он же переводчик старший лейтенант
ЕВ, начальник топографической службы 79 стрелкового
са гвардии майор ГАБЕЛОК, фотокорреспондент 79 стрелко-
корпуса младший лейтенант КАЛАШНИКОВ, рядовые отдельно-
релкового взвода при отделе контрразведки " СМЕРШ " 79
кового корпуса ОЛЕЙНИК, ЧУРАКОВ, НАВАШ, МЯЛКИН, с учас-
опознавателя МЕНГЕСХАУЗЕНА Харри, сего числа осмотрели
погребения труппов Рейхсканцлера Германии Адольфа
РА и его жены.

Опознаватель МЕНГЕСХАУЗЕН Харри заявил, что он
по 30 апреля 1945 года, проходя службу в группе войск
" МУНДТКЕ, участвовал в защите территории имперской
лярии и непосредственной охране Адольфа ГИТЛЕРА.

В полдень 30 апреля 1945 года МЕНГЕСХАУЗЕН нес
льную службу непосредственно в здании новой имперской
елярии, проходя непосредственно по коридору мимо рабочей
ты ГИТЛЕРА до Голубой Столовой.

Патрулируя по указанному коридору, МЕНГЕСХАУЗЕН
овился у крайнего окна Голубой Столовой, что первое от
лой двери в сад, и начал наблюдать за движением в саду
ской канцелярии.

штурм[illegible] запасного выхода «бункера»
ГЮНШЕ и [illegible] вынесли тела Адольфа
РА "и его жены Ифи БРАУН, бывший личный секретарь. Это
ересовало МЕНГЕСХАУЗЕНА и он начал внимательно наблюдать
оисходящим.

Личный адъютант ГИТЛЕРА ГЮНШЕ облил тела бензином
ог. В течение получаса тела ГИТЛЕРА и его жены были сож-
и занесены в воронку от снаряда, которая была примерно в
метре от вышеупомянованного запасного выхода и закопаны.

Всю процедуру выноса, сожжения и погребения
ов Адольфа ГИТЛЕРА и его жены МЕНГЕСХАУЗЕН наблюдал сам
на расстоянии 60 метров.

что в указанной воронке
собака ГИТЛЕРА. Ее при-
, спина черная, бока
ециально ухаживал за
о она была отравлена

знавателем МЕНГЕСХА-
оказаний: во время
ЕСХАУЗЕН мог из окна
происходящим у запас-
более правдивы пока-
ки из названной им
извлечены обгоревшие
них собаки, которые
надлежавшие ГИТЛЕРУ

наружения труппов
званных опознавателем

ект в г. БЕРЛИНЕ

/ КЛИМЕНКО /

/ КАТЫШЕВ /

/ ГАБЕЛОК /

/КАЛАШНИКОВ/

/ ОЛЕЙНИК /

/ ЧУРАКОВ /

/ НОВАШ /

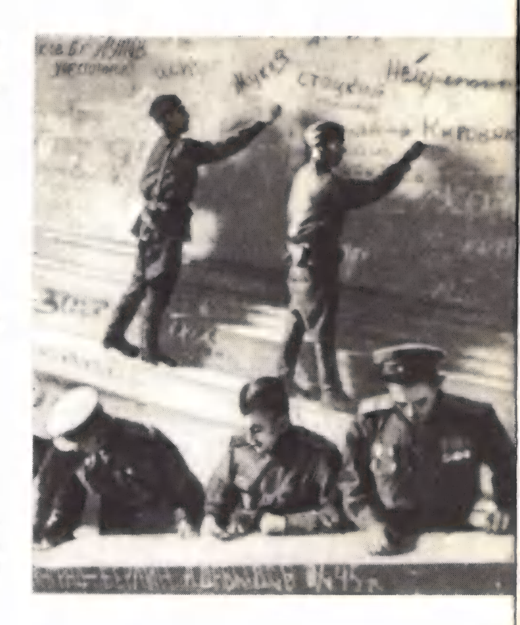
/ МЯЛКИН /

МЕНГЕСХАУЗЕН /

[illegible]

Акт специальной комиссии об установлении факта смерти фашистского главаря Адольфа Гитлера (см. «Как был найден труп Гитлера»).

Бойцы и командиры Советской Армии расписываются на стенах рейхстага.

Капитан Дерябин и рядовой Ципочкин выкапывают засыпанный в воронке труп Гитлера (см. «Как был найден труп Гитлера»).

1 р. 14 к.

